ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3(9)
2018

ISSN2500-3372 (print)
ISSN 2542-1190 (online)

СЕРИЯ:
Политические, социологические
и экономические науки

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2018 № 3(9)

Серия: Политические, социологические и экономические науки *Издается с 2016 года*

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Редакционная коллегия:
Антонов К. А., д-р социол. наук, НГТУ (Новосибирск, Россия).
Зеленин А. А., д-р полит. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Косинский П. Д., д-р экон. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, профессор Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).
Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор КемГУ (Кемерово, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, профессор, ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск. Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2018 no 3(9)

Series: Political, Sociological and Economic Sciences *Founded in 2016*

Founder: Kemerovo State University

Editor-in-Chief: *E. A. Morozova,* Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
K. A. Antonov, Dr. of Sociology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
A. A Zelenin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. Philosophy. Sciences, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
P. D. Kosinski, Dr. of Economics, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. V. Omelichkin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
G. S. Solodova, Dr. Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk. Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки
Научный журнал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, тел. 8(3842) 58-13-01

Сайт издания: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94233

Объединенная редакционная коллегия:
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания. Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences
Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67376

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., Tel.: 8 (3842) 58-13-01

Web-site: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Subscription indices:
94233 – in the United catalogue "The Press of Russia"

United editorial board:
B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair; *O. O. Babich*, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the «Russian Science Citation Index».

Information for Authors published on the website Edition. Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

Статьи, опубликованные в данном номере журнала, представлены в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: «Моногорода».
Конференция проводится при поддержке гранта РФФИ 18-010-20017 Г.

The current issue features research papers presented at the Applied Research Conference «Regional Development: Economy and Society. One-industry Cities» funded by the Russian Foundation for Basic Research, grant № 18-010-20017 G.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Механизм системной координации и согласования параметров развития территорий регионов и муниципалитетов
Василенко В. Н. *6*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Условия и факторы семейного благополучия моногорода: производственные аспекты
Альбрехт О. А., Тараданов А. А. *16*

Социальные проблемы монопрофильных муниципальных образований Арктической зоны на примере г. Мончегорск
Зайцев Д. В. *28*

Качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития моногородов
Морозова Е. А. *35*

Повышение качества жизни в моногородах на основе развития сельского хозяйства
Оборин М. С., Кожушкина И. В. *42*

Общественное здоровье сибирских регионов
Пастухова Е. Я., Кияйкина Т. С. *48*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

О координации процессов стратегического планирования субъекта Российской Федерации и моногородов, расположенных на его территории
Антипин И. А. *55*

Регионы с высокой концентрацией моногородов: проблемы повышения качества данных
Антонова И. С. *62*

Анализ человеческого капитала региона
Бабина С. И., Садовникова И. Ю. *69*

Развитие конкуренции на региональных потребительских рынках: восприятие потребителей
Бреусова А. Г., Чернобаева Г. Е. *75*

Научная система представлений о регионе
Василенко Д. В. *81*

Кластерный подход в управлении человеческим капиталом в интересах инновационного развития региона
Джумаева Р. А., Гаджиев Э. М., Стяжкина Е. И. *87*

Факторы и потенциал устойчивого развития мегарегиона
Дробкова О. С. *94*

Территориальное проектирование как маркетинговый фактор повышения привлекательности моногородов
Завьялова Е. А., Котова О. Н., Лысенко Е. А. *101*

Управление спортивной инфраструктурой моногорода на основе концепции фасилити менеджмента
Литвин А. В., Ложкина А. П., Михайлов Н. Э. *108*

Стратегия эко-реурбанизации для моногородов
Медведева Л. Н., Старовойтов М. К., Гончарова Е. В., Гаврилова О. А. *113*

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

The Mechanism of Systematic Coordination and Harmonization of Parameters of Development in Regions and Municipalities
Vasilenko V. N. *14*

SOCIOLOGY SCIENCE

Conditions and Factors of Family Well-Being in Monotowns: Industrial Aspects
Albrecht O. A., Taradanov A. A. *26*

Social Problems of Arctic Single-Industry Towns: Monchegorsk Case Study
Zajcev D. V. *33*

Living Standards as Indicator of Socio-Economic Development of Single-Industry Towns
Morozova E. A. *40*

Agricultural Development as Basis for Living Standard Improvement in Single-Industry Towns
Oborin M. S., Kozhushkina I. V. *46*

The Public Health of the Siberian Regions
Pastukhova E. Ya., Kiyaykina T. S. *53*

ECONOMICS SCIENCE

Coordination of Strategic Planning Processes in the Regions and Monocities of the Russian Federation
Antipin I. A. *60*

Regions with High Concentration of Single-Industry Towns: Problems of Data Quality Improvement
Antonova I. S. *67*

Analysis of the Human Capital of the Region
Babina S. I., Sadovnikova I. Y. *73*

Competition Support on Regional Markets: Consumers' Perception
Breusova A. G., Chernobaeva G. E. *79*

Scientific System of Representations: the Concept of the Region
Vasilenko D. V. *85*

Cluster Approach to the Human Capital Management for the Benefit of Innovative Regional Development
Dzhumaeva R. A., Gadzhiev E. M., Stiazhkina E. I. *92*

Factors and Potential for Sustainable Development of a Megaregion
Drobkova O. S. *100*

Territorial Design as a Marketing Factor to Increase the Attractiveness of Single-Industry Towns
Zavyialova E. A., Kotova O. N., Lysenko E. A. *106*

Sports Infrastructure Management of the City Based on the Concept of Facility Management
Litvin A. V., Lozhkina A. P., Mikhailov N. E. *112*

Strategy of Ecological Re-urbisation for Single-Industry Towns
Medvedeva L. N., Starovoitov M. K., Goncharova E. V., Gavrilova O. A. *118*

Демографический потенциал моногородов Кемеровской области как составляющая качества жизни
Мухачёва А. В. ***120***
Проблемы развития сферы твердых коммунальных отходов муниципального образования
Павленков М. Н., Воронин П. М. ***130***
Взаимосвязь развития экономики ресурсного региона и эффективности института государственно-частного партнерства
Пахомова Е. О., Каган Е. С. ***140***
О разработке типовых моделей (рекомендаций) развития отдельных территорий с высокой концентрацией промышленного потенциала
Пигунова М. В. ***149***
Устойчивость развития моногородов: новое измерение
Пыжев А. И., Сырцова Е. А., Гордеев Р. В. ***157***
Решение проблем градообразующих предприятий как перспектива развития моногородов
Смирнова Т. А. ***162***
Механизм взаимодействия власти и бизнеса в социально-экономическом развитии моногорода
Старикова Л. Н., Трапезникова И. С. ***168***
ТОСЭР: статус присвоен – что дальше?
Хабибрахимов А. Ж. ***176***
Особенности развития малых городов России в условиях экологического кризиса на примере города Карабаш Челябинской области
Шнейдмиллер Н. Ф., Мамедов Г. Р. ***183***

Demographic Potential of the Single-Industry Towns in the Kemerovo Region as a Component of the Quality of Life
Mukhacheva A. V. ***129***
Development Issues of Solid Municipal Waste Sphere within an Urban Community
Pavlenkov M. N., Voronin P. M. ***138***
Interdependence between the Economic Development and the Effectiveness of Public-Private Partnership in a Resource Region
Pakhomova E. O., Kagan E. S. ***147***
Standard Models (Recommendations) of Development for Territories with High Concentration of Industrial Potential
Pigunova M. V. ***155***
Sustainable Development of Single-Industry Towns: New Measurement
Pyzhev A. I., Syrtsova E. A., Gordeev R. V. ***160***
Rational Management of Town-Forming Industrial Comexes as an Instrument for Sustainable Development of Monotowns
Smirnova T. A. ***166***
Power and Business Interaction Mechanism in the Socio-Economic Development of a Single-Industry Town
Starikova L. N., Trapeznikova I. S. ***174***
Advanced Social and Economic Development Areas (ASEDA): status assigned – what's next?
Khabibrahimov A. Zh. ***181***
Development Characteristics of Small Russian Towns in the Conditions of Ecological Crisis: the Case of Karabash (Chelyabinsk Region)
Shneidmiller N. F., Mamedov G. R. ***189***

УДК 323.21

МЕХАНИЗМ СИСТЕМНОЙ КООРДИНАЦИИ И СОГЛАСОВАНИЯ ПАРАМЕТРОВ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

Валерий Н. Василенко[1, @]

[1] *Институт экономических исследований Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики, 83048, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 77*
[@] *bulava1953@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: развитие территорий, регион, муниципалитет, механизм системной координации, многоуровневая система стратегического планирования.

Аннотация: Показана практика согласования стратегических целей и задач в документах стратегического планирования регионального развития. Механизм системной координации и согласования параметров развития разных территорий призван учитывать реальные экономические интересы государства, регионов, населенных пунктов и отдельных граждан. В иерархическом отношении такой механизм системной координации и согласования может быть представлен как многоуровневая система: верхний уровень – государственный, на котором согласовываются параметры развития как страны в целом, так и отдельных областей (регионов) и отраслей (видов экономической деятельности в масштабах страны). Следующий уровень – региональный, на котором согласовываются параметры развития региона в целом и отдельных территорий соответствующего подчинения. И базовый уровень – местный, на котором согласовываются параметры развития конкретных территорий с учетом интересов как территориального сообщества, так и отдельных граждан. При этом важным условием такого согласования становятся как вертикальная, так и горизонтальная составляющие их территориального измерения.

Для цитирования: Василенко В. Н. Механизм системной координации и согласования параметров развития территорий регионов и муниципалитетов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 6–15. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-6-15.

Последние годы можно охарактеризовать как период усиления противоречий как по вертикали управления (властных полномочий) между государством и регионами, между регионами и отдельными административно-территориальными образованиями, так и по горизонтали общественных отношений между муниципалитетами одного уровня. Эти противоречия обостряются из-за отсутствия в необходимых объемах экономических ресурсов (природных, трудовых, материальных, финансовых и пр.), потребность в которых постоянно возрастает. Для одних регионов такая проблема могла бы не стоять, но через вмешательство государства (с целью выравнивания экономических условий жизнедеятельности) посредством изъятия некоторого «излишка» таких ресурсов она появляется на горизонте, и борьба с нею превращается в поединок с «ветряными мельницами». Особенно это характерно для промышленно развитых регионов, что делает их с каждым годом все слабее и слабее в экономическом отношении.

Все попытки найти «золотой ключик» от двери, которая бы привела к всеобщему, если не благоденствию, то хотя бы к процветанию, пока что оказываются безуспешными. Широкий спектр экономических интересов и их носителей не позволяет консолидировать соответствующие усилия хотя бы на самых приоритетных направлениях регионального развития, которые, в свою очередь, не могут быть определены из-за разногласий различных групп населения (управленцев, бизнес-сообщества, экспертного сообщества, институтов гражданского общества, простых людей и др.) в возможных его целях и задачах. Все время мы становимся свидетелями перманентной борьбы за выживание: борьба всех со всеми превратилась в самоцель существования нашего современного общества. Вместо того чтобы искать резервы в развитии регионов и муниципальных образований, идет перманентный поиск резервов возможных методов ведения такой борьбы: законодательная база «пухнет» от нормотворчества, а нужных результатов все нет. Вместо поиска пути более рационального использования имеющихся в наличии природных, материальных, трудовых и финансовых ресурсов посредством консолидации усилий идет «забег» на выживание (в чистом виде по социал-дарвинизму), в том числе на территориальном и межтерриториальном уровнях [1].

Представляется, что действенным механизмом системной координации и согласования параметров развития территорий могла бы стать многоуровневая система стратегического планирования регионально-

го развития. Формирование многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития предполагает, во-первых, определение возможных контуров системы стратегического планирования регионального развития и, во-вторых, перечня документов стратегического планирования регионального развития. Под контурами системы стратегического планирования регионального развития надо понимать границы реализации мер (по уровням их принятия и срокам исполнения) по достижению целей и приоритетов (задач) регионального развития, содержащихся в документах стратегического планирования. Документы стратегического планирования разрабатываются и утверждаются государственными органами власти и органами местного самоуправления в соответствии с требованиями, установленными в нормативно-правовых актах государства [2–4], территориальных органов с целью обеспечения стратегического развития страны и ее регионов.

Необходимость в разработке многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития диктуется самой жизнью. Если проанализировать миссию, цели и задачи перспективного развития отдельных региональных образований в контексте их согласованности и взаимных связей, то окажется, что многие из них не коррелируют между собой. В качестве примеров рассмотрены документы стратегического развития Ростовской области Российской Федерации.

В Ростовской области на сегодняшний день находится в стадии реализации «Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года» (в редакции постановления Законодательного Собрания Ростовской области от 24.11.2011 № 1752) [5]. Параллельно с этим была разработана и реализована «Программа социально-экономического развития Ростовской области на 2013–2016 годы» (утвержденная Областным законом от 03.12.2012 № 987-ЗС) [6]. Кроме того, на уровне отдельных муниципальных образований также разрабатывались аналогичные программы. Так, в г. Таганрог была разработана и реализована «Программа социально-экономического развития муниципального образования «Город Таганрог» на 2013–2016 годы» (принята Городской Думой г. Таганрога (Ростовская обл.) 25 декабря 2012 года № 505) [7]. В данном случае обе программы социально-экономического развития выступали инструментом реализации Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2020 года.

В Стратегии социально-экономического развития миссия Ростовской области определялась следующим образом: стать управленческим и инновационно-технологическим центром Юга и части Центрально-Черноземного региона России, а также граничащих с ней территорий СНГ, обеспечивающим устойчивое экономическое и пространственное развитие, высокий уровень и качество жизни населения Ростовской области.

Стратегические цели и задачи долгосрочного социально-экономического развития Ростовской области представлены в трех срезах:

1. Повышение конкурентоспособности экономики Ростовской области: развитие ключевых комплексов и секторов экономики; инфраструктурного развития территории (транспортно-логистической, энергетической инфраструктуры); развитие сферы услуг; снижение уровня дотационности.

2. Пространственное развитие региона: развитие Ростовско-Шахтинской конурбации, Волгодонской системы расселения и приграничных территорий Ростовской области в рамках Еврорегиона «Донбасс»; повышение устойчивости системы расселения региона; снижение дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований.

3. Повышение качества жизни населения: повышение капитализации человеческих ресурсов; обеспечение сбалансированности рынка труда в регионе, в том числе модернизация системы профобразования в соответствии с запросами рынка труда; улучшение демографической ситуации; обеспечение роста уровня потребления и повышение инфраструктурной обеспеченности социальной сферы выше среднероссийского; обеспечение охраны окружающей среды и экологической безопасности.

В свою очередь стратегическими целями и задачами Программы социально-экономического развития Ростовской области на 2013–2016 годы были определены:

1. Повышение качества жизни населения: повышение доходов населения; сохранение и улучшение здоровья населения; улучшение демографической ситуации; обеспечение охраны окружающей среды и экологической безопасности.

2. Повышение конкурентоспособности экономики: создание современных, высокотехнологичных, конкурентоспособных производств и модернизация существующих предприятий; инфраструктурное развитие территории (транспортно-логистическая, энергетическая инфраструктура); развитие розничной торговли и сферы услуг; повышение инвестиционной привлекательности.

В это же время стратегическими целями и задачами Программы социально-экономического развития муниципального образования «Город Таганрог» на 2013–2016 годы были определены:

1. Повышение уровня благосостояния и обеспечение благоприятных условий жизни населения города Таганрога: создание условий для роста реальных денежных доходов населения и эффективной занятости трудоспособного населения; обеспечение экологической безопасности городской среды; интенсивное развитие общественной (инженерной, транспортной и социальной) инфраструктуры для формирования комфортной среды проживания населения города, отвечающей современным требованиям; наращивание темпов роста жилищного строительства, в том числе жилищного фонда социального использования; повышение уровня благоустройства городских территорий; обеспечение социальной стабильности в городе и развития человеческого потенциала; вовлечение широких слоев населения в массовый спорт, популяри-

зация здорового образа жизни; вовлечение молодежи в общественную и социально-культурную жизнь города; развитие территориального общественного самоуправления, общественных организаций; обеспечение безопасности населения.

2. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития города Таганрога как одного из крупных промышленных городов и центров развития Ростовской области: укрепление экономического потенциала города, создание организационных условий для устойчивого экономического роста; создание условий для реализации имеющегося курортно-рекреационного потенциала города; обеспечение устойчивости финансов и рационального распределения финансовых ресурсов по приоритетным направлениям; обеспечение высокой эффективности использования муниципального имущества и муниципальных земель как основы увеличения неналоговых поступлений; совершенствование действующей системы муниципального управления, внедрение инновационных методов в административную систему управления городом; обеспечение предоставления эффективных муниципальных услуг, внедрение системы электронного предоставления муниципальных услуг.

Результаты сравнительного анализа миссии, стратегических целей и задач Стратегии социально-экономического развития и Программы социально-экономического развития Ростовской области позволяют утверждать о том, что, во-первых, миссия выписана весьма витиевато, хотя и отражает в себе стратегические цели и задачи перспективного развития области. Во-вторых, совпадение стратегических целей наблюдается в двух случаях из трех (первая цель – повышение конкурентоспособности экономики и третья цель – повышение качества жизни населения). При этом такая заявленная в стратегии цель, как пространственное развитие региона не нашла своего воплощения в программе. В-третьих, из пяти стратегических задач, направленных на достижение стратегической цели повышения качества жизни населения, в программе нашли свое отражение только две. В-четвертых, из пяти стратегических задач, направленных на достижение стратегической цели повышения конкурентоспособности экономики области, в программе нашли свое отражение четыре задачи.

Результаты сравнительного анализа миссии, целей и задач Стратегии социально-экономического развития, Программы социально-экономического развития Ростовской области и Программы социально-экономического развития муниципального образования «Город Таганрог» позволяют утверждать о том, что в последнем документе, во-первых, стратегические цели развития города претерпели определенную трансформацию. Во-вторых, из десяти стратегических задач, направленных на повышение уровня благосостояния и обеспечение благоприятных условий жизни населения города, лишь около трети коррелируют с задачами, определенными на областном уровне. В-третьих, из шести стратегических задач, направленных на обеспечение устойчивого социально-экономического развития города, около половины согласуются с задачами, определенными на областном уровне.

Следовательно, можно сделать некоторое допущение, что разработчики Программы социально-экономического развития Ростовской области и Программы социально-экономического развития муниципального образования «Город Таганрог» не посчитали нужным строго придерживаться логики Стратегии социально-экономического развития Ростовской области и отошли от принятой в ней схемы. Это было бы допустимо, если бы не «потерялась» такая важная стратегическая цель, как «Пространственное развитие региона». Данное обстоятельство может свидетельствовать о нестрогом соблюдении положений стратегии при разработке инструментария ее реализации, что может быть квалифицировано как некоторая вольность.

Для того чтобы не возникали такие «недоразумения» при разработке системы документов стратегического планирования и соблюдалось единство в их содержании, как раз и предлагается формирование многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития [8, с. 358–377].

Главной целью формирования многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития является обеспечение тесных связей и отношений между содержанием документов стратегического планирования и неразрывного их единства с экономическим и социальным положением регионов [9]. При этом основными задачами формирования многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития выступают:

− пространственно-временная декомпозиция (расчленение) стратегических целей и приоритетов (задач) регионального развития по соответствующим документам стратегического планирования;

− структурирование решаемых проблем на составляющие и их решение посредством серии меньших задач;

− обеспечение тесной взаимосвязи между стратегическими направлениями (подцелями) и приоритетами (задачами) регионального развития по соответствующим документам стратегического планирования.

Предметом формирования многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития являются научно обоснованные методы, способы и подходы преодоления (нейтрализации) противоречий в общественных отношениях, относящихся к региональному развитию.

Субъектами формирования многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития выступают уполномоченный центральный орган государственной власти (правительство, профильные министерства, ведомства), государственные органы власти, органы местного самоуправления, их объединения, экспертные сообщества (представители науки и бизнес-сообщества), крупные субъекты хозяйствования.

Объектом формирования многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития выступают экономические и социальные процессы, протекающие в масштабах отдельной территории и касаю-

щиеся обеспечения условий жизнедеятельности как населения, так и предприятий, организаций и учреждений.

Формирование многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития должно отвечать следующим принципам:

– целостности, что предполагает ее рассмотрение как единого целого, качество которого не может быть сведено к особенностям ее отдельных составляющих;

– всесторонности, что предполагает необходимость учета всех внутренних связей и отношений, которые возникают в процессе выработки мер и решений по стратегическому планированию;

– системообразования, что предполагает необходимость установления основных связей между основными элементами документов стратегического планирования;

– субординации (подчиненности), что позволяет рассматривать иерархию многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития по четко обозначенным критериям;

– динамичности, что позволяет отображать региональные ситуации и проблемы как непрерывно изменяющиеся;

– предупредительного отображения, что позволяет не только констатировать наличие проблемных ситуаций, но и прогнозировать их возможное состояние в будущем.

Временной горизонт реализации документов стратегического планирования развития региона должен определяться таким образом, чтобы могли наблюдаться видимые контуры изменений, которые будут происходить в характере протекания процессов или явлений.

Для реализации документов долгосрочного стратегического планирования развития региона может устанавливаться период в 7–10 лет, для среднесрочного стратегического планирования развития региона и муниципалитетов может устанавливаться период в 3–5 лет и для текущего планирования развития региона и муниципалитетов может устанавливаться период в 1 год.

Основу иерархии многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития должна составлять пространственно-временная декомпозиция (расчленение) стратегических целей и приоритетов (задач) регионального развития по соответствующим документам стратегического планирования (этапам их разработки, согласования и реализации). Пространственно-временная декомпозиция представляет собой научный метод, использующий структуру решаемой задачи и позволяющий заменять решение одной большой задачи решениями серии мелких задач, пусть и взаимоувязанных, но более простых. Декомпозиция как процесс расчленения позволяет рассматривать любую исследуемую систему как сложную, состоящую из отдельных взаимосвязанных подсистем, которые, в свою очередь, также могут быть расчленены на части. При этом в качестве системы могут выступать не только материальные объекты, но и процессы, явления и понятия.

В иерархичном отношении многоуровневая система стратегического планирования регионального развития может быть разложена на четыре уровня [10].

Первый (верхний) уровень – государственный, на котором разрабатываются и реализовываются документы, в которых содержится описание наиболее важных установок развития страны, отдельных регионов и отдельных видов экономической деятельности на долгосрочную перспективу (от 7 до 20 лет).

Второй уровень – региональный стратегический или долгосрочный, на котором разрабатываются и реализовываются документы, в которых содержится описание наиболее важных целей, стратегических направлений и возможных приоритетов развития регионов и отдельных видов экономической деятельности на долгосрочную перспективу (от 7 до 10 лет).

Третий уровень – региональный тактический или муниципальный среднесрочный, на котором разрабатываются и реализовываются документы, в которых содержится описание подцелей (стратегических направлений) и приоритетов развития регионов, муниципалитетов и отдельных видов экономической деятельности на среднесрочную перспективу (от 3 до 5 лет).

Четвертый уровень – оперативный (базовый), на котором разрабатываются и реализовываются документы, в которых содержится описание приоритетов развития региона и муниципалитета на ближайшую перспективу (1 год).

На рисунке показана формализованная многоуровневая система (примерная) стратегического планирования развития территории (государства, региона и муниципалитета).

На первом уровне системы стратегического планирования регионального развития (на государственном уровне) основными документами стратегического планирования выступают государственная доктрина регионального развития, концепция долгосрочной стратегии территориального развития государства, долгосрочный прогноз экономического и социального развития государства, стратегический план экономического и социального развития государства, государственные целевые (приоритетные) программы развития отдельных (или нескольких) видов экономической деятельности и др.

Стратегические направления и возможные приоритеты территориального развития государства определяются исходя из проводимой государственной экономической (внешней и внутренней) политики.

Стратегические направления (измеряемые целями долгосрочной стратегии развития) территориального развития государства устанавливаются исходя из структурирования решаемых проблем и их решения посредством серии меньших (конкретных) задач. Их количество зависит от сложности решаемых проблем территориального развития государства и ресурсных возможностей национальной экономики.

Возможные приоритеты (измеряемые подцелями долгосрочной стратегии) территориального развития государства устанавливаются исходя из структурирования решаемой серии конкретных задач. Их количество зависит от сложности решаемой серии конкретных задач и ресурсных возможностей национальной экономики. В зависимости от появления угроз, рисков либо вызовов в территориальном развитии государ-

Государственный уровень многоуровневой системы стратегического планирования развития территорий

$$\sum_{i=1}^{n} Z_A \rightarrow$$ цель долгосрочной стратегии территориального развития государства

$$Z_{A\in[1;n]} = \sum_{i=1}^{m} Z_B \rightarrow$$ подцель долгосрочной стратегии является целью стратегического плана социально-экономического развития государства

$$Z_{A\in[1;n]} = \sum_{i=1}^{p} Z_C \rightarrow$$ подцель долгосрочной стратегии является целью государственной целевой программы отдельных видов экономической деятельности

Региональный стратегический уровень многоуровневой системы стратегического планирования развития территорий

$$\sum_{i=1}^{k} Z_D \rightarrow$$ цель долгосрочной стратегии развития территории региона

$$Z_{D\in[1;k]} = \sum_{i=1}^{q} Z_E \rightarrow$$ подцель долгосрочной стратегии является целью стратегического плана социально-экономического развития территорий

$$Z_{D\in[1;k]} = \sum_{i=1}^{r} Z_F \rightarrow$$ подцель долгосрочной стратегии является целью территориальной целевой программы развития

Региональный тактический и муниципальный среднесрочный уровень многоуровневой системы стратегического планирования развития территорий

$$\sum_{i=1}^{s} Z_G \rightarrow$$ цель среднесрочной стратегии развития территорий региона (муниципалитета)

$$Z_{G\in[1;s]} = \sum_{i=1}^{u} Z_H \rightarrow$$ задачи среднесрочной стратегии являются целью среднесрочного стратегического плана развития территорий

$$Z_{G\in[1;s]} = \sum_{i=1}^{v} Z_I \rightarrow$$ задачи среднесрочной стратегии являются целью инвестиционных проектов,

где Z,A,B,C,D,E,F,G,H,I – задачи, которые необходимо решить для достижения поставленных целей;
n, m, p, k, q, r, s, u, v – максимальное количество задач, которые необходимо решить для достижения той или другой цели.

Рис. Многоуровневая система (примерная) стратегического планирования развития территории (государства, региона, муниципалитета)
Fig. Multilevel system (approximate) of strategic planning for the development of the territory (state, region, municipality)

ства, количество стратегических направлений и возможных приоритетов может изменяться (уточняться) – увеличиваться или уменьшаться соответственно. Последовательность позиционирования стратегических направлений и возможных приоритетов территориального развития государства устанавливается с учетом важности решаемых проблем.

На втором уровне системы стратегического планирования развития регионов (региональном стратегическом) выступает долгосрочное стратегическое планирование. Основными документами долгосрочного стратегического планирования развития регионов могут выступать концепция долгосрочной стратегии развития региона, долгосрочный прогноз экономического и социального развития региона, стратегический план экономического и социального развития региона, региональная целевая (приоритетная) программа развития и др.

На втором уровне стратегические направления и возможные приоритеты территориального развития регионов определяются по аналогии с первым уровнем.

Таблица 1. Декомпозиция главной цели и основных задач долгосрочной Стратегии регионального развития
Table 1. Decomposition of the main goal and main tasks of the long-term Regional Development Strategy

Главная цель Стратегии	Основные задачи Стратегии
1	2
Повышение уровня и качества жизни населения региона	1. Повышение уровня общественной производительности труда в регионе
	2. Повышение уровня средней заработной платы работников
	3. Снижение уровня безработицы на трудоизбыточных территориях
	4. Увеличение продолжительности жизни населения региона
	5. Повышение образовательного уровня населения региона
	6. Развитие социальной инфраструктуры (социально-бытовой и культурно-бытовой) в регионе
	7. Другие задачи

В качестве примера декомпозиция главной цели и основных задач долгосрочной Стратегии регионального развития может быть представлена в следующем виде (таблица 1).

Как видно из содержания приведенной таблицы, и главная цель долгосрочной Стратегии, и основные ее задачи не только адекватны (реалистичны) запросам регионального социума, но и представляются измеримыми посредством конкретных показателей. При этом показатели измерения как главной цели, так и основных задач долгосрочной Стратегии регионального развития могут быть представлены как в абсолютных, так и в относительных величинах, что делает их воспринимаемыми всеми слоями населения. Например, повышение уровня общественной производительности труда в регионе может быть измерено таким показателем, как темп роста, выраженном в коэффициентах или в процентах (представляющих собой отношения двух уровней динамики). А повышение уровня средней заработной платы работников по региональному хозяйству может быть измерено в денежных единицах цены рабочей силы за определенный период времени.

Связь долгосрочного прогноза с долгосрочной стратегией регионального развития должна обеспечиваться согласованием показателей, при помощи которых могут быть оценены соответствующие цели и задачи. В таблице 2 приведены примеры согласования показателей, используемых для перспективной оценки отдельных положений долгосрочной Стратегии регионального развития и долгосрочного Прогноза этого развития.

Таблица 2. Согласование показателей долгосрочной Стратегии и долгосрочного Прогноза регионального развития
Table 2. Coordination of long-term Strategy indicators and long-term Regional Development Forecast

Долгосрочная Стратегия регионального развития (7–10 лет)		**Показатели долгосрочного Прогноза регионального развития (5–7 лет)**		
1	2	3	4	5
задача	показатель	оптимистический	умеренный	пессимистический
2. Повышение уровня средней заработной платы работников	50 000 *руб. / мес.*, или 125,0 %	50 000 *руб. / мес.*, или 125,0 %	45 000 *руб. / мес.*, или 112,5 %	41 000 *руб. / мес.*, или 102,5 %
4. Увеличение продолжительности жизни населения	75 лет, или 110,3 %	75 лет, или 110,3 %	73 лет, или 107,4 %	71 год, или 102,9 %

Тем самым в долгосрочном Прогнозе регионального развития определяются возможные варианты и количественное выражение результатов реализации основных задач долгосрочной Стратегии регионального развития.

Выбор одного из них становится основой сценария перспективного развития и будущего состояния региона через 7–10 лет. В этом случае достигается привязка основных показателей между собой, что делает задачи стратегии и прогноза согласованными. По истечении определенного времени (3–5 лет) долгосрочный прогноз должен рассчитываться заново (или уточняться) с учетом характера динамики основных экономических, социальных и экологических процессов, и в долгосрочную стратегию должны вноситься соответствующие коррективы (изменения и дополнения).

Связь стратегических планов регионального развития с долгосрочными прогнозами и долгосрочной стратегией регионального развития должна обеспечиваться согласованием отдельных показателей, при помощи которых могут быть измерены соответствую-

Таблица 3. Согласование показателей целей долгосрочной стратегии регионального развития и стратегического плана экономического и социального развития региона
Table 3. Coordination of the goals of the long-term strategy of regional development and the strategic plan for the economic and social development of the region

Главная цель долгосрочной стратегии регионального развития	**Главные цели стратегического плана экономического и социального развития региона**	**Сроки реализации стратегического плана экономического и социального развития региона, *лет***	**Оценочные показатели главных целей стратегического плана экономического и социального развития региона**
1	2	3	4
Повышение уровня и качества жизни населения региона	1. Повышение благосостояния населения региона	3–5	Соотношение размеров средней заработной платы и прожиточного минимума в регионе, %
	2. Повышение меры удовлетворения основных жизненных потребностей людей	3–5	Соотношение размеров средней заработной платы и потребительского бюджета семьи, %

щие цели и задачи. В таблице 3 показаны возможные связи между показателями стратегического плана регионального развития и долгосрочной стратегии регионального развития.

Как видно из содержания приведенной таблицы, главная цель долгосрочной стратегии регионального развития (повышение уровня и качества жизни населения региона) может быть подразделена на несколько подцелей, которые в своей совокупности будут выступать главными целями стратегического плана экономического и социального развития региона. В нашем случае указаны две главных цели, а именно: первая – повышение благосостояния населения региона – и вторая – повышение меры удовлетворения основных жизненных потребностей людей. Для указанных целей определяется свой период достижения исходя из общего срока реализации стратегического плана экономического и социального развития региона с таким расчетом, чтобы соблюдались указанные выше условия соотношения с долгосрочной стратегией регионального развития.

По завершению установленного промежуточного срока реализации стратегического плана могут вноситься коррективы как в содержание оставшейся цели, так и в сроки ее достижения. Использование в качестве оценочных показателей соотношений размеров средней заработной платы с прожиточным минимумом в регионе, а также с потребительским бюджетом семьи позволяет эмпирическим путем обеспечивать согласование основных показателей целей долгосрочной стратегии регионального развития и стратегического плана экономического и социального развития региона.

Связь региональных целевых (приоритетных) программ развития со стратегическими планами регионального развития должна обеспечиваться согласованием соответствующих показателей целей (подцелей) и задач. В таблице 4 показана схема такого согласования показателей и приведены возможные связи между ними.

Таблица 4. Согласование показателей основных задач стратегического плана экономического и социального развития региона и региональной целевой (приоритетной) программы развития
Table 4. Harmonization of indicators of the main tasks of the strategic plan for economic and social development of the region and the regional target (priority) development program

Стратегический план экономического и социального развития региона		Региональная целевая (приоритетная) программа развития	
Задача	**Измеритель (показатель)**	**Задача**	**Измеритель (показатель)**
1	**2**	**3**	**4**
Повышение уровня инновационного развития промышленности в регионе	Объемы финансирования инновационной деятельности в промышленности в денежном выражении	Внедрение новых технологических процессов в промышленности региона	Объем реализованной инновационной продукции в денежном выражении

Как видно из содержания приведенной таблицы, одна из основных задач региональной программы приоритетного развития (внедрение новых технологических процессов в промышленности региона) согласуется с аналогичной задачей стратегического плана экономического и социального развития региона (повышение уровня инновационного развития промышленности в регионе), так как выступает ее составляющей и дополняющей.

Согласованность названных задач обеспечивается тем обстоятельством, что повышение уровня инновационного развития промышленности в регионе невозможно без внедрения новых технологических процессов в промышленности региона, а внедрение новых технологических процессов в промышленности региона выступает звеном в общей цепи инноваций, за счет которых может обеспечиваться повышение уровня инновационного развития региона. При этом сравнительная оценка показателей указанных задач может обеспечиваться нахождением соответствия между объемами финансирования инновационной деятельности (затратами) и объемами реализованной инновационной продукции (результатами). Полученное таким образом соотношение позволяет судить об экономической эффективности инновационного развития промышленности в регионе. Использование в качестве показателей задач как инновационной деятельности в промышленности, так и ее результатов денежных эквивалентов позволяет обеспечивать четкий оперативный контроль расходования финансовых средств и доходов на протяжении всего срока реализации и стратегического плана экономического и социального развития региона и региональной программы приоритетного развития.

Аналогичным образом должны согласовываться показатели задач (приоритетов) территориального развития на всех уровнях.

На третьем уровне системы стратегического планирования (региональном тактическом или муниципальном среднесрочном) основными документами среднесрочного стратегического планирования развития регионов и муниципалитетов могут выступать концепция среднесрочной стратегии развития региона (муниципалитета), среднесрочный прогноз экономического и социального развития региона (муниципалитета), среднесрочный стратегический план экономического и социального развития региона (муниципалитета), инвестиционные проекты и др.

Возможные приоритеты (задачи) территориального развития регионов и муниципалитетов устанавливают-

ся исходя из структурирования решаемой серии конкретных задач. Их количество и последовательность позиционирования зависит от сложности решаемой серии конкретных задач и ресурсных возможностей национальной экономики. В зависимости от появления угроз, рисков либо вызовов в территориальном развитии регионов и муниципалитетов в заданном периоде времени, количество возможных приоритетов (задач) может изменяться (уточняться) – увеличиваться или уменьшаться соответственно.

На четвертом оперативном (базовом) уровне многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития разрабатываются ежегодные (индикативные) планы экономического и социального развития регионов и муниципалитетов.

Основные задачи разработки ежегодных (индикативных) планов экономического и социального развития регионов, муниципалитетов (отдельных населенных пунктов, в т. ч. городских агломераций) определяются основными положениями государственной и региональной политики в экономическом и социальном развитии. При этом основные задачи их разработки вытекают из содержания стратегических направлений (целей) и важнейших приоритетов (подцелей) в экономическом и социальном развитии. Ежегодные (индикативные) планы экономического и социального развития регионов, муниципалитетов разрабатываются сроком на 1 год.

Таким образом, разработка механизма системной координации и согласования параметров развития территорий на основе контуров и структуры многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития позволяет обеспечивать благоприятные условия для рационального использования накопленного экономического потенциала, оптимизации использования основных факторов общественного производства, взвешенного использования финансовых ресурсов по стратегическим направлениям и важнейшим приоритетам обеспечения и достижения необходимого уровня экономического и социального развития соответствующих территорий регионов и муниципалитетов (отдельных населенных пунктов, в т. ч. городских агломераций).

Литература

1. Василенко В. Н., Агафоненко О. Ю., Будяков В. Е. Конкурентоспособность регионов: истоки, оценки и перспективы. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2008. 363 с.

2. О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (дата обращения: 19.02.2018).

3. Методические рекомендации по разработке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, плана мероприятий по ее реализации, организации мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrateg/20160714 (дата обращения: 19.02.2018).

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 19.02.2018).

5. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года // Официальный портал Правительства Ростовской области. Режим доступа: http://www.donland.ru/default.aspx?pageid=85416 (дата обращения: 19.02.2018).

6. Программа социально-экономического развития Ростовской области на 2013–2016 годы // Официальный портал Правительства Ростовской области. Режим доступа: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=115558 (дата обращения: 19.02.2018).

7. Программа социально-экономического развития муниципального образования «Город Таганрог» на 2013–2016 годы // Право.ру. Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/32612069/92178413/ (дата обращения: 19.02.2018).

8. Василенко В. Н. Многомерность параметров региона: территории, системы, пространства. Дружковка: Юго-Восток, 2016. 408 с.

9. Василенко Д. В. К вопросу о взаимосвязи документов в многоуровневой системе стратегического планирования развития территорий // Инновационное развитие экономики Донбасса: проблемы, перспективы, решения: материалы Круглого стола / под ред. А. В. Половяна. Донецк: Изд-во ФЛП Кириенко С. Г., 2017. С. 33–37.

10. Василенко Д. В. Формирование многоуровневой системы стратегического планирования регионального развития: теоретический срез // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XVIII Междунар. научной конф. (19–20 октября 2017). Минск: НИЭИ Мин. экономики РБ, 2017. Т. 2. С. 84–85.

THE MECHANISM OF SYSTEMATIC COORDINATION AND HARMONIZATION OF PARAMETERS OF DEVELOPMENT IN REGIONS AND MUNICIPALITIES

Valeriy N. Vasilenko[1, @]

[1] *Institute for Economic Research of the Ministry of Education and Science of the Donetsk People's Republic, 77, Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83048*
[@] *bulava1953@mail.ru*

Received 16.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: development of territories, region, municipality, mechanism of systematic coordination, multilevel system of strategic planning.

Abstract: The current research features coordination of strategic aims and tasks in the strategic planning documents of regional development. The mechanism of systematic coordination and harmonization of development parameters for the different territories is meant to consider the real economic interests of the state, regions, communities and individual citizens. In a hierarchical relationship, such a mechanism of systematic coordination and harmonization can be represented as a multi-level system. The top-level is that of the state, where parameters for the development of the country as a whole, as well as individual regions and industries are defined. The next level is regional; it deals with development parameters of the region in general and its territories. The basic level is local: it defines parameters for the development of particular territories with consideration of interests of the territorial community and individual citizens. An important condition of this coordination is both vertical and horizontal components of territorial dimension.

For citation: Vasilenko V. N. Mekhanizm sistemnoi koordinatsii i soglasovaniia parametrov razvitiia territorii regionov i munitsipalitetov [The Mechanism of Systematic Coordination and Harmonization of Parameters of Development in Regions and Municipalities]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 6–15. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-6-15.

References

1. Vasilenko V. N., Agafonenko O. Iu., Budiakov V. E. *Konkurentosposobnost' regionov: istoki, otsenki i perspektivy* [Competitiveness of regions: sources, estimates and prospects]. Donetsk: Iugo-Vostok, Ltd, 2008, 363.
2. *O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii* [On strategic planning in the Russian Federation]. Federal Law of June 28 2014, No. 172-FZ (last version). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (accessed 19.02.2018).
3. *Metodicheskie rekomendatsii po razrabotke strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia sub»ekta Rossiiskoi Federatsii, plana meropriiatii po ee realizatsii, organizatsii monitoringa i kontrolia realizatsii strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia sub»ekta Rossiiskoi Federatsii* [Methodical recommendations about development of strategy of social and economic development of the subject of the Russian Federation, the action plan on its implementation, the organization of monitoring and control of implementation of strategy of social and economic development of the subject of the Russian Federation]. Available at: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrateg/20160714 (accessed 19.02.2018).
4. *Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniia v Rossiiskoi Federatsii* [About the General principles of the organization of local government in the Russian Federation]. Federal Law of October 6 2003, No. 131-FZ. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (accessed 19.02.2018).
5. *Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rostovskoi oblasti na period do 2020 goda* [Strategy of social and economic development of the Rostov region for the period up to 2020]. Available at: http://www.donland.ru/default.aspx?pageid=85416 (accessed 19.02.2018).
6. *Programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rostovskoi oblasti na 2013–2016 gody* [The program of social and economic development of the Rostov region for 2013–2016]. Available at: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=115558 (accessed 19.02.2018).
7. *Programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia munitsipal'nogo obrazovaniia «Gorod Taganrog» na 2013–2016 gody* [The program of social and economic development of municipality «City of Taganrog» 2013–2016]. Available at: http://docs.pravo.ru/document/view/32612069/92178413/ (accessed 19.02.2018).
8. Vasilenko V. N. *Mnogomernost' parametrov regiona: territorii, sistemy, prostranstva* [The multidimensional parameters of the region: territory, system, space]. Druzhkovka: Iugo-Vostok, 2016, 408.

9. Vasilenko D. V. K voprosu o vzaimosviazi dokumentov v mnogourovnevoi sisteme strategicheskogo planirovaniia razvitiia territorii [On the relationship of documents in the multilevel system of strategic planning of development of territories]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki Donbassa: problemy, perspektivy, resheniia: materialy Kruglogo stola* [Innovative development of the economy of Donbass: problems, prospects, solutions: Proc. Round Table]. Ed. Polovian A. V. Donetsk: Izd-vo FLP Kirienko S. G., 2017, 33–37.

10. Vasilenko D. V. Formirovanie mnogourovnevoi sistemy strategicheskogo planirovaniia regional'nogo razvitiia: teoreticheskii srez [Formation of a multilevel system of strategic planning of regional development: theoretical section]. *Problemy prognozirovaniia i gosudarstvennogo regulirovaniia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia: materialy XVIII Mezhdunar. nauchnoi konf. (19–20 oktiabria 2017)* [Problems of forecasting and state regulation of social and economic development: Proc. XVIII Intern. Sc. Conf. (19–20 October 2017)]. Minsk: NIEI Min. ekonomiki RB, vol. 1 (2017): 84–85.

УДК 316.014

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МОНОГОРОДА: ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

***Ольга А. Альбрехт*[1, @1], *Александр А. Тараданов*[2, @2]**

[1] *Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38*
[2] *Челябинский государственный университет, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129*
[@1] *olga_albre@mail.ru*
[@2] *taradanov@csu.ru*

Поступила в редакцию 02.02.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: моногород, семейное благополучие, условия и факторы семейного благополучия, уровень благополучия семьи, градообразующее предприятие.

Аннотация: В статье представлены результаты социологического исследования благополучия семьи моногорода, сделан факторный анализ благополучия семьи с применением генетического метода исследования, описаны условия и факторы семейного благополучия, выстроен их рейтинг по положительному и негативному влиянию. Предложены признаки-гены благополучной семьи, адаптированные для моногородской действительности. Определен уровень благополучия семьи моногорода. Составлены типы семей моногорода по уровню благополучия: благополучная, ладная, городская и проблемная семьи и определены доли каждого типа в общей численности городских домохозяйств. Описаны особенности и исторические моменты моногородов и их характерные признаки. Показана роль градообразующего предприятия в его влиянии на благополучие семьи в разных сферах. Рассмотрены занятость, уровень образования, оптимальные рабочие графики семей моногорода и производственные проблемы. Проанализированы семейная династийность и преемственность на градообразующем предприятии. Представлены перспективы использования генетического метода в социологических исследованиях семьи, ее проблем и решений.

Для цитирования: Альбрехт О. А., Тараданов А. А. Условия и факторы семейного благополучия моногорода: производственные аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 16–27. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-16-27.

Семья является самой распространенной организацией общества. Большинство семей территориально локализованы в городах. При этом примерно половина всех городов относится к группе моногородов – не менее 500 из 1097 городов [1, с. 50]. Соответственно, в России половина семей проживают в моногородах.

Состояние моногорода контролирует градообразующее предприятие как главная производственная организация. Экономические проблемы градообразующего предприятия всегда сказываются на социально-культурной сфере, а также индивидуальной жизни каждой семьи моногорода. Семья выполняет консолидирующую функцию, объединяя семью, город и градообразующее предприятие в информационное, экономическое и социально-культурное пространство. С другой стороны, семья выступает индикатором благополучности города и предприятия.

Магнитогорск – крупный новопромышленный, сравнительно молодой и относительно благополучный город в Челябинской области РФ. Население его составляет около 410 тысяч человек, количество семей – 130 тысяч [2, с. 165]. В наши дни «Магнитка» является одним из крупнейших мировых центров черной металлургии. Он вырос из небольшого рабочего поселка, расположенного на восточном склоне Уральских гор у подножия горы Магнитной. Рабочий поселок возник в 1929 г. в связи с началом строительства будущего гиганта металлургии – Магнитогорского металлургического комбината, который сейчас является градообразующим предприятием. Магнитогорск официально входит в перечень моногородов, включенный в соответствии с критериями Минэкономразвития России [3].

Второй город исследования – Карталы, считающийся крупным узлом железнодорожного транспорта. Город связан железными дорогами с Астаной, Ташкентом, Адлером, Читой, Нижневартовском, Оренбургом, Челябинском, Магнитогорском и др. В городе действует железнодорожный пункт пропуска через границу, который обслуживает граждан всех стран мира. Карталы неофициально можно считать моногородом, так как железная дорога выступает как градообразующее предприятие, что соответствует признакам моногорода, предложенным специалистами Экспертного института (г. Москва) [4].

С целью анализа условий и факторов семейного благополучия моногородов было проведено исследование в октябре 2015 г. на территории городов Магнитогорска (опрошено 570 респондентов) и Карталы (198 опрошенных) Челябинской области. Выборка случайная кластерная. Выборочную совокупность (N=768) составили совершеннолетние семейные жители моногородов: 67,4 % респондентов женщин, 32,2 % – мужчин и 0,4 % – не указали пол.

В данном исследовании применялся генетический метод, описанный ранее авторами [5, с. 6] и основанный на «выявлении условий и факторов того или иного социального феномена через определение их значимости («веса») и направленности влияния» [6, с. 7]. Обязательное условие – обозначать у объекта исследования «социальный генотип» с набором «социальных генов», уникальных признаков, характерных только для него, и далее применяя эмпирические данные, выполнять социологический факторный анализ.

Таблица 1. Соотношение семейных респондентов городов Челябинской области по уровню детности
Table 1. The ratio of family respondents in the cities of the Chelyabinsk region according to the number of children per family

Формулировка вопроса	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	Человек / Ответов	%	Человек / Ответов	%	Человек / Ответов	%
Сколько у Вас детей всего?						
1	229	29,8	181	31,8	48	24,2
2	306	39,8	231	40,5	75	37,9
3 и больше 4	71	9,2	50	8,8	21	10,6
Нет детей	147	19,1	93	16,3	54	27,3
Не ответили	15	2,0	15	2,6	0	0,0
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

Несмотря на то, что все респонденты являются семейными (в том числе и сожительство), не все имеют детей: 2 % не указали свою детность и 19 % отметили, что «нет детей» (таблица 1). По мнению А. И. Кузьмина, центральным элементом семейной среды становятся дети. Именно они связывают воедино как внутреннюю среду, так и ее с пограничной и внешней средами [7, с. 42]. Это важный показатель для дальнейшего анализа. Таким образом, 162 респондента «отсеиваются» на данном этапе по одному критерию благополучности семьи.

Семья называется действительной (благополучной) при наличии трех генов действительной семьи: 1) лад в семье; 2) наличие обоих супругов; 3) социально необходимая норма детей [8, с. 110].

Таким образом, аспект благополучия семьи моногорода, рассчитанный генетическим методом, основывался на трех показателях (наборе «социальных генов»):

1) наличие одного и более детей; 2) указание на отсутствие серьезных «неполадок» в вопросе «Каковы основные причины «неполадок» в Вашей семье?»; 3) позитивно настроенный ответ на вопрос «Что для Вас город, где Вы сейчас проживаете?». Параллельно выбранные семейными респондентами (с детьми) две позиции: «Место, где хочу жить» и отсутствие серьезных неполадок образуют «благополучную» семью моногорода, которую отличают безконфликтный внутрисемейный уклад и любовь к своему городу. Используя эти две позиции, промежуточно можно выделить еще типы семей, следовательно, получилось всего 4: благополучная (БС), ладная (ЛС), городская (ГС) и проблемная (ПС) (таблица 2).

Таблица 2. Типы семей моногородов Челябинской области по уровню благополучия
Table 2. Types of families of mono-cities in the Chelyabinsk region according to well-being

№ п/п	Тип семьи	Параметры благополучия семьи моногорода	
		Не имеют в семейной жизни серьезных неполадок	Хотят жить в моногороде
1.	Благополучная семья	+	+
2.	Ладная семья	+	–
3.	Городская семья	–	+
4.	Проблемная семья	–	–

Таблица 3. Разделение выборочной совокупности «семейные жители (с детьми) Челябинской области» по уровню благополучия
Table 3. Separation of the sample «family residents (with children) of the Chelyabinsk region» according to the level of well-being

Разделение выборочной совокупности «семейные жители (с детьми) Челябинской области» по уровню благополучия	Всего опрошенных респондентов	Типы семей по уровню благополучия			
		Примерная	Ладная	Городская	Проблемная
Семейные жители Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8

Исследование благополучия семьи моногорода позволяет определить и измерить его уровень («Уровень благополучия семьи» – далее «УБС») (таблица 3). Закономерность следующая: чем чаще проявления параметров «БС» – тем выше «УБС», и наоборот.

УБС = БС + ЛС /2 + ГС /2 + ПС * 0, где:

УБС – показатель «Уровня благополучия семьи»;

БС – доля (%) благополучных семей в обозначенной выборке;

ЛС/2 – половина доли (%) ладных семей (половина, потому что имеется только один из двух параметр БС);

ГС/2 – половина доли (%) городских семей (половина, потому что имеется только один из двух параметр БС);

ПС – доля (%) проблемных семей в выборочной совокупности.

Математически вычисления « УБС» выглядят следующим образом.

Таблица 4. Уровень благополучия семьи
Table 4. Family well-being level

Типы семей моногорода по уровню благополучия	Долевое соотношение семей выборочной совокупности, %
Благополучная семья (БС)	22,6
Ладная семья (ЛС)	34,7
Городская семья (ГС)	20,9
Проблемная семья (ПС)	21,8
Всего:	100
УБС= 22,6 % + 34,7 %/2 + 20,9 %/2 + 21,8 % * 0 = 22,6 % + 17,35 % + 10,45 % + 0,0 = 50,4 %	50,4

Уровень благополучия семьи моногородов Челябинской области составил – 50,4 % и может констатировать, что жители моногородов средне позитивно настроены на благополучность семьи (таблица 4).

Следующим этапом производим определение и выявление условий и факторов «благополучия» семьи жителей моногородов Челябинской области. Это возможно благодаря установлению степени и направленности влияния (далее СНВ) разных факторов. Например, СНВ фактора «Занятость на градообразующем предприятии» вычисляется следующим образом:

СНВ = (Б+Л/2+Г/2) / (П+Л/2+Г/2), где:

СНВ – степень и направленность воздействия на благополучность семьи условия «Занятость на градообразующем предприятии»;

Б – показатель расчета по группе респондентов «Благополучная семья» (%);

Л/2 – половина показателя расчета по группе «Ладная семья» (%);

Г/2 – половина показателя расчета по группе «Городская семья» (%);

П – показатель расчета по группе респондентов «Проблемная семья» (%).

Если значение СНВ > «1» (max предел СНВ = 100,0), это говорит о явном положительном воздействии фактора на благополучность семьи.

Если значение СНВ < «1» (min предел СНВ = 0,0), это означает негативное воздействие фактора на благополучность семьи.

Чем больше или меньше значения СНВ от «1» (единицы), тем значительнее положительное или соответственно отрицательное воздействие фактора. Коэффициент СНВ в пределах «1» остается условием и не является фактором. Соответственно, определяем фактор как значащее условие. Отличие между условием и фактором – статистическое.

Используя формулу, вносим соответствующие статистические данные для значения степени и направ-

ленности воздействия условия «Занятость на градообразующем предприятии» на благополучность семьи (таблица 5):

СНВ = (45,3+32,4/2+ 24,4/2) / (31,1+32,4/2+ 24,4/2) = 1,2.

Добавим, что вычисляя СНВ, прибавлялась 1 (единица) ко всем исходным значениям с целью демпфирования для предотвращения некорректных (нулевых) показателей, не меняя смысла всех данных.

Таблица 5. Условия и факторы влияния занятости на благополучие семьи моногорода
Table 5. Conditions and factors of the impact of employment on the welfare of the monotown family

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Ваша занятость?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Занятость на градообразующем предприятии	1,2	45,3	32,4	24,4	31,1
Занятость в другом городском учреждении	1,0	41,6	54,8	52,0	45,5
ИП	0,4	1,5	1,4	1,6	9,1
Студент(ка)	1,0	0,0	1,9	3,9	0,0
Нахожусь в декретном отпуске	0,9	0,7	4,8	1,6	1,5
Домохозяин(ка)	1,1	4,4	1,4	7,1	3,0
Временно безработный	0,4	0,7	0,0	0,8	5,3
Другое	1,1	5,8	3,3	8,7	4,5
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Полученный показатель СНВ равен «1,2», сравнивая его с «1», видим, что он больше, но отклонения не сильно выражены, и это констатирует положительное влияние условия на благополучие семьи. Таким образом, такой феномен, как занятость на градообразующем предприятии − это значительное, но не значащее условие благополучия семьи моногорода, поэтому не может быть фактором в данном случае. Очевидно, что жители моногородов проявляют ценность принадлежности к градообразующему предприятию. Тем самым большинство респондентов (45,3 %) из благополучных семей как раз трудятся на таких градообразующих объектах, как ПАО «ММК», ОАО «Российские железные дороги» и др. В моногородах трудовая интеграция выражена сильнее, чем городская. Профессор Е. Н. Заборова называет такую черту, присущую современному Уральскому провинциальному моногороду, «теснота семейных и коллективных отношений» [9, с. 29].

Аналогично были посчитаны и другие условия влияния занятости респондентов на благополучие семьи. Условие «Занятость в другом городском учреждении» (СНВ=1) нейтрально к благополучию семьи моногорода. Также зафиксированы и низкие коэффициенты условий «Индивидуальный предприниматель» и «Временно безработный», где СНВ=0,4, что меньше «1», и говорит о негативном значимом влиянии данных факторов на благополучие семьи моногорода.

Приверженность супруга или супруги к градообразующему предприятию также значительна и имеет положительное влияние фактора (СНВ=1,3) (таблица 6). Такой же коэффициент у условия «Студент». В обществе всегда одобрялась учеба в профессиональных заведениях, и здесь наблюдается положительное влияние данного фактора на благополучие семьи моногорода. Важно и условие «Домохозяин(ка)» (СНВ=1,2) − логично, не работая, больше времени уделяется семье, детям и дому, таким образом, повышая благополучие семьи. Остальные условия имеют нейтральную степень воздействия.

Условие работы на градообразующем предприятии показало СНВ=1,3, что говорит уже о тенденции закономерного значительного положительного влияния занятости в градообразующих объектах на благополучие семьи моногорода (таблица 7).

Среднее профессиональное образование (гуманитарный профиль) (СНВ=1,6) максимально положительно влияет из всех на благополучие семьи моногорода (таблица 8). Но популярный технический профиль для моногорода также имеет факторное значимое воздействие: высшее профессиональное образование – 1,2 и начальное профессиональное образование – 1,3.

Таблица 6. Условия и факторы влияния занятости супруга (супруги) на благополучие семьи моногорода
Table 6. Conditions and factors affecting the employment of a spouse for the welfare of a single-industry family

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Занятость Вашего супруга (супруги)?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Занятость на градообразующем предприятии	1,3	50,4	33,8	29,1	32,6
Занятость в другом городском учреждении	1,0	27,7	40,0	33,9	25,0
ИП	0,9	6,6	10,0	3,1	8,3
студент	1,3	0,7	0,0	1,6	0,0
Находится в декретном отпуске	0,7	2,9	4,3	5,5	7,6
Домохозяин(ка)	1,2	2,9	6,7	0,8	1,5
Временно безработный	0,8	4,4	0,0	10,2	7,6
Другое	0,6	4,4	3,8	10,2	15,2
Не ответили	0,7	0,0	1,4	5,5	2,3
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 7. Условия и факторы влияния занятости родственников на благополучие семьи моногорода
Table 7. Conditions and factors of influence of employment of relatives on well-being of family in a single-industry city

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Где заняты большинство ваших родственников?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Занятость на градообразующем предприятии	1,3	41,6	33,8	26,8	22,7
Занятость в других городских учреждениях	0,9	41,6	48,1	47,2	50,8
ИП	0,9	8,8	2,4	1,6	10,6
Безработные / пенсионеры	0,7	5,8	3,8	16,5	13,6
Другое	1,0	2,2	8,6	7,9	2,3
Не ответили	1,0	0,0	3,3	0,0	0,0
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 8. Условия и факторы влияния образования на благополучие семьи моногорода
Table 8. Conditions and factors of the influence of education on the well-being of the monotown family

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Ваше образование (или место учебы)?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
ВПО-технический профиль	1,2	24,1	31,0	21,3	15,2
ВПО-естественнонаучный профиль	0,7	1,5	6,2	4,7	6,1
ВПО-гуманитарный профиль	0,9	24,8	24,3	20,5	32,6
СПО-технический профиль	0,9	21,2	16,7	24,4	28,0
СПО-естественнонаучный профиль	0,8	2,2	1,4	1,6	3,8
СПО-гуманитарный профиль	1,6	4,4	1,0	8,7	0,0
НПО	1,3	8,8	9,0	7,9	4,5
Среднее полное	1,1	10,2	10,5	9,4	9,1
Неполное среднее	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Не ответили	1,6	2,9	0,0	1,6	0,8
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Большая часть респондентов моногородов (55,8 %) трудятся по «пятидневному» графику, но степень влияния этого графика (СНВ=1,0) на благополучие семьи нейтральна (таблица 9). Однако оценка оптимальности этого графика высока и имеет положительное влияние на благополучие семьи (СНВ=1,2) (таблица 10). Факторный анализ показал, что самым «реальным» положительно влияющим рабочим графиком на благополучность семьи является сменный график, в обществе именуемый как «Железнодорожный» (СНВ = 2,1). Также как наиболее оптимальный рабочий график имеет значимое положительное влияние на благополучность семьи (СНВ=1,4). Странно, что сменные графики («Финские»), хорошо зарекомендовавшие себя как одни из самых удобных, имеют либо нейтральное влияние, либо значительное негативное факторное воздействие на благополучие семьи моногорода. График «Вахтовый метод» – самый выраженный негативный фактор воздействия на благополучность семьи моногорода (СНВ=0,3).

Таблица 9. Условия и факторы влияния графика работы на благополучие семьи моногорода
Table 9. Conditions and factors of the effect of the work schedule on the well-being of the monotown family

Формулировка вопроса и варианты ответов ***По какому графику Вы работаете?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Пятидневный (5/2)	1,0	54,7	63,8	49,6	50,0
Шестидневный (6/1)	1,3	10,2	7,1	1,6	6,1
Режим с дроблением рабочего дня	1,0	1,5	1,4	7,1	1,5
Гибкий график	0,7	2,9	0,0	5,5	6,8
Вахтовый метод	0,5	0,0	0,0	0,0	2,3

Формулировка вопроса и варианты ответов ***По какому графику Вы работаете?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Сменный график (12/12/48) (Д-Н-48) «Железнодорожный»	2,1	16,8	11,0	6,3	2,3
Сменный график (1/3) «Финский»	0,5	0,0	2,4	2,4	4,5
Сменный график (2/2) «Финский»	0,9	4,4	3,8	11,8	6,8
Сменный график (3/3) «Финский»	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Сменный график (7/7) «Финский»	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Сменный график (1/2/3) «Трехсменный»	0,6	2,9	3,3	3,9	8,3
Не работаю	0,8	6,6	6,2	9,4	9,8
Другое	1,0	0,0	0,0	2,4	0,0
Не ответили	0,6	0,0	1,0	0,0	1,5
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 10. Условия и факторы влияния наиболее оптимального графика работы на благополучие семьи моногорода
Table 10. Conditions and factors of influence of the most optimal work schedule on the well-being of the monotown family

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Какой рабочий график наиболее оптимален для Вас и Вашей семьи?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Пятидневный (5/2)	1,2	65,0	54,3	31,5	47,0
Шестидневный (6/1)	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Режим с дроблением рабочего дня	0,5	0,0	0,0	2,4	3,0
Гибкий график	0,6	2,9	9,0	10,2	12,1
Вахтовый метод	0,3	0,0	0,0	0,0	5,3
Разовая работа	0,4	0,0	0,0	0,0	3,0
Сменный график (12/12/48) (Д-Н-48) «Железнодорожный»	1,4	15,3	17,1	9,4	6,1
Сменный график (1/3) «Финский»	0,6	0,0	2,9	8,7	6,1
Сменный график (2/2) «Финский»	0,9	9,5	11,0	28,3	12,9
Сменный график (3/3) «Финский»	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Сменный график (7/7) «Финский»	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Сменный график (1/2/3) «Трехсменный»	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Не работаю	1,2	6,6	4,8	4,7	4,5
Другое	1,3	0,7	1,0	0,0	0,0
Не ответили	1,0	0,0	0,0	4,7	0,0
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Большая часть жителей моногородов (133 респондента) трудятся с супругом (супругой) по разному графику, и их это устраивает, тем самым СНВ=1,3, что говорит нам о высокой степени влияния на благополучие семьи. Условие «Один график – неудобно» имеет значащее негативное воздействие (СНВ=0,5) на семью и ее благополучие (таблица 11).

Таблица 11. Условия и факторы влияния совместного с супругом (супругой) графика работы на благополучие семьи моногорода
Table 11. Conditions and factors of influence of the parents' schedule on the well-being of the single-industry family

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Оцените, в каком графике Вы работаете с супругом (супругой)?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Один график – нас устраивает	1,1	27,0	25,7	11,0	22,7
Один график – приходится подстраиваться	1,1	6,6	5,7	13,4	5,3
Один график – часто обращаемся к родителям	0,8	5,8	1,9	7,1	8,3
Один график – неудобно	0,5	0,0	0,5	0,8	3,0
Разный график – устраивает	1,3	25,5	22,9	23,6	15,2
Разный график – подстраиваемся	1,1	12,4	14,8	11,0	9,1
Разный график – обращаемся к родителям	1,0	8,0	9,0	3,9	8,3
Разный график – неудобен, будем менять	0,6	0,0	1,0	2,4	2,3
Работает только один из супругов	0,8	9,5	11,9	7,9	15,2
Другое	0,7	5,1	5,2	12,6	10,6
Не ответили	1,0	0,0	1,4	6,3	0,0
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

По результатам опроса выяснилось, что работать на градообразующем предприятии престижно, и это благоприятно сказывается на семье (коэффициент СНВ = 1,5). Это самый благоприятный фактор из всех предложенных. Остальные условия нейтральны и неприоритетны (таблица 12).

Таблица 12. Условия и факторы влияния оценки благоприятности и престижности занятости в моноотраслевом производстве на благополучие семьи моногорода
Table 12. Conditions and factors of influence of an estimation of attractiveness and prestigiousness of employment in mono-industrial production on well-being of a family in a single-industry town

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Считаете ли Вы престижным работать на градообразующем предприятии и благоприятно ли это сказывается на семье?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Да	1,5	26,3	20,0	38,6	8,3
Зависит от должности	1,0	44,5	47,6	31,5	40,9
Нет	0,6	13,9	15,7	2,4	28,0

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Считаете ли Вы престижным работать на градообразующем предприятии и благоприятно ли это сказывается на семье?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Затрудняюсь ответить	0,9	13,1	13,3	22,8	18,2
Другое	0,8	2,2	2,9	3,9	4,5
Не ответили	1,0	0,0	0,5	0,8	0,0
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

«Отсутствие бытового комфорта» в рамках производственной среды негативно сказывается на благополучии семьи (СНВ=0,5) (таблица 13). Также и «Работа не по специальности» отягощает моногородское семейное благополучие (СНВ=0,6). Эти два условия выступают как главные негативные факторы. Далее следуют «Транспортная проблема», «Отсутствие карьерного роста» и «Взаимопонимание с администрацией» (СНВ=0,8). Пункт «Низкая оплата труда» (СНВ=0,9) нейтрален и не имеет выраженного негативного влияния на благополучие семьи, хотя в обществе бытует совсем другое мнение. Релевантными для благополучия семьи оказались такие производственные проблемы, как «Взаимопонимание с коллегами» (СНВ=1,2), «Жесткая дисциплина» и «Отдаленность от дома» (СНВ=1,3).

Таблица 13. Условия и факторы влияния рабочих (производственных) проблем на благополучие семьи моногорода
Table 13. Conditions and factors of the influence of production problems on the welfare of a single-industry family

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Какие проблемы, связанные с производственной сферой, для Вас актуальны? (отметьте не более 3-х ответов)***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Взаимопонимание с коллегами	1,2	19,0	19,0	24,4	12,1
Взаимопонимание с администрацией	0,8	6,6	16,2	10,2	12,9
Дефицит времени	1,1	19,0	12,9	30,7	14,4
Вредные условия труда	1,1	8,8	14,8	7,1	6,8
Отсутствие карьерного роста	0,8	16,1	21,0	6,3	22,0
Транспортная проблема	0,8	1,5	5,2	18,9	4,5
Низкая оплата труда	0,9	33,6	39,0	42,5	44,7
Сильная загруженность	1,1	13,1	22,4	15,0	9,1
Отдаленность от дома	1,3	25,5	8,6	22,8	16,7
Работа не по специальности	0,6	2,2	1,9	3,9	7,6
Отсутствие бытового комфорта	0,5	6,6	3,3	8,7	18,9
Жесткая дисциплина	1,3	3,6	2,4	3,1	1,5
Другое	1,2	10,2	9,0	6,3	7,6
Не ответили	0,6	0,0	0,5	0,0	1,5
Всего	1,0	165,7	176,2	200,0	180,3

В сфере труда всегда приветствовалась семейная династийность, которая составляла особую гордость предприятия. Так, Е. В. Сатыбалдина считает, что «в старопромышленных городах стабильность уральской индустрии традиционно поддерживалась кадровым фундаментом в виде семейных производственных

династий. В семье осуществлялась профессиональная социализация подрастающего поколения, являющаяся основной сохранения культуры трудовой династийности» [10, с. 3]. Но жизнь «по гудку» в виде жесткого жизненного графика уже не так привлекательна для современной молодежи индустриальных городов. Растет интерес к профессиям, в которых помимо физических сил активно задействованы уникальные способности личности, а сама профессия предполагает относительное присутствие свободы выбора и свободы действий [11, с. 67]. Данное исследование подтверждает такую тенденцию положительного, но не значимого влияния, так как утвердительный патриотичный ответ «Да, это надежно и престижно» не имеет высоких коэффициентов, ни в степени влияния (СНВ=1,1), ни в популярности выбора (среднестатистически 15 % респондентов) (таблица 14). Мнение «Скорее да, чем нет» имеет выше коэффициент, и даже большое факторное влияние на семейное благополучие моногорода (СНВ=1,6) и распространеннее среди респондентов (19,6 %), но это неоднозначный вариативный ответ. Значимый негативный эффект у ответа «Категорически нет» (СНВ = 0,4) представивший себя как фактор негативного влияния на благополучность, отражающую и нарушение преемственной производственной связи поколений.

Таблица 14. Условия и факторы влияния желания трудиться на моноотраслевом производстве детей респондентов на благополучие семьи моногорода
Table 14. Conditions and factors of the influence of the children's desire to work for a mono-industry production on the well-being of the monotown family

Формулировка вопроса и варианты ответов ***Хотели бы Вы, чтобы ваши дети трудились на градообразующем предприятии?***	**Степень и направленность воздействия (СНВ)**	**Типы семей по уровню благополучия**			
		Благополучная	**Ладная**	**Городская**	**Проблемная**
Семейные жители (с детьми) Челябинской области N=	606	137	210	127	132
Доля в выборочной совокупности, %	100	22,6	34,7	20,9	21,8
Да, это надежно и престижно	1,1	13,1	14,3	22,0	10,6
Скорее да, чем нет	1,6	28,5	13,3	26,8	9,8
Скорее нет, чем да	1,2	34,3	23,3	19,7	25,8
Категорически нет	0,4	2,2	17,6	12,6	26,5
Затрудняюсь ответить	0,9	19,7	27,6	17,3	25,8
Другое	1,1	2,2	3,8	1,6	1,5
Не ответили	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	1,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Итак, можно сделать следующие выводы:

1) процентное соотношение в иерархии типов семей моногородов Магнитогорска и Карталы по признаку благополучности составляет у ладной семьи 34,7 %, благополучной семьи – 22,6 %, проблемной – 21,8 % и городской – 20,9 %;

2) уровень семейного благополучия моногородов средний и составляет 50,4 %;

3) градообразующие предприятия имеют значительное, но не значимое положительное влияние на семейное благополучие моногорода;

4) генетический метод универсален в исследовании условий и факторов влияния различных социальных феноменов.

Литература

1. Маркин В. В., Нелюбин А. А. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. 2009. № 8. С. 75–90.

2. Мустаева Ф. А. Семья и дети как объект социальной работы. Магнитогорск: МаГУ, 2009. 311 с.

3. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (дата обращения: 07.05.2017).

4. Аналитический доклад «Союз инвесторов. Регион и город. Монопрофильные города и градообразующие предприятия». Режим доступа: http://www.unioninvest.ru/city_mong.html (дата обращения: 13.10.2015).

5. Альбрехт О. А. Условия и факторы примерности семей моногорода // Генетическая социология XXI. 2016. № 1. С. 6–17.

6. Тараданов А. А. Понятие генетической социологии XXI (слово главного редактора к первому выпуску) // Генетическая социология XXI. 2015. № 1 С. 6–15.

7. Тараданов А. А. О генетическом методе социального исследования (по следам забытой дискуссии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 15. С. 106–111.

8. Кузьмин А. И. Теоретико-методологическин принципы исследования самосохранительной функции семьи: дис. … д-ра социол. наук; Ин-т истории и археологии. Екатеринбург, 1997. 397 с.

9. Заборова Е. Н. Город на грани веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. 272 с.

10. Сатыбалдина Е. В. Особенности семьи уральского моногорода: социологический анализ: автореф. дис. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2011. 17 с.

11. Сатыбалдина Е. В. Семья заводчан в условиях среднего уральского города: историко-социологический экскурс // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2011. № 2. С. 65–77.

CONDITIONS AND FACTORS OF FAMILY WELL-BEING IN MONOTOWNS: INDUSTRIAL ASPECTS

***Olga A. Albrecht*[1, @1], *Alexander A. Taradanov*[2, @2]**

[1] *Magnitogorsk State Technical University, 38, Lenina Ave., Magnitogorsk, Russia, 455000*
[2] *Chelyabinsk State University, 129, Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk, Russia, 454001*
[@1] *olga_albre@mail.ru*
[@2] *taradanov@csu.ru*

Received 02.02.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: monotown, family well-being, conditions and factors of family well-being, the level of family well-being, city-forming enterprise.

Abstract: The article features a sociological research of family well-being in single-industry urban environment. It contains a factorial analysis of family well-being on the basis of genetic research method, defines the conditions and factors of family well-being and builds up their rating according to positive and negative influence. The study introduces genetic marks of family well-being adapted for monotown environment and defines the level of family well-being for a monotown. The paper contains types of monotown families according to the level of family well-being (prosperous, fine, urban and problem families) and their shares in the total number of urban households. Besides, the authors describe specific features and history of monotown, as well as the role of city-forming enterprise and its impact on family well-being in different spheres. Monotown families are analyzed from the point of view of employment, education level, and optimum working schedules. Finally, the research features family dynasties and traditions at a city-forming enterprise. The authors also explain the application prospects of the genetic method in sociological family.

For citation: Albrecht O. A., Taradanov A. A. Usloviia i faktory semeinogo blagopoluchiia monogoroda: proizvodstvennye aspekty [Conditions and Factors of Family Well-Being in Monotowns: Industrial Aspects]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 16–27. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-16-27.

References

1. Markin V. V., Neliubin A. A. Sotsial'noe modelirovanie prostranstvennykh transformatsii. Monitoring regional'nykh organov vlasti [Social modeling of spatial transformations. Monitoring of regional authorities]. *Rossiia reformiruiushchaiasia = Russia reforming*, no. 8 (2009): 75–90.

2. Mustaeva F. A. *Sem'ia i deti kak ob»ekt sotsial'noi raboty* [Family and children as the object of social work]. Magnitogorsk: MaGU, 2009, 311.

3. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the approval of the list of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation No. 1398-r of July 29, 2014 (as amended on May 13, 2016). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (accessed 07.05.2017).

4. *Analiticheskii doklad «Soiuz investorov. Region i gorod. Monoprofil'nye goroda i gradoobrazuiushchie predpriiatiia»* [Analytical report «The Union of investors. The region and city. Monoprofile city-forming enterprises»]. Available at: http: //www.unioninvest.ru/city_mong.html (accessed 13.10.2015).

5. Al'brekht O. A. Usloviia i faktory primernosti semei monogoroda [Conditions and ideal factors of monotown families]. *Geneticheskaia sotsiologiia XXI = Genetic Sociology XXI*, no. 1 (2016): 6–17.

6. Taradanov A. A. Poniatie geneticheskoi sotsiologii XXI (slovo glavnogo redaktora k pervomu vypusku) [The concept of genetic sociology XXI (editor's note to the first issue)]. *Geneticheskaia sotsiologiia XXI = Genetic Sociology XXI*, no. 1 (2015): 6–15.

7. Taradanov A. A. O geneticheskom metode sotsial'nogo issledovaniia (po sledam zabytoi diskussii) [Genetic method for social research (traces of a forgotten discussion)]. V*estnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk state University*, no. 15 (2012): 106–111.

8. Kuz'min A. I. *Teoretiko-metodologicheskin printsipy issledovaniia samosokhranitel'noi funktsii sem'i.* Diss. doktora sotsiol. nauk [Theoretical and methodological principles of research of self-preservation function of the family. Dr. social. Sci. Diss.]. Institute of History and Archeology. Ekaterinburg, 1997, 397.

9. Zaborova E. N. *Gorod na grani vekov* [The city on the verge of centuries]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ekon. un-ta, 2007, 272.

10. Satybaldina E. V. *Osobennosti sem'i ural'skogo monogoroda: sotsiologicheskii analiz.* Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [Peculiarities of the family of the Ural monocities: a sociological analysis. Cand. social. Sci. Diss. Abstr.]. Ekaterinburg, 2011, 17.

11. Satybaldina E. V. Sem'ia zavodchan v usloviiakh srednego ural'skogo goroda: istoriko-sotsiologicheskii ekskurs [Family of factory workers in conditions of a Middle Ural city: historical and sociological excursus]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki = Izvestiya Ural State University. Ser. 3. Social Sciences*, no. 2 (2011): 65–77.

УДК 314:332.1

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНОПРОФИЛЬНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ НА ПРИМЕРЕ Г. МОНЧЕГОРСК

Данил В. Зайцев[1, @]

[1] *Мурманский арктический государственный университет, 183038, Россия, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15*
[@] *zaicev@arcticsu.ru*

Поступила в редакцию 29.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: моногород, Арктическая зона Российской Федерации, социальные проблемы, социальная политика, демография.

Аннотация: В системе расселения Арктической зоны Российской Федерации значительную роль играют моногорода (к которым относится г. Мончегорск Мурманской области), имеющие свои особенности, обусловленные экономико-географическими и природно-климатическими факторами. В условиях глобальной рыночной экономики, характеризующейся периодическими кризисами и нестабильностью рыночной конъюнктуры, возрастают социальные риски в отношении развития как самих монопоселений, так и страны в целом. В кризисные периоды моногорода становятся очагами социального недовольства, что несет угрозу социальной и экономической стабильности всего государства.

В статье на примере г. Мончегорск рассмотрены социальные проблемы арктического моногорода. Проведен анализ демографических процессов, показателей уровня жизни населения, положения на рынке труда, обеспеченности основными социальными услугами. Выявлено, что основными факторами, влияющими на социально-экономическое неблагополучие арктического моногорода, являются демографические проблемы, связанные с естественной и миграционной убылью населения и с жилищно-коммунальным обслуживанием населения и социальной инфраструктурой. Выработаны предложения по решению основных социальных проблем.

Для цитирования: Зайцев Д. В. Социальные проблемы монопрофильных муниципальных образований Арктической зоны на примере г. Мончегорск // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 28–34. DOI:10.21603/2500-2018-2018-3-28-34.

Характерной чертой Арктической зоны Российской федерации является система расселения со значительной долей монопрофильных муниципальных образований, сложившаяся в результате промышленного освоения Советского Севера в 1930–1980-е гг. [1]. Согласно постановлению Правительства РФ моногородом считается городской округ или городское поселение с численностью постоянного населения свыше 3 тысяч человек, в котором на одной из действующих организаций занято не менее 20 % среднесписочной численности всех работников. Наряду с этим организация должна осуществлять деятельность в сфере добычи полезных ископаемых или производства промышленной продукции [2]. На данный момент в список российских моногородов входят 319 муниципальных образований, 18 из них расположены в Арктической зоне Российской Федерации [3], что составляет около четверти от числа городских районов и городских поселений, расположенных на территории российской Арктики [4]. Таким образом, доля моногородов в Арктической зоне более чем в 1,5 раза выше, чем в целом по Российской Федерации (рис. 1), что говорит об актуальности социально-экономических проблем моногородов с точки зрения развития всего арктического региона.

При этом для арктических моногородов риски возникновения социальных проблем наиболее высокие, так как монопрофильность экономики муниципального образования усугубляется рядом специфических факторов, характерных для Арктической эоны. Влияние монопрофильности на социальное благополучие города выражается в высокой степени зависимости благосостояния населения от функционирования градообразующего предприятия, то есть от колебаний рыночной конъюнктуры на рынках сырья, от социальной ответственности и политики, проводимой градообразующим предприятием. К специфическим факторам Арктической зоны относятся экстремальные природно-климатические условия, транспортная труднодоступность, слабая развитость инженерной, транспортной и социальной структур, что приводит к удорожанию стоимости жизни и ограничивает возможности социально-экономического развития [6].

В числе моногородов Арктической зоны Российской Федерации находится муниципальное образование город Мончегорск с подведомственной территорией (далее – г. Мончегорск), которое в соответствии с критериями, принятыми Правительством РФ, относится к монопрофильным муниципальным образованиям Российской Федерации, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения [3].

Основу экономики города Мончегорск составляет горно-металлургическая промышленность, градо-

образующим предприятием является АО «Кольская горно-металлургическая компания» (входит в состав ОАО ГМК «Норильский никель»), специализирующаяся на добыче и производстве меди и никеля. На градообразующем предприятии работает около 27 % занятого населения, предприятие формирует примерно одну треть областного бюджета и около 40 % экспорта области [7].

Для большинства арктических моногородов одной наиболее острой социальной проблемой является уменьшение численности населения [8]. Так, о социально-экономическом неблагополучии города Мончегорск в первую очередь свидетельствует спад численности населения на протяжении последних десятилетий. Если обратиться к рисунку 2, можно увидеть, что общая численность населения города за период 1989–2017 гг. снизилась с 68,6 до 46 тыс. человек, т. е. на 22,6 тыс. человек или на 33 %.К тому же, если обратиться к показателям движения населения (таблица), то можно увидеть, что для г. Мончегорска характерна как естественная, так и миграционная убыль населения.

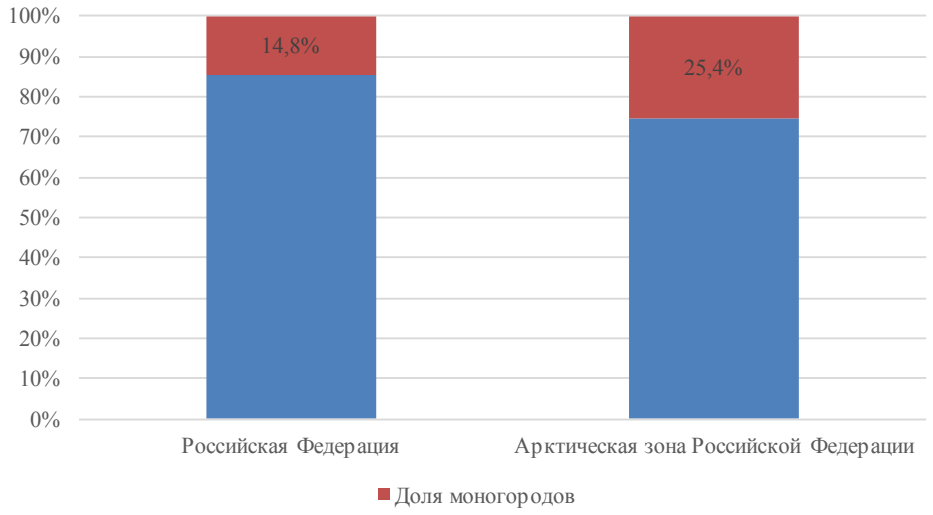

Рис. 1. Доля моногородов в общем числе городских округов и городских поселений в Российской Федерации и в Арктической зоне Российской Федерации на 1 января 2017 года (рассчитано по данным Росстата [5])

Fig. 1. The share of single-industry towns in the total number of urban districts and urban settlements in the Russian Federation and in the Arctic zone of the Russian Federation as of January 1, 2017 (calculated according to the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat) [5])

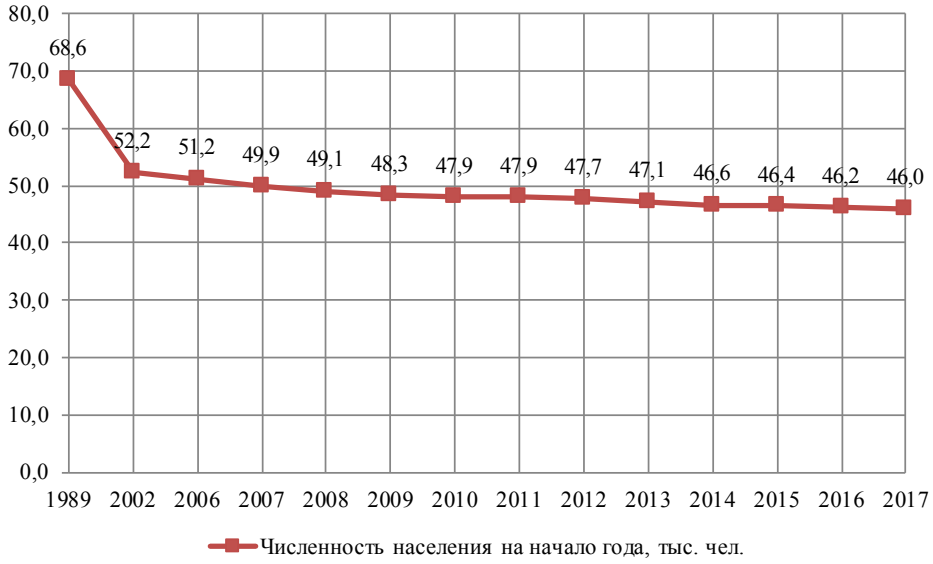

Рис. 2. Динамика численности населения г. Мончегорск (рассчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1989 г. [9]; Всероссийская перепись населения 2002 г. [10]; Росстат [5])

Fig. 2. Dynamics of the population of Monchegorsk (calculated according to: All-Union Population Census of 1989 [9], All-Russian Population Census of 2002 [10], Rosstat [5])

Стоит отметить, что значительную долю выбывающих составляет население в трудоспособном возрасте и население в возрасте моложе 30 лет (таблица). Миграционная убыль молодого населения усугубляет естественную убыль, поскольку сокращается доля населения детородного возраста, что ведет к постарению населения и сокращению численности населения трудоспособного возраста, а соответственно, и к сокращению трудовых ресурсов и замедлению экономического роста [11; 12]. Так, рисунок 3 демонстрирует, что за период 2011–2017 гг. численность населения г. Мончегорск в трудоспособном возрасте снизилась примерно на 4 тыс. человек, или на 13 %.

Таблица. Показатели движения населения г. Мончегорск [5]
Table. Indicators of population movement in Monchegorsk [5]

Год	2012	2013	2014	2015	2016
Естественный прирост, человек	-75	-68	-50	-154	-135
Миграционный прирост, человек	-446	-447	-152	-67	-115
Доля выбывшего населения в возрасте до 30 лет, %	52	48	52	52	51
Доля выбывшего населения в трудоспособном возрасте, %	Н/Д	Н/Д	76	74	74

Рис. 3. Динамика численности населения трудоспособного возраста [5]
Fig. 3. Dynamics of the working age population [5]

В результате в течение последнего десятилетия в г. Мончегорске наблюдается увеличение демографической нагрузки на население трудоспособного возраста. Например, в 2015 г. соотношение лиц трудоспособного возраста и пенсионеров составило приблизительно 1,8:1 (при том что для обеспечения приемлемого уровня пенсий данное соотношение должно составлять 3:1) [7].

Для рынков труда арктических монопрофильных поселений характерен дисбаланс спроса и предложения рабочей силы [8]. В г. Мончегорск уровень зарегистрированной безработицы в 2014–2016 гг. составил 2,1 %, 2,3 % и 2,7 % соответственно [7], т. е. наблюдается рост безработицы. Для рынка труда города характерно несоответствие квалификации местного населения и специальностей потребностям работодателя, а также несоответствие спроса и предложения рабочей силы по количественному составу. Профессии лиц, вставших на учет в службе занятости, зачастую не соответствуют востребованным работодателями вакансиям. Более того, молодежь, не имеющая опыта работы или достаточного уровня профессиональной подготовки, мотивирована на высокие заработки, хотя существенная доля рабочих мест имеет низкое качество, низкий уровень оплаты труда, а предприятия и организации города нацелены на оптимизацию численности персонала [7]. Учитывая, что почти треть занятого населения работает на градообразующем предприятии, уровень безработицы зависит от финансово-экономического положения АО «Кольская ГМК», т. е. в случае негативных изменений внешнеэкономической конъюнктуры снизится численность занятого населения.

В результате можно выделить следующие проблемы, связанные с демографической ситуацией и рынком труда, характерные для г. Мончегорска:

– снижение численности населения ввиду естественной и миграционной убыли;

– снижение численности населения в трудоспособном возрасте и увеличение демографической нагрузки на него;

– дисбаланс спроса и предложения трудовых ресурсов, рост безработицы;

– критическая зависимость местного рынка труда от финансового состояния градообразующего предприятия.

Еще одним фактором, влияющим на социально-экономическое неблагополучие арктических моно-поселений, являются проблемы, связанные с жилищно-коммунальным обслуживанием населения ввиду недостаточности инвестиций в сферу ЖКХ, высокого износа основных фондов [8].

Техническое состояние системы водоснабжения г. Мончегорск характеризуется высокой степенью износа водопроводных сетей, особенно водопроводных вводов на жилые помещения, больницы, школы и дошкольные образовательные учреждения и др. Так, износ более 70 % водопроводных сетей города составляет 100 %, износ водопроводных сетей в целом составляет более 85 %. Водоводы от насосных станций до промышленной площадки градообразующего предприятия находятся в эксплуатации от 20 до 49 лет и имеют довольно высокую степень изношенности [7].

Канализационные сети города характеризуются высоким износом (средний износ около 70 %). Ввиду большого износа и высокого энергопотребления возникает необходимость ежегодного текущего ремонта, замены канализационных очистных сооружений и насосного оборудования [7].

Для системы теплоснабжения характерен рост отказов (утечек), что ведет к высоким затратам, потерям теплоэнергии и воды, проблемам с устойчивым обеспечением населения тепловой энергией. Объясняется это также высоким износом основных фондов и недостаточностью средств, выделяемых на капитальный ремонт [7].

Система электроснабжения города была разработана без учета перспективного развития и имеет низкую степень надежности. Электрические сети характеризуются высокой степенью износа, срок службы кабельных линий в 2 раза превышает нормативный ввиду недостаточности инвестиций в основные фонды. В результате повреждений на оборудовании подстанции, на которую замыкается сеть, нередко прекращалась подача электроэнергии на городские объекты. Трансформаторные станции, построенные в 1938–1965 гг., обеспечивают потребление электроэнергии, превышающее проектное в 2–3 раза [7].

Таким образом, для г. Мончегорск характерны следующие проблемы, связанные с жилищно-коммунальным обслуживанием:

– высокая степень износа инфраструктуры;

– высокие затраты на содержание и ремонт объектов жилищно-коммунальной сферы и на устранение последствий аварий;

– низкий уровень инвестиций в жилищно-коммунальную сферу.

Еще одной социальной проблемой, характерной для арктических моногородов, является недостаточная обеспеченность объектами социальной инфраструктуры [8]. Для г. Мончегорска данная проблема выражается в том, что практически вся система социально-бытового обслуживания сосредоточена в административном центре: такие объекты образования, спорта, культуры, как ГОАУЗ «Мончегорская центральная районная больница», ГОАУЗ «Мончегорская стоматологическая поликлиника», МБУ «Городской центр культуры», детская библиотека, музыкальная школа, крупные, средние и мелкие магазины, предприятия общественного питания, сосредоточены в центре Мончегорска. Обеспеченность жителей округа объектами социальной инфраструктуры соответствует нормативам, однако, например, для жителей, относящихся к подведомственной территории муниципального образования населенных пунктов 25 км и 27 км железной дороги Мончегорск-Оленья, их доступность ограничена.

В стратегических документах г. Мончегорска отмечаются следующие проблемы, связанные с социальной инфраструктурой города [7]:

– старение кадров в сфере образования, здравоохранения и культуры, снижение притока молодых специалистов;

– нехватка узких специалистов и врачебных кадров в учреждениях здравоохранения;

– недостаточность финансирования сфер культуры и здравоохранения.

Если обратиться к зарубежному опыту решения социальных проблем моногородов, то можно увидеть, что чаще всего упор делается на диверсификацию экономики, развитие малого и среднего предпринимательства [13–15]. Так, для развития малого и среднего предпринимательства возможны следующие меры поддержки:

– финансовая и имущественная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, предоставление субсидий начинающим предпринимателям, в т. ч. занимающимся народными промыслами;

– информационно-консультационная и правовая поддержка, распространение информационно-справочных материалов, касающихся вопросов предпринимательской деятельности, создание центров содействия малому бизнесу;

– содействие в продвижении продукции, производимой субъектами малого и среднего предпринимательства;

– содействие подготовке и переподготовка кадров для малого и среднего предпринимательства;

– содействие участию субъектов малого и среднего предпринимательства при размещении муниципальных заказов.

Необходимо создавать новые и содействовать развитию уже существующих предприятий. На данный момент возможна реализация таких проектов, как строительство механического завода, организация предприятий по вторичной обработке полимеров, сортировки ТБО и производству стеклопластиковой арматуры, строительство и реконструкция тепличных и других сельскохозяйственных объектов [7].

В последнее время стало пользоваться спросом такое решение проблем диверсификации экономики моногородов, как создание индустриальных парков на объектах градообразующего предприятия. На базе неиспользуемых промышленных объектов АО «Кольская ГМК» возможно строительство индустриального

парка, что поспособствует созданию и развитию новых производств и новых рабочих мест.

Кроме того, для стабильного социально-экономического развития города и повышения уровня жизни населения необходимо создавать условия для предотвращения оттока и привлечения населения (особенно молодежи) на постоянное место жительства посредством экономических и социальных стимулов. Привлечение молодежи будет способствовать не только обеспечению регионов трудовыми ресурсами, но и ускорению темпов естественного прироста [16]. Для этого, в первую очередь, необходимо активное содействие трудоустройству. В качестве мер содействия занятости можно выделить следующие: внедрение гибких форм занятости для обучающейся молодежи, целевое обучение, развитие системы профессиональной ориентации, взаимодействие с учреждениями высшего и среднего профессионального образования, популяризация актуальных специальностей, востребованных местными рынками труда, мониторинг востребованных специалистов на рынке труда муниципалитета, обеспечение трудоустройства выпускников согласно полученным специальностям [17].

Для повышения качества жизни и комфортности городской среды необходимо направлять средства на модернизацию объектов жилищно-коммунального обслуживания, развитие объектов социальной инфраструктуры, улучшение экологической обстановки. Нужно повышать доступность для населения комфортного жилья, качественных услуг образования, культуры и отдыха. При этом необходимо учитывать, что в рамках существующего налогово-бюджетного механизма у муниципалитета недостаточно собственных источников средств на финансирование подобных проектов (в среднем доля дотаций, субсидий и субвенций в доходной части арктических монопоселений составляет 50 %) и для их реализации необходима поддержка со стороны государства, градообразующего предприятия (реализация корпоративной социальной ответственности) или других внебюджетных источников [8].

Литература

1. Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М.: Дортранспечать, 2009. 110 с.

2. О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709. Режим доступа: http://base.garant.ru/70707142/#ixzz55H7T5hUz (дата обращения: 26.01.2018).

3. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (дата обращения: 26.01.2018).

4. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 (ред. от 27.06.2017). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/ (дата обращения: 26.01.2018).

5. База данных показателей муниципальных образований. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 26.01.2018).

6. Иванова М. В., Жаров В. С. Условия, факторы и угрозы функционирования био-социо-экономической системы Арктической зоны Российской Федерации // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2015. Т. 18. № 3. С. 407–416.

7. О внесении изменений в Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Мончегорск Мурманской области. Постановление администрации города Мончегорска от 14.12.2010 № 1221. Режим доступа: http://monchegorsk.gov-murman.ru/gorod/munitsipalnye-uchrezhdeniya-goroda/mku-uer-goroda-monchegorska/sotsialno-ekonomicheskoe-planirovanie-i-statistika/kip-_-2017.pdf (дата обращения: 26.01.2018).

8. Рябова Л. А., Дидык В. В., Корчак Е. А., Башмакова Е. П., Емельянова Е. Е. Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2013. № 3. С. 34–50.

9. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Т. 1. Ч. 1. Табл. 3. Режим обращения: http://demoscope.ru/weekly/ssp/-rus89_reg2.php (дата обращения: 26.01.2018).

10. Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 1. Ч. 1. Табл. 4. Режим обращения: http://www.perepis2002.ru/-index.html?id=13 (дата обращения: 26.01.2018).

11. Фаузер В. В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. 2013. № 10. С. 19–47.

12. Heleniak T., Holzlehner T., Khlinovskaya E. Der große exodus demographische trends an Russlands nördlicher peripherie // Osteuropa. 2011. Vol. 61. S. 371–386.

13. Макиева И. В., Кривогов И. В. Модернизация экономики моногородов // Вестник Финансового университета. 2011. № 5. С. 5–14.

14. Aarsaether N., Riabova L., Barenholdt J. O. Community viability // Arctic Human Development Report. 2004. Under auspice of the Arctic Council. Akureyri: StefanssonArctic Institute. S. 139–154.

15. Рябова Л. А. Местные сообщества планетарного Севера: тренды и факторы социального развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 2. С. 102–106.

16. Иванова М. В., Зайцев Д. В. Арктические трудовые ресурсы: текущее состояние и будущие вызовы // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10. С. 46–62.

17. Тесля А. Б., Булачева Л. В. Формирование и развитие трудового потенциала Арктической зоны Российской Федерации // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2015. № 3. С. 537–546.

SOCIAL PROBLEMS OF ARCTIC SINGLE-INDUSTRY TOWNS: MONCHEGORSK CASE STUDY

Danil V. Zajcev[1, @]

[1] *Murmansk Arctic State University, 15, Yegorov St., Murmansk, Russia, 183038*
[@] *zaicev@arcticsu.ru*

Received 29.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: single-industry town, Arctic zone of the Russian Federation, social problems, social policy, demography.

Abstract: Single-industry towns, such as Monchegorsk, nave a significant role in the system of resettlement in the Arctic zone of the Russian Federation. These towns have some economical, geographical and natural-climatic specifities. In a global market economy characterized by recurring crises and market instability, social risks are growing with respect to the development of both the mono-settlements themselves and the country as a whole. Thus, during the crisis periods, single-industry cities become zones of social discontent, which threatens the social and economic stability of the entire state.

The article reviews the problems of an arctic single-industry town on the case study of Monchegorsk. The analysis of demographic processes, indicators of the standard of living, the situation on the labor market, provision of basic social services. It has been revealed that the main factors affecting the socioeconomic problems of the arctic single-industry towns are the demographic problems associated with the natural and migratory decline of the population, as well as the problems associated with housing and communal services and social infrastructure. The paper introduces some solutions for the basic social problems.

For citation: Zajcev D. V. Sotsial'nye problemy monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Arkticheskoi zony na primere g. Monchegorsk [Social Problems of Arctic Single-Industry Towns: Monchegorsk Case Study]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 28–34. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-28-34.

References

1. Lybovniy V. Ia. *Monoprofil'nye goroda v usloviiakh krizisa: sostoianie, problemy, vozmozhnosti reabilitatsii* [Mono-profile cities in crisis: the state, problems, rehabilitation opportunities]. Moscow: Dortranspechat', 2009, 110.

2. *O kriteriiakh otneseniia munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii k monoprofil'nym (monogorodam) i kategoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov) v zavisimosti ot riskov ukhudsheniia ikh sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia* [On the criteria for classifying municipal entities of the Russian Federation as mono-profile (single-industry towns) and the categories of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry cities), depending on the risks of deterioration of their socio-economic status]. Decree of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014, No. 709. Available at: http://base.garant.ru/70707142/#ixzz55H7T5hUz (accessed 26.01.2018).

3. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the approval of the list of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014, No. 1398-p (Edited on May 13, 2016). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (accessed 26.01.2018).

4. *O sukhoputnykh territoriiakh Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii* [On the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation]. Decree of the President of the Russian Federation of May 02, 2014, No. 296 (Edited on June 27, 2017). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/ (accessed 26.01.2018).

5. *Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovanii* [Database of indicators of municipalities]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (accessed 26.01.2018).

6. Ivanova M. V., Zharov V. S. Usloviia, faktory i ugrozy funktsionirovaniia bio-sotsio-ekonomicheskoi sistemy Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Terms, factors and threats of functioning the bio-socio-economic system of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Murmansk State Technical University*, 18, no. 3 (2015): 407–416.

7. *O vnesenii izmenenii v Kompleksnyi investitsionnyi plan modernizatsii monogoroda Monchegorsk Murmanskoi oblasti* [On the introduction of amendments to the Integrated Investment Modernization Plan for the Monotown of Monchegorsk, Murmansk Region]. Decree of the Administration of the city of Monchegorsk of December 14, 2010, No. 1221. Available at: http://monchegorsk.gov-murman.ru/gorod/munitsipalnye-uchrezhdeniya-goroda/mku-uer-goroda-monchegorska/sotsialno-ekonomicheskoe-planirovanie-i-statistika/kip-_-2017.pdf (accessed 26.01.2018).

8. Riabova L. A., Didyk V. V., Korchak E. A., Bashmakova E. P., Emel'ianova E. E. Arkticheskie monogoroda Rossiiskoi Federatsii: sotsial'nye problemy, puti ikh resheniia i rol' resursnykh korporatsii [Arctic of the Russian Federation monotowns: social problems, solutions and the role of resource corporations]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniia i venchurnogo investirovaniia Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta = Corporate Governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, no. 3 (2013): 34–50.

9. *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1989 g.* [Soviet Union Population Census of 1989]. Vol. 1, Part 1, Table 3. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/-rus89_reg2.php (accessed 26.01.2018).

10. *Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2002 g.* [Russian population census of 2002]. Vol. 1, Part 1, Table 4. Available at: http://www.perepis2002.ru/-index.html?id=13 (accessed 26.01.2018).

11. Fauzer V. V. Demograficheskii potentsial severnykh regionov Rossii kak faktor ekonomicheskogo osvoeniia Arktiki [The demographic potential of Russia's northern regions as a factor of the economic development of the Arctic]. *Arktika i Sever = Arctic and North Journal*, no. 10 (2013): 19–47.

12. Heleniak T., Holzlehner T., Khlinovskaya E. Der große exodus demographische trends an Russlands nördlicher peripherie. *Osteuropa*, vol. 61 (2011): 371–386.

13. Makieva I. V., Krivogov I. V. Modernizatsiia ekonomiki monogorodov [Modernization of Single-Industry Towns Economy]. *Vestnik Finansovogo universiteta = Finance: Theory and Practice*, no. 5 (2011): 5–14.

14. Aarsaether N., Riabova L., Barenholdt J. O. Community viability. *Arctic Human Development Report.* 2004. Under auspice of the Arctic Council. Akureyri: StefanssonArctic Institute, 139–154.

15. Riabova L. A. Mestnye soobshchestva planetarnogo Severa: trendy i faktory sotsial'nogo razvitiia [Local Communities of the Planetary North: Trends and Social Development Factors]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poriadka = The North and the Market: Forming the Economic Order,* no. 2 (2011): 102–106.

16. Ivanova M. V., Zaitsev D. V. Arkticheskie trudovye resursy: tekushchee sostoianie i budushchie vyzovy [Human Resources of the Arctic: the Current Condition and Future Challenges]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional economy: theory and practice*, no. 10 (2016): 46–62.

17. Teslya A. B., Bulacheva L. V. Formirovanie i razvitie trudovogo potentsiala Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Formation and development of the labor potential of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Murmansk State Technical University,* no. 3 (2015): 537–546.

УДК 303.1+316.728

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ

Елена А. Морозова[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *morea@inbox.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, условия жизни, муниципальное образование, моногород, показатель, индикатор.

Аннотация: Социально-экономическое развитие территории определяется многими параметрами как экономического, так и социального характера. При этом одни из них могут указывать на положительные тенденции, другие – на отрицательные, что не позволяет сделать однозначный вывод о векторе изменений в регионе или муниципальном образовании. В таких условиях важно определение интегральных показателей, комплексно оценивающих ситуацию в территории. Один из таких показателей – качество жизни населения. В моногородах, которые являются особым объектом внимания и управления, отслеживание состояния и изменения качества жизни должно стать важнейшим инструментом и параметром мониторинга социально-экономического положения. При этом важно анализировать не только объективные, но и субъективные составляющие качества жизни горожан.

В статье обоснован подход к измерению качества жизни с помощью статистических и социологических показателей и его целесообразность, приведены конкретные индикаторы уровня и условий жизни, интегрирование которых позволяет получить оценку качества жизни в муниципальном образовании, в том числе и монопрофильном.

Для цитирования: Морозова Е. А. Качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 35–41. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-35-41.

Качество жизни населения является важнейшим параметром состоятельности, развитости общества, регионального или муниципального сообщества, эффективности управленческой деятельности властей различного уровня. Так, В. В. Путин призывал судить о выполнении «майских указов», прежде всего, по улучшению жизни россиян: «Оценивать качество реализации этих указов нужно, конечно, не по числу принятых решений, документов и даже законов, а по тому, как меняется жизнь наших граждан, насколько улучшаются условия ведения бизнеса, изменилось ли состояние социальных отраслей и т. д.» [1].

В настоящее время повышение уровня, благосостояния или качества жизни, а также соответствующих условий (в той или иной формулировке) заявлено практически в каждой программе стратегического развития региона или муниципального образования, что вполне оправдано. Особенно важно отслеживать состояние качества жизни населения в монопрофильных муниципальных образованиях, учитывая специфику их социально-экономического развития.

Качество жизни как объект научного познания имеет достаточно богатую историю (его истоки относятся к теории экономического благосостояния), хотя сам термин в мировом обиходе появился относительно недавно – в середине 1950-х гг., а применительно к решению актуальных проблем современности впервые прозвучал в книге Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия» (1958 г.) [2, с. 60]. Качество жизни исследуется представителями разных наук (медиками, экологами, психологами, экономистами, культурологами, философами и т. д.), но наиболее системное его изучение признается за социологами.

Качество жизни – ёмкая характеристика, которая комплексно отражает различные стороны, аспекты жизнедеятельности людей и обстоятельства их функционирования. Содержательное богатство категории «качество жизни» обусловливает самые разнообразные подходы к ее пониманию и наполнению. Чаще всего исследователи при трактовках или описании теоретических оснований качества жизни ссылаются на человеческие потребности и степень их удовлетворения, что, по нашему мнению, является совершенно оправданным.

Понятие качества жизни тесно связано с другими близкими категориями (образ жизни, стиль жизни, благосостояние), особенно с уровнем жизни. Одни авторы отождествляют данные термины, другие считают качество жизни более широким понятием по сравнению с уровнем жизни. Многие ученые утверждают, что качество жизни включает в себя субъективную составляющую – удовлетворенность человека своим бытием, некоторые ограничиваются только данным аспектом (концепция субъективного качества жизни).

На наш взгляд, качество жизни – это комплексная характеристика уровня и условий жизнедеятельности

людей, отражающая степень удовлетворения ими различных потребностей и субъективное восприятие жизни и ее отдельных аспектов. При этом уровень жизни следует понимать как степень материальной обеспеченности людей, позволяющую удовлетворять их разнообразные потребности, а условия жизни – как те обстоятельства, которые сопутствуют человеку (обществу) в процессе его жизнедеятельности и способствуют удовлетворению различных потребностей [3, с. 28–29].

Чтобы использовать качество жизни в формате индикатора социально-экономического развития муниципального образования, необходимо определиться с возможностями его измерения. Указанное выше богатое наполнение анализируемого понятия говорит, с одной стороны, о сложности его исчерпывающе широкого и глубокого эмпирического изучения, с другой стороны, о наличии определенного выбора наиболее представительных параметров и конструирования систем показателей для измерения качества жизни.

Для максимально полного анализа качества жизни населения какой-либо территории видится комплексный вариант использования статистических (объективных) и социологических (субъективных) показателей, причем на систематической основе, то есть в режиме мониторинга. Системы и статистических и социологических индикаторов должны отражать и уровень, и условия жизни (рисунок).

Статистические показатели уровня жизни	**Статистические показатели условий жизни**
Социологические показатели уровня жизни	**Социологические показатели условий жизни**

Рис. Блоки системы показателей качества жизни населения
Fig. Blocks of the system of living standard indicators

Такой подход корреспондирует с мнением ученых, которые на систематической основе проводят изучение различных аспектов качества жизни. Так, В. Н. Бобков, директор Всероссийского центра изучения уровня жизни, утверждает, что качество жизни – широкое, многоаспектное понятие, более широкое, чем «уровень жизни», что это категория, далеко выходящая за пределы экономики, что это прежде всего социологическая категория, охватывающая все сферы общества, поскольку все они заключают в себе жизнь людей и ее качество, что качество жизни имеет две стороны – объективную и субъективную, что оценка качества жизни выступает в двух формах: 1) степень удовлетворения научно-обоснованных потребностей и интересов; 2) удовлетворенность качеством жизни самих людей [4, с. 254–255].

Очень важными и одновременно сложными задачами измерения качества жизни являются определение механизма сопоставления разноплановых статистических показателей и их агрегирование с социологическими. Для решения первой задачи можно использовать такие методы, как метод взвешивания, рейтинговый метод (метод суммы мест), метод суммы баллов, метод расстояний, таксонометрический метод, метод экспертных оценок, метод главных компонент (факторный анализ), нормативный метод. Нам видится наиболее адекватным для расчета интегральных показателей уровня и условий жизни (а впоследствии и качества жизни) балльный метод, тем более что он способен обеспечить максимальное сопоставление статистических показателей с социологическими.

Балльные оценки позволят определить различия между статистическими показателями по различным условиям жизни, между показателями условий жизни и показателями уровня жизни. Аналогичное сравнение возможно по социологическим данным. На следующем этапе целесообразно сопоставление статистических и социологических показателей уровня и условий жизни. А на заключительной стадии возможен расчет показателей качества жизни на базе статистических оценок, на базе социологических оценок и итогового комплексного показателя (либо путем суммирования всех баллов, либо путем расчета средних значений). Еще большую ценность приобретает этот метод, когда измерения качества жизни происходят на постоянной основе (например, один раз в год), и появляются условия изучать динамику частных и интегральных показателей, и / или когда есть возможность сравнивать оценки по разным объектам (например, качество жизни населения различных муниципальных образований региона).

В настоящее время подобная работа (по систематическому сбору, анализу и сравнительному сопоставлению данных о различных условиях и аспектах жизни людей) ведется муниципалитетами и региональными органами власти в рамках исполнения Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [5] и постановления Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 [6], предусматривающего меры по его реализации [7; 8].

Правда, далеко не все показатели, фиксируемые в рамках данного проекта, можно отнести к индикаторам качества жизни, но некоторые из них являются таковыми: доля детей в возрасте от одного года до шести лет, состоящих на учете для определения в муниципальные дошкольные образовательные учреждения, в общей численности детей в возрасте от одного до шести лет; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (всего и введенная в действие за один год); доля детей в возрасте 5–18 лет, получающих услуги по дополнительному образованию в организациях различной организационно-правовой формы и формы собственности, в общей численности детей этой возрастной группы; уровень физической обеспеченности учреждениями культуры от нормативной потребности: клубами и учреждениями клубного типа; библиотеками; парками культуры и отдыха; доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом и некоторые другие [5; 6].

К сожалению, среди обязательного для фиксирования перечня показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления лишь один параметр является социологическим, получаемым с помощью массового опроса населения. Это «удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления муниципального образования», который измеряется как процент довольных работой муниципальными властями к общему числу опрошенных граждан. Однако он тоже может характеризовать один из аспектов качества жизни населения, поскольку отражает степень удовлетворения потребности в рациональном управлении, в благоприятном политическом климате, в позитивных отношениях по вертикали [5].

Для эмпирического анализа качества жизни населения (уровня и различных условий жизни) предлагаются различные подходы и наборы показателей [9–14]. При этом существует как минимум три подхода для комплектования системы индикаторов: 1) описание уровня и условий жизни с помощью ряда частных показателей без их интегрирования; 2) агрегатные оценки качества жизни, рассчитанных на базе частных показателей; 3) использование обобщающих показателей, то есть комплексных, зависимых от многих факторов, но имеющих конкретное выражение (таких как продолжительность жизни, покупательная способность среднедушевых доходов или уровень бедности).

Мы считаем, что возможно и целесообразно сочетание названных вариантов измерения качества жизни. Анализ частных показателей позволяет увидеть «сильные и слабые стороны» изучаемого явления, наметить конкретные, адресные пути и методы повышения качества жизни; интегральные характеристики дают итоговую, суммарную оценку объекта исследования, что особенно важно при его сравнении в динамике за определенный период или с другими схожими объектами (например, качество жизни населения разных муниципальных образований); обобщающие показатели, как правило, являются наиболее наглядными, понятными для восприятия и также уместны в сопоставительных процедурах.

При подборе показателей для оценки качества жизни необходимо соблюдать некоторые требования: соответствие системы индикаторов теоретической модели качества жизни; включение показателей по всем составляющим качества жизни; подбор наиболее представительных индикаторов по элементам качества жизни, исключая мелкие, второстепенные, повторяющиеся или пересекающиеся показатели; использование преимущественно относительных показателей; информационная доступность показателей; возможность перевода эмпирических данных в балльную шкалу для их дальнейшего агрегирования. Включение в оценочные системы социологических показателей должно сопровождаться наличием условий для профессионального проведения соответствующих исследований, позволяющих получить репрезентативные результаты. Если исследователи планируют вводить весовые коэффициенты для показателей, данный подход необходимо исчерпывающе обосновать.

Далее приведем целесообразные, на наш взгляд, индикаторы для статистического и социологического измерения качества жизни населения (его уровня и условий) в муниципальном образованиях, включая моногорода.

Статистические индикаторы уровня жизни:

− фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения;

− среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике;

− средний размер назначенных пенсий;

− среднедушевые денежные доходы населения;

− соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума;

− средний размер денежных сбережений населения на душу населения;

− индекс концентрации доходов (коэффициент Джини);

− соотношение среднедушевых денежных доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения;

− численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности);

− доля расходов на питание в потребительских расходах (семейном бюджете);

− индекс потребительских цен;

− наличие предметов длительного пользования на 100 семей;

− количество автомобилей на 100 семей.

Статистические индикаторы условий жизни

Общие показатели:

− ожидаемая продолжительность предстоящей жизни;

− естественный прирост / убыль населения;

− миграционный прирост / убыль;

− затраты муниципального бюджета на социальную сферу на душу населения.

Здоровье и его охрана:

− первичная заболеваемость на 1000 человек населения;

− смертность населения в трудоспособном возрасте;

− коэффициент младенческой смертности;

− число больничных коек на 10000 человек населения;

− мощность амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену на 10000 человек населения;

− численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения;

− численность среднего медицинского персонала на 10000 человек населения;

− отношение средней зарплаты врачей, медицинских работников, имеющих высшее образование, к зарплате наемных работников в организациях

Экология:

− расходы бюджета на охрану окружающей среды на душу населения;

− инвестиции в основные средства на охрану окружающей среды на душу населения;

− доля использованных и обезвреженных отходов;

– выбросы загрязняющих веществ в атмосферу на душу населения;

– сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты на душу населения;

– площадь зеленых насаждений на душу населения.

Образование:

– численность детей на 100 мест в дошкольных учреждениях;

– доля детей на учете для определения в ДОУ в общей численности детей дошкольного возраста;

– доля детей, обучающихся в системе дополнительного образования;

– среднее число учащихся общеобразовательных учреждений на одного учителя;

– отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к зарплате наемных работников в организациях.

Социально-трудовая сфера:

– уровень зарегистрированной безработицы;

– уровень безработицы по методологии МОТ;

– доля работников во вредных и опасных условиях труда в общей численности работающих;

– доля работников, пострадавших от несчастных случаев, в т. ч. со смертельным исходом, в общей численности работающих;

– уровень профессиональной заболеваемости;

– коэффициент напряженности на рынке труда;

– коэффициент нагрузки на одного занятого в экономике;

– коэффициент пенсионной нагрузки.

Жилищные условия:

– общая площадь жилья на душу населения;

– доля жилья, оборудованного канализацией, водопроводом;

– доля ветхого, аварийного жилищного фонда;

– ввод в действие жилья на душу населения;

– доля малоимущих граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, в общей численности населения;

– доля семей, получающих субсидии на оплату жилья, коммунальных услуг.

Культурно-досуговая сфера:

– число посещений культурно-досуговых учреждений на душу населения;

– доля детей, отдохнувших в детских оздоровительных учреждениях;

– доля населения, занимающегося физкультурой и спортом;

– обеспеченность населения учреждениями культурно-досугового типа;

– расходы бюджета на физкультуру, спорт, на культуру, искусство на душу населения.

Социальная защита:

– доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения;

– доля пенсионеров, инвалидов в общей численности населения;

– число состоящих в очереди в стационарные учреждения социального обслуживания на 10000 человек населения;

– число койко-мест на 10000 человек населения в домах-интернатах;

– суммарный показатель частичной медицинской и профессиональной реабилитации инвалидов на 100 переосвидетельствованных инвалидов;

– удельный вес семей с несовершеннолетними детьми и среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума;

– доля несовершеннолетних, получивших различные виды помощи.

Охрана правопорядка:

– число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения;

– число зарегистрированных убийств и покушений на убийство;

– число преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления;

– раскрываемость преступлений.

Социологические индикаторы уровня жизни:

– уровень среднемесячных доходов на одного члена семьи;

– самооценка общего уровня жизни (материального благосостояния);

– самооценка покупательских возможностей доходов семьи;

– самооценка доли расходов семейного бюджета на питание;

– обеспеченность семьи предметами длительного пользования;

– оценка уровня жизни жителей муниципального образования;

– оценка актуальности проблемы бедности в муниципальном образовании.

Социологические индикаторы условий жизни

Общие показатели:

– общая удовлетворенность жизнью;

– обобщенная оценка условий жизни населения муниципального образования.

Здоровье и его охрана:

– оценка собственного здоровья и здоровья членов семьи;

– удовлетворенность медицинским обслуживанием в муниципальном образовании;

– оценка территориальной, финансовой доступности медицинских услуг, в том числе узких специалистов;

– оценка эффективности систем обязательного и добровольного медицинского страхования.

Экология:

– оценка природно-климатических условий территории проживания;

– удовлетворенность экологической обстановкой;

– оценка природоохранной деятельности муниципальных органов власти и предприятий, наносящих вред экологии.

Образование:

– уровень образования членов семьи;

– доступность и удовлетворенность работой детских дошкольных учреждений;

– доступность и удовлетворенность работой системы дополнительного образования;

– удовлетворенность качеством образования в общеобразовательных учреждениях;

– удовлетворенность работой образовательных организаций СПО и ВО (при наличии).

Социально-трудовая сфера:

– занятость (наличие работы) у членов семьи;

– удовлетворенность работой и ее различными условиями (заработной платой, содержанием труда, взаимоотношениями в коллективе, безопасностью и т. п.);

– оценка уровня безработицы в муниципальном образовании;

– оценка условий для развития малого предпринимательства.

Жилищные условия:

– удовлетворенность жилищными условиями (состоянием, площадью, благоустройством);

– потребность и возможности семьи в улучшении жилищных условий;

– удовлетворенность жилищно-коммунальным обслуживанием;

– оценка остроты «жилищной проблемы» в муниципальном образовании.

Культурно-досуговая сфера:

– удовлетворенность объемом и содержанием свободного времени;

– частота посещений членами семьи культурно-развлекательных учреждений, мероприятий;

– активность занятия физкультурой и спортом;

– оценка финансовой доступности семей для выездного отдыха;

– оценка доступности и качества организованного отдыха, занятий физкультурой и спортом в пределах муниципального образования.

Социальная защита:

– наличие в семье лиц, нуждающихся в социальной помощи;

– удовлетворенность качеством оказываемых социальных услуг;

– оценка работы системы социальной защиты населения в муниципальном образовании.

Охрана правопорядка:

– степень обеспокоенности возможностью преступных посягательств на жизнь, здоровье, имущество членов семьи;

– оценка уровня преступности и коррупции в муниципальном образовании;

– удовлетворенность работой правоохранительных органов муниципального образования.

Перечисленные социологические индикаторы условий жизни дифференцированы в соответствии с группировкой статистических показателей. Однако социология может измерить и множество других характеристик качества жизни, которые не подвластны статистике: удовлетворенность личными (семейными) взаимоотношениями, соседским или дружеским окружением, личностным развитием, моральным самочувствием, регулярностью питания и вкусовыми качествами пищи, политикой органов власти различного уровня, международными отношениями и многими другим. Качество жизни связано и с такими характеристиками, как уверенность в будущем, оптимизм, полнота жизни, ее перспективы, возможность заниматься творчеством и реализовывать свой потенциал. Соответствующие индикаторы также целесообразно включать в социологическую часть инструментария по измерению качества жизни.

Предложенный перечень статистических и социологических критериев для оценки качества жизни населения не является жестким, некоторые показатели могут быть изменены, сокращены, допустимо и их расширение. В данном случае важно соблюсти принцип комплексности системы показателей и возможности сравнения данных, как в динамике, так и с аналогичными объектами (например, с другими муниципальными образованиями со средними значениями по региону или стране, с научно обоснованными нормативами). В этом случае рассчитанные интегральные оценки качества жизни будут полноценным индикатором социально-экономического развития муниципальных образований, в том числе моногородов.

Литература

1. Путин: о реализации «майских указов» нужно судить по улучшению качества жизни россиян // ТАСС. 07.05.2015, 14:57. Режим доступа: http://tass.ru/politika/1954107 (дата обращения: 15.01.2018).

2. Качество жизни. Краткий словарь. М.: Смысл, 2009. 168 с.

3. Морозова Е. А., Пастухова Е. Я., Прошкин Б. Г., Мухачёва А. В. Качество жизни населения: теория и практика социологического изучения. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. 261 с.

4. Социальная политика: Энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. А. Волгина; отв. ред. Т. С. Сулимова. М.: Академический Проект; Трикста, 2005. 688 с.

5. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (с изменениями и дополнениями). Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 // Гарант. Режим доступа: http://base.garant.ru/193208/ (дата обращения: 12.02.2018).

6. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 года № 1317 (ред. 06.02.2017). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508/ (дата обращения: 12.02.2018).

7. Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Кемеровской области за 2016 год. Режим доступа: www.ako.ru/upload/medialibrary/702/_doklad_mo-2016.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

8. Итоги деятельности городских округов и муниципальных районов Кемеровской области за январь –сентябрь 2017 года // Администрация Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ako.ru/oblast/ekonomika-i-socialnyaya-sfera/pokazateli-effektivnosti.php (дата обращения 10.02.2018).

9. Лугуева С. Н. Статистические методы изучения уровня и качества жизни населения // Актуальные вопросы современной экономики. 2014. № 4. С. 442–446.

10. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Зленко Е. Г., Одинцова Е. В. Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1. С. 50–64.

11. Новиков А. В. Качество жизни населения российских городов // Право и образование. 2015. № 2. С. 105–112.

12. Смолева Е. О., Морев М. В. Качество жизни и ценностные ориентации населения региона // Проблемы развития территории. 2015. № 6. С. 108–126.

13. Мутылина К. О., Михалева О. В. Качество и уровень жизни населения как факторы социально-экономического развития региона // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 5. С. 45–47.

14. Охотников И. В., Степанов А. Качество жизни как критерий устойчивого развития территорий России // Предпринимательство. 2015. № 1. С. 55.

LIVING STANDARDS AS INDICATOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS

Elena A. Morozova[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *morea@inbox.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: quality of life, living standard, living conditions, municipality, single-industry town, marker, indicator.

Abstract: The socio-economic development of the territory is determined by many parameters of both economic and social nature. Some of them may indicate positive trends, whereas others point at negative ones. This situation makes it impossible to draw an unambiguous conclusion about the vector of changes in the region or municipality. In such conditions, it is important to define integrated indicators that would comprehensively assess the situation on the territory in question. One of these indicators is the living standards. In single-industry towns, which are special objects of attention and management, monitoring the state and changes in the quality of life should become an important tool and a parameter of monitoring the socio-economic situation. It is important to analyze not only the objective, but also the subjective components of the living standards in the community.

The paper substantiates the approach to living standard assessment with the help of statistical and sociological markers. It features specific indicators of the living standards and conditions, the integration of which makes it possible to obtain an adequate assessment of the quality of life in a municipal formation, including a monoprofile one.

For citation: Morozova E. A. Kachestvo zhizni naseleniia kak indikator sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monogorodov [Living Standards as Indicator of Socio-Economic Development of Single-Industry Towns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 35–41. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-35-41.

References

1. *Putin: o realizatsii «maiskikh ukazov» nuzhno sudit' po uluchsheniiu kachestva zhizni rossiian* [Putin: About the implementation of the «May decrees» should be judged by improving the quality of life Russians]. TASS, 07.05.2015, 14:57. Available at: http://tass.ru/politika/1954107 (accessed 15.01.2018).

2. *Kachestvo zhizni. Kratkii slovar'* [Quality of life. Concise dictionary]. Moscow: Smysl, 2009, 168.

3. Morozova E. A., Pastukhova E. Ia., Proshkin B. G., Mukhacheva A. V. *Kachestvo zhizni naseleniia: teoriia i praktika sotsiologicheskogo izucheniia* [Quality of population life: theory and practice of sociological study]. Kemerovo, 2011, 261.

4. *Sotsial'naia politika: Entsiklopedicheskii slovar'* [Social policy: Encyclopedic dictionary]. Eds. Volgin N. A., Sulimova T. S. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksta, 2005, 688.

5. *Ob otsenke effektivnosti deiatel'nosti organov mestnogo samoupravleniia gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov (s izmeneniiami i dopolneniiami)* [About efficiency assessment of local governments of city districts and municipal districts activity (with changes and additions)]. Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 2008, No. 607. Available at: http://base.garant.ru/193208/ (accessed 12.02.2018).

6. *O merakh po realizatsii Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 28 aprelia 2008 goda № 607 «Ob otsenke effektivnosti deiatel'nosti organov mestnogo samoupravleniia gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov» i podpunkta «i» punkta 2 Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7 maia 2012 goda № 601 «Ob osnovnykh napravleniiakh sovershenstvovaniia sistemy gosudarstvennogo upravleniia»* [About measures for implementation of the Russian Federation's President Decree of April 28, 2008, No. 607 «About the efficiency estimation of local governments of city districts and municipal districts activity» and subparagraph «i» paragraph 2 of the Russian Federation's President Decree of May 7, 2012, no. 601 «About the main directions of improving the system of state administration»]. Decree of the Government of the Russian Federation of December 17, 2012, No. 1317 (revised 06.02.2017). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508/ (accessed 12.02.2018).

7. *Svodnyi doklad o rezul'tatakh monitoringa effektivnosti deiatel'nosti organov mestnogo samoupravleniia gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov Kemerovskoi oblasti za 2016 god* [The summary report on results monitoring efficiency of local governments activity of city districts and municipal regions of the Kemerovo region for 2016]. Available at: www.ako.ru/upload/medialibrary/702/_doklad_mo-2016.pdf (accessed 10.02.2018).

8. *Itogi deiatel'nosti gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov Kemerovskoi oblasti za ianvar' – sentiabr' 2017 goda* [Results of city districts and municipal districts of the Kemerovo region activity for January – September of 2017]. Available at: http://www.ako.ru/oblast/ekonomika-i-socialnyaya-sfera/pokazateli-effektivnosti.php (accessed 10.02.2018).

9. Lugueva S. N. Statisticheskie metody izucheniia urovnia i kachestva zhizni naseleniia [Statistics methods of studying the standard and quality of population life]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki = Actual issues of modern economy*, no. 4 (2014): 442–446.

10. Bobkov V. N., Guliugina A. A., Zlenko E. G., Odintsova E. V. Sravnitel'nye kharakteristiki indikatorov kachestva i urovnia zhizni v rossiiskikh regionakh: sub»ekty, federal'nye okruga, Arktika [Comparative characteristics of quality and standard of living indicators in Russian regions: subjects, federal districts, Arctic]. *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii = The standard of Russian regions population living*, no. 1 (2017): 50–64.

11. Novikov A. V. Kachestvo zhizni naseleniia rossiiskikh gorodov [Quality of Russian cities population life]. *Pravo i obrazovanie = Law and education*, no. 2 (2015): 105–112.

12. Smoleva E. O., Morev M. V. Kachestvo zhizni i tsennostnye orientatsii naseleniia regiona [Quality of life and value orientations of local population]. *Problemy razvitiia territorii = Problems of territory development*, no. 6 (2015): 108–126.

13. Mutylina K. O., Mikhaleva O. V. Kachestvo i uroven' zhizni naseleniia kak faktory sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regiona [Quality of life and living standards as factors of region's social and economic development]. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera = Conferences collections of SRC Sociosphere*, no. 5 (2016): 45–47.

14. Okhotnikov I. V., Stepanov A. Kachestvo zhizni kak kriterii ustoichivogo razvitiia territorii Rossii [Quality of life as a criterion for sustainable development of Russia]. *Predprinimatel'stvo = Entrepreneurship*, no. 1 (2015): 55.

УДК 31+332.1

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В МОНОГОРОДАХ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

***Матвей С. Оборин*[1, 2, 3, @1], *Ирина В. Кожушкина*[4, @2]**

[1] *Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 614070, Россия, г. Пермь, б-р Гагарина, 57*
[2] *Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15*
[3] *Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д. Н. Прянишникова, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Петропавловская, 23*
[4] *Сочинский государственный университет, 354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26А*
[@1] *recreachin@rambler.ru*
[@2] *kojushkina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 26.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: качество жизни, моногорода, социально-экономические проблемы, сельское хозяйство, доля импорта, сельское население.

Аннотация: Статья посвящена проблеме повышения качества жизни в моногородах на основе специализации регионов. В современных условиях большое внимание имеет сложившийся комплекс факторов и условий для формирования определенных направлений экономической деятельности. Северо-Кавказский федеральный (СКФО) округ обладает значительным потенциалом для развития сельского хозяйства, что может способствовать решению проблем моногородов с промышленной специализацией. Данные статистики свидетельствуют о нескольких положительных тенденциях социально-экономического состояния региона: повышение численности жителей сельского населения, устойчивый рост доли продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в общем объеме импорта России. Основная значимость сельских территорий в воспроизводственной концепции регионов Северного Кавказа определена функциями социально-территориальной системы сообществ: производственной, демографической, социально-культурной, природозащитной, рекреационной.

Методы исследования: системный, формально-логический, анализ и моделирование социально-экономических процессов.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в комплексной оценке сельского хозяйства региона как основного фактора улучшения социально-экономического положения моногородов. В результате выявлено положительное влияние отрасли экономики на качество жизни в моногородах СКФО.

Для цитирования: Оборин М. С., Кожушкина И. В. Повышение качества жизни в моногородах на основе развития сельского хозяйства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 42–47. DOI:10.21603/2500-3375-2018-1-42-47.

Объектом данного исследования был выбран Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО). Округ расположен на юге европейской части России, в центральной и восточной части Северного Кавказа. СКФО – самый маленький регион РФ. Площадь территории – 170,4 тыс. км2, что составляет примерно 1 % от территории всего государства. В его состав входят семь субъектов Российской федерации – Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская республика, Карачаево-Черкесская республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская республика и Ставропольский край [1; 2].

В регионах Северо-Кавказского федерального округа статус моногородов получили г. Каспийск и г. Дагестанские Огни в Республике Дагестан, пгт. Медногорский в Карачаево-Черкесской Республике, г. Невинномысск в Ставропольском крае. Пересмотр перечня моногородов привел к сокращению их количества в регионах СКФО. Так, в Республике Дагестан этот статус утратили г. Избербаш, в Ставропольском крае – города Нефтекумск, Буденновск, пгт. Солнечнодольский [3].

Большинство регионов округа обладают сельскохозяйственной специализацией, показатели сектора отражены на рис. 1.

На основании данных, приведенных по субъектам, входящим в СКФО, можно сделать вывод, что импорт продовольственных продуктов и сельскохозяйственного сырья в два раза превышает показатель по Российской Федерации в целом, достигая наибольшего значения в экономике Республики Дагестан (рис. 2).

Количество жителей СКФО в общей численности населения России увеличилось за период с 1990 г. по 2016 г. с 5,1 до 6,6 %, при этом городского – с 3,6 до 4,4 %, а сельского – с 9,3 до 12,9 %. На сельской

территории проживает более 50 % населения СКФО, и часть аграрного населения не прекращает расти: если в 1990 г. на селе проживало 47,6 % населения округа, то в 2016 – 55,9 % [4]. Повышение воспроизводства аграрной социально-территориальной общности в СКФО оснащалось за счет двух компонентов: миграционного притока из государств СНГ, значительная часть которого следовала в аграрную территорию, таким образом ровно как в обстоятельствах углубленного финансового кризиса города никак не имели возможность осуществить большой поток мигрантов; а кроме того – за счет высокого естественного прироста сельского населения республик Северного Кавказа [5].

Малые города и поселения различных регионов СКФО существенно дифференцируется по социально-экономическим показателям (таблица).

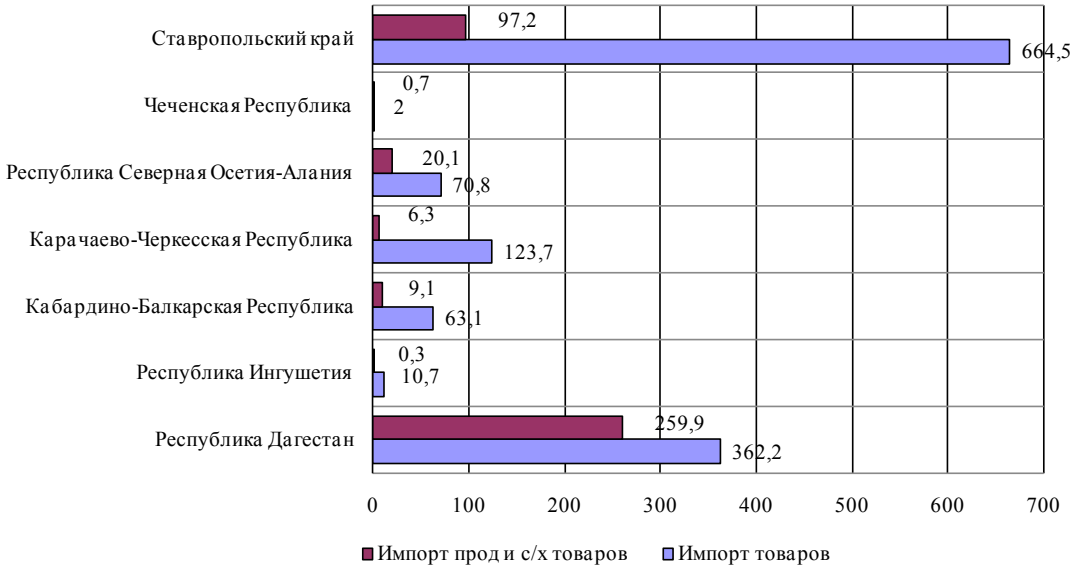

Рис. 1. Объемы импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в регионах СКФО и РФ в 2016 г., млн долл.

Fig. 1. Volumes of imports of food products and agricultural raw materials in the regions of the North Caucasus Federal District and the Russian Federation in 2016, million dollars

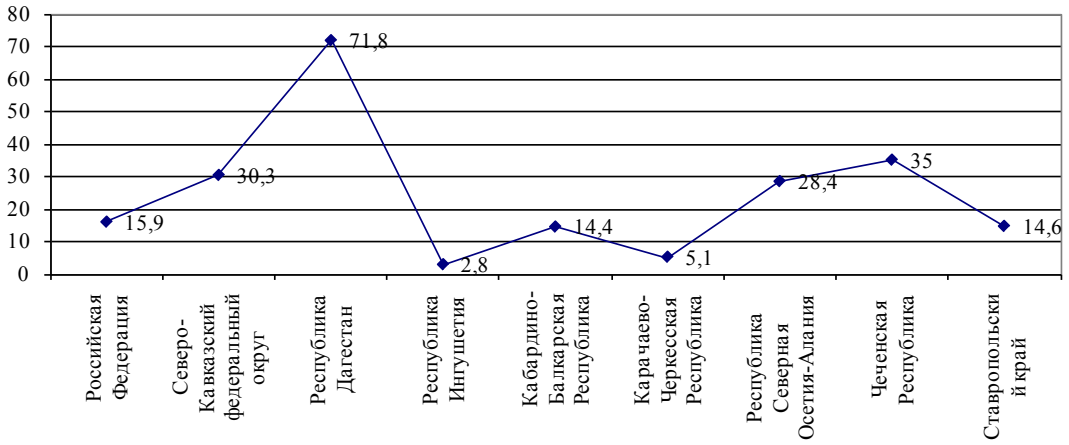

Рис. 2. Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в общем объеме импорта в регионах СКФО и РФ в 2016 г., %

Fig. 2. The share of food products and agricultural raw materials in total imports in the regions of the NCFD and the Russian Federation in 2016, %

Таблица. Социально-демографические показатели различных регионов СКФО в 2016 г.
Table. Socio-demographic indicators of different regions of the NCFD in 2016

Показатель	Ставропольский край	Республика Дагестан
Средний размер поселения, человек	1636	918
Доля населения моложе трудоспособного возраста, %	21,7	33,4
Доля населения старше трудоспособного возраста, %	21,4	11,9
Средний размер домохозяйства, человек	3,2	4,4
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	66,6	72,2
Доля населения с высшим и средним профессиональным образованием, %	31	23

Степень отсутствия работы на аграрных территориях в абсолютно всех регионах округа за исключением Ставропольского края превосходит среднероссийское значение, доходя до максимума в Республике Ингушетия и Чеченской Республике (рис. 3).

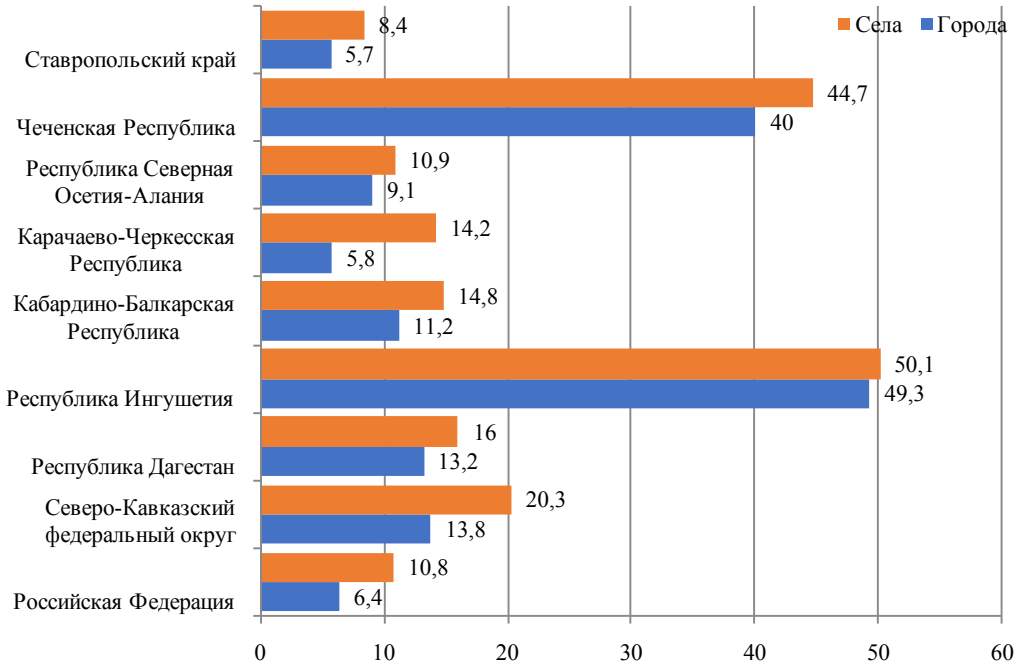

Рис. 3. Уровень безработицы и доходов населения в экономике сельских территорий регионов СКФО в 2016 г., %
Fig. 3. Rate of unemployment and incomes of the population in the economy of rural areas of the NCFD in 2016, %

Рост безработицы обусловлен следующими факторами:

– низким уровнем образования и квалификации аграрного населения, утратой квалификационных навыков профессионалов в ходе продолжительного отсутствия работы и уничтожения системы профессиональной подготовки;

– условия труда, не отвечающие современным требованиям, низкая заработная плата труда, недостаток возможностей карьерного и профессионального роста и т. п.

Обстановка усложняется расслоением аграрного расселения на фоне неразвитости транспортных коммуникаций, высокой стоимости транспортных услуг, что способствует формированию анклавов аграрного рынка труда. В таких условиях нередко отсутствует крупный работодатель, который может не только гарантировать стабильную работу основной части трудоспособного населения, но и постоянно выплачивать заработную плату населению [5–7]. В данных обстоятельствах главной основой прибыли для сельских жителей считается личное подсобное хозяйство (ЛПХ). Непосредственно обращение к традиционному сельскохозяйственному укладу, ведению хозяйства в рамках отдельной деревенской семьи в последние пятнадцать лет образовало толчок к расширенному воспроизводству сельскохозяйственной составляющей этноэкономики Северного Кавказа. В регионах СКФО в промежуток с 1995 по 2016 гг. часть домашних хозяйств возросла в общем размере производства зерна, овощей, молока. Значение ЛПХ в структуре агропромышленного комплекса более всего возросло в Республике Дагестан, Республике Северная Осетия – Алания, Ставропольском крае [8].

Проведенный анализ позволяет выявить ключевые проблемы в развитии моногородов, с которыми сталкивается Северо-Кавказский федеральный округ.

1. Северо-Кавказский федеральный округ не обладает инвестиционной привлекательностью в силу нестабильности экономической и социально-экономической обстановки, что замедляет темпы развития экономики [9].

2. Основная специализация округа – сельское хозяйство, подготовка специалистов должна осуществляться на системной основе, что требует дополнительной переподготовки кадров с учетом требований развивающейся экономики и современных стандартов.

3. Существует недостаток в сфере транспорта и логистики, что сдерживает планируемый экономический рост и развитие агропромышленного комплекса и сельского хозяйства.

4. Недостаточный уровень обеспечения безопасности влияет на развитие финансово-экономических связей с другими регионами.

5. Уровень среднемесячных доходов населения в округе несколько ниже, чем в среднем по России.

Решением данных проблем активно занимается государство, внедряя новые проекты по развитию субъектов РФ. В целом СКФО имеет огромный потенциал для успешного развития сельского хозяйства на территориях моногородов, формирования соответствующей инфраструктуры.

Уникальный природный потенциал дает большие перспективы для развития основной специализации. Высокий уровень рождаемости в СКФО в совокупности с низким уровнем смертности предопределяет увеличение доли детей в общей численности населения, что в ближайшем будущем при должном обучении даст округу необходимых квалифицированных специалистов [9; 10]. Субъекты РФ, входящие в состав СКФО, не обладают высоким потенциалом по увеличению вклада добывающей отрасли в экономику, однако разработка некоторых месторождений углеводородного сырья будет значимой для развития экономики некоторых субъектов, что благоприятно повлияет на уровень жизни населения, на их покупательную способность. Географическое положение СКФО позволяет создать множество инвестиционных площадок, которые поспособствуют процессу обновления основных фондов отрасли, усилят конкуренцию и качество предоставляемых услуг.

Проблемы моногородов Северо-Кавказского федерального округа соответствуют общероссийским: отток трудоспособного населения, разорение и упадок основных промышленных предприятий, неразвитость бизнес-структуры, отсутствие перспектив профессионального роста. К положительным факторам следует отнести устойчивый рост сельского хозяйства, за счет которого возможно улучшить социально-экономическую ситуацию, обеспечив занятость и приток платежеспособного спроса. Однако отрасль нуждается в системных инвестициях, необходимы государственные программы по преобразованию экономики субъектов на основе агропромышленной специализации.

Литература

1. Новикова И. В. Некоторые концептуальные подходы к разработке стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 36. С. 52–61.

2. Официальный сайт Полномочного представителя Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе. Режим доступа: http://skfo.gov.ru/ (дата обращения: 10.01.2018).

3. Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р. Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70607138 (дата обращения: 10.01.2018).

4. Золотарева Ю. В. Социально-экономические аспекты развития туристского кластера в Северо-Кавказском федеральном округе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8-1. С. 86–91.

5. Оборин М. С. Региональный анализ изучения рекреационных систем // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Естественные науки. 2013. № 2. С. 35–42.

6. Оборин М. С., Фролова Н. В., Нагоева Т. А., Артамонова О. А. Системные методы исследования в моделировании рынка санаторно-курортных услуг и курортно-рекреационных систем // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2016. № 3. С. 131–144.

7. Римашевская Н. М. Потребности, доходы, потребление: методология анализа и прогнозирование народного благосостояния. М.: Наука, 1979. 240 с.

8. Хасиева Т. А. Пути регулирования региональных рынков труда (на примере республик Северо-Кавказского федерального округа) // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 3-3. С. 75–78.

9. Карабанова И. В. Оценка экологической безопасности туристско-рекреационных систем Северо-Кавказского экономического района // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2014. Т. 19. № 5. С. 1426–1430.

10. Шестакова А. В. Рекреационные ресурсы мира и России: программа. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 14 с.

AGRICULTURAL DEVELOPMENT AS BASIS FOR LIVING STANDARD IMPROVEMENT IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS

***Matvey S. Oborin*[1, 2, 3, @1], *Irina V. Kozhushkina*[4, @2]**

[1] *Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, 57, Gagarin Blvd, Perm, Russia, 614070*
[2] *Perm State University, 15, Bukireva St., Perm, Russia, 614990*
[3] *Perm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov, 23, Petropavlovskaya St., Perm, Russia, 614990*
[4] *Sochi State University, 26A, Sovetskaya St., Sochi, Russia, 354000*
[@1] *recreachin@rambler.ru*
[@2] *kojushkina@yandex.ru*

Received 26.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: quality of life, company towns, socio-economic issues, agriculture, the share of imports and the rural population.

Abstract: The article is devoted to the problem of living standard improvement in single-industry towns on the basis of regional specialization. In modern conditions, much attention is paid to the complex of factors and conditions for the formation of certain areas of economic activity. The North Caucasus Federal District (NCFD) has significant potential for agricultural development, which can contribute to solving the problems of single-industry towns with industrial specialization. These statistics indicate several positive trends in the socio-economic situation in the region: an increase in the number of inhabitants of the rural population, a steady increase in the share of food products and agricultural raw materials in the total volume of Russian imported goods. The main importance of rural areas in the reproductive concept of the North Caucasus regions is determined by the functions of the social-territorial system of communities: industrial, demographic, socio-cultural, nature protection, recreational.
Research methods: systematic, formal-logical, analysis and modeling of socio-economic processes.
The scientific novelty of the proposed approach is a comprehensive assessment of agriculture in the region as the main factor in improving the socio-economic situation of single-industry towns. As a result, the research has revealed the positive impact of the industry on the living standards in the single-industry towns of the North Caucasus Federal District (NCFD).

For citation: Oborin M. S., Kozhushkina I. V. Povyshenie kachestva zhizni v monogorodakh na osnove razvitiia sel'skogo khoziaistva [Agricultural Development as Basis for Living Standard Improvement in Single-Industry Towns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 42–47. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-42-47.

References

1. Novikova I. V. Nekotorye kontseptual'nye podkhody k razrabotke strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga [Some conceptual approaches to developing a strategy for socio-economic development of the North Caucasus Federal District]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Management of economic systems: an electronic scientific journal*, no. 36 (2011): 52–61.
2. *Ofitsial'nyi sait Polnomochnogo predstavitelia Prezidenta Rossii v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge* [Official site of the Plenipotentiary of the President of Russia in the North Caucasus Federal District]. Available at: http://skfo.gov.ru/ (accessed 10.01.2018).
3. *Perechen' monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [The list of monoprofile municipal formations of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014, No. 1398-r. Available at: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70607138 (accessed 10.01.2018).
4. Zolotareva Y. V. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty razvitiia turistskogo klastera v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge [Socio-economic aspects of tourism cluster in North Caucasian Federal District]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii = International journal of applied and fundamental research,* no. 8-1 (2014): 86–91.
5. Oborin M. S. Regional'nyi analiz izucheniia rekreatsionnykh sistem [Regional analysis of the study of recreational systems]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriia: Estestvennye nauki = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Natural Sciences*, no. 2 (2013): 35–42.

6. Oborin M. S., Frolova N. V., Nagoeva T. A., Artamonova O. A. Sistemnye metody issledovaniia v modelirovanii rynka sanatorno-kurortnykh uslug i kurortno-rekreatsionnykh sistem [System research methods in modeling of the market of sanatorium services and resort-recreational systems]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pacific State University*, no. 3 (2016): 131–144.

7. Rimashevskaia N. M. *Potrebnosti, dokhody, potreblenie: metodologiia analiza i prognozirovanie narodnogo blagosostoianiia* [Needs, incomes, consumption: methodology of analysis and forecasting of people's welfare]. Moscow: Nauka, 1979, 240.

8. Khasiyeva T. A. Puti regulirovaniia regional'nykh rynkov truda (na primere respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga) [Ways of regulating the regional labor markets (for example, the republics of North Caucasus Federal District)]. *Terra Economicus*, 9, no. 3-3 (2011): 75–78.

9. Karabanova I. V. Otsenka ekologicheskoi bezopasnosti turistsko-rekreatsionnykh sistem Severo-Kavkazskogo ekonomicheskogo raiona [Ecological security assessment of North Caucasian economic region's tourist and recreational systems]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Estestvennye i tekhnicheskie nauki = Tambov University Reports. Series Natural and Technical Sciences*, 9, no. 5 (2014): 1426–1430.

10. Shestakova A. V. *Rekreatsionnye resursy mira i Rossii* [Recreational resources of the world and Russia]. Stavropol: Izd-vo SGU, 2011, 14.

УДК 314.144

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ

***Елена Я. Пастухова*[1, @]*, Татьяна С. Кияйкина*[1]**

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *peau.13@yandex.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: общественное здоровье, рождаемость, смертность, заболеваемость, сибирские регионы, статистический анализ.

Аннотация: Статья посвящена изучению здоровья населения регионов Сибирского федерального округа на основе следующих статистических показателей: младенческая смертность, общая смертность, уровень рождаемости, структура смертности по причинам смерти, ожидаемая продолжительность жизни, первичная заболеваемость, заболеваемость по причинам болезни. Выявлены тенденции в изменении общественного здоровья сибирских регионов за 2016 год по сравнению с 2012. Позитивные тенденции в состоянии здоровья населения сибирских территорий: снижается младенческая и общая смертность, сокращается смертность от болезней кровообращения, внешних причин, болезней органов дыхания, повышается ожидаемая продолжительность жизни по всему населению, по мужчинам и женщинам. Негативные тенденции в общественном здоровье исследуемых регионов: снижается рождаемость под влиянием эффекта «популяционных волн», повысилась смертность от новообразований, заболеваний органов пищеварения и инфекционных диагнозов. Общественное здоровье сибирских территорий характеризуется высоким уровнем дифференциации, разнонаправленной динамикой заболеваемости и смертности по различным регионам. Низкий уровень общественного здоровья в республиках Тыва, Алтай, Забайкальский край, Иркутская область. Достаточно благополучная медико-демографическая ситуация в Томской, Омской, Новосибирской областях.

Для цитирования: Пастухова Е. Я., Кияйкина Т. С. Общественное здоровье сибирских регионов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 48–54. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-48-54.

В Российской Федерации с ее огромными климатическими, экологическими, социально-экономическими, хозяйственными различиями состояние здоровья характеризуется высокой территориальной дифференциацией. Поэтому целесообразно исследовать индикаторы здоровья не только в целом по России, но и по отдельным регионам. В рамках изучаемой темы анализировалось состояние здоровья населения регионов Сибирского Федерального округа: республик Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия; Алтайского, Забайкальского, Красноярского краев; Иркутской, Кемеровской, Омской, Новосибирской, Томской областей. Особенности здоровья населения этих субъектов федерации обусловлены климатическими условиями, историческим, социально-экономическим развитием, половой и возрастной структурой населения [1, с. 59].

Общественное здоровье является одним из важнейших компонентов качества жизни населения и значимым индикатором социально-экономического благополучия страны [2; 3]. ***Целью данного исследования*** является анализ медико-демографических индикаторов, характеризующих уровень здоровья населения сибирских территорий. Используемые ***методы исследования:*** сравнительный и статистический анализ. Сравнительный анализ осуществлялся между сибирскими регионами, и сопоставлялись данные 2016 года по сравнению с 2012. Эмпирической базой стали данные Федеральной службы государственной статистики РФ: «Регионы России. Социально-экономические показатели» [4], «Демографический ежегодник» [5], «Здравоохранение в России» [6], «Социальное положение и уровень жизни населения России» [7].

В составе статистических показателей, используемых для оценки общественного здоровья, можно выделить два основных информационных блока: демографические индикаторы и заболеваемость населения. К ***демографическим индикаторам здоровья*** относят: уровень рождаемости и смертности (в т. ч. младенческая, детская, смертность трудоспособного населения, смертность по всему населению), естественный прирост (убыль) населения, структура смертности населения по различным классам болезней (в т. ч. сердечно-сосудистые причины смертности, новообразования, внешние причины летальных исходов и т. д.), ожидаемая продолжительность предстоящей жизни. Для оценки ***заболеваемости как компонента здоровья*** используют следующие показатели: первичная и общая заболеваемость, структура заболеваемости по основным классам причин, заболеваемость социально-значимыми диагнозами (активный туберкулез, злокачественные новообразования, алкоголизм, наркомания, отдельные инфекционные заболевания) и др.

Специфика авторского подхода к оценке здоровья состоит в комплексном использовании демографических индикаторов и показателей заболеваемости. Это позволяет более объективно оценить состояние здоровья населения регионов СФО, выделить основные тенденции и проблемы, типичные для общественного здоровья сибирских территорий.

Исследование состояния здоровья населения субъектов Сибирского Федерального округа начнем с анализа демографических индикаторов. Для реализации этой задачи нами были отобраны следующие: общий коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, коэффициент младенческой смертности, структура смертности по основным классам причин, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) по всему населению, по мужчинам и женщинам. Коэффициенты рождаемости и смертности представлены в таблице 1.

Таблица 1. Рождаемость и смертность населения регионов СФО, число родившихся или умерших на 1000 человек населения [5; 7]
Table 1. Fertility and mortality of the population in the regions of the Siberian Federal District, the number of births or deaths per 1000 population [5; 7]

Регионы	Общий коэффициент рождаемости		Общий коэффициент смертности		Коэффициент младенческой смертности	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
В среднем по РФ	13,3	12,9	13,3	12,9	8,6	6,0
В среднем по СФО	15,0	13,8	13,7	13,0	9,4	6,6
Республика Алтай	22,4	18,0	11,5	9,9	13,0	10,2
Республика Бурятия	17,5	16,4	12,4	11,2	8,3	6,6
Республика Тыва	26,7	23,2	11,2	9,8	18,1	11,2
Республика Хакасия	16,0	14,1	13,4	12,8	12,9	8,8
Алтайский край	13,7	12,1	14,6	14,1	10,1	7,3
Забайкальский край	16,2	14,6	13,1	12,3	7,4	6,0
Красноярский край	14,5	13,9	13,0	12,5	9,7	5,9
Иркутская область	15,9	14,8	13,9	13,4	9,6	6,2
Кемеровская область	13,8	12,1	15,2	14,3	8,8	7,3
Новосибирская область	13,9	13,8	13,6	13,0	8,4	6,2
Омская область	14,9	13,3	13,8	13,2	8,0	6,2
Томская область	13,6	13,2	11,9	11,4	8,7	4,8

Общая и младенческая смертность в среднем по РФ, по всем регионам СФО в последние годы снижается. Это свидетельствует об улучшении состояния здоровья населения исследуемых территорий. Однако коэффициент младенческой смертности очень сильно различается по сибирским регионам. За 2016 год минимальное значение было в Томской области (4,8 умерших младенцев на 1000 родившихся живыми), максимальное – 11,2 в Республике Тыва. Размах аналогичного значения по общему показателю смертности меньше, и коэффициент изменяется в пределах от 9,8 (Республика Тыва – самый низкий в СФО) до 14,3 (Кемеровская область – самый высокий в СФО).

На фоне положительной динамики показателей смертности наметилась негативная тенденция по снижению рождаемости в сибирских территориях. В среднем по СФО за период с 2012 по 2016 годы общий коэффициент рождаемости снизился с 15,0 до 13,8. Более интенсивно этот показатель снижался в Республиках Алтай, Тыва, Хакасия, Омской области и Забайкальском крае. Изменение показателей рождаемости во многом определяется демографической структурой населения, численностью женщин детородного возраста, репродуктивным здоровьем и репродуктивным поведением населения. Снижение уровня рождаемости можно объяснить тем, что в последние годы в детородный возраст вступило малочисленное поколение, родившееся в начале 90-годов 20 века. То есть мы наблюдаем эффект «популяционных волн» [8, с. 71], обусловленный в нашем случае снижением доли женщин репродуктивного возраста в общей численности населения.

Следующий демографический показатель, характеризующий общественное здоровье сибирских регионов, это показатели смертности по основным классам причин смерти. Структура смертности отражает основные проблемы для здоровья населения. Соответствующие данные по регионам СФО и в среднем по РФ представлены в таблице 2.

В регионах СФО структура общей смертности по основным причинам во многом близка общероссийской. Однако величина соответствующих коэффициентов по отдельным причинам летальных исходов отклоняется как в большую, так и в меньшую сторону. Показатели смертности от сердечно-сосудистых заболеваний ниже по сравнению со среднероссий-

скими данными в Республиках Тыва (ниже на 44 %), Алтай (ниже на 31 %), Бурятия (ниже на 23 %), в Забайкальском крае (ниже на 23 %) и Томской области (ниже на 20 %). Однако в этих регионах (за исключением Томской области) население чаще погибает от внешних причин: убийств, самоубийств, ожогов, обморожений, дорожно-транспортных происшествий, отравлений алкоголем, несчастных случаев на производстве. Более высокие показатели смертности от болезней кровообращения по сравнению со средними данными в РФ фиксируются в Кемеровской (выше на 11 %), Иркутской (выше на 7 %) и Новосибирской областях (выше на 7 %).

Таблица 2. Смертность по основным классам причин смерти в регионах СФО в 2016 г., число умерших на 100 тыс. человек [5; 7]

Table 2. Mortality according to main classes of death cause in the regions of the Siberian Federal District in 2016, the number of deaths per 100,000 people [5; 7]

Регионы	Всего умерших от всех причин	Болезни системы кровообращения	Внешние причины смерти	Новообразования	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Инфекционные заболевания
В среднем по РФ	1289	616	114	204	48,0	67,0	24,1
В среднем по СФО	1302	579	142	216	59,7	66,5	47,3
Республика Алтай	993	425	142	146	51,4	51,4	17,1
Республика Бурятия	1123	472	165	178	67,2	68,2	23,4
Республика Тыва	983	344	262	119	57,4	67,2	51,4
Республика Хакасия	1284	639	156	218	70,4	67,9	19,7
Алтайский край	1407	587	119	223	63,0	61,6	51,9
Забайкальский край	1234	474	176	188	73,2	60,1	23,3
Красноярский край	1249	583	152	241	57,8	83,3	35,5
Иркутская область	1341	658	151	212	56,2	62,1	75,1
Кемеровская область	1433	684	151	245	57,5	74,3	73,1
Новосибирская область	1305	657	117	219	48,4	49,9	52,0
Омская область	1324	576	121	192	69,2	58,3	32,1
Томская область	1139	494	124	207	59,6	86,9	21,2

Следующая по частоте причина смертности – это новообразования. Наиболее проблемная ситуация в этом плане в Кемеровской и Новосибирской областях (показатели смертности выше соответственно на 20 % и 7 %), Красноярском и Алтайском краях (выше соответственно на 18 % и 9 %).

Третья, наиболее частая причина летальных исходов, это внешние причины. Под воздействием этих обстоятельств чаще погибает мужское трудоспособное население. Наиболее типичны эти причины для следующих сибирских регионов: Республики Тыва, Бурятия и Хакасия (смертность выше, чем в среднем по РФ соответственно в 2,3 раза, на 45 % и на 37 %), Забайкальском и Красноярском краях (на 54 % и 33 % соответственно) Кемеровская и Иркутская области (выше на 32 % в каждой из этих территорий).

На долю смертности от инфекционных заболеваний (активный туберкулез, ВИЧ-инфекция, вирусный гепатит, кишечные инфекции и др.) в среднем по РФ приходится 19 % летальных исходов. Аналогичный показатель в СФО – 36 %. Но показатели смертности от этих заболеваний в отдельных сибирских регионах в несколько раз выше. Это Иркутская (выше в 3,1 раза), Кемеровская (выше в 3,0 раза), Новосибирская (выше в 2, 2 раза) области, Алтайский край и Республика Тыва (выше в 2,1 раза в каждой их этих территорий). Масштабность распространения активного туберкулеза, ВИЧ-инфекции в этих сибирских регионах в несколько раз превышает уровень эпидемии по критериям Всемирной организации здравоохранения.

И последний демографический индикатор, используемый нами для оценки здоровья населения сибирских регионов, это ожидаемая продолжительность предстоящей жизни. Данный показатель рассчитывается на основе повозрастных коэффициентов смертности для реального или гипотетического поколения. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) тесно связана с уровнем смертности, существующим в территории (стране), и позволяет проводить сравнительный анализ аналогичных показателей по любым субъектам федерации, государствам.

ОПЖ является одним из базовых показателей, используемых для оценки социально-экономического развития регионов, страны в целом. Значения данного показателя за 2012 и 2016 годы по сибирским регионам представлены в следующей таблице.

В течение исследуемого периода как в сибирских регионах, так и в целом по России наблюдается постепенное повышение ожидаемой продолжительности жизни. Однако только в Томской и Новосибирской областях значение ОПЖ приблизилось к среднероссийским показателям. Существенно ниже аналогичное значение в Республике Тыва (64,2 года), Забайкальском крае (68,3 года), Иркутской и Кемеровской областях (68,2 года и 68,7 лет соответственно). По данным за 2016 год межрегиональные различия по анализируемым территориям по всему населению составили 7,45 лет. По женщинам этот размах несколько больше – 7,72 года, по мужчинам меньше – 7,03 года. Все это позволяет говорить о наличии значимой дифференциации ОПЖ по сибирским регионам.

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни населения регионов СФО, число лет [5]
Table 3. Life Expectancy of the Population of the Siberian Federal District Regions, the number of years [5]

Регионы	ОПЖ всего населения		ОПЖ мужчин	ОПЖ женщин	Различия в ОПЖ мужчин и женщин
	2012	2016	2016	2016	2016
В среднем по РФ	70,24	71,87	65,92	76,71	10,79
В среднем по СФО	67,99	69,81	64,09	75,50	11,41
Республика Алтай	66,80	70,13	64,99	75,11	10,12
Республика Бурятия	66,79	69,61	64,21	74,95	10,74
Республика Тыва	61,09	64,21	59,13	69,35	10,22
Республика Хакасия	67,64	69,33	63,66	74,99	11,33
Алтайский край	69,11	70,74	65,12	76,34	11,22
Забайкальский край	66,24	68,33	62,96	73,89	10,93
Красноярский край	68,42	70,01	64,32	75,67	11,35
Иркутская область	66,32	68,20	62,19	74,18	11,99
Кемеровская область	66,76	68,72	62,72	74,73	12,01
Новосибирская область	69,72	71,20	65,41	76,91	11,50
Омская область	69,25	70,78	65,04	76,42	11,38
Томская область	71,07	71,66	66,16	77,07	10,91

Заболеваемость населения – одна из важнейших характеристик общественного здоровья. По сравнению с 2012 годом обобщенный показатель первичной заболеваемости во многих сибирских регионах постепенно стал снижаться. Однако заболеваемость в СФО продолжает оставаться более высокой по сравнению с аналогичным показателем в среднем по России.

В 2016 году первичная заболеваемость в сибирских территориях была на 8 % выше, чем в целом по РФ. Более высокие показатели заболеваемости сочетаются с существенным уровнем дифференциации соответствующих индикаторов между сибирскими территориями. Разница между минимальным и максимальным уровнем первичной заболеваемости в регионах Сибирского Федерального округа составляет 1,87 раза. По отдельным классам болезней эти различия более существенные. По инфекционным заболеваниям разница составляет 3,0 раза, по новообразованиям – 4,76 раза, по заболеваниям системы кровообращения – 2,77 раза, по травмам, отравлениям, другим негативным последствиям внешних причин – 2,06 раза. Соответствующие показатели представлены в таблице 4.

Из пяти основных классов причин заболеваемости наиболее часто в СФО фиксируются болезни органов дыхания. Самые высокие показатели заболеваемости по этому классу в Иркутской (443 диагноза на 1000 человек населения), Новосибирской областях (397 диагнозов) и Алтайском крае (405 случаев).

Второе место по распространенности занимают болезни, вызванные воздействием внешних причин: травм, отравлений, ожогов, обморожений, профессиональных заболеваний и др. Экстремально высокие показатели по этому классу диагнозов фиксируются в Кемеровской (118 диагнозов на 1000 человек населения), Иркутской областях (106 диагнозов), в республике Хакасия (106 соответственно) и Красноярском крае (101 случай). Во всех вышеназванных территориях значительная часть трудоспособного населения заняты добычей полезных ископаемых. Условия труда в этих отраслях экономики оцениваются как тяжелые, опасные, по ряду показателей не отвечающие санитарно-гигиеническим нормативам [9, с.184]. Все это оказывает негативное воздействие на состояние здоровья, особенно трудоспособного населения.

Частота постановки первичных диагнозов по инфекционным заболеваниям, сердечно-сосудистой системы в СФО близки между собой и находятся на уровне 31–36 случаев на 1000 человек населения. Диагнозы,

связанные с системой кровообращения, чаще ставят в Алтайском крае и Кемеровской области. Выявляемость инфекционных заболеваний среди сибирских территорий самая высокая в республике Тыва (48,4 случаев на 1000 человек населения). Данный показатель по Тыве в 1,6 раза выше, чем в среднем по СФО.

В целом по регионам СФО за последние годы наблюдается рост заболеваемости и смертности от инфекционных болезней, новообразований, органов пищеварения. Однако устойчивая корреляционная связь между структурой заболеваемости и смертности населения сибирских регионов отсутствует.

Таблица 4. Первичная заболеваемость населения в регионах СФО в 2016 г., зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения [6]
Table 4. The primary incidence of the population in the regions of the Siberian Federal District in 2016; diseases diagnosed for the first time, per 1,000 people [6]

Регионы	Заболеваемость по всем диагнозам	Болезни системы кровообращения	Новообразования	Травмы, отравления и др. внешние причины	Инфекционные болезни	Болезни органов дыхания
В среднем по РФ	785	31,7	11,4	89,1	**27,9**	352
В среднем по СФО	851	36,4	13,4	93,2	30,8	347
Республика Алтай	891	35,2	11,3	52,7	36,2	395
Республика Бурятия	614	28,0	7,2	69,1	16,1	288
Республика Тыва	605	19,5	4,5	84,4	48,4	260
Республика Хакасия	860	36,2	11,1	105,8	35,0	348
Алтайский край	1130	54,0	21,4	92,0	31,2	405
Забайкальский край	661	28,7	8,8	67,1	17,4	320
Красноярский край	783	36,5	15,9	101,1	30,1	289
Иркутская область	1001	33,8	13,1	105,7	39,0	443
Кемеровская область	864	47,3	14,3	117,9	32,1	310
Новосибирская область	771	24,4	13,0	90,6	25,9	397
Омская область	855	39,3	8,8	85,7	34,9	302
Томская область	707	22,4	11,9	57,1	33,4	308

Проведенный анализ демографических индикаторов и показателей заболеваемости позволил выявить следующие тенденции и проблемы в области общественного здоровья населения регионов СФО:

1. Показатели общей смертности за последние годы имеют тенденцию к снижению за счет сокращения смертности от болезней систем кровообращения, дыхания и пищеварения.

2. Начиная с 2013 года коэффициент рождаемости в регионах СФО имеет негативную динамику, обусловленную эффектом «популяционных волн» [8], т. к. в последние годы в детородный возраст вступило малочисленное поколение, родившееся в 90-е годы XX в.

3. Структура смертности по сибирским территориям во многом близка общероссийской, однако соответствующие коэффициенты превышают среднероссийский уровень. Существенное превышение в сибирских территориях по следующим причинам смертности: от инфекционных заболеваний, новообразований, от воздействия внешних причин.

4. В регионах СФО смертность от инфекционных заболеваний превышает аналогичный среднероссийский показатель почти в 2 раза. Наиболее проблемная ситуация по этому классу причин складывается в Кемеровской, Иркутской, Новосибирской областях, Алтайском крае и республике Тыва.

5. Динамика смертности по отдельным классам болезней по сибирским территориям разнонаправлена, т. е. в отдельных регионах смертность снижается по определенному классу болезней, в других по этой же причине имеет тенденцию к росту. В наибольшей степени это свойственно инфекционным диагнозам, новообразованиям и сердечно-сосудистым причинам летальных исходов.

6. Общественное здоровье в регионах СФО характеризуется высоким уровнем дифференциации и разнонаправленной динамикой смертности и заболеваемости по различным классам причин. Факторы формирования существенной дифференциации в состоянии здоровья: половозрастная структура населения, социально-экономическое развитие регионов, эффективность региональных систем здравоохранения [10, с. 204].

Решению исследуемых проблем в области общественного здоровья будет, на наш взгляд, способствовать разработка и реализация региональных программ социально-демографического развития, которые будут учитывать социально-экономические факторы, влияющие на состояние здоровья населения конкретной территории.

Литература

1. Попова И. П. Взаимосвязь состояния здоровья и материального благосостояния: гендерное измерение // Социология медицины. 2014. Т. 13. № 2. С. 58–63.
2. Пастухова Е. Я., Прошкин Б. Г., Мухачева А. В. Качество жизни населения: теория и практика социологического изучения / под ред. Е. А. Морозовой. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. 261 с.
3. Кислицына О. А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 289–302.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 1402 с.
5. Демографический ежегодник России. 2017. Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 265 с.
6. Здравоохранение в России. 2017. Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 170 с.
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 332 с.
8. Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
9. Пастухова Е. Я. Взаимосвязь здоровья населения и социально-экономических факторов (на примере сибирских регионов) // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10. С. 180–189.
10. Лебедева-Несевря Н. А., Цинкер М. Ю., Чигвинцев В. М. Макросоциальные детерминанты и риски здоровью населения регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 С. 193–205.

THE PUBLIC HEALTH OF THE SIBERIAN REGIONS

***Elena Ya. Pastukhova*[1, @], *Tatiana S. Kiyaykina*[1]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *peau.13@yandex.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: public health, birth rate, mortality, morbidity, Siberian regions, statistical analysis.

Abstract: The article is devoted to the study of the health of the population in the regions of the Siberian Federal District on the basis of the following statistical indicators: infant mortality, total mortality, fertility rate, mortality according to death cause, life expectancy, primary incidence, morbidity according to disease. The study has revealed some trends in public health of the Siberian regions in 2012 – 2016. Positive trends in the health status of the population of the Siberian territories are: 1) decrease in infant and general mortality, mortality from circulatory diseases, external causes, and respiratory diseases; 2) increase in overall male and female life expectancy. Negative trends in the public health of the regions in question include: 1) declining fertility under the influence of the «population wave» effect; 2) increase in cancer mortality rate, diseases of the digestive system and infections. Public health of the Siberian territories is characterized by a high level of differentiation, as well as by multidirectional dynamics of morbidity and mortality in different regions. A low level of public health has been observed in the republics of Tyva and Altai, Trans-Baikal, and Irkutsk Region. A relatively good medical and demographic situation has been observed in Tomsk, Omsk, and Novosibirsk regions.

For citation: Pastukhova E. Ya., Kiyaykina T. S. Obshchestvennoe zdorov'e sibirskikh regionov [The Public Health of the Siberian Regions]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 48–54. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-48-54.

References

1. Popova I. P. Vzaimosviaz' sostoianiia zdorov'ia i material'nogo blagosostoianiia: gendernoe izmerenie [The relationship between the state of health and material well-being: the gender dimension]. *Sotsiologiia meditsiny = Sociology of Medicine*, 13, no. 2 (2014): 58–63.
2. Pastukhova E. Ia., Proshkin B. G., Mukhacheva A. V. *Kachestvo zhizni naseleniia: teoriia i praktika sotsiologicheskogo izucheniia* [Quality of life of the population: theory and practice of sociological study]. Ed. Morozova E. A. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2011, 261.
3. Kislitsyna O. A. Vliianie sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na sostoianie zdorov'ia: rol' absoliutnykh ili otnositel'nykh lishenii [Influence of socio-economic factors on the state of health: the role of absolute or relative deprivation]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki = Journal of Social Policy Studies*, 13, no. 2 (2015): 289–302.

4. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017]. Moscow: Rosstat, 2017, 1402.

5. *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2017* [Demographic Yearbook of Russia. 2017]. Moscow: Rosstat, 2017, 263.

6. *Zdravookhranenie v Rossii. 2017* [Healthcare in Russia. 2017]. Moscow: Rosstat, 2017, 170.

7. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniia Rossii* [Social situation and standard of living of the population of Russia]. Moscow: Rosstat, 2017, 332.

8. Shabunova A. A. *Zdorov'e naseleniia v Rossii: sostoianie i dinamika* [Health of the Population in Russia: Status and Dynamics]. Vologda: ISERT RAN, 2010, 408.

9. Pastukhova E. Ia. Vzaimosviaz' zdorov'ia naseleniia i sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov (na primere sibirskikh regionov) [Interrelation of public health and socio-economic factors (the case of Siberian regions)]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional economy: theory and practice*, no. 10 (2016): 180–189.

10. Lebedeva-Nesevria N. A., Tsinker M. Iu., Chigvintsev V. M. Makrosotsial'nye determinanty i riski zdorov'iu naseleniia regionov Rossii [Macrosocial determinants and health risks of the Russian regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 5 (2014): 193–205.

УДК 332.012

О КООРДИНАЦИИ ПРОЦЕССОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНОГОРОДОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ЕГО ТЕРРИТОРИИ

Иван А. Антипин[1, @]

[1] *Уральский государственный экономический университет, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45*
[@] *aia87@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: стратегическое планирование, регион, муниципальное образование, моногорода, диверсификация.

Аннотация: В статье анализируются современные проблемы координации процессов стратегического планирования субъектов Российской Федерации и расположенных на их территории муниципальных образований, в том числе монопрофильных, с учетом реализации положений федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Доказывается объективная необходимость выработки новых подходов к стратегическому планированию в монопрофильных муниципальных образованиях с учетом стратегических перспектив развития регионов. Выделены основные проблемы современной практики стратегического планирования, раскрыты содержательные направления интеграции целей, задач, мероприятий стратегического развития регионов (субъектов РФ) со стратегическими ориентирами муниципальных образований, в том числе монопрофильных. Предложены механизмы координации процессов стратегического планирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, расположенных на их территориях. Результаты могут быть использованы органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при разработке документов стратегического планирования.

Для цитирования: Антипин И. А. О координации процессов стратегического планирования субъекта Российской Федерации и моногородов, расположенных на его территории // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 55–61. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-55-61.

Стратегическое планирование является неотъемлемым атрибутом современной теории и практики управления территориями – странами, регионами и муниципальными образованиями. Стратегический подход позволяет сформировать целостное видение будущего, создать системную синергию усилий различных субъектов, обосновать место объекта управления в крупных социально-экономических системах, понять, как он будет вписан в современный сложный мир [1, с. 23–25]. В современной России за относительно короткий по историческим меркам срок уже накоплен существенный опыт в стратегическом планировании и управлении субъектами федерации и муниципальными образованиями (городскими округами, муниципальными районами). Однако реалистичность документов стратегического планирования, качество их составления, потенциал в решении социально-экономических, территориальных, пространственных проблем справедливо оценивается многими учеными и практиками критически, имеется множество значимых проблем.

Одной из существенных проблем продолжает оставаться несогласованность документов стратегического планирования различных регионов между собой и с документами федерального уровня [2, с. 150]. Одним из слабых мест стратегического управления был и остается мониторинг выполнения планов и программ, достижения запланированных показателей [3]. Нельзя не согласиться с тем, что унифицированный подход к разработке документов стратегического планирования не может учесть специфики и глубоких различий разных регионов [4, с. 191]. Однако общие методические подходы, формирующие «канву» документов стратегического планирования, порядок их разработки и т. д. сегодня необходимы.

Перечень проблем можно продолжать, но в современных условиях особую актуальность приобретает именно согласование, координация документов стратегического планирования между собой как на одном управленческом уровне, так и на разных – федеральном, региональном и межрегиональном, муниципальном и межмуниципальном. Специфические сложности возникают перед регионами, на территории которых доминируют монопрофильные муниципальные образования. Они, с одной стороны, во многом определяют

специфику регионального экономического развития и место в разделении труда, а с другой стороны – являются источником хорошо известных рисков и проблем. Типичными примерами субъектов Российской Федерации с преобладанием монопрофильных муниципальных образований являются Свердловская, Челябинская, Кемеровская, Нижегородская области, республики Карелия и Хакасия.

Можно с уверенностью утверждать, что проблемы моногородов – это проблемы региона, на территории которого они расположены, и наоборот, серьезные стратегические цели региона не могут быть реализованы без адекватных стратегических преобразований в развитии моногородов. Для этого необходим единый подход к формированию стратегии развития региона и муниципальных образований, расположенных на его территории, его моногородов на системной основе с учетом различных интересов. Однако до настоящего времени научно-практическая проблема координации стратегического планирования регионов и их моногородов практически не рассматривалась исследователями.

Активизация научного и практического интереса к управлению моногородами началась в 2008–2009 гг., к настоящему времени определены теоретические и прикладные основы преобразования экономики моногородов, в том числе на стратегическом уровне [1; 5–7]. Реализация требований Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» обусловила активизацию работы над документами стратегического планирования регионального и муниципального уровней. Предполагается, что в большинстве из них данный процесс должен быть завершен к 01.01.2019. Вместе с тем продолжается работа по стратегическому развитию моногородов. Реализуется приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов», запущен институт «территории опережающего социально-экономического развития», проведено специальное обучение проектных команд по развитию моногородов на базе школы управления «Сколково» и т. д.

Однако эти процессы идут «параллельно», без необходимого согласования и координации по субъекту управления, целям, ресурсам, методологии и инструментарию. Безусловно, определенные контакты и поиск «точек соприкосновения» между органами власти субъекта федерации, местного самоуправления, бизнесом, местным сообществом, институтами развития присутствуют. Но такая практика в настоящее время в должной мере не систематизирована и не формализована.

Все это приводит к ряду проблем:

1. ограниченные финансовые, материальные и кадровые ресурсы используются без учета потенциала синергии и в разных направлениях, региональные программы и проекты не всегда в достаточной степени ориентированы на моногорода и наоборот;

2. отсутствует единое понимание целей региона и монопрофильных муниципальных образований как разноуровневых социально-экономических систем и их подсистем, что приводит к недостаточной согласованности управленческих решений;

3. стратегическое видение, миссия и будущий облик субъекта федерации и монопрофильных образований в его составе по-разному воспринимаются в региональном центре и моногородах, в результате чего не удается согласовать интересы различных субъектов и определить единые позиции, работать на общий результат;

4. не совпадают временные рамки разработки документов стратегического планирования региона и монопрофильных муниципальных образований, что крайне неблагоприятно отражается на системе управления не только в организационном, но и в сущностном (стратегическом) аспектах.

В конечном счете стратегическая диверсификация как магистральное направление социально-экономического развития моногородов в недостаточной степени отражается в «общерегиональной повестке», может «выбиваться» из общего видения будущего региона. Напротив, стратегические цели региона, где также в большинстве случаев важна диверсификация экономики, в недостаточной степени опираются на конкретные направления и задачи развития монопрофильных муниципальных образований. Безусловно, в регионах, где моногородов немного и они не играют определяющей роли в структуре экономики, указанная проблема не является столь острой и первоочередной. Но в ряде субъектов Российской Федерации, названных выше, экономическое развитие в немалой степени зависит от развития моногородов.

Исходя из требований федерального законодательства к документам стратегического планирования субъектов Российской Федерации, можно предложить некоторые характеристики интеграции региональных стратегий со стратегиями монопрофильных муниципальных образований (см. таблицу).

Данные таблицы показывают целесообразность координации стратегий развития регионального уровня и стратегий (в большинстве случаев – диверсификации экономики) моногородов. Управление развитием моногородов самым серьезным образом выходит за рамки вопросов местного значения и требует вовлечения ряда субъектов разных уровней, с синергетическим использованием имеющихся у них ресурсов. Например, такие моногорода, как Новокузнецк, Набережные Челны, Магнитогорск, Нижний Тагил, Череповец, Нижнекамск и др. играют существенную роль в экономике своих регионов. Например, в Кемеровской области в монопрофильных муниципальных образованиях проживает большинство населения (около 70 %). В таких случаях стратегическое управление моногородами – по сути, и есть стратегическое управление регионом.

Активизация практики стратегического преобразования моногородов вновь произошла в 2016–2017 гг. после ряда инициатив федеральных органов власти (можно говорить о «второй волне» активности федерального центра в отношении монопрофильных му-

ниципальных образований). В частности, в 2016 г. запущен процесс создания территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в монопрофильных муниципальных образованиях. Одними из первых статус ТОСЭР в 2016 г. получили Юрга, Анжеро-Судженск (Кемеровская область), Краснотурьинск (Свердловская область), Набережные Челны (Республика Татарстан), Тольятти (Самарская область), Надвоицы (Республика Карелия).

Таблица. Некоторые характеристики интеграции документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации и монопрофильных муниципальных образований
Table. Some Characteristics of Integration of Strategic Planning Documents in the Territorial Subjects and Monoprofile Municipal Units of the Russian Federation

Ключевые элементы документа стратегического планирования в субъекте Российской Федерации	Место монопрофильных муниципальных образований в системе стратегического планирования региона	Элементы стратегического планирования монопрофильных муниципальных образований
Стратегия социально-экономического развития региона, в т. ч.: − приоритеты, цели, задачи, направления социально-экономического развития; − показатели достижения целей; − ожидаемые результаты; − финансовые ресурсы	Как правило, требуется синхронная диверсификация экономики региона и муниципальных образований, на муниципальном уровне могут быть уточнены типы диверсификации (центрическая, вертикальная, конгломеративная и др.). Необходимо согласование целей и показателей развития (в частности, на основе каскадирования показателей вышестоящего уровня на ниже стоящий). Предусматривается рационализация использования ресурсов развития моногорода на основе целей субъекта в целом для реализации соответствующих проектов	Приоритеты, цели и конкретные задачи диверсификации экономики. Показатели диверсификации экономики. Финансовые, организационные, кадровые ресурсы монопрофильного муниципального образования
Прогноз социально-экономического развития региона на долгосрочный период, в т. ч.: − определение вариантов развития; оценка факторов и ограничений экономического роста; − направления социально-экономического развития; − основные показатели развития региона, показатели развития транспортной и энергетической инфраструктур	Варианты развития региона на стадии прогнозирования должны прорабатываться с учетом тех или иных комбинаций ситуаций, складывающихся в моногородах (часть диверсифицируется, часть – частично, часть не удается диверсифицировать). Факторы и ограничения роста, развития (диверсификации) также должны рассматриваться отдельно по муниципальным образования или их группам. Развитие транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры планируется с учетом федеральных проектов по инфраструктуре моногородов	Варианты развития моногорода (варианты диверсификации, степень диверсификации), степень их влияния на региональный сценарий стратегического развития. Факторы и ограничения диверсификации конкретного моногорода (региональные и местные). Проекты по развитию инфраструктуры с учетом помощи федерального центра
Прогноз социально-экономического развития на среднесрочный период, в т. ч.: − оценка факторов и ограничений экономического роста; − направления социально-экономического развития и целевые показатели одного или нескольких вариантов, включая количественные показатели и качественные характеристики	Роль и место монопрофильных муниципальных образований в среднесрочном прогнозе аналогична долгосрочному, но ориентированы на более короткий промежуток времени	Варианты развития моногорода в экономическом пространстве региона на среднесрочный период, как этап реализации стратегии диверсификации в целом. Факторы, условия и привлекаемые ресурсы для диверсификации экономики на среднесрочный период

Ключевые элементы документа стратегического планирования в субъекте Российской Федерации	Место монопрофильных муниципальных образований в системе стратегического планирования региона	Элементы стратегического планирования монопрофильных муниципальных образований
План мероприятий по реализации стратегии, в т. ч.: – цели и задачи для каждого этапа реализации стратегии; – показатели реализации; – комплексы мероприятий и перечень государственных программ, обеспечивающих достижение целей	Цели и задачи диверсификации монопрофильных муниципальных образований во взаимной связи со стратегическими целями региона (в число которых, как правило, будет входить диверсификация). Показатели диверсификации монопрофильного муниципального образования с учетом показателей региона в целом (должен быть предусмотрен механизм согласования и координации целей различных уровней, например их каскадирование). Территориальное распределение мероприятий государственных программ по муниципальным образованиям должно согласовываться с целями и сценариями развития региона. Также целесообразно согласование и выстраивание в единой логике мероприятий, программ регионального и муниципального уровня на основе механизмов координации, согласованного развития	Текущие цели и задачи диверсификации экономики и повышения качества жизни, показатели их выполнения. Мероприятия по диверсификации экономики, повышению качества жизни граждан, реализация региональных программ на муниципальных уровнях, муниципальные программы

В границах ТОСЭР устанавливается особый правовой режим предпринимательской и иной деятельности, устанавливаются нулевые ставки налога на прибыль и имущество организаций на первые 5 лет (затем – льготные ставки), первые 3 года может не взиматься земельный налог, снижается уровень страховых взносов. Предполагается предоставление льготных займов и обеспечение объектами инфраструктуры. Идея создания ТОСЭР заключается в формировании условий для привлечения малого и среднего бизнеса, не связанного с традиционными видами экономической деятельности в моногороде, что обусловливает диверсификацию его экономики. ТОСЭР формируются на срок до 10 лет, который впоследствии может быть продлен еще на 5 лет.

Позитивно оценивая саму идею, замысел ТОСЭР, необходимо подчеркнуть, что в существующем виде они практически никак не интегрированы в стратегии развития регионов (которые в настоящий период еще только разрабатываются (актуализируются)). В то же время ТОСЭР самым существенным образом влияют и на экономическое развитие региона, и на перемещение факторов производства, и на место территории в системе разделения труда. Кроме того, создание ТОСЭР имеет не только преимущества, существуют угрозы неравной конкуренции муниципальных образований, формального перемещения бизнеса в погоне за налоговыми льготами.

Анализируя место сложившихся ТОСЭР в стратегиях регионов, представляется возможным выделить следующие формы их интеграции в видение будущего и целевые показатели субъектов Российской Федерации.

1. ТОСЭР как основа социально-экономического и пространственного развития региона или его части на базе пространственной концентрации существующих и новых предприятий, пользующихся положительными эффектами близкого расположения. В стратегии развития региона должны находить отражение новые бизнес-территории с высокой концентрацией экономической активности, обладающие, как правило, наибольшим потенциалом и скоростью роста. Типичными их примерами могут быть кластеры, агломерации, другие прогрессивные формы пространственного развития. ТОСЭР также могут выступить в подобной роли, кроме того, именно здесь существует потенциал кластерного развития цепочек создания добавленной стоимости, комбинирования существующих производств для получения синергетического эффекта. Другая возможная форма интеграции ТОСЭР в региональную стратегию – выравнивание чрезмерной пространственной неоднородности экономики региона. ТОСЭР может способствовать сохранению и расширенному воспроизводству ресурсов, экономической активности на тех территориях региона, которые подвергаются риску вытеснения на периферию.

2. ТОСЭР как перспективный производитель инновационных, несырьевых товаров, работ, услуг, обладающих значительной добавленной стоимостью и способствующих укреплению конкурентоспособности региона, увеличению экспортного потенциала,

повышению экономической устойчивости. Поскольку в основе создания ТОСЭР лежит целевая установка на новый производственный бизнес, то его продукты должны выходить на национальный и мировой рынки, существенно меняя рыночные позиции региона. Например, ТОСЭР Краснотурьинска (Свердловская область) предполагает развитие производств минеральных добавок к сельскохозяйственным кормам, почвенных кондиционеров и сорбентов, неорганических пигментов, медицинского оборудования. В ТОСЭР Анжеро-Судженска (Кемеровская область) развивается мукомольно-крупяное производство, выпуск пенополистеролбетона, глубокая переработка леса. Это во многом новые производства не только для монопрофильного муниципального образования, но и региона в целом, которые позволяют пересмотреть свое место на национальном и, возможно, мировом рынках.

3. ТОСЭР как механизм продвижения региона в системе конкуренции за инвестиции, человеческий капитал, компетенции и другие факторы экономического роста. В современной экономике территории активно конкурируют между собой, что отражено, например, в концепции «регионального маркетинга». ТОСЭР с весьма благоприятными условиями для бизнеса может послужить катализатором повышения привлекательности территории, «эффект притяжения» в определенной степени распространится и на регион в целом.

4. ТОСЭР способствует максимально полному использованию местных ресурсов экономического роста, локализованных в моногороде, что в принципе соответствует основным положениям теории эндогенного роста и обуславливает вовлечение в хозяйственный оборот ныне незадействованных факторов производства.

Учитывая вышеизложенное, формирование и развитие ТОСЭР следует интегрировать в процессы стратегического планирования региона. С точки зрения перспективы, более рационально ориентировать стратегию субъекта Российской Федерации на потенциальное создание ТОСЭР в тех или иных монопрофильных муниципальных образованиях с учетом общего видения стратегического развития региона.

Для координации стратегий развития субъектов РФ монопрофильных муниципальных образований, расположенных на их территории, необходимо использование определенных управленческих механизмов, которые позволяют согласовывать и корректировать цели, задачи, показатели, мероприятия. Один из традиционных механизмов управленческой координации, раскрытый, в частности, в трудах Г. Минцберга – это стандартизация, т. е. внедрение единых правил и принципов работы, обязательных для всех участников процесса и обеспечивающих совместимость результатов труда (неважно, физического или управленческого) [8].

На региональном уровне целесообразна разработка единого видения структуры и содержания документов стратегического планирования муниципальных образований, включая монопрофильные. Безусловно, чрезмерно детальная регламентация нецелесообразна в силу высоких временных затрат и необходимости учета особенностей неоднородных муниципальных образований. Тем не менее вполне рациональна идея о разработке примерной структуры документов стратегического планирования городских округов и муниципальных районов по таким разделам, как видение будущего муниципального образования, основные цели и задачи, перечень показателей эффективности и т. д. Это позволит использовать единые форматы документов и упростит процесс обмена информацией.

Другой перспективный механизм – это каскадирование стратегических целей и показателей с регионального на межмуниципальный и муниципальный уровень. Данный механизм был разработан в рамках концепции сбалансированной системы показателей для формирования индикаторов работы подразделений, отделов, персонала на основе общекорпоративных целей и количественных показателей [9]. Идея каскадирования заключается в том, что недостаточно внедрить систему стратегических целей и показателей сложной многоуровневой системы только на верхнем уровне, нужна проекция на уровень каждой из подсистем. Данный тезис весьма актуален и для региональных социально-экономических систем.

Например, системы целей и показателей для части муниципальных образований могут быть близки к региональным установкам. Это актуально при наличии сравнительно небольшого числа однородных муниципальных образований. В другой ситуации муниципальные образования могут разрабатывать собственные стратегические цели и показатели, которые интегрируются в общерегиональные путем агрегации (математических операций сложения, расчета среднего и т. п.), либо более сложным содержательным путем. Может быть актуален также гибридный подход, когда часть муниципальных образований заимствует цели и показатели с регионального уровня и рассчитывает свой непосредственный вклад в них, а другая часть – планирует свои цели и показатели, косвенно способствующие достижению стратегических целей региона.

В Свердловской области имеется уникальный, передовой опыт формирования и реализации документов стратегического планирования. На базе аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе и Правительства Свердловской области в 2016 г. сформирована и функционирует Единая методическая площадка стратегического планирования для выработки единых подходов к разработке документов стратегического планирования всех уровней, на основе координации систем федерального, регионального и муниципального стратегического планирования и управления (Протокол совещания у заместителя полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе в составе рабочей группы по стратегическому планированию и региональному развитию в Уральском федеральном округе от 01.07.2016 № 12).

Протоколом заседания Единой методической площадки стратегического планирования и развития в Уральском федеральном округе при заместителе полномочного представителя Президента Россий-

ской Федерации в Уральском федеральном округе А. П. Моисееве от 14.11.2016 № 22 утверждены Единые методические подходы к формированию документов стратегического планирования всех уровней, а также необходимые условия формирования и реализации стратегии любого управленческого уровня, предложенные заместителем губернатора Свердловской области А. Г. Высокинским [10].

Продолжая работу над методическим обеспечением процессов разработки документов стратегического планирования, в 2017 г. в Свердловской области были разработаны и утверждены методические рекомендации по разработке (актуализации) стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области [11]. В настоящее время осуществляется разработка (актуализация) стратегий муниципальных образований, в том числе монопрофильных, в соответствии с утвержденными методическими рекомендациями.

Стратегия социально-экономического развития должна представлять собой научно-обоснованный и практико-ориентированный документ, определяющий ориентиры развития, всесторонне учитывающий специфику территории и ее конкурентные возможности на долгосрочную перспективу.

Одним из условий успешности реализации документов стратегического планирования являются единые методические подходы, применяемые на всех управленческих уровнях. И, безусловно, необходима четкая координация стратегического развития разных типов территориальных образований как одного, так и разных управленческих уровней.

Литература

1. Анимица Е. Г., Бочко В. С., Пешина Э. В., Анимица П. Е. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного экономического университета, 2010. 81 с.

2. Худеева В. В. Управление развитием региона: проблемы и задачи стратегического планирования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 147–151.

3. Ершов К. О. Проблемы стратегического управления развитием регионального промышленного комплекса // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 9. С. 89–94.

4. Новоселов А. С., Маршалова А. С. Актуальные проблемы разработки стратегии социально-экономического развития региона // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 3. С. 189–197.

5. Дидык В. В., Рябова Л. А. Моногорода российской Арктики: стратегии развития (на примере Мурманской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4. С. 84–99.

6. Иванова О. П., Антонов Г. Д. ТОСЭР в моногородах // ЭКО. 2017. № 3. С. 120–133.

7. Ускова Т. В., Иогман Л. Г., Ткачук С. Н., Нестеров А. Н., Литвинова Н. Ю. Моногород: управление развитием. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2012. 220 с.

8. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации. СПб.: Питер, 2004. 512 с.

9. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2006. 304 с.

10. Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры: монография / под ред. Я. П. Силина. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного экономического университета, 2017. 327 с.

11. О методических рекомендациях по разработке (актуализации) стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области. Постановление Правительства Свердловской области от 30 марта 2017 г. № 208-ПП. Режим доступа: http://arti.midural.ru/uploads/file/EKO/208-ПП%20О%20методических%20рекомендациях%20по%20разработке%20стратегий.pdf (дата обращения: 03.04.2017).

COORDINATION OF STRATEGIC PLANNING PROCESSES IN THE REGIONS AND MONOCITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ivan A. Antipin[1, @]

[1] *Ural State University of Economics, 62/45, 8 Marta/Narodnoi Voli St., Ekaterinburg, Russia, 620144*
[@] *aia87@mail.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: strategic planning, region, municipality, monocities, diversification.

Abstract: The article features the current problems of coordination of the strategic planning processes within the subjects of the Russian Federation and municipal entities located on their territory, including mono-profile ones. The study takes into account Federal Law No. 172-FZ, June 28, 2014: «Strategic Planning in the Russian Federation». The research has proved objective necessity for new approaches to strategic planning

in mono-profile municipal entities, taking into account the strategic prospects for the development of the regions. It identifies the main problems of the modern practice of strategic planning and reveals the substantive areas of integration of goals, tasks, measures of strategic development of the regions (subjects of the Russian Federation) with strategic orientations of municipal entities, including monoprofile ones. The author establishes some mechanisms of coordination of the strategic planning processes of the subjects of the Russian Federation and municipalities located on their territories. The results can be used by the authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments when developing strategic planning documents.

For citation: Antipin I. A. O koordinatsii protsessov strategicheskogo planirovaniia sub»ekta Rossiiskoi Federatsii i monogorodov, raspolozhennykh na ego territorii [Coordination of Strategic Planning Processes in the Regions and Monocities of the Russian Federation]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 55–61. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-55-61.

References

1. Animitsa E. G., Bochko V. S., Peshina E. V., Animitsa P. E. *Kontseptual'nye podkhody k razrabotke strategii razvitiia monoprofil'nogo goroda* [Conceptual approaches to the development of a strategy for the development of a single-city city]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2010, 81.
2. Khudeeva V. V. Upravlenie razvitiem regiona: problemy i zadachi strategicheskogo planirovaniia [Management of the development of the region: problems and tasks of strategic planning]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the University of Tambov. Series: Humanities*, no. 2 (2008): 147–151.
3. Ershov K. O. Problemy strategicheskogo upravleniia razvitiem regional'nogo promyshlennogo kompleksa [Problems of strategic management of the development of the regional industrial complex]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*, 15, no. 9 (2014): 89–94.
4. Novoselov A. S., Marshalova A. S. Aktual'nye problemy razrabotki strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regiona [Actual problems of developing a strategy for socio-economic development of the region]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta = Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 3 (2017): 189–197.
5. Didyk V. V., Riabova L. A. Monogoroda rossiiskoi Arktiki: strategii razvitiia (na primere Murmanskoi oblasti) [Monotowns of the Russian Arctic: development strategies (the case of the Murmansk region)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 4 (2014): 84–99.
6. Ivanova O. P., Antonov G. D. TOSER v monogorodakh [Territories of advanced socio-economic development in single-industry towns]. *EKO = ECO*, no. 3 (2017): 120–133.
7. Uskova T. V., Iogman L. G., Tkachuk S. N., Nesterov A. N., Litvinova N. Iu. *Monogorod: upravlenie razvitiem* [Mono-city: development management]. Vologda: Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia territorii RAN, 2012, 220.
8. Mintsberg G. *Struktura v kulake: sozdanie effektivnoi organizatsii* [Structure in fives: Designing effective organizations]. Saint-Petersburg: Piter, 2004, 512.
9. Kaplan R., Norton D. *Sbalansirovannaia sistema pokazatelei. Ot strategii k deistviiu* [Balanced scorecard. From strategy to action]. Moscow: Olimp-Biznes, 2006, 304.
10. *Regional'naia ekonomika: vyzovy, prioritety, strategicheskie orientiry* [Regional economy: challenges, priorities, strategic landmarks]. Ed. Silin Ya. P. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2017, 327.
11. *O metodicheskikh rekomendatsiiakh po razrabotke (aktualizatsii) strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia munitsipal'nykh obrazovanii, raspolozhennykh na territorii Sverdlovskoi oblasti* [About methodical recommendations about development (updating) of strategy of social and economic development of municipal units located in the territory of the Sverdlovsk region]. Resolution of the government of Sverdlovsk region of March 30, 2017, No. 208-PP. Available at: http://arti.midural.ru/uploads/file/EKO/208-ПП%20О%20методических%20рекомендациях%20по%20разработке%20стратегий.pdf (accessed 03.04.2017).

УДК 332.144

РЕГИОНЫ С ВЫСОКОЙ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ МОНОГОРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ДАННЫХ

Ирина С. Антонова[1, @, *]

[1] *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, 634034, г. Томск, пр. Ленина, 30*
[@] *antonovais@tpu.ru*

Поступила в редакцию 25.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: моногород, концентрация, моделирование, пространственное развитие, закон Ципфа.

Аннотация: При всем многообразии исследований проблем развития моногородов качеству статистических данных уделяется сравнительно малое внимание: не учитывается выборочность данных официальной статистики, а также несоответствие территории моногорода муниципальному образованию. Последнее не позволяет применить математические методы для моделирования пространственного развития моногородов. Целью работы является выявление проблем оценки и предложение направлений повышения качества данных о регионах с высокой концентрацией моногородов на примере Кемеровской области. Методы исследования включают сбор и группировку данных по моногородам Кемеровской области с учетом административно-территориального деления региона, построение логарифмической модели распределения городов и моногородов по правилу «ранг-размер» и оценку соответствия полученного распределения правилу Ципфа. В результате исследования автор предлагает направления повышения качества данных о моногородах и получаемых результатов, в частности уточняется соответствие закону Ципфа моногородов Кемеровской области. Результаты могут применяться в области прогнозирования и управления развитием моногородов на региональном уровне.

Для цитирования: Антонова И. С. Регионы с высокой концентрацией моногородов: проблемы повышения качества данных // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 62–68. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-62-68.

Прошедшее десятилетие (2008–2017 гг.) отмечено ростом интереса к проблемам развития моногородов как в науке, так и на практике, в том числе в управленческой деятельности администраций монопрофильных муниципальных образований, региональных и федеральных органов управления. Несмотря на проведение активной политики в области поддержки моногородов, включающей разработку Комплексных инвестиционных планов модернизации моногородов, обучение управленческих команд администраций моногородов, заключение договоров о сотрудничестве, софинансирование инфраструктурных и отдельных инвестиционных проектов на принципах государственно-частного партнерства, позитивных структурных изменений в экономике регионов пока не происходит, а поиск частных инвестиций редко дает положительный результат.

Высокий интерес научного сообщества к моногородам как объекту исследования объясняется актуальностью проблемы развития данных населенных пунктов в современных социально-экономических условиях развития РФ. Основной для научных разработок становятся работы И. В. Липсица, Е. Г. Анимицы, В. Я. Любовного, Н. В. Зубаревич, И. Д. Тургель, Г. Д. Антонова, О. П. Ивановой, Е. М. Петриковой, М. Л. Белоножко, Н. И. Крысина и др. В работах определяются понятие «моногород» и критерии выделения моногородов [1–5], проводится анализ социально-экономического развития моногородов [6–7], в том числе на основе обработки официальной статистики [8–9], которая тем не менее имеет ряд недостатков. Так, самые ранние данные, загруженные в систему Росстата по Кемеровской области, датируются 2006 г. (местный бюджет, инвестиции), при этом представлены не все моногорода. Подобные базы данных крайне ограничивают возможность применения математических методов, схожих тем, которые применяют ученые в области региональной экономики, используя базу данных о субъектах Российской Федерации.

Целью данной статьи является выявление проблем оценки и предложение направлений повышения качества данных о регионах с высокой концентрацией моногородов на примере Кемеровской области.

Анализ последних работ, базирующихся на обработке статистических данных о моногородах, показывает различный взгляд на формирование базы данных.

**** Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых № МК-5598.2018.6.***

С. Н. Растворцева и И. В. Манаева, проводя проверку закона Ципфа на примере городов и моногородов по показателю объема отгруженной продукции, учитывают лишь 4 моногорода (из 24 монопрофильных населенных пунктов) Кемеровской области, что снижает качество получаемых результатов [7]. В таких условиях дальнейшее развитие научных исследований должно быть направлено на проведение анализа данных с включением максимального числа мониторов за максимальное число лет. Только это условие позволит применить методы математического моделирования динамических особенностей развития данных населенных пунктов и научно обосновать тенденции развития последних.

Н. Ю. Микрюков, напротив, обосновывает исключение из базы данных объема отгруженной продукции в связи с тем, что ему присущ «двойной счет» материалов и услуг, отличающий данный показатель от величины добавленной стоимости [8]. Но исследование, учитывающее исключительно показатели, связанные с численностью населения и занятостью (безработицей), не позволит перейти к полноценному моделированию социально-экономических процессов в моногородах, требующих прочих экзогенных и эндогенных переменных. Таким образом, проблемы формирования базы данных о моногородах и отсутствие общих методических подходов к их комплексному исследованию становится первым, наиболее существенным барьером для исследований в области развития моногородов.

Сформированный официальный перечень монопрофильных населенных пунктов по состоянию на 2017 г. «заморожен» до конца 2018 г. Это обстоятельство позволяет достаточно определенно сформировать перечень моногородов в привязке к регионам. Ранжирование регионов по числу моногородов позволяет выделить следующие регионы с наибольшим числом моногородов:

1. Кемеровская область (24 из 66 монопрофильных населенных пунктов в Сибирском федеральном округе).
2. Свердловская область (17 из 37 монопрофильных населенных пунктов в Уральском федеральном округе).
3. Челябинская область (16 из 45 монопрофильных населенных пунктов в Уральском федеральном округе).
4. Нижегородская область (12 из 79 в Приволжском федеральном округе); Кировская область (11 из 79 в Приволжском федеральном округе); Пермский край (10 из 79 в Приволжском федеральном округе), Ивановская область (10 из 63 в Центральном федеральном округе), Брянская область (10 из 63 в Центральном федеральном округе).

Кемеровская область, являясь регионом с максимальным числом монопрофильных населенных пунктов – 24, становится одним из первых потенциальных объектов исследования моногородов, связывающих муниципальный и региональный уровни. Указанное число моногородов особенно за ряд лет позволяет применять методы пространственного моделирования, дисперсионный и корреляционный анализы. Однако включение в базу данных всех 24 муниципальных образований ограничивает специфика статистических данных на муниципальном уровне, а именно агрегирование показателей социально-экономического развития по городским округам (ГО) и муниципальным районам (МР) (таблица). Привлечение данных бухгалтерской отчетности на уровне предприятий позволит агрегировать их на уровне соответствующего монопрофильного населенного пункта (городского округа, города, городского поселения (гп), поселка), а также приблизить экономические показатели к объекту исследования и повысить качество получаемых результатов.

Таблица. Основные показатели экономического развития моногородов в 2016 г. (составлено автором на основе базы данных о муниципальных образованиях Росстата)
Table. The main indicators of economic development of single-industry towns in 2016 (compiled by the author on the basis of the database on municipalities of Federal State Statistics Service (Rosstat)

№	Перечень	Статус	Доступные статистические данные	Среднесписочная численность занятых, человек	Отгрузка суммарно*, тыс. руб.	Инвестиции, тыс. руб.
1	Анжеро-Судженский	ГО	по ГО	15292	4302816	1079312
2	Беловский	ГО	по ГО	35818	59854283	4694887
3	Березовский	ГО	по ГО	9162	13903143	2227250
4	Калтанский	ГО	по ГО	7162	4228570	529741
5	Киселевский	ГО	по ГО	20090	30588125	2845566
6	Ленинск-Кузнецкий	ГО	по ГО	27261	5153763	5088944
7	Междуреченский	ГО	по ГО	33182	68138540	4448399
8	Мысковский	ГО	по ГО	10506	31426444	1147228
9	Новокузнецкий	ГО	по ГО	141609	31361759	16052472
10	Полысаевский	ГО	по ГО	8550	10371810	3218069

№	Перечень	Статус	Доступные статистические данные	Среднесписочная численность занятых, человек	Отгрузка суммарно*, тыс. руб.	Инвестиции, тыс. руб.
11	Осинниковский	ГО	по ГО	9000	6481853	799875
12	Прокопьевский	ГО	по ГО	36313	13702137	1247335
13	Тайгинский	ГО	по ГО	7730	1062991	43968
14	Юргинский	ГО	по ГО	18213	12535481	449717
15	Краснобродский	поселок	Краснобродский ГО	3733	9832846	1249646
16	Таштагол	город	Таштагольский МР	12366	9826848	2169306
17	Шерегешское	гп				
18	Мундыбашское	гп				
19	Гурьевск	город	Гурьевский МР	8422	1751290	270394
20	Салаирское	гп				
21	Белогорское	гп	Тисульский МР	3344	457700	579895
22	Мариинск	город	Мариинский МР	11856	11443457	1464776
23	Топки	город	Топкинский МР	8973	17504156	122830
24	Яшкинское	гп	Яшкинский МР	5576	11210170	740059

Прим.: * отгрузка суммарно определена по добыче полезных ископаемых (раздел С), обрабатывающей промышленности и производству (раздел D), распределению электроэнергии, газа и воды (раздел D) согласно ОКВЭД, ред. 1.

Сбор данных о моногородах в динамике значительно ограничен временными рамками, поскольку официальные статистические данные представлены преимущественно с 2006–2009 гг. Исследованию концентрации видов экономической деятельности за ряд лет мешает смена классификатора ОКВЭД, имевшая место быть в 2016 г., и неравномерное число предприятий, представлявших отчётность в органы статистики. Например, если в период 1999–2005 гг. в информационной базе СПАРК по Анжеро-Судженску представлено лишь 22 предприятия, то в период 2006–2010 гг. – 39, 2011–2015 гг. – 152 предприятия. Снижение данных ограничений может быть связано с выделением базового числа предприятий, а также вновь появляющихся, что открывает новые направления исследования в области динамики развития моногородов. Так, всего 16 предприятий Анжеро-Судженска составляют почти 40 % отгруженной продукции города.

Устранение указанных ограничений и повышение качества формируемых баз исследования позволит уточнить ряд закономерностей, в частности распределение моногородов по закону Ципфа [7; 10].

$$y = a - bx ,$$

где y – логарифмическая функция ранга ($ln_{ранг}$); x – логарифм численности населения ($ln_{размер}$); b – коэффициент Ципфа, показывающий угол наклона зависимости ранга от численности населения городов (моногородов); a – константа.

Закон Ципфа предполагает такое распределение городов по рассматриваемому параметру, что крупнейший город в n раз превосходит n-й город по убыванию. Экономический смысл данного закона заключается в возможности применения его для прогнозирования потенциального развития городов (роста или сокращения) по рассматриваемому показателю. Используя данные о численности населения полного числа моногородов Кемеровской области, чего не делалось ранее, в статье предлагается проверить соответствие распределения моногородов по правилу «ранг-размер» на уровне региона, уточнить результаты, полученные авторами ранее [9].

Метод наименьших квадратов позволяет оценить переменные модели. На рисунке 1 представлено распределение «ранг-размер» моногородов по численности населения с учетом всех моногородов из официального перечня (рис. 1).

Наблюдается сильная зависимость показателей ранга и численности населения по всем 24 монопрофильным населенным пунктам. Однако второй, третий и четвертый по величине города (Прокопьевский, Беловский и Междуреченский городские округа соответственно) по численности населения ниже как прогнозного значения, так и эталонного значения (по правилу Ципфа), что может свидетельствовать о потенциальном росте данных городов в будущем. Данная закономерность присуща и остальным моногородам, в целом они показывают более низкую численность населения в сравнении с эталонной.

Добавление Кемеровского городского округа к выборке 24 моногородов усиливает правило «ранг-размер» и повышает коэффициента детерминации при построении прямой распределения (R^2) с 0,85 до 0,95, оставляя Новокузнецкий городской округ выше «эталонной» линии.

Построение зависимости «ранг-размер» с включением 39 городских округов и городских поселений

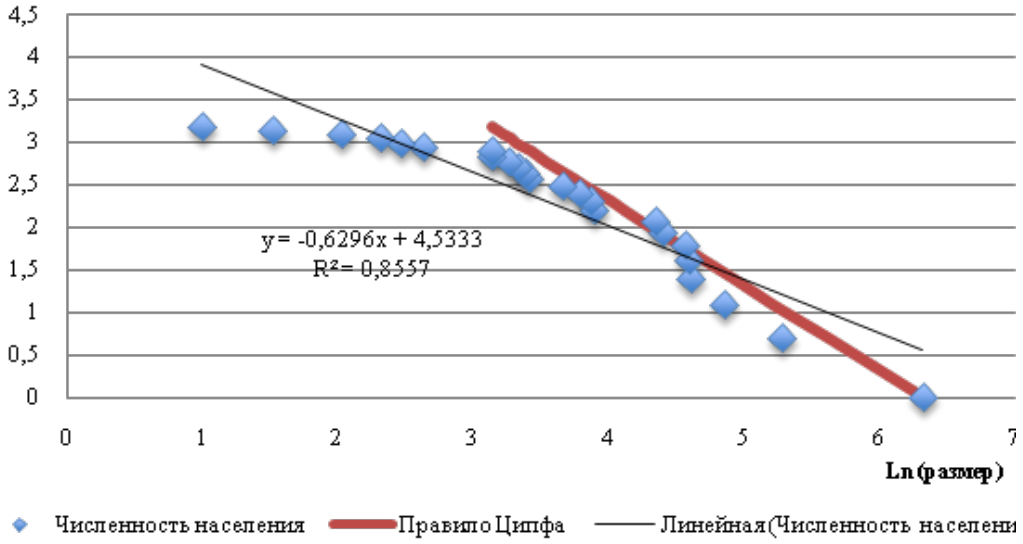

Рис. 1. Распределение «ранг-размер» 24 монопрофильных населенных пункта Кемеровской области по численности населения на 01.01.2017 (составлено автором на основе данных Росстата)
Fig. 1. Distribution of "rank-size" of 24 mono-profile settlements of the Kemerovo Region according to population as of 01.01.2017 (compiled by the author on the basis of Rosstat data)

показывает большую зависимость ранга от размера (R^2=0,92). Общей тенденцией является более низкая численность населения по сравнению с «эталонным» по всем городам Кемеровской области, кроме Новокузнецкого городского округа (рис. 2). Численность населения Новокузнецкого городского округа почти в 2 раза превосходит «эталонное» значение по закону Ципфа, которое выполняется при коэффициенте b=1 (красная прямая на рисунке 2).

Наибольшую тесноту связи «ранг-размер» демонстрирует выборка из 18 городов и городских округов, входящих в перечень моногородов Кемеровской обла-

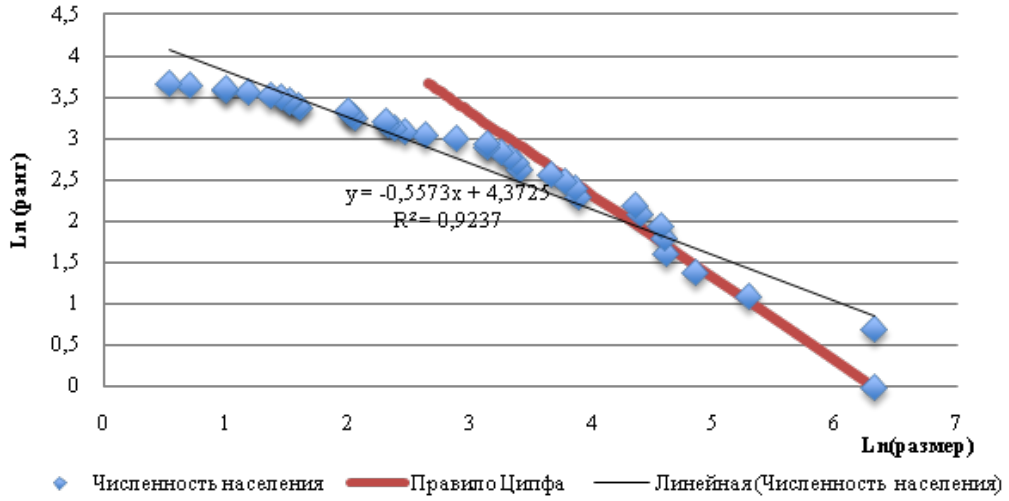

Рис. 2. Распределение «ранг-размер» по 39 городским округам и городским поселениям Кемеровской области по численности населения на 01.01.2017 (составлено автором на основе данных Росстата)
Fig. 2. Distribution of «rank-size» for 39 urban districts and urban settlements of the Kemerovo region by population as of 01.01.2017 (Compiled by the author on the basis of Rosstat data)

сти (т. е. исключая поселения и городские поселения), что представлено на рисунке 3.

Модель распределения моногородов лишь незначительно отклоняется от эталонного значения (по правилу Ципфа) при b=1. Коэффициент Ципфа (b) во всех моделях распределения (рис. 1–3) ниже 1, что свидетельствует о том, что численность населения ниже «эталонного» объема по закону Ципфа. Моногорода Кемеровской области, имеющие статус города и городского округа, в большей степени соответствуют закону Ципфа.

Таким образом, выделение регионов с высокой концентрацией моногородов с включением в базу исследования максимального числа моногородов открывает новые перспективы исследования с примене-

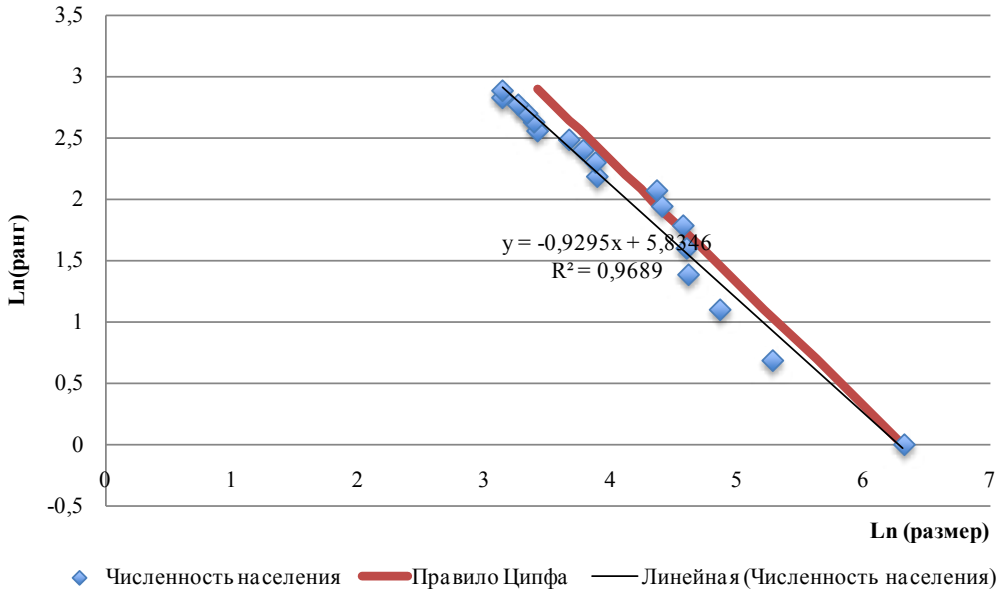

Рис. 3. Распределение «ранг-размер» по 18 городам и городским округам из перечня моногородов Кемеровской области по численности населения на 01.01.2017 (составлено автором на основе данных Росстата)
Fig. 3. Distribution of «rank-size» in 18 cities and urban districts from the list of single-industry towns of the Kemerovo region by population as of 01.01.2017 (compiled by the author on the basis of Rosstat data)

нием методов математического моделирования. При этом особое значение играет именно качество первоначальных данных в связи с расхождением объектов исследования и уровню агрегирования официальной статистики. Привлечение данных на уровне предприятий позволяет решить данную проблему, однако требует особого внимания к динамике показателей (особенно при смене ОКВЭД). Учет максимального числа населенных пунктов в рамках регионов позволяет, в частности, подтвердить выполнение закона Ципфа по численности населения для всей совокупности моногородов региона на примере Кемеровской области.

Литература

1. Липсиц И. В. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: база данных о градообразующих предприятиях и моногородах России. М.: Издательский дом Хроникер, 2000. 262 с.

2. Тургель И. Д. Проблемы развития моногородов Урала со специализацией в сфере черной металлургии в условиях кризиса // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 26. С. 2–10.

3. Белоножко М. Л., Крысин Н. И. Специфика управления монопрофильными городами Тюменского Севера // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 87–91.

4. Кожин В. А., Преснецов А. А., Провалов В. С. Управление социально-экономическим развитием моногорода. Киров: Изд-во Вят. гос. гуманитар. ун-та, 2008. 311 с.

5. Пасынков А. Ф. Разработка сценариев устойчивого социально-экономического развития монопрофильного города сырьевого типа. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2006. 54 с.

6. Любовныи В. Я., Кузнецова Г. Ю., Власова Н. И., Гривина И. В. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России. М.: Московский общественный научный фонд, 2004. 224 с. (Библиотека местного самоуправления. Вып. 54).

7. Зубаревич Н. В. Регионы России: Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

8. Микрюков Н. Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016. 26 с.

9. Растворцева С. Н., Манаева И. В. Моногорода в системе размещения производительных сил регионов РФ // Вопросы территориального развития. 2016. № 5. С. 1–9.

10. Петрикова Е. М. Комплексная инвестиционная программа экономики моногорода // Региональная экономика: Теория и практика. 2010. № 43. С. 19–32.

REGIONS WITH HIGH CONCENTRATION OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS: PROBLEMS OF DATA QUALITY IMPROVEMENT

Irina S. Antonova[1, @, *]

[1] *National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050*
[@] *antonovais@tpu.ru*

Received 25.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: single-industry town, concentration, modelling, spatial development, Zipf's law.

Abstract: With all the diversity of studies of single-industry towns' development problems, little attention has been given to the quality of statistical data: neither the selective character of official statistics nor the difference between a single-industry town and a municipality are taken into account. The latter makes it impossible to use mathematical methods to simulate the spatial development of towns. The purpose of the current research is to identify the problems of assessment for regions with high concentration of monotowns and to introduce some ways of improving the quality of data by using the case of the Kemerovo region. Research methods include collection and grouping of data on the single-industry towns of the Kemerovo region taking into account the administrative-territorial division of the region, the construction of the logarithmic model of distribution of cities and towns according to the «rank-size» rule and evaluation compliance of the received distribution with the Zipf rule. As a result of research, the author proposes directions of improvement of data on towns and obtained results. In particular, the study specifies the conformity of Kuzbass towns to the Zipf law. The results can be applied in the field of forecasting and management of single-industry towns' development at the regional level.

For citation: Antonova I. S. Regiony s vysokoi kontsentratsiei monogorodov: problemy povysheniia kachestva dannykh [Regions with High Concentration of Single-Industry Towns: Problems of Data Quality Improvement]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 62–68. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-62-68.

Reference

1. Lipsits I. V. *Monoprofil'nye goroda i gradoobrazuiushchie predpriiatiia: baza dannykh o gradoobrazuiushchikh predpriiatiiakh i monogorodakh Rossii* [Mono-profile towns and town-forming enterprises: Database of core enterprises and monotowns of Russia]. Moscow: Izdatel'skii dom Khroniker, 2000, 262
2. Turgel' I. D. Problemy razvitiia monogorodov Urala so spetsializatsiei v sfere chernoi metallurgii v usloviiakh krizisa [Problems of development of monotowns of Ural with specialization in steel industry in the conditions of crisis]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional economy: theory and practice*, no. 26 (2009): 2–10.
3. Belonozhko M. L., Krysin N. I. Spetsifika upravleniia monoprofil'nymi gorodami Tiumenskogo Severa [Specificity of management of mono-profile cities of the north of Tyumen]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies,* no. 7 (2002): 87–91.
4. Kozhin V. A., Presnetsov A. A., Provalov V. S. *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem monogoroda* [Management of socio-economic development of monotowns]. Kirov: Izd-vo Viat. gos. gumanitar. un-ta, 2008, 311.
5. Pasynkov A. F. *Razrabotka stsenariev ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monoprofil'nogo goroda syr'evogo tipa* [Development of scenarios of sustainable socio-economic development for monoprofiled towns of raw material type]. Ekaterinburg: In-t ehkonomiki UrO RAN, 2006, 54.
6. Lyubovnyj V. Y., Kuznetsova G. Y., Vlasova N. I., Grivina I. V. *Puti aktivizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monoprofil'nykh gorodov Rossii* [Ways of intensification of social and economic development of mono cities of Russia]. Moscow: Moskovskii obshhestvennyi nauchnyi fond, 2004, 224.
7. Zubarevich N. V. *Regiony Rossii: Neravenstvo, krizis, modernizatsiia* [Regions of Russia: Inequality, crisis, modernization]. Moscow: Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, 2010, 160.
8. Mikryukov N. Y. *Faktory, problemy i modeli razvitiia monogorodov Rossii*. Avtoref. diss. kand. geogr. nauk [Factors, problems and models of development of monotowns in Russia. Cand. geogr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow state university. Moscow, 2016, 26.

**** The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for Young Scientists No. MK-5598.2018.6.***

9. Rastvortseva S. N., Manaeva I. V. Monogoroda v sisteme razmeshcheniia proizvoditel'nykh sil regionov RF [Monotowns in the system of placing of productive forces of regions of Russia]. *Voprosy territorial'nogo razvitiia = Territorial development issues*, no. 5 (2016): 1–9.

10. Petrikova E. M. Kompleksnaia investitsionnaia programma ekonomiki monogoroda [Integrated investment program for economy of a single-industry city]. *Regional'naia ekonomika: Teoriia i praktika = Regional Economics: Theory and Pactice*, no. 43 (2010): 19–32.

УДК 330.8

АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА

***Светлана И. Бабина*[1, @1], *Ирина Ю. Садовникова*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *babina-si@rambler.ru*
[@2] *ieinkakemm@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.02.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий капитал региона, индекс человеческого развития, структура человеческого капитала, факторы человеческого развития.

Аннотация: В статье рассмотрены подходы к определению понятия «человеческий капитал». Отмечается, что человеческий капитал в современной парадигме социально-экономического развития регионов и государства признается в качестве одного из важнейших источников эндогенного долгосрочного экономического роста. Авторами дано определение человеческого капитала региона как совокупности сосредоточенных на территории человеческих ресурсов, обладающих накопленными знаниями, способностями, профессиональными навыками, состоянием здоровья, уровнем культуры и мотивацией. Все перечисленные свойства и характеристики человеческого капитала, сформированные в результате инвестиций конкретных индивидуумов, их семей, а также общества, работодателей и др., целесообразно используются в деятельности и обеспечивают инновационное развитие региональных социально-экономических систем, улучшая тем самым качество жизни населения и создавая условия для дальнейшего его развития.

Человеческий капитал является одним из элементов структуры потенциала региона. В статье представлена сравнительная оценка человеческого капитала Кемеровской области и других субъектов Сибирского федерального округа на основе индекса человеческого развития. Выявлены факторы, которые снижают «человеческий выбор» и обусловливают лишь 7 место Кемеровской области из 12 регионов по индексу человеческого развития.

Для цитирования: Бабина С. И., Садовникова И. Ю. Анализ человеческого капитала региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 69–74. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-69-74.

Человеческий капитал в современной парадигме социально-экономического развития регионов и государства признается в качестве одного из важнейших источников эндогенного долгосрочного экономического роста. Развитие человека рассматривается как один из основных факторов в новых моделях роста и развития национальных экономических систем. Цель данной статьи – охарактеризовать категорию «человеческий капитал региона», сравнить индекс человеческого развития Кемеровской области с другими Сибирскими регионами. Исходя из цели, основным методом исследования является анализ. В качестве информационной базы использовалась статистика Росстата, а также данные из доклада о человеческом развитии в Российской Федерации «Цели устойчивого развития ООН и Россия», подготовленного Аналитическим центром при Правительстве РФ в 2016 г. [1]. Методологической основой выступают теории человеческого капитала, эндогенного экономического роста, концепция человеческого развития.

Впервые понятие «человеческий капитал» ввел Теодор Шульц, который дал следующее его определение: «Все человеческие способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом» [2].

В теории человеческого капитала существует несколько подходов к определению сущности данной категории [3; 4].

В первом подходе человеческий капитал определяется как запас и совокупность знаний, способностей, навыков, мотивации, состояния здоровья (Дж.С. Уолш, В. Костюк, Л. Тороу, У. Боуэн и др.). В качестве элементов человеческого капитала сторонники данного подхода выделяют образование, жизненный и трудовой опыт, квалификацию и др. Анализ этих составляющих позволяет образовать представление о накопленном потенциале личности, а также его реализации.

Сторонники второго подхода (Т. Шульц, И. Фишер, Ф. Махлуп и др.) рассматривают человеческий капитал как сформированные за счет вложенных в развитие человека инвестиций знания, способности, здоровье и другие характеристики, которые позволяют ему получать в будущем значительные доходы. Согласно данной концепции каждый человек обладает накопленным потенциалом, обусловливающим качество его человеческого капитала. Характеристики челове-

ческого капитала, реализуемые при соответствующей мотивации, влияют на экономическую эффективность, которая на индивидуальном уровне проявляется в росте доходов человека, на уровне организации – в улучшении результатов деятельности.

В соответствии с третьим подходом сущность человеческого капитала наиболее полно раскрывается через призму экономического и социального эффекта для общества от его использования. Исследователи данного подхода (С. А. Дятлов, А. Н. Добрынин, Е. Д. Цыренова, Р. И. Капелюшников) подчеркивают не индивидуальный доход от реализации потенциала личности, а экономические и социальные результаты для организации и для общества в целом.

М. М. Критский, Л. Г. Симкина, И. В. Ильинский и другие авторы рассматривают человеческий капитал с позиции инновационной экономики. В рамках данного подхода акцент сделан на субъект деятельности, на его саморазвитие и совершенствование, на раскрытие воздействия его творческих способностей на инновационное развитие экономики [4].

Человеческий капитал рассматривается на уровне человека, на уровне предприятия, региона, страны. В структуре человеческого капитала на индивидуальном уровне большинство авторов выделяют четыре вида капитала: профессиональный, культурно-нравственный, предпринимательский и капитал здоровья; на уровне организации – нематериальные активы, структурный капитал (знания, полученные и интегрированные в некоторую структуру, в производственные процессы, культуру коммерческого предприятия) и организационный капитал. На национальном уровне выделяют национальные интеллектуальные активы, здоровье нации, которое характеризуется рядом показателей; развитие экономики страны (национальное богатство страны), определяющее ее потенциал и стратегические перспективы. На основании вышеизложенного можно заключить, что основными структурными составляющими человеческого капитала являются капиталы образования, здоровья, культуры и профессиональный капитал, которые на каждом уровне трансформируются в те или иные показатели и индикаторы.

Основываясь на многообразии подходов к определению категории «человеческий капитал» и раскрытию его сущности, *человеческий капитал региона определяется авторами статьи как совокупность сосредоточенных на территории человеческих ресурсов, обладающих накопленными знаниями, способностями, профессиональными навыками, состоянием здоровья, уровнем культуры. Все перечисленные свойства и характеристики сформированы в результате инвестиций конкретных индивидуумов, их семей, а также общества, работодателей и др., целесообразно используются в деятельности и обеспечивают инновационное развитие региональных социально-экономических систем, улучшая тем самым качество жизни населения и создавая условия для дальнейшего человеческого развития.*

Данное определение правомерно, с нашей точки зрения, для детерминирования человеческого капитала любой территории: города, региона, страны.

Человеческий капитал является одним из элементов структуры потенциала региона. Социально-экономический потенциал региона устанавливает место региона в территориальном разделении труда, а также обеспечивает конкурентоспособность выпускаемых в регионе товаров и услуг [5].

Основными условиями развития человеческого капитала в регионе являются:

– удовлетворительный уровень жизни;

– качество жизни и положительные показатели демографического развития, которые характеризуются необходимым уровнем воспроизводства, низкой смертностью (в первую очередь низким уровнем детской и материнской смертности и населения в трудоспособном возрасте).

Социально-экономический потенциал каждого региона России является важной составляющей национального богатства страны. Качество человеческого капитала влияет на воспроизводственные процессы, от него зависит прибыль конкретных компаний, наполняемость бюджетов всех уровней, рост эффективности производства и привлекательность социальной сферы, качественные изменения в структуре экономики, достижения в научных, технологических, технических, инновационных проектах. Вследствие этого одним из главных условий развития региональной экономики является формирование и развитие его человеческого капитала, соответствующего требованиям современной инновационной экономической системы.

Многочисленные работы авторов посвящены оценкам человеческого капитала на разных уровнях его проявления, взаимосвязям и взаимозависимостям между уровнем научно-технического развития, экономического развития, благосостояния населения и уровнем развития человеческого капитала.

Но как справедливо отмечает К. А. Устинова, разнообразие используемых в исследованиях теоретических положений, методов и данных для оценки влияния человеческого капитала на инновационное развитие и анализа обратного влияния сопровождаются противоречивыми результатами, что приводит к необходимости дополнительных исследований в этом направлении [6].

Развитые страны переживают этап перехода к новой стадии общественного развития, на которой качественные характеристики населения определяют экономические отношения. В нашей стране ученые и государственные деятели отводят человеческому капиталу роль главного фактора достижения экономического роста. Человеческий капитал в современной экономике знаний является ее основным конкурентным преимуществом, представляет потенциал для реализации инноваций, позволяет адаптироваться к условиям глобализации мировой экономики, достигать высокой конкурентоспособности. Исходя из этого, качественный человеческий капитал является суще-

ственным условием социально-экономического развития страны, определяя в конечном итоге его положительную динамику.

В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» отмечается, что инновационный характер развития экономики будет обеспечиваться также за счет более высоких расходов на человеческий капитал, которые к 2030 г. вырастут до 13,6 % ВВП (в 2011 г. – 9,2 % ВВП). Рост будет происходить как за счет государственных, так и за счет расходов граждан и организаций. В целом повышение качества человеческого капитала определит дополнительно 1 п. п. экономического роста. В инновационном сценарии в среднем за 2013–2030 гг. «фактор образования» повышает ежегодный рост ВВП на 0,7 п. п. Инвестиции в здравоохранение могут повысить рост ВВП на 0,3 п. п. [7].

Теории человеческого капитала определенное значение имели для формирования концепции человеческого развития. Согласно центральной идее этой концепции развитие человека заключается в расширении возможностей людей делать выбор. В докладах ООН о развитии человека человеческое развитие определяется «как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей» [8]. Из этого следует понимать, что достигнутый уровень благосостояния в обществе создает возможности выбора, т. е. развития человека; а уровень развития человека определяет формирование воспроизводственных связей, выбор технологий, развитие научно-технического прогресса, в конечном итоге – создание богатства общества, что, в свою очередь, образует условия для дальнейшего развития человека. Человеческое развитие затрагивает практически все аспекты жизни человека: долголетие, образование, права и свободы, доходы, потребление, экологию и т. д.

Основным стратегическим инструментом концепции человеческого развития является Индекс человеческого развития (ИЧР), разработанный в 1990 г. пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком. Данный показатель является комбинированным показателем, который характеризует развитие человека в странах и регионах мира. Он рассчитывается как среднеарифметическое значение трех индексов:

− индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении;

− индекс образования (рассчитывается на основе доли грамотного населения и доли обучающихся людей в возрасте от 7 до 24 лет);

− индекс дохода (рассчитывается на основе ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США).

В 2011 г. был использован новый подход расчета. Индекс человеческого развития стали корректировать с учётом социально-экономического неравенства, индекса гендерного неравенства и индекса многомерной бедности [8].

В 2016 г. Российская Федерация по человеческому развитию заняла 49 место среди 188 стран и перешагнула символический порог, отделяющий группу стран с очень высоким человеческим развитием от стран с высоким уровнем развития [9].

Динамика ИЧР в России имеет положительную тенденцию как в целом по стране, так и для большинства ее регионов [1].

Кемеровская область является важным регионом Российской Федерации. На ее долю приходится 56 % добычи каменных углей страны, 80 % добычи коксующих углей, а по особо ценным маркам коксующих углей – 100 %. Добыча полезных ископаемых составляет более четверти валовой добавленной стоимости, около половины объема инвестиций в основой капитал и в совокупный объем прибыли предприятий. Экономика большинства городов области является монопродуктовой, характеризуется неразвитостью инфраструктуры, неудовлетворительным состоянием экологии, что снижает качество жизни населения и вызывает такое негативное явление с позиции формирования человеческого капитала региона, как миграция.

Исследования показывают, что наибольшая миграция характерна для тех регионов России, где снижается согласно терминологии ООН «человеческий выбор». Для населения Кемеровской области основные причины миграции – это низкие перспектива развития карьеры для молодежи и относительная неудовлетворенность условиями жизни. Коэффициент миграционного прироста имеет стабильное отрицательное значение, в 2016 г. он составил -10 %. Трудоспособное население области переезжает в более благополучные по всем показателям социально-экономического развития регионы СФО: в Новосибирскую область, Красноярский край, (коэффициент миграционного прироста которых в этот же период составил 55 % и 17 % соответственно), а также в города Центрального и Северо-Западного федеральных округов, где уровень производства и социальной инфраструктуры находится на более высоком уровне. Внешняя миграция связана в большей степени с оттоком высококвалифицированных специалистов и талантливой молодежи в западные страны.

Таким образом, отрицательная миграция трудоспособного населения в Кемеровской области как следствие неудовлетворительного социально-экономического развития ведет к снижению количества и качества человеческого капитала, другими словами, в результате отрицательных миграционных процессов регион теряет потенциал для своего дальнейшего роста. Индекс человеческого развития Кемеровской области в сравнении с другими сибирскими территориями подтверждает это заключение (таблица).

Кемеровская область по ИЧР в Сибирском федеральном округе (СФО) в 2014 г. занимала 7 место из 12 регионов (за 2015, 2016 гг. данные по ИЧР по регионам России отсутствуют). Более высокие значения данного показателя достигнуты в Томской области, Красноярском крае, Омской, Новосибирской, Иркутской областях, в Республике Хакасия. Перечисленные регионы, кроме Хакасии, традиционно считаются лидерами социально-экономического развития в СФО.

Таблица. Индекс человеческого развития регионов Сибирского федерального округа (составлено авторами на основе данных Доклада о человеческом развитии в Российской Федерации «Цели устойчивого развития ООН и Россия») [1]

Table. Index of human development in Siberian Federal District regions (made by authors on the basis of data of the Report on human development in the Russian Federation «Sustainable development goals of the UN and Russia») [1]

Название территории	Душевой ВВП, долл. ППС	Индекс дохода	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7–24 лет	Индекс образования	ИЧР 2013	ИЧР 2014
Томская область	25316	0,924	70,67	0,761	99,7	0,873	0,956	0,871	0,880
Красноярский край	30698	0,956	69,23	0,737	99,6	0,819	0,937	0,865	0,877
Омская область	21810	0,899	70,13	0,752	99,5	0,884	0,958	0,865	0,870
Новосибирская область	20708	0,890	70,28	0,755	99,6	0,853	0,948	0,857	0,864
Иркутская область	25601	0,926	66,87	0,698	99,6	0,856	0,949	0,847	0,858
Республика Хакасия	19434	0,880	68,83	0,731	99,7	0,771	0,922	0,837	0,844
Кемеровская область	20230	0,886	67,8	0,713	99,7	0,788	0,927	0,836	0,842
Алтайский край	13371	0,817	70,01	0,750	99,5	0,817	0,936	0,829	0,834
Республика Бурятия	12113	0,801	68,54	0,726	99,5	0,859	0,950	0,816	0,825
Забайкальский край	14536	0,831	67,38	0,706	99,5	0,787	0,926	0,819	0,821
Республика Алтай	10522	0,777	67,76	0,713	99,5	0,869	0.953	0,805	0,814
Республика Тыва	10069	0,770	61,79	0,613	99,5	0,835	0,942	0,768	0,775

В индексе человеческого развития Кемеровской области нашли отражение низкие значения большинства показателей ее социально-экономического развития. Невысокое значение ИЧР очевидно будет иметь Кемеровская область в 2015, 2016 гг., т. к. в этот период по данным Росстата продолжает наблюдаться отрицательная динамика или незначительный рост показателей, определяющих ИЧР. Так, по среднедушевому доходу населения (руб. в месяц) Кемеровская область занимала в 2016 г. 71 позицию из 85 регионов Российской Федерации (Новосибирская область – 41; Красноярский край – 29; Томская область – 49; Омская область – 44) [9, с. 243]; по потребительским расходам на душу населения – 73 место (Новосибирская область – 39; Красноярский край – 34; Томская область – 66; Омская область – 51 место) [10, с. 283]. Ежегодные темпы роста реальной заработной платы населения (в % к предыдущему году) со 103,8 % в 2012 г. снизились до 90,9 %. На фоне роста данного показателя по другим субъектам СФО – это самая негативная динамика, ниже находится только Республика Тыва.

Неудовлетворительное значение имеют показатели, определяющие продолжительность жизни. Так, продолжительность жизни при рождении в Кемеровской области определена в 68,72 года (77 место); по уровню смертности область занимает 59 место; коэффициент естественного прироста в 2016 г. имел отрицательное значение -2,2 (Новосибирская область – 0,8; Красноярский край – 1,4; Томская область – 1,8; Омская – 0,1). В течение последних 10 лет наблюдается рост заболеваемости по всем болезням.

По отдельным показателям на рынке труда Кемеровская область занимает позиции ниже 60 уровня, по числу зарегистрированных безработных – 1 место в СФО [10, с. 207].

Неудовлетворительная ситуация в сфере образования также оказывает негативное влияние на индекс человеческого развития региона. В частности, по показателям, определяющим перспективы изменения трудового потенциала региона, численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих на конец года снизилась с 33,2 тыс. человек в 2005 г. до 12,8 тыс. человек в 2016 г. По числу студентов, обучающихся по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета на 10000 человек, Кемеровская область занимала в 2016 г. 63 место (Томская область – 3; Омская – 4; Новосибирская область – 10) [10, с. 421].

Итак, по данным официальной статистики Кемеровская область занимает низкие позиции по основным показателям, которые определяют индекс человеческого развития региона. В свою очередь, индекс человеческого развития как характеристика качества человеческого капитала региона, дает представление о потенциале этого ресурса для его дальнейшего социально-экономического развития. По мнению авторов статьи, долгосрочные программы развития Кемеровской области должны разрабатываться с учетом влияния воздействия всех факторов внешней и внутренней

среды территории на развитие человека. Казалось бы, любая новая социально-экономическая стратегия преследует цель роста благосостояния населения. Но как показывает анализ динамики развития регионов СФО, не всем из них удается воплотить декларируемую цель в реальность.

В заключение отметим, что человеческий капитал в современной парадигме социально-экономического развития регионов и государства признается в качестве одного из важнейших источников эндогенного долгосрочного экономического роста. Развитие человека рассматривается как один из основных факторов в новых моделях роста и развития национальных экономических систем. Во всех стратегических программах Российского Правительства развитию человеческого капитала придается большое значение.

Развитие человеческого капитала территории – это сложная многоаспектная проблема. Все факторы социально-экономического развития региона имеют прямое или косвенное влияние на человеческое развитие. В то же время Индекс человеческого развития как комплексный показатель, включающий ожидаемую продолжительность жизни, образование и доход (ВВП на душу населения), отражает уровень социально-экономического развития общества и потенциал его дальнейшего роста.

Литература

1. Цели устойчивого развития ООН и Россия. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации // Аналитический центр при правительстве РФ. Режим доступа: http://ac.gov.ru/publications/13773/ (дата обращения: 17.01.2018).

2. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 6. N. Y., 1968.

3. Чучулина Е. В. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития региона // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2014. № 1. С. 52–57.

4. Хайкин М. М. Эволюция теории человеческого капитала. Режим доступа: http://nlr.ru/news/20170427/haikin.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

5. Кузьмина Н. Г. Формирование и использование человеческого капитала на региональном уровне (на примере Еврейской автономной области): дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2007. 197 с.

6. Устинова К. А. Человеческий капитал как фактор инновационного развития региона: теоретические аспекты // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 252–257.

7. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Министерство экономического развития РФ. 25.03.2013. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 01.02.2018).

8. Устойчивое развитие: Доступный индекс человеческого развития. Европейская экономическая комиссия ООН. Конференция европейских статистиков. Семинар «Перспективы измерения бедности 2–4 декабря 2013 года». Режим доступа: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ ge.15/2013/WP_16_UNDP_D_Ru.pdf (дата обращения: 30.01.2018).

9. Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого. М.: Весь мир, 2017. 284 с.

10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. // Федеральная служба государственной статистики. М., 2017. 1402 с. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 01.02.2018).

ANALYSIS OF THE HUMAN CAPITAL OF THE REGION

***Svetlana I. Babina*[1, @1], *Irina Iu. Sadovnikova*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *babina-si@rambler.ru*
[@2] *ieinkakemm@mail.ru*

Received 20.02.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: human capital, human capital of the region, human development index, human capital structure, human development factors.

Abstract: The article describes approaches to the definition of “human capital” concept. It is noted that the modern paradigm of socio-economic development of the regions and the state identifies human capital as one of the most important sources of endogenous long-term economic growth. The concept of human capital of the region is defined as a set of localized on-site human resources that 1) possess the knowledge, abilities, skills, health status, level of culture and motivation; 2) are formed as a result of investments of concrete individuals, their families, as well as society and employers; 3) are used rationally and provide innovative development of regional social and economic systems. The current research features a comparative assessment of the human capital of the

Kemerovo region and other subjects of the Siberian Federal district according to the human development index. The study has revealed some factors that reduce the «human choice» factor and put the Kemerovo region on the 7th place in the human development index list of 12 Siberian regions.

For citation: Babina S. I., Sadovnikova I. Iu. Analiz chelovecheskogo kapitala regiona [Analysis of the Human Capital of the Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 69–74. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-69-74.

References

1. *Tseli ustoichivogo razvitiia OON i Rossiia* [Sustainable development goals of the UN and Russia]. The report on human development in the Russian Federation. Available at: http://ac.gov.ru/publications/13773/ (accessed 17.01.2018).
2. Shultz T. *Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences*. N. Y., vol. 6 (1968).
3. Chuchulina E. V. Chelovecheskii kapital kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regiona [Human capital as factor of social and economic development of the region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia: Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, no. 1 (2014): 52–57.
4. Khaikin M. M. *Evoliutsiia teorii chelovecheskogo kapitala* [Evolution of the theory of the human capital]. Available at: http://nlr.ru/news/20170427/haikin.pdf (accessed 10.02.2018).
5. Kuz'mina N. G. *Formirovanie i ispol'zovanie chelovecheskogo kapitala na regional'nom urovne (na primere Evreiskoi avtonomnoi oblasti)*. Diss. kand. econ. nauk [Formation and use of the human capital at the regional level (on the example of the Jewish Autonomous Region). Cand. econ. Sci. Diss.]. Habarovsk, 2007, 180.
6. Ustinova K. A. Chelovecheskii kapital kak faktor innovatsionnogo razvitiia regiona: teoreticheskie aspekty [Human capital as factor of innovative development of the region: theoretical aspects]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, no. 3 (2012): 252–257.
7. *Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda* [Forecast of long-term social and economic development of the Russian Federation until 2030]. 25.03.2013. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (accessed 01.02.2018).
8. *Ustoichivoe razvitie: Dostupnyi indeks chelovecheskogo razvitiia. Evropeiskaia ekonomicheskaia komissiia OON. Konferentsiia evropeiskikh statistikov. Seminar «Perspektivy izmereniia bednosti 2–4 dekabria 2013 goda»* [Sustainable development: Available index of human development. Economic Commission for Europe of the UN. Conference of the European statisticians. Seminar «Prospects of measurement of poverty on December 2–4, 2013»]. Available at: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ ge.15/2013/WP_16_UNDP_D_Ru.pdf / (accessed 30.01.2018).
9. *Doklad o chelovecheskom razvitii 2016. Chelovecheskoe razvitie dlia vsekh i kazhdogo* [Report on human development of 2016. Human development for all and everyone]. Moscow: Ves' mir, 2017, 284.
10. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017* [Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2017]. Moscow, 2017, 1402. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (accessed 01.02.2018).

УДК 338

РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РЫНКАХ: ВОСПРИЯТИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

***Анна Г. Бреусова*[1, @1, *], *Гульнара Е. Чернобаева*[1, @2, *]**

[1] *Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55 А*
[@1] *annabreusova@yandex.ru*
[@2] *ch_g@bk.ru*

Поступила в редакцию 24.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: конкуренция, региональные рынки, оценка конкуренции, параметры и условия конкуренции.

Аннотация: В статье предложена методика оценки потребителями тенденций развития конкуренции на внутрирегиональных рынках. Конкуренция рассматривается с точки зрения поведенческого подхода как имеющая многомерный латентный характер функция, устанавливающая связь между набором аргументов-факторов и набором результатов-последствий развития конкуренции на рынках, которые в свою очередь являются факторами ограничения конкуренции для конечных потребителей. В качестве показателей развития предлагается использовать обобщенные оценки потребителями двух групп факторов влияния на развитие конкуренции: а) факторов ценового и неценового соперничества фирм; б) тенденций развития спроса. Обобщенные оценки по каждой группе факторов получаются как взвешенные оценки элементов каждой из групп факторов. В работе также приведены примеры оценок для отдельных потребительских рынков Омской области. Результаты оценивания могут использоваться региональными властями при принятии решений о характере и направлениях поддержки и регулирования внутрирегиональных потребительских рынков; также могут быть интересны для фирм-производителей потребительской продукции в качестве маркетинговой информации.

Для цитирования: Бреусова А. Г., Чернобаева Г. Е. Развитие конкуренции на региональных потребительских рынках: восприятие потребителей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 75–80. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-75-80.

Вопросы развития конкуренции – одно из важнейших направлений деятельности органов власти. Конкуренция как механизм развития рынка позволяет создавать более комфортные условия для населения и бизнеса и стимулировать производителей внедрять научно-технические инновации с целью снижения издержек и улучшения качества продукции [1–4]. Для того чтобы решать поставленные задачи, необходима оценка ситуации на рынках региона. Один из важнейших аспектов исследования – оценка потребителями тенденций развития конкуренции на внутрирегиональных рынках, что является также актуальной задачей, в том числе для моногородов. Моногород характеризуется наличием градообразующего предприятия, которое и определяет состояние сферы занятости. Как правило, ситуация моногородов описывается невысокими доходами населения и ограниченным количеством мест приложения труда. В таких условиях одной из важных задач становится оценка результата конкуренции с точки зрения конечных потребителей для определения условий и факторов конкуренции в регионе, которые и требуют корректировки. Согласно стандарту развития конкуренции регионы один раз в год проводят оценку состояния конкурентной среды, оценивая только условия конкуренции, что недостаточно, с нашей точки зрения [5]. Важно оценить конечный результат конкуренции, для этого мы предлагаем использовать поведенческий подход и субъективное восприятие респондентами ситуации на различных рынках, исследуя как результаты, так и условия конкуренции.

В экономической литературе рассматриваются и классифицируются различные признаки конкуренции [3; 6; 7], среди которых отметим те, оценка которых, по нашему мнению, опосредована потребителями:

− снижение платежеспособного спроса (а также снижение спроса по неценовым основаниям);

− степень стандартизации (недифференцированности) продукции, предлагаемой на рынке компаниями-конкурентами, точнее продукции, с которой «сталкиваются» потребители на рынке, а также унифицированность сервисных услуг по товару в отрасли;

− издержки переключения клиента с одного производителя на другого.

Учитывая вышесказанное, определим критерии оценки конкуренции, которые предлагается использовать в качестве основы для определения переменных и параметров модели оценки потребителями конку-

**** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, № проекта 17-12-55007.***

ренции на рынках B2C. Для этого выделим факторы (результаты) конкуренции (обозначим как П) и условия конкуренции (обозначим как С), которые и будем использовать как основу методики оценки конкуренции потребителями на региональных рынках, что представлено в таблице 1.

Таблица 1. Факторы и условия конкуренции
Table 1. Factors and conditions of competition

Факторы (результаты) конкуренции (П)	Условия конкуренции (С)
Улучшение качества (П1)	Доход потребителей не уменьшается (С1)
Расширение выбора за счет увеличения числа производителей (П2) Расширение выбора за счет увеличения разнообразия (П2)	Высокая информированность потребителей о товарах и его свойствах (С2)
Снижение цен (П3)	Транзакционные издержки потребителей на переключение невелики (С3)
	Объем покупок увеличивается (С4)

Итак, понимание того, как оценивают конкуренцию потребители на отраслевом рынке, предлагается построить на следующих основаниях, что отражено в таблице 2. В ней представлены варианты оценки выделенных факторов и условий конкуренции в разрезе классификации, представленной в таблице 1. Итак, понимание того, как оценивают конкуренцию потребители на отраслевом рынке, предлагается построить на следующих основаниях, что отражено в таблице 2. В ней представлены варианты оценки выделенных факторов и условий конкуренции в разрезе классификации, представленной в таблице 1.

Таблица 2. Операционализация конкуренции
Table 2. The operationalization of competition

Наименование	Операционализация
Субъективная потребительская оценка изменения качества товаров и услуг на данном рынке	Вопрос П1. Какое из следующих утверждений, на Ваш взгляд, точнее всего соответствует данному товару (услуги) в последние год-два:
	– качество товаров (услуг) почти у всех производителей значительно ухудшилось
	– качество товаров (услуг) стало заметно ухудшаться
	– качество товаров (услуг) стало несколько хуже
	– качество товаров (услуг) почти не меняется
	– качество товаров (услуг) улучшается, но в основном за счет не самых важных характеристик
	– качество товаров (услуг) улучшается
	– качество товаров (услуг) значительно улучшилось
Субъективная потребительская оценка изменения количества компаний-производителей на данном рынке	Вопрос П2.1. Согласны ли Вы со следующим утверждением: «За последние 1–2 года увеличилось число компаний, (товарных марок) производящих данный товар (услугу)»
	– полностью согласен
	– скорее, согласен, чем нет
	– затрудняюсь ответить
	– скорее, нет
	– не согласен
Субъективная потребительская оценка расширения ассортимента (услуг)	Вопрос П2.2. Согласны ли Вы со следующим утверждением: «За последние 1–2 года ассортимент товаров (услуг) на данном рынке стал разнообразнее»
	– полностью согласен
	– скорее, согласен, чем нет
	– затрудняюсь ответить
	– скорее, нет
	– не согласен

Наименование	Операционализация
Субъективная потребительская оценка однородности продукции на данном рынке	Вопрос П2.3.1. Согласны ли Вы со следующим утверждением: «Если даже у компаний большой ассортимент продукции, он почти ничем не отличается от ассортимента других производителей»
	– полностью согласен
	– скорее, согласен, чем нет
	– затрудняюсь ответить
	– скорее, нет
	– не согласен
Субъективная потребительская оценка однородности цен на данном рынке	Вопрос П2.3.2. Согласны ли Вы со следующим утверждением: «Цены на похожие товары у разных производителей почти не различаются»
	– полностью согласен
	– скорее, согласен, чем нет
	– затрудняюсь ответить
	– скорее, нет
	– не согласен
Субъективная потребительская оценка изменения цен на данном рынке	Вопрос П3. Какое из следующих утверждений, на Ваш взгляд, точнее всего соответствует рынку данного товара (услуги) в последние год-два:
	– цены снизились
	– цены почти не изменились
	– цены растут, но медленнее, чем на большинство других товаров (услуг)
	– цены растут примерно так же, как и на другие товары (услуги)
	– цены растут значительно быстрее, чем на большинство других товаров (услуг)
Субъективная потребительская оценка влияния дохода на спрос на данном рынке	Вопрос С1. Изменение за последние 1–2 года дохода Вашей семьи:
	– совсем не позволяет Вам приобретать данный товар (услугу), хотя у Вас есть такая потребность
	– не позволяет Вам в полной мере (по качеству или количеству) удовлетворять потребности в данном товаре (услуге)
	– позволяет Вам приобретать данный товар или услугу с учетом Ваших потребностей
Субъективная оценка владения информацией потребителем для осознанного принятия потребительских решений	Вопрос С2. Считаете ли Вы, что обладаете достаточной информацией для того, чтобы на данном рынке осознанно делать наиболее подходящий для Вас выбор товара или услуги
	– да
	– скорее всего, да
	– затрудняюсь ответить
	– возможно, нет
	– нет
Субъективная оценка транзакционных издержек (на поиск и переключение)	Вопрос С3. Если Вы не можете приобрести данный товар (услугу), подходящий Вам по качеству и цене, в доступном для Вас месте и в удобное время, то Вы, скорее всего:
	– отложите на неопределенное время покупку товара (услуги)
	– потратите время на поиск нужной услуги (товара) в другом месте
	– приобретете аналогичный товар (услугу) без траты времени на дополнительный поиск
	– такие ситуации крайне редки, поэтому Вы всегда имеете возможность приобрести нужный Вам товар

Наименование	Операционализация
Субъективная оценка расширения рынка (индивидуального спроса)	Вопрос С4.1. Изменилась ли за последние 1–2 года потребность Вашей семьи в покупке данного товара (услуги)»
	– потребность исчезла
	– несколько сократилась
	– не изменилась
	– немного выросла
	– существенно выросла
Субъективная оценка влияния потребления потребительских альтернатив (при росте альтернативных затрат)	Вопрос С4.2.1. Если затраты на другие потребляемые Вами товары и услуги возрастут, то скорее всего:
	– Вы сократите потребление данного товара (услуги), но неполностью
	– Вы не измените потребление данного товара
	– возможно, Вы полностью прекратите потреблять данный товар (услугу)
Субъективная оценка влияния потребления потребительских альтернатив (при снижении альтернативных затрат)	Вопрос С4.2.2. Если затраты на другие потребляемые Вами товары и услуги снизятся, то скорее всего:
	– Вы несколько увеличите потребление данного товара (услуги)
	– Вы не измените потребление данного товара
	– возможно, Вы значительно увеличите потребление данного товара (услуги)

Приведем результаты апробации предложенной методики оценки потребителями конкуренции на рынке медицинских услуг Омской области. Как отмечают респонденты, за последнее время выбор услуг на этом рынке стал разнообразнее, так считают 48,35 % из числа опрошенных. На вопрос о качестве услуг распределение ответов получилось следующим: средняя оценка качества составила 6 баллов из 10, что соответствует мнению 20,88 % от числа опрошенных. Лишь 2 % считают качество медицинских услуг высоким: 10 из 10 баллов. В целом респондентами отмечается некоторое увеличение медицинских учреждений, действующих на рынке, с этим утверждением согласны 47 % от числа опрошенных. При этом 7 из 10 отметили, что перечень услуг медицинских организаций схож, что составило в общей доле 53 % (скорее, согласны с тем, что перечень медицинских услуг схож) и 25 % (полностью согласны). Что касается ценовых факторов рынка, то 65 % отметили, что ценовой диапазон медицинских услуг дифференцирован и зависит от производителя. В динамике за последние 2 года цены на рынке медицинских услуг выросли, это отмечают 5 из 10 опрошенных, что составляет 50,5 % рынка.

В целом можно констатировать, что внимание к собственному здоровью и здоровью близких увеличивается, так, 47 % опрошенных отметили увеличение потребности в услугах здравоохранения за последние 2 года. 64 % (19 % полностью согласились с утверждением, что обладают необходимой информацией, 45 % отметили, что, скорее, да) опрошенных осознанно делают свой выбор в пользу определенных медицинских организаций, поскольку считают, что полностью обладают информацией для того, чтобы выбрать подходящую услугу, значит и медицинскую организацию. По результатам анализа спрос на медицинские услуги не зависит от структуры расходов населения. 4 из 10 опрошенных сказали о том, что даже при увеличении расходов на другие товары не будут отказываться от данного вида услуг (43 % – скорее нет – не сократим, 3 % согласились, что сократят расходы на медицинские услуги). При этом при уменьшении расходов на другие товары,44 % заявили, что увеличивать расходы на медицинские услуги не будут.

Весьма значимым является ответ на вопрос о возможности приобретения услуги в соответствии с потребностями. Так, 54 % (18 % полностью согласны, 36 % – скорее, да) считают, что имеют такие возможности, при этом также значительная доля опрошенных (3 из 10), отмечают отсутствие такой возможности. Если провести корреляцию ответов с возрастными группами, то только в возрастной группе 21–35 ответивших, что средств достаточно, в 2.3 раза больше по сравнению с числом ответивших, что средств недостаточно. В остальных группах дифференциация ответов оценивается в 1.3 раза (соотношение числа респондентов, которые оценивают, что средств достаточно по отношению к респондентам, отмечающим, что средств недостаточно).

Таким образом, в целом можно сделать следующие выводы. Уровень конкуренции на рынке высок, перечень услуг разнообразен, как и тарифы услуг. Но для значительной доли населения медицинские услуги в необходимом объеме недоступны. Аналогичные результаты были получены и в других исследованиях [8]. Возможность частной организации оказывать услуги за счет бюджетных средств увеличивает ее долю на рынке и монополизирует положение. Чем больше частных организаций будет привлекаться в сферу ОМС, тем выше будет уровень конкуренции на рынке, на основе чего можно ожидать снижение тарифов на медицинские услуги. Результаты оценивания могут использоваться региональными властями при приня-

тии решений о характере и направлениях поддержки и регулирования внутрирегиональных (муниципальных) потребительских рынков, также могут быть интересны для фирм-производителей потребительской продукции в качестве маркетинговой информации.

Литература

1. Баженов Ю. В. Методологические аспекты к представлению сущности понятия «конкуренция» // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 22-2. С. 7–10.

2. Дробот Е. В. Конкурентный механизм в рыночной экономике и средства воздействия на развитие конкуренции // Инвестиции, бизнес и право. Сборник научных трудов. Режим доступа: http://www.ibl.ru/konf/021210/68.html (дата обращения: 20.06.2017).

3. Круглый стол «Вопросы теории конкуренции». Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-voprosy-teorii-konkurentsii (дата обращения: 30.06.2017).

4. Портер М. Э. Конкуренция. М.: Вильямс. 2005. 608 с.

5. Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. Утвержден распоряжением Правительства РФ от 5 сентября 2015 г. № 1738-р.

6. Инструментарий для оценки воздействия на конкуренцию. Том I. Принципы. Версия 2.0 // Организация экономического сотрудничества и развития. OECD 2011. Режим доступа: http://www.oecd.org/competition/toolkit (дата обращения: 01.09.2017).

7. Шкардун В. Д., Ахтямов Т. М. Методика исследования конкуренции на рынке // Корпоративный менеджмент. Режим доступа: http://www.cfin.ru/press/marketing/2000-4/06.shtml (дата обращения: 17.05.2017).

8. Редичкина К. Лишь треть россиян позитивно оценивает изменения в здравоохранении и соцобслуживании // Парламентская газета. 08.06.2017. Режим доступа: https://www.pnp.ru/economics/lish-tret-rossiyan-pozitivno-ocenivaet-izmeneniya-v-zdravookhranenii-i-socobsluzhivanii.html (дата обращения: 01.09.2017).

COMPETITION SUPPORT ON REGIONAL MARKETS: CONSUMERS' PERCEPTION

***Anna G. Breusova*[1, @1, *], *Gulnara E. Chernobaeva*[1, @2, *]**

[1] *Dostoevsky Omsk State University, 55 A, Mira Ave., Omsk, Russia, 644077*
[@1] *annabreusova@yandex.ru*
[@2] *ch_g@bk.ru*

Received 24.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: competition, regional markets, competition assessment, the parameters and conditions of competition.

Abstract: The article features the assessment methodology conducted by consumers in the sphere of competition support tendencies on the intra-regional markets. Competition is seen as a function with a multidimensional latent character that establishes a relationship between a set of arguments-factors and the set of results-consequences of the competition development on the markets, which, in their turn, are factors of restricting competition for final consumers. As indicators of development, it is offered to use the generalized consumer assessment of two groups of influence factors: a) factors of price and non-price rivalry among firms; b) tendencies of demand development. Generalized estimates for each group of factors are obtained as windowed estimates of the elements in each group of factors. The paper also provides examples of estimates for individual consumer markets of the Omsk region. The results of the assessment can be used by regional authorities in making decisions about the nature and directions of support and regulation of intraregional consumer markets; as marketing information, they can also be of interest to consumer product manufacturers.

For citation: Breusova A. G., Chernobaeva G. E. Razvitie konkurentsii na regional'nykh potrebitel'skikh rynkakh: vospriiatie potrebitelei [Competition Support on Regional Markets: Consumers' Perception]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 75–80. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-75-80.

**** The article was prepared within the framework of the research project supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of the Omsk region №17-12-55007.***

References

1. Bazhenov Iu. V. Metodologicheskie aspekty k predstavleniiu sushchnosti poniatiia «konkurentsiia» [Methodological aspects to providing information about the competition]. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia = Trends in the development of science and education*, no. 22-2 (2017): 7–10.

2. Drobot E. V. Konkurentnyi mekhanizm v rynochnoi ekonomike i sredstva vozdeistviia na razvitie konkurentsii [Competitive mechanism in the market economy and media impact on the development of competition]. *Investitsii, biznes i pravo* [Investments, business and law]. Available at: http://www.ibl.ru/konf/021210/68.html (accessed 20.06.2017).

3. *Kruglyi stol «Voprosy teorii konkurentsii»* [Round table «Problems of the theory of competition»]. Available at: cyberleninka.ru/article/n/kruglyy_stol_voprosy_teorii_konkurentsii (accessed 30.06.2017).

4. Porter M. E. *Konkurentsiia* [Competition]. Moscow: Vil'iams, 2005, 608.

5. Standart razvitiia konkurentsii v sub»ektakh Rossiiskoi Federatsii [Standard of development of competition in the subjects of the Russian Federation]. *Approved by the order of the Government of the Russian Federation of September* 5, 2015, No. 1738-r.

6. *Instrumentarii dlia otsenki vozdeistviia na konkurentsiiu. T. I. Printsipy. Versiia 2.0* [Toolkit for assessing the impact on competition]. Available at: http:// www.oecd.org/competition/toolkit (accessed 01.09.2017).

7. Shkardun V. D., Akhtiamov T. M. *Metodika issledovaniia konkurentsii na rynke* [Research technique for market competition]. Available at: https://www.pnp.ru/economics/lish-tret-rossiyan-pozitivno-ocenivaet-izmeneniya-v-zdravookhranenii-i-socobsluzhivanii.html (accessed 17.05.2017).

8. Redichkina K. Lish' tret' rossiian pozitivno otsenivaet izmeneniia v zdravookhranenii i sotsobsluzhivanii [Only a third of Russians positively estimate changes in health and social services]. *Parlamentskaia gazeta = The Parliamentary Newspaper*, 08.06.2017. Available at: https://www.pnp.ru/economics/lish-tret-rossiyan-pozitivno-ocenivaet-izmeneniya-v-zdravookhranenii-i-socobsluzhivanii.html (accessed 01.09.2017).

УДК 332.145

НАУЧНАЯ СИСТЕМА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕГИОНЕ

Дмитрий В. Василенко[1, @]

[1] *Институт экономических исследований Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики, 83048, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 77*
[@] *dima_vasilenko@list.ru*

Поступила в редакцию 16.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: регион, парадигма, планирование, стратегическое планирование, система, территория, пространство.

Аннотация: Современный этап экономического развития может быть охарактеризован таким явлением, как регионализация, основная задача которого заключается в выделении идентичности населения (социума), который проживает на конкретной территории (в регионе). В этой связи появляется необходимость в определении базовой точки регионализации, а именно сущности самого региона. Регион соединяет в себе всю совокупность социальных, экономических, политических и пр. отношений, которые возникают между людьми, проживающими на соответствующей территории (в регионе). В последние годы сложилась целая система представлений, характеризующих регион. Все они могут быть сгруппированы в соответствующих научных парадигмах: 1) регион как квазигосударство; 2) регион как квазикорпорация; 3) регион как рынок; 4) регион как социум; 5) регион как единица административно-территориального обустройства; 6) регион как территория; 7) регион как пространство; 8) регион как система. В рамках каждой из перечисленных парадигм могут быть определены координаты, в соответствии с которыми могут разрабатываться стратегии, планы, программы развития.

Для цитирования: Василенко Д. В. Научная система представлений о регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 81–86. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-81-86.

В последние годы развитие общества происходило по пути глобализации, которая, как показала практика, оказалась недостаточно надежным механизмом регулирования общественных отношений на международном уровне. Появление значительного числа как внутренних, так и внешних конфликтов среди ее участников стало причиной перехода на несколько иной путь развития общества – регионализацию.

Регионализацию можно охарактеризовать как «процесс регионального структурирования пространства, повышения роли регионов в социально-экономической и политической жизни общества и ее граждан» [1, с. 35] либо как появление и развитие новых институциональных форм, отвечающих новой роли регионов в процессе принятия решений на национальном и наднациональном уровнях. То есть в данном случае регионализация рассматривается со стороны увеличения роли региона на национальном уровне и региональных образований на наднациональном уровне. При этом регионализацию можно рассматривать как производную от глобализации, которая направлена на выделение схожих характеристик социума, проживающего на конкретной территории.

Увеличение роли регионов на национальном уровне предполагает использование специального инструментария, направленного, во-первых, на снижение уровня дифференциации между регионами, во-вторых, на увеличение качества жизни населения, проживающего в пределах конкретного региона.

В настоящее время эффективное социально-экономическое развитие любого региона возможно благодаря своевременному и качественному проведению органами власти (государственной, региональной, местной) эффективной региональной политики, которая заключается в разработке системы стратегических документов (стратегий, планов, программ развития региона).

В этой связи появляется необходимость в определении базовой точки регионализации, а именно сущности самого региона. Регион как экономическая категория соединяет в себе всю совокупность отношений, которые возникают между людьми, проживающими на соответствующей территории.

В зарубежной, а также в отечественной регионалистике в последние годы сложилась целая система представлений, видений, понятий, которые характеризуют регион. Все они могут быть сгруппированы в соответствующих научных парадигмах. Среди основных парадигм региона можно выделить следующие:

1) регион как квазигосударство;
2) регион как квазикорпорация;
3) регион как рынок;
4) регион как социум;
5) регион как единица административно-территориального обустройства;
6) регион как территория;
7) регион как пространство;
8) регион как система.

Каждая из вышеперечисленных парадигм предполагает в качестве координат развития того или иного региона цель его развития, а также направления развития (задачи).

Чтобы более подробно рассмотреть каждую из вышеуказанных парадигм, необходимо определить, что есть сам регион. В общем смысле под регионами принято считать определенные территории, отличающиеся по площади, географическому положению, экономическому потенциалу и пр. параметрам. Так, например, «под регионом понимается часть территории, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Причем регион не обязательно должен совпадать с административными границами – в ряде случаев он может объединять территории нескольких смежных административных субъектов» [2, с. 82].

К основным координатам развития региона относятся цель его развития, а также направления развития (задачи). Основной целью развития региона выступает улучшение условий, а также увеличение качества жизни населения, проживающего в его пределах. При этом к основным направлениям его развития (задачам) можно отнести количественные и качественные преобразования во всех сферах жизнедеятельности населения, проживающего в его пределах.

В парадигме «регион как квазигосударство» регион рассматривается с позиции «наличия признаков государственности, а именно органов законодательной власти, атрибутов государственности (флага, гимна и пр.), что по внешним признакам соответствует отдельному государству. Данная парадигма появилась в результате влияния процессов федерализации государственного обустройства и аккумуляции большого количества функций управления на территориальном уровне (промежуточном уровне между государством и общиной), что привело к появлению новых форм межрегиональных экономических отношений, где в качестве основных субъектов стали выступать регионы» [3, с. 25]. В данном случае понимание региона как квазигосударства означает, что для него могут быть характерны аналогичные цели, а также направления развития (задачи), что и для государства, для которого основной целью развития является создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения, а к основным направлениям развития (задачам) относятся проблемы, требующие разрешения (обеспечение самосохранения общества, обеспечение его безопасности, содействие социокультурному развитию общества и т. д.).

Существует также мнение, что под регионом как квазигосударством необходимо считать относительно обособленную подсистему как государства, так и национальной экономики [4]. Кроме того, «некоторые методы макроэкономического регулирования и исследования макроэкономики вполне применимы для изучения проблем развития и управления региональной экономикой» [5]. То есть можно утверждать, что в первом случае регион рассматривается как суверенное государство и предполагает аналогичные цели и направления развития (задачи), во втором – как структура государственной системы, в третьем – с точки зрения макроэкономических методов управления, что может свидетельствовать о наличии большого числа признаков, характерных для государственности, но присутствующих в регионе.

Следующая парадигма «регион как квазикорпорация» предполагает, что «модель квазикомпании представляет регион в виде корпорации, применяющей методы корпоративного планирования и управления. В эту модель включены аспекты, отвечающие за концентрацию капитала, специализацию деятельности, диверсификацию производства и управления, экономию затрат, групповое принятие решений» [5, с. 39]. Также регион как квазикорпорацию можно рассматривать «как крупный субъект собственности (региональной и муниципальной) и экономической деятельности» [4, с. 83]. Также принято считать, что «регион как квазикорпорация представляет собой объединение людей на основе использования самостоятельного права в целях наилучшей реализации или защиты своих коллективных интересов, принявшего форму публичного союза, обладающего отчетливой целевой функцией и способностью действовать как интегральный субъект» [3, с. 25–26]. Проанализировав все мнения, можно утверждать, что регион как квазикорпорация рассматривается в первом случае как корпорация со своими методами корпоративного управления и планирования, с другой стороны – как крупный объект собственности, и с третьей – как объединение людей, занятых совместной деятельностью.

При этом все три подхода предполагают наличие единой цели и схожих направлений развития (задач). Основной целью развития региона как квазикорпорации выступает рост прибыли, который возможен благодаря решению следующих задач: увеличение конкурентоспособности региона, повышение уровня образованности и квалификации трудовых ресурсов и пр.

В парадигме «регион как рынок» считается, что «подход к региону как к рынку, имеющему определенные границы (ареал), акцентирует внимание на общих условиях экономической деятельности (предпринимательский климат) и особенностях региональных рынков различных товаров и услуг, труда, кредитно-финансовых ресурсов, ценных бумаг, информации, знаний и т. д.» [4, с. 38]. Однако данное мнение не единственное. Можно выделить то, что «под регионом как рынком принято считать емкое, системное понятие, включающее в себя локализованное территориальным пространством множество различных по отраслевым, конкурентным, ценовым и другим характерным признакам рынков» [3, с. 26]. В первом случае регион рассматривается как совокупность рынков на данной территории, во втором – как похожесть признаков различных рынков.

Поскольку регион как рынок рассматривается, с одной стороны, по видовым различиям (рынок труда, рынок недвижимости, рынок инвестиций и пр.), а с другой – по характерным признакам (конкуренция, спрос и предложение, свободное ценообразование и пр.), то можно утверждать, что здесь акцентируется внима-

ние на конкретных условиях экономической деятельности населения, субъектов предпринимательства, а также иных экономических объектов в конкретных территориальных границах. При этом следует понимать, что основными координатами развития данного типа региона является развитие товарных рынков и увеличение их конкурентоспобности (как основная цель) за счет привлечения инвестиций, поддержания простого и расширенного воспроизводства товаров и услуг, снижения их стоимости, улучшения качества и пр. (как основные направления развития).

«Подход к региону как социуму (общности людей, проживающих на определенной территории) акцентирует внимание на воспроизводстве условий социально-культурной жизни населения – трудовых ресурсов, образования, здравоохранения, окружающей среды; исследовании систем расселения, политических, этнических аспектов общественной жизни в пределах конкретной территории» [3, с. 27]. Из данного подхода к региону как социуму видно, что регион рассматривается с позиции жизни граждан, так как охватывает условия социально-культурной жизни населения. Регион как социум вмещает в себе множество условий воспроизводства общественной жизни на данной территории, что делает эту парадигму весьма значимой в контексте сохранения и наращивания трудового, культурного, этнического и других видов потенциалов.

Основной целью развития данного типа региона является создание благоприятных условий для проживания на данной территории различным слоям населения, отличающимся по этническим, культурным и иным признакам. К основным направлениям развития (задачам) можно отнести регулирование самых различных аспектов жизни регионального социума, начиная с культурных, образовательных, медицинских и заканчивая социально-психологическими, политическими и прочими.

Парадигма «регион как единица административно-территориального обустройства» выделяется отдельно. В современном административно-территориальном делении по своему семантическому происхождению регион может относиться к любым по размерам территориям, таким как район, край и др. Главными отличительными признаками данной разновидности региона выступают местные органы публичной власти, органы местного самоуправления, финансовые ресурсы, посредством которых обеспечивается выполнение управленческих функций над соответствующими общественными процессами на данной территории. Цель и направления развития (задачи) региона как единицы административно-территориального деления совпадают с целями и задачами региона как квазигосударства.

В рамках парадигмы региона как территории принято считать, что в одном случае регион рассматривается как некая арена, на которой обеспечивается и осуществляется взаимодействие материальных и нематериальных факторов (условий) общественного производства, во втором случае регион рассматривается как территория со своими признаками, объединяющая производительные силы. В связи с этим можно представить регион как определенную территорию со своими свойствами и целостностью составляющих ее элементов, на которой обеспечивается и осуществляется соединение материальных и нематериальных факторов (условий) общественного производства. Целью развития региона как территории является максимальное вовлечение производительных сил в общественное воспроизводство. Основными направлениями развития (задачами) региона как территории выступают освоение и насыщение территории объектами и их связями.

«По отношению к региону как к экономическому пространству в качестве структуры может использоваться представление о нем как о внешней среде, своего рода силовом поле, в котором существуют, функционируют и взаимодействуют население, хозяйствующие субъекты, органы управления» [6; 7, с. 58].

С одной стороны, регион рассматривается как экономическое, культурное, ментальное и политико-административное пространство. С другой стороны, он рассматривается как некое силовое поле, внутри которого взаимодействуют различные формы пространственной организации населения и хозяйства. Данный подход рассматривает регион как общность, в отличие от других. Это позволяет позиционировать регион со стороны глобализационных процессов. Основной целью развития региона как пространства выступает количественное и качественное изменение основных форм пространственной организации населения и хозяйства, а также связей между ними. К основным направлениям развития (задачам) региона как пространства можно отнести преодоление неоднородности экономического пространства, выявление новых связей между формами пространственной организации населения и хозяйства, создание условий для появления экономических интересов между субъектами хозяйствования и пр.

Заслуживает отдельного внимания парадигма «регион как система». В связи с различными подходами к ней очень сложно выделить единое определение региона как системы. Поэтому для решения данной проблемы необходимо рассмотреть сущность системы. Довольно часто систему представляют как совокупность элементов с множеством связей между ними, которые образуют определенную целостность [8]. Следовательно, под регионом как системой можно понимать сложную хозяйственную целостную систему взаимосвязанных элементов со своими функциями, связями с внешней средой, историей, культурой, условиями жизни населения.

К основной цели развития региона как системы можно отнести создание благоприятных условий для рационального размещения и территориальной организации производительных сил, а также его отдельных элементов (подсистем). К основным направлениям (задачам) развития региона как системы можно отнести обеспечение целостности, комплексности, устойчивости и жизнеспособности системы [9, с. 124].

В каждой отдельно взятой парадигме регион трактуется по-разному, однако следует понимать, что правильный выбор цели и направлений развития региона даст возможность наиболее эффективно разрабатывать стратегии, планы, программы развития. Основные координаты развития регионов отражены в таблице.

Таблица. Координаты развития регионов
Table. Coordinates the development of the regions

Парадигма	Координаты развития	
	Цель	Направления развития (задачи)
1. Регион как квазигосударство	создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения	проблемы, требующие разрешения (обеспечение самосохранения общества, обеспечение его безопасности, содействие социокультурному развитию общества и т. д.)
2. Регион как квазикорпорация	рост прибыли	увеличение конкурентоспособности региона, повышение уровня образованности и квалификации трудовых ресурсов и пр.
3. Регион как рынок	развитие товарных рынков и увеличение их конкурентоспособности	привлечение инвестиций, поддержание простого и расширенного воспроизводства товаров и услуг, снижения их стоимости, улучшения качества и пр.
4. Регион как социум	создание благоприятных условий для проживания на данной территории различным слоям населения, отличающимся по этническим, культурным и иным признакам	регулирование культурных, образовательных, медицинских, социально-психологических, политических и другие аспектов жизни регионального социума
5. Регион как единица административно-территориального деления	создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения	проблемы, требующие разрешения (обеспечение самосохранения общества, обеспечение его безопасности, содействие социокультурному развитию общества и т. д.)
6. Регион как территория	максимальное вовлечение производительных сил в общественное воспроизводство	освоение и насыщение территории объектами и их связями
7. Регион как пространство	количественное и качественное изменение основных форм пространственной организации населения и хозяйства, а также связей между ними	преодоление неоднородности экономического пространства, выявление новых связей между формами пространственной организации населения и хозяйства, создание условий для появления экономических интересов между субъектами хозяйствования и пр.
8. Регион как система	создание благоприятных условий для рационального размещения и территориальной организации производительных сил, а также его отдельных элементов (подсистем)	обеспечение целостности, комплексности, устойчивости и жизнеспособности системы

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, в настоящее время выделяют восемь основных парадигм, рассматривающих регион через призму отдельных его структурных особенностей. К данным парадигмам относятся следующие: регион как квазигосударство, регион как квазикорпорация, регион как рынок; регион как социум; регион как единица административно-территориального обустройства; регион как территория; регион как пространство; регион как система. Каждая из них дает возможность выделить конкретные характеристики региона. Во-вторых, в рамках каждой из перечисленных парадигм могут быть определены координаты, в соответствии с которыми могут разрабатываться стратегии, планы, программы развития. В-третьих, дальнейшее развитие регионов возможно только благодаря своевременной разработке документов стратегического планирования (стратегий, прогнозов, программ развития), направленных на решение существующих проблем в регионах.

Литература

1. Цыренов О. Ч. Регионализация и регионализм: понятие и классификация // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 9. С. 35–39.

2. Тимарцев Ю. А. Старопромышленный регион как объект социально-экономического исследования // Економічний вісник Донбасу. 2008. № 4. С. 81–87.

3. Василенко В. Н. Архитектура регионального экономического пространства. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2006. 311 с.
4. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с.
5. Сухарев О. С. Государственное регулирование экономики: инвестиционные аспекты промышленной и региональной политики // Инвестиции в России. 2006. № 2. С. 22–25.
6. Василенко В. Н. Методология экономической диагностики регионов // Экономика Украины. 2008. № 9. С. 4–17.
7. Сандакова Н. Ю. Освоение экономического пространства как основы социально-экономического развития региона // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № S2. С. 57–62.
8. Затравина С. В. Регион как социально-экономическая система и разработка стратегии его развития // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова. 2014. № 31. С. 592–594.
9. Спецификация региональной промышленной политики с использованием элементов кластерного подхода (на материалах Омской области) / под ред. В. В. Карпова, В. В. Алещенко. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. 479 с.

SCIENTIFIC SYSTEM OF REPRESENTATIONS: THE CONCEPT OF THE REGION

Dmitry V. Vasilenko[1, @]

[1] *Institute for Economic Research of the Ministry of Education and Science of the Donetsk People's Republic, 77, Universitetskaya St., 83048, Donetsk, Ukraine*
[@] *dima_vasilenko@list.ru*

Received 16.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: region, paradigm, planning, strategic planning, system, territory, space.

Abstract: The current stage of economic development can be characterized by such a phenomenon as regionalization, the main task of which is to identify the identity of the population (society), which lives in a particular area (region). In this regard, there is a need to determine the basic point of regionalization, namely the essence of the region. The region unites in itself the totality of the social, economic, political and other relations that arise between people living on the corresponding territory (region). In recent years, there has been a whole system of perceptions that characterize the region. They can be grouped according to scientific paradigms: 1) region as a quasi-state; 2) region as a quasi-corporation; 3) region as the market; 4) region as society; 5) region as a unit of administrative-territorial arrangement; 6) region as a territory; 7) region as space; 8) the region as a system. Within each of the listed paradigms, coordinates can be defined, according to which strategies, plans and development programs can be developed.

For citation: Vasilenko D. V. Nauchnaia sistema predstavlenii o regione [Scientific System of Representations: the Concept of the Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 81–86. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-81-86.

References

1. Tsyrenov O. Ch. Regionalizatsiia i regionalizm: poniatie i klassifikatsiia [Regionalization and regionalism: definition and classification]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Transbaikalian State University,* no. 9 (2012): 35–39.
2. Timartsev Iu. A. Staropromyshlennyi region kak ob»ekt sotsial'no-ekonomicheskogo issledovaniia [An old industrial region as an object of socio-economic studies]. *Economicheskii vesnik Donbacu = Economic holiday of Donbass*, no. 4 (2008): 81–87.
3. Vasilenko V. N. *Arkhitektura regional'nogo ekonomicheskogo prostranstva* [The architecture of the regional economic space: monograph]. Donetsk: Iugo-Vostok, Ltd, 2006, 311.
4. Granberg A. G. *Osnovy regional'noi ekonomiki* [The foundations of the regional economy]. Moscow: GU VShE, 2001, 495.
5. Sukharev O. S. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki: investitsionnye aspekty promyshlennoi i regional'noi politiki [Government regulation of the economy: investment aspects of industrial and regional policy]. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, no. 2 (2006): 22–25.
6. Vasilenko V. N. Metodologiia ekonomicheskoi diagnostiki regionov [The methodology of economic diagnostics]. *Ekonomika Ukrainy = Economy of Ukraine*, no. 9 (2008): 4–17.

7. Sandakova N. Iu. Osvoenie ekonomicheskogo prostranstva kak osnovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regiona [The development of the economic space as the basis of socio-economic development of the region]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, no. S2 (2015): 57–62.

8. Zatravina S. V. Region kak sotsial'no-ekonomicheskaia sistema i razrabotka strategii ego razvitiia [The region as a socio-economic system and development strategy development]. *Izvestiia Kyrgyzskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. I. Razzakova = Izvestiya Kyrgyz State Technical University. I. Razzakova*, no. 31 (2014): 592–594.

9. *Spetsifikatsiia regional'noi promyshlennoi politiki s ispol'zovaniem elementov klasternogo podkhoda (na materialakh Omskoi oblasti)* [Specification of regional industrial policy using elements of the cluster approach (on materials of the Omsk region)]. Ed. Karpov V. V., Aleshchenko V. V. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2016, 479.

УДК 338.1

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В ИНТЕРЕСАХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

***Римма А. Джумаева*[1, @1], *Эльнар М. Гаджиев*[1, @2], *Евгения И. Стяжкина*[1, @3]**

[1] *Казанский национальный исследовательский технологический университет, 420015, Россия, г. Казань, ул. Карла Маркса, 68*
[@1] *dzuma67@mail.ru*
[@2] *gadzh@mail.ru*
[@] *3 evivst@yandex.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: кластер, управление, человеческий капитал, инновация, инновационная хозяйственная система.

Аннотация: В статье рассматривается один из подходов к управлению человеческим капиталом. Данный подход подразумевает управление «знаниями», конечной целью которого является формирование инновационного человеческого капитала, стимулирование развития инноваций. Основной задачей управления человеческим капиталом является сохранение и развитие человеческого потенциала как стратегического ресурса региона в целях повышения его конкурентоспособности и экономической безопасности. Результатом исследования является предложение использовать в качестве инструмента управления человеческим капиталом инновационный научно-производственно-образовательный кластер. Основная цель инновационного кластера – ускорение инновационного развития хозяйственных систем на основе использования инновационных возможностей человеческого капитала, выражающегося в непрерывном процессе обновления инноваций и роста уровня инновационной активности региональной хозяйственной системы. Особенностью инновационного кластера является ликвидация разрыва между тремя сферами: наукой, производством и образованием.

Значение предложенного кластерного подхода можно определить как наиболее адекватную и эффективную форму организации всей технологической цепочки от зарождения идеи, коммерциализации инноваций, внедрения в производство и доведения до потребления.

Для цитирования: Джумаева Р. А., Гаджиев Э. М., Стяжкина Е. И. Кластерный подход в управлении человеческим капиталом в интересах инновационного развития региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 87–93. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-87-93.

Процесс глобализации, который характерен для современного мирового хозяйства, формирует объективную тенденцию ускорения экономического развития национальных экономик. В целом это приводит к тому, что меняется внешняя среда и направления развития стран и регионов. Актуализируется необходимость повышения конкурентоспособности региональной экономики, разработки новых подходов и направлений стратегии развития, разработки стратегических программ развития, а значит и поиска стратегического ресурса для их реализации.

Таким стратегическим ресурсом, с нашей точки зрения, является человеческий капитал. Именно человеческий капитал может стать катализатором инновационных преобразований в российской хозяйственной системе как на национальном, так и на региональном уровнях.

Внимание многих исследователей было обращено на изучение научных проблем, связанных с анализом роли и предназначения человека в этом мире, его интеллектуальных возможностей, мотиваций и потребностей, поскольку перспективы роста экономики непосредственно связывают с инновационной направленностью ее развития, которое во многом определяется процессами управления формированием и развитием человеческого капитала, степенью его реализации в устойчивом развитии национальной и региональных экономик [1].

Несмотря на признание всеми экономистами человеческого капитала как стратегического фактора развития национальной экономики, эффективность управления человеческим капиталом на всех уровнях его до сих пор достаточно низкая. Это происходит, на наш взгляд, в силу того, что в российской практике отсутствует опыт управления в условиях изменчивости внешней среды, достаточно высокой степени неопределенности, сложности общей экономической ситуации.

В настоящее время практически отсутствует механизм управления этим фактором, не преодолен разрыв технологической цепочки между наукой, производством и образованием в процессе экономического развития, мало внимания уделяется стратегической направлен-

ности развития человеческого капитала, сохраняется низкая эффективность использования человеческого капитала. Кроме того, существующие подходы к выявлению влияния человеческого капитала на устойчивое развитие хозяйственных систем, в первую очередь на устойчивость региональной хозяйственной системы и региона в целом несовершенны и требуют дальнейшей разработки [2]. Это определяет актуальность исследования данной проблемы.

Научные исследования в области определения сущности человеческого капитала, его роли и значения для устойчивого развития хозяйственных систем позволили сделать вывод о том, что человеческий капитал является сложным объектом управленческой деятельности. Человеческий капитал – это актив, представляющий собой форму проявления и реализации интеллектуальных способностей и интеллектуальных навыков. С точки зрения концепции устойчивости человеческий капитал следует рассматривать как понятие, которое отражает сущностные характеристики, свойственные современной хозяйственной системе и ее устойчивости [3].

Человек как стратегический ресурс развития экономики выступает как носитель и генератор информации, интеллекта, знаний, навыков, способностей, создатель ценностей для общества, организатор своей жизнедеятельности, формирующий свойства и качества ее системы. Эти способности человеческого капитала проявляются на всех уровнях экономической системы страны [4].

Концепцию управления стратегическим развитием человеческого капитала можно толковать как социальную организационно-управленческую инновацию. Современные предприятия под влиянием усилившейся конкурентной борьбы, инновационных тенденций развития хозяйственных систем и давления со стороны органов власти увеличивают свой инновационный потенциал как за счет развития технологических инноваций, так и организационно-управленческих инноваций [5].

Стратегическое развитие человеческого капитала представляет собой системное качественное изменение всех элементов человеческого капитала, осуществляемое на систематической основе путем приобретения, производства и распространения новых знаний. Качественные изменения в человеческом капитале формируют необходимость разработки обновленной системы управления.

Существующие подходы к управлению человеческим капиталом хозяйственных систем не способны в полной мере удовлетворять требованиям современного развития. Функциональные и системные подходы не учитывают активную инновационную компоненту человеческого капитала – знание, а также особенности институциональных изменений в хозяйственных системах, связанных с горизонтальной интеграцией [6].

Все чаще в практике управления наблюдается разобщенность управленческих отношений на различных уровнях хозяйственных систем. Существующий в настоящее время в регионах разрыв между сферами науки, производства, образования приводит к низкой эффективности использования человеческого капитала в целом и к снижению устойчивости функционирования региональной системы.

Исходя из этого, для осуществления управления человеческим капиталом предложен кластерный подход, который представляет собой инструмент инновационной хозяйственной системы, выводящий на принципиально новое понимание сущности конкуренции и возможностей повышения конкурентоспособности хозяйственных систем региона, позволяющий найти компромисс интересов хозяйствующих субъектов, повысить инновационную устойчивость регионального развития [7].

Как показало исследование, кластерный подход позволяет максимально эффективно использовать наработанный инновационный потенциал, т. к. формируются принципиально новые отношения, позволяющие координировать инновационную деятельность бизнеса (в лице крупных, средних и малых предприятий), образовательных структур (университеты, средние специальные учебные заведения, колледжи, учебные центры, коммерческие учебные центры), научных организаций (академии наук, научно-исследовательские учреждения, вузовская наука).

При этом необходимо подчеркнуть, что интеграция бизнес-структур, образовательных структур и научных организаций на основе программы их кластеризации позволяет достичь не только экономических эффектов, но и повысить устойчивость инновационной деятельности в регионе за счет синергетического эффекта, получаемого от взаимодействия перечисленных элементов кластера. Такая организационная структура дает возможность обеспечения перманентного управления человеческим капиталом на всех этапах его формирования и развития.

Общемировая тенденция указывает на то, что между процессом кластеризации, усилением конкурентоспособности, развитием инновационной деятельности и устойчивостью экономики региона существует взаимообусловленность и взаимозависимость. Данный факт можно рассматривать как новый способ противостояния жесткой конкуренции регионов, как способ повысить их конкурентоспособность и возможность соответствовать требованиям инновационно-устойчивого развития хозяйственных систем [8].

Следует особо подчеркнуть, что развитие и широкое использование кластерного подхода оказывало влияние на изменение сущности кластерных объединений, их состава, форм этих объединений, целевых установок. Это в конечном итоге обогащало и наполняло новым содержанием сам кластерный подход.

Для управления человеческим капиталом предлагается в качестве инструмента использовать региональный инновационный научно-производственно-образовательный кластер, аббревиатура – РИНПОК, который представлен на рис. 1. В основе РИНПОК должен лежать принцип взаимовыгодной кооперации всех его участников, причем не на основе разовых или периодических заказов на те или иные научные или технологические изобретения, а определенной системе сотрудничества, формирования и распространения новых

знаний и технологий, где инициаторами (заказчиками) могут быть как предприятия (производство), так и научно-исследовательские структуры (наука).

Предлагаемая организационная форма кластера объединяет производство, образование и науку, а не отдельные разрозненные направления для решения народнохозяйственных задач. Единое управление кластером позволит координировать потребности бизнеса и возможности науки и образования [9].

Преимущества, которые дает инновационный научно-производственно-образовательный кластер для региона, состоят в следующем.

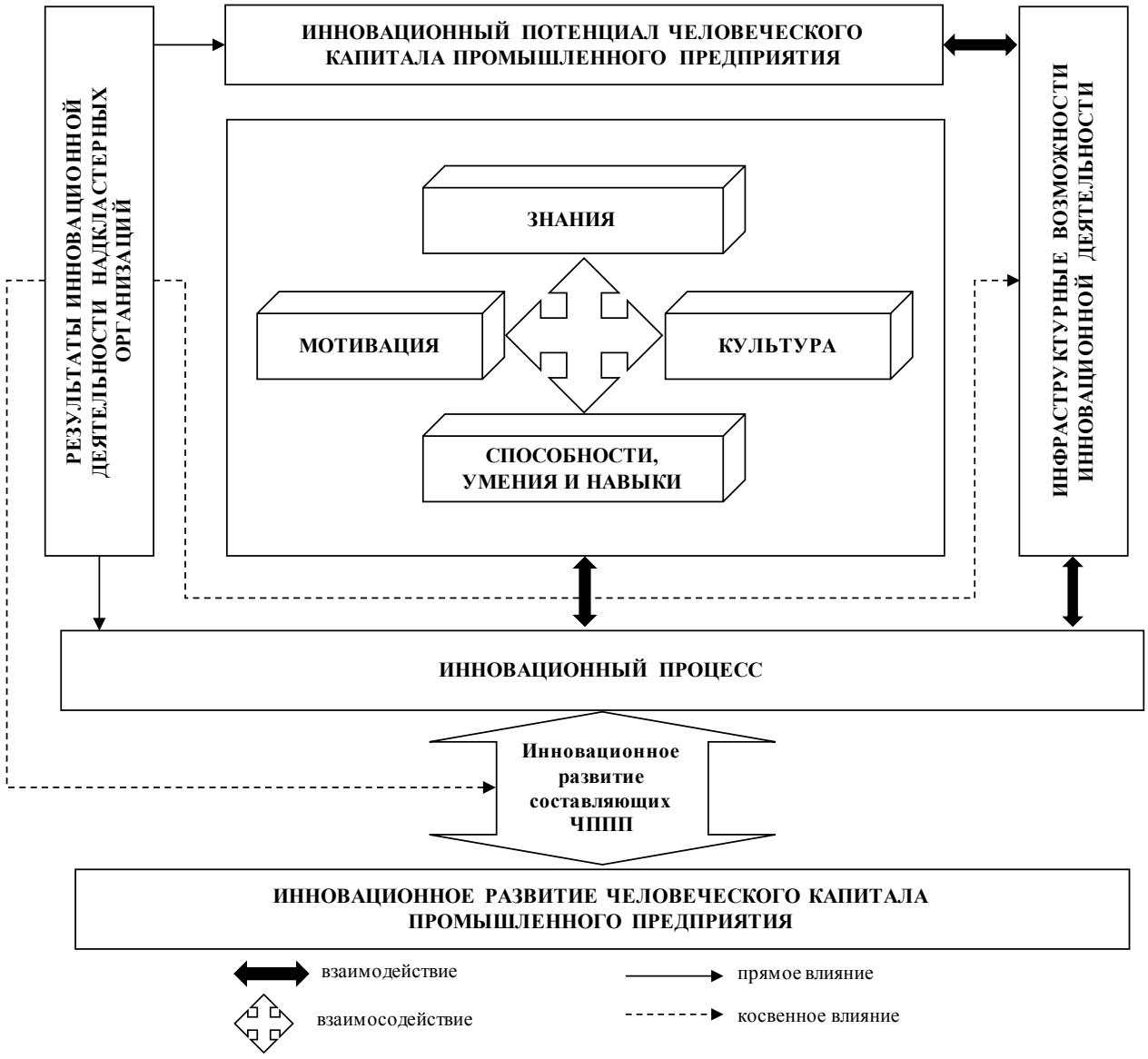

Рис. 1. Механизм управления человеческим капиталом инновационного научно-производственно-образовательного кластера
Fig. 1. The mechanism of human capital management of an innovative scientific-production-educational cluster

РИНПОК:

– формирует организационную основу для устойчивого развития инновационной экономики, члены-участники кластера являются носителями одной и той же региональной идеологии;

– соединяет потребности спроса и предложения на элементы человеческого капитала, позволяет сочетать структуру спроса и предложения на элементы человеческого капитала, реализует стратегию опережающей подготовки кадров для конкретного производства, инновационного проекта;

– способствует формированию квалификационной емкости инновационных проектов, облегчает процесс прогнозирования востребованности и подготовки определенного качества человеческого капитала, обеспечивает его мобильность и конкурентоспособность;

– усиливает экономические связи между наукой, производством и образованием, формируя их мобильность, совмещает интересы науки, бизнеса, позволяет преодолевать барьеры для коммерциализации инноваций;

– позволяет эффективно использовать инвестиции в человеческий капитал,

– поддерживает географическую концентрацию учебных, научных и производственных организаций, повышает эффективность использования системы распространения новых идей, знаний, технологий, продуктов;

– снижает затраты участников кластера за счет эффекта масштаба на основе кооперации, сокращает трансакционные издержки, позволяет преодолевать неопределенность и риск развития хозяйственных систем, выполняет функцию реализации парадигмы устойчивого инновационного развития региона.

Концепция создания РИНПОК включает пять этапов, как показано на рис. 2. Основные этапы формирования инновационного научно-производственно-образовательного кластера. Первый этап – определение цели и задач его создания, выбор приоритетных направлений науки, производства и образования. Второй этап – оценка факторов образования РИНПОК и наличие заинтересованных участников для выработки единой стратегии инновационного развития, позволяющей осуществлять взаимодействие и координацию в перспективе. Третий этап – определение институциональных основ развития РИНПОК.

Четвертый этап – формирование организационной структуры РИНПОК и системы управления его инновационным развитием на основе управления человеческим капиталом. Пятый этап – заключительный, подписание нормативно-правовых документов о создании кластера.

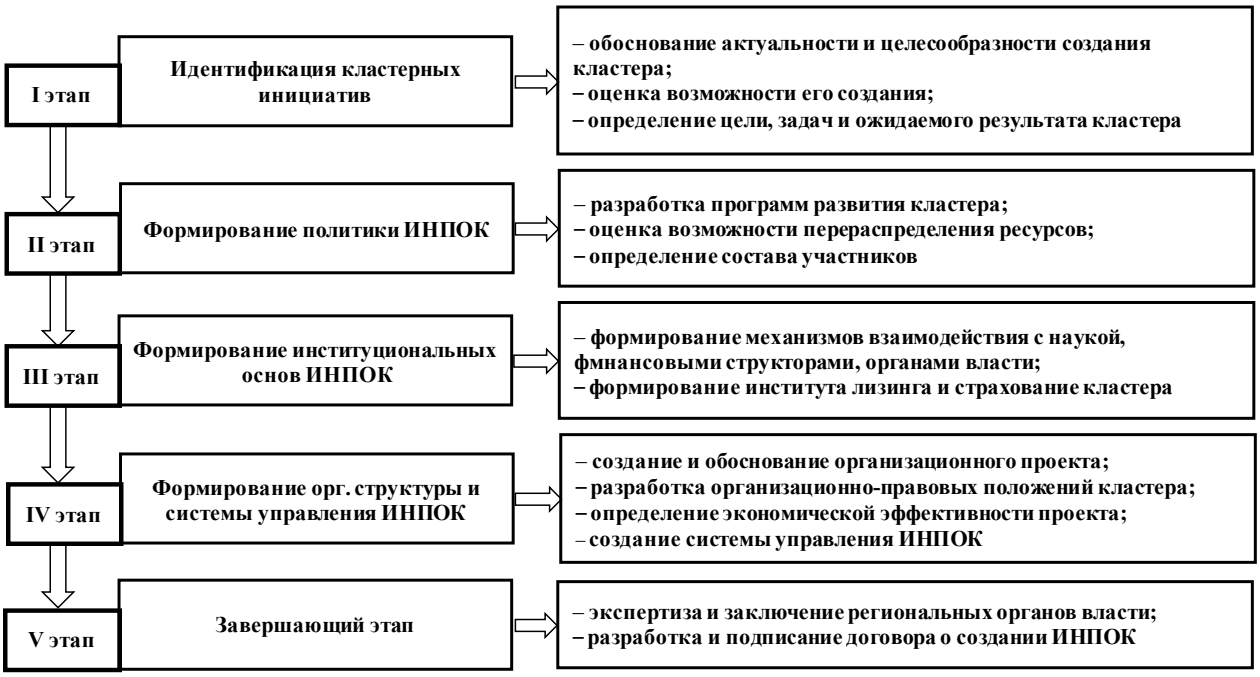

Рис. 2. Этапы формирования инновационного научно-производственно-образовательного кластера
Fig. 2. Stages of formation of an innovative scientific-production-educational cluster

Алгоритм формирования инновационного научно-производственно-образовательного кластера можно представить следующим образом:

– оценка человеческого капитала инновационного научно-производственно-образовательного кластера;

– определение целей и задач инновационного научно-производственно-образовательного кластера;

– формирование инициативной группы;

– анализ уровня инновационного развития человеческого капитала;

– оценка уровня инновационного развития человеческого капитала;

– определение структуры и состава участников инновационного научно-производственно-образовательного кластера;

– анализ мотивации участников инновационного научно-производственно-образовательного кластера;

– создание условий для привлечения нужных предприятий в инновационный научно-производственно-образовательный кластер;

– определение принципов функционирования инновационного научно-производственно-образовательного кластера;

– технико-экономическое обоснование организационного проекта инновационного научно- производственно-образовательного кластера (финансовые планы и бизнес-планы инвестиционного проекта);

– создание координационного совета инновационного научно-производственно-образовательного кластера;

– разработка системы управления инновационным научно-производственно-образовательным кластером;

– формирование плана реализации проекта образования инновационного научно-производственно-образовательного кластера.

Главное отличие такого кластера от других общепринятых форм интеграции, например территориаль-

но-производственных комплексов (ТПК), холдингов, финансово-промышленных групп (ФПГ), в том, что он формирует внутреннюю конкурентную среду и достаточно серьезные конкурентные позиции по отношению к конкурентам вне кластера.

Ядром РИНПОК должны стать Университеты, т. к. они формируют базу для функционирования и воспроизводства человеческого капитала. Кроме того, осуществляют на основе горизонтальных связей взаимодействия с другими организациями, структурами, участвующими в кластере. Кроме ядра необходимо создание вспомогательных организаций, обеспечивающих трансферт технологий, знаний, информации, инфраструктуру.

Стратегия РИНПОК базируется на основе оптимизации инновационной цепочки знаний между наукой, производством и образованием. Формируется положительный эффект, благодаря более полному использованию человеческого капитала во всех трех сферах.

В процессе исследования данной проблемы были сформулированы основные принципы РИНПОК: 1) территориальная локализация кластера, т. е. обязательная привязка к хозяйственной системе – региону; 2) наличие прямых связей и зависимостей между участниками кластера; 3) отсутствие признаков слияния, формирование взаимоотношений на базе кооперации и внутренней конкуренции; 4) целеполагание должно отражать основную функцию – формирование и инновационное совершенствование человеческого капитала для устойчивого развития региона.

Особенностью инновационного научно-производственно-образовательного кластера является то, что фундаментальные и прикладные исследования осуществляются не выходя за пределы кластера, что делает их доступными для предприятий внутри кластера для осуществления серьезных изменений в цепочке создания стоимости (инновации). Возможность привлечения малого и среднего бизнеса, что позволяет шире использовать человеческий капитал хозяйственной системы.

Основная цель инновационного научно-производственно-образовательного кластера – ускорение инновационного развития хозяйственных систем на основе использования инновационного потенциала человеческого капитала, выражающегося в непрерывном процессе обновления инноваций.

Критерием эффективности функционирования инновационного научно-производственно-образовательного кластера является рост уровня инновационной активности хозяйственной системы.

К сожалению, имеющаяся практика использования кластерного подхода в Республике Татарстан носит в целом формальный характер, где участники кластера не имеют единой идеологии и заинтересованности в достижении общего результата, направленного на рост инновативности хозяйственной системы на базе использования инновационного потенциала человеческого капитала [10].

Таким образом, результатом от реализации проекта создания РИНПОК в Республике Татарстан (РТ) может являться, с нашей точки зрения, следующее:

– разработка методики формирования РИНПОК в РТ;

– формирование информационной базы РИНПОК в РТ;

– создание реестра малых инновационных предприятий;

– список финансовых структур;

– база научно-исследовательских лабораторий;

– перечень образовательных учреждений и программ, ориентированных на подготовку специалистов в области управления человеческим капиталом, потребностей производства;

– перечень организаций инфраструктуры РИНПОК;

– оценка потребностей и возможностей в человеческом капитале в рамках кластера;

– рекомендации по формированию взаимодействия участников кластера, Министерства поддержки и развития малого предпринимательства, региональных органов власти;

Перспективы развития:

– организация информационного, консультационного и координационного центра РИОНПК на базе Университета (КНИТУ);

– адаптация и внедрение модели РИНПОК на территории РТ И ПФО с выходом на регионы Российской Федерации.

Необходимые ресурсы: человеческий капитал (креативные трудовые ресурсы, компьютер, оргтехника, канцелярские принадлежности, телефон, доступ к Интернету и информационным базам данных, отечественная и зарубежная литература (включая статьи и периодику), освещающая опыт, а также теоретические аспекты формирования и развития РИНПОК.

Значение РИНПОК можно определить как наиболее адекватную и эффективную форму организации всей технологической цепочки от зарождения идеи, коммерциализации инноваций и ее внедрения в производство и доведения до потребления. В предложенном подходе реализуются взаимосвязи и взаимообусловленности между всеми участниками кластера посредством устойчивых горизонтальных связей, способствующих оптимизации издержек по передаче знаний, научных открытий и изобретений, особенно между производством и образованием, повышения уровня инновативности хозяйственной системы как участников кластера, так и хозяйственной системы в целом, используются преимущества внутрифирменной иерархии и рыночного механизма.

Литература

1. Гилязутдинова И. В., Ахметзянова С. С. Организационно-экономические проблемы инновационного развития производственного потенциала предприятий нефтехимического комплекса: монография. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. 268 с.

2. Хмелева Г. А. Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики региона. Самара: САГМУ, 2012. 168 с.

3. Гилязутдинова И. В., Джумаева Р. А. Стратегическое развитие совокупного человеческого капитала в условиях повышения инновационной активности промышленных предприятий // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 17. С. 257– 261.

4. Леонтьева А. Н. Человеческий капитал в устойчивом развитии экономики региона // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 247–251.

5. Устаев Р. М. К вопросу о формировании инновационной составляющей человеческого капитала в регионе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2016. № 2. С. 95–98.

6. Пастухов А. Л. Управление знаниями в системе формирования человеческого капитала // Технико-технологические проблемы сервиса. 2016. № 1. С. 62–66.

7. Джумаева Р. А. Человеческий капитал как конкурентный фактор развития инновационной экономики региона: материалы международной заочной научной конференции «Экономическая наука и практика». Чита, 2012. С. 161–163.

8. Гилязутдинова И. В., Храмов Ю. В. Анализ и оценка потоков знаний и информации в инновационных системах // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 20. С. 237–245.

9. Развитие и размещение производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2020 года и на период до 2030 года. Режим доступа: http://cesi.tatarstan.ru/rus/programma.htm (дата обращения: 09.01.2018).

10. Джумаева Р. А. Использование кластерного подхода для решения задач модернизации региональной экономики на примере Республики Татарстан // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. 2011. № 1. С. 56–59.

CLUSTER APPROACH TO THE HUMAN CAPITAL MANAGEMENT FOR THE BENEFIT OF INNOVATIVE REGIONAL DEVELOPMENT

***Rimma A. Dzhumaeva*[1, @1], *El'nar M. Gadzhiev*[1, @2], *Evgeniia I. Stiazhkina*[1, @3]**

[1] *Kazan National Research Technological University, 68, Karl Marx St., Kazan, Russia, 420015*
[@1] *dzuma67@mail.ru*
[@2] *gadzh@mail.ru*
[@] *3 evivst@yandex.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: cluster, management, human capital, innovation, innovative economic system.

Abstract: The paper features one of the approaches to the management of human capital. This approach implies the «knowledge management», whose ultimate goal is the formation of innovative human capital and stimulating the development of innovation. The main task of human capital management is to preserve and develop human potential as a strategic resource of the region in order to increase its competitiveness and economic security. The authors propose to use innovative scientific, production and educational clusters as a tool of human capital management. The main objective of the innovative cluster is to accelerate the innovative development of economic systems based on the use of innovative capabilities of human capital, expressed in the continuous process of innovation renewal and the growth of the level of innovative activity of the regional economic system. The main characteristic trait of the innovative cluster is that it eliminates the gaps between the spheres of science, production and education.

The proposed cluster approach can be defined as the most adequate and effective form of organization of the whole technological chain from the origin of the innovative idea up to its commercialization, production and market rollout.

For citation: Dzhumaeva R. A., Gadzhiev E. M., Stiazhkina E. I. Klasternyi podkhod v upravlenii chelovecheskim kapitalom v interesakh innovatsionnogo razvitiia regiona [Cluster Approach to the Human Capital Management for the Benefit of Innovative Regional Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 87–93. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-87-93.

References:

1. Giliazutdinova I. V., Akhmetzianova S. S. *Organizatsionno-ekonomicheskie problemy innovatsionnogo razvitiia proizvodstvennogo potentsiala predpriiatii neftekhimicheskogo kompleksa* [Organizational and economic problems of innovative development of the production potential of enterprises of the petrochemical complex]. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 2006, 268.
2. Khmeleva G. A. *Chelovecheskii kapital kak uslovie formirovaniia innovatsionnoi ekonomiki regiona* [Human capital as a condition for the formation of the region's innovative economy]. Samara: SAGMU, 2012, 168.
3. Giliazutdinova I. V., Dzhumaeva R. A. Strategicheskoe razvitie sovokupnogo chelovecheskogo kapitala v usloviiakh povysheniia innovatsionnoi aktivnosti promyshlennykh predpriiatii [Strategic development of the cumulative human capital in the conditions of increase in innovative activity of the industrial enterprises]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Kazan Technological University*, no. 17 (2014): 257–261.
4. Leont'eva A. N. Chelovecheskii kapital v ustoichivom razvitii ekonomiki regiona [The human capital in sustainable development of economy of the region]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics,* no. 3 (2012): 247–251.
5. Ustaev R. M. K voprosu o formirovanii innovatsionnoi sostavliaiushchei chelovecheskogo kapitala v regione [On the issue of the formation of an innovative component of human capital in the region]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of North Caucasian federal university*, no. 26 (2016): 95–98.
6. Pastukhov A. L. Upravlenie znaniiami v sisteme formirovaniia chelovecheskogo kapitala [Knowledge management in the system of human capital formation]. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa = Technico-tehnologicheskie problemy servisa,* no. 1 (2016): 62–66.
7. Dzhumaeva R. A. *Chelovecheskii kapital kak konkurentnyi faktor razvitiia innovatsionnoi ekonomiki regiona sbornik materialov mezhdunarodnoi zaochnoi nauchnoi konferentsii «Ekonomicheskaia nauka i praktika»* [Human capital as a competitive factor in the development of the region's innovative economy. Proc. Intern. Sc. Conf. «Economic science and practice»]. Chita, 2012, 161–163.
8. Giliazutdinova I. V., Khramov Iu. V. Analiz i otsenka potokov znanii i informatsii v innovatsionnykh sistemakh [Analysis and assessment of knowledge and information flows in innovative systems]. V*estnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Kazan Technological University*, no. 20 (2011): 237–245.
9. *Razvitie i razmeshchenie proizvoditel'nykh sil Respubliki Tatarstan na osnove klasternogo podkhoda do 2020 goda i na period do 2030 goda* [Development and placement of the productive forces of the Republic of Tatarstan on the basis of the cluster approach up to 2020 and 2030]. Available at: http:// cesi.tatarstan.ru/rus/programma.htm (accessed 09.01.2018).
10. Dzhumaeva R. A. Ispol'zovanie klasternogo podkhoda dlia resheniia zadach modernizatsii regional'noi ekonomiki na primere Respubliki Tatarstan [Using the cluster approach for solving problems of modernization of regional economy by example of Tatarstan]. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa = Bulletin of the Volga State University of Service*, no. 1 (2011): 56–59.

УДК 332.146.2

ФАКТОРЫ И ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МЕГАРЕГИОНА

Оксана С. Дробкова[1, @]

[1] *Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5, стр. 1*
[@] *odrobkova@yandex.ru*

Поступила в редакцию 22.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: мегарегион, устойчивое развитие мегарегиона, факторы устойчивого развития, потенциал устойчивого развития, институциональная среда, интеграционно-сбалансированное взаимодействие.

Аннотация: Современный этап развития экономики характеризуется проявлением «мегарегионализма» и «межрегионализма», что смещает акценты на сбалансированное взаимодействие участников по интегрированию их потенциалов в интересах устойчивого развития каждого из них. Мегарегионы представляют собой «локомотивы» экономического развития своих стран. Потенциал развития системы «мегарегион» представляет собой ее возможности, формируемые широким спектром факторов, а ожидаемый эффект его использования – устойчивое развитие, достигаемое эффективными управленческими решениями. Особое место в достижении устойчивого развития системы регионального хозяйства, признаваемой мегарегионом, отведено интеграционно-сбалансированному взаимодействию. Для устойчивого развития мегарегиона предлагается рассматривать интегрирование потенциалов всех элементов системы на условиях обеспечения синергетического эффекта, учитывающего интересы территориально-локализованных пространств внутри региона, отраслевых комплексов и отдельных хозяйствующих субъектов. Идентификации факторов, формирующих потенциал устойчивого развития мегарегиона в условиях взаимодействия по цепочке «глобализм – регионализм – национальная экономика – локальное образование» посвящена данная статья.

Для цитирования: Дробкова О. С. Факторы и потенциал устойчивого развития мегарегиона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 94–100. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-94-100.

Двигателями глобальной экономики стали мегарегионы – большие города с пригородами, где активно развивается торговля, расширяется транспортная сеть, рождаются инновации и таланты.

Е. И. Иншакова и А. Ю. Волошина определяют мегарегион как мезоэкономическое пространство институционально, организационно и информационно однородное и функционально обособленное для совместного обеспечения и обслуживания мировых потоков товаров и услуг посредством своих каналов заинтересованными хозяйственными субъектами, связанными общими проектами и процессами на основе территориальной концентрации и взаимодействия многообразных видов капитала [1].

О. В. Иншаков дает обоснование эволюционного подхода к декомпозиции глобальной экономической системы и отмечает, что экономическое пространство мегарегиона находится на его первом мезоуровне – между мировым и национальным хозяйствами [2, с. 207].

Мегарегион является социо-эколого-экономической системой, вектор развития которой должен соответствовать устойчивому развитию в интересах повышения качества жизни его населения. Возможности системы регионального хозяйства в обеспечении такого развития определяются потенциалом и факторами, его формирующими.

В понимании сущности устойчивого развития мегарегиона автор исходит из положительной динамики эволюции системы регионального хозяйства до состояния оптимизации основных ее параметров в условиях стабильности внутренней и внешней среды, перехода к инновационному типу воспроизводства, рассматриваемых в качестве базовых условий повышения конкурентоспособности, ресурсосбережения и сохранения благоприятной окружающей среды для будущих поколений.

Вопросам идентификации факторов устойчивого развития систем регионального хозяйства большое внимание уделяли О. А. Новаковская и Д. С. Митюхин, предложившие выделить четыре группы факторов, к которым относятся:

− государственно-правовые (законодательная и нормативно-правовая база, государственная политика, система налогообложения и др.);

− социально-демографические (уровень доходов населения, состояние трудовых ресурсов, экономическая активность населения, менталитет и др.);

− экономические (глобализация и интеграция экономических процессов, финансовая устойчивость бюджетов разного уровня, состояние производственной, информационной, финансовой инфраструктур и др.);

– природно-экологические (емкость природно-ресурсного потенциала, природные и географические условия, и др.) [3].

С. П. Лапаев и М. Г. Лапаева предлагают выделять следующие факторы регионального развития: природные ресурсы, географическое положение, уровень социально-экономического развития, институциональные и политические, организационные, инновационные, инвестиционные, научно-технические [4].

По своему составу аналогичным является и предложение по идентификации факторов регионального развития В. Е. Сактоева и С. Р. Халтаева, но при этом данные авторы к определяющим факторам (условиям) относят постоянное совершенствование механизма технологических инноваций, прогрессирующую интернационализацию, применение информационных технологий, оптимизацию инновационных хозяйственных систем [5]. Автор разделяет позицию ученых, результаты исследования которых по идентификации факторов устойчивого регионального развития были представлены, но полагает, что устойчивое развитие мегарегиона обеспечивается в том числе и факторами сбалансированной интеграции (рис. 1).

Integratio – восстановление, восполнение, сторона процесса развития, связанная с объединением ранее разрозненных частей и элементов в целое. Интеграция может иметь место как при возникновении новой системы из ранее не связанных элементов, так и в рамках уже сложившейся системы. Интеграция в рамках уже существующей системы приводит к повышению уровня ее целостности и организованности. В ходе процесса интегрирования увеличивается объем и интенсивность взаимодействия и взаимосвязей между элементами, что сопряжено с появлением нового уровня управления.

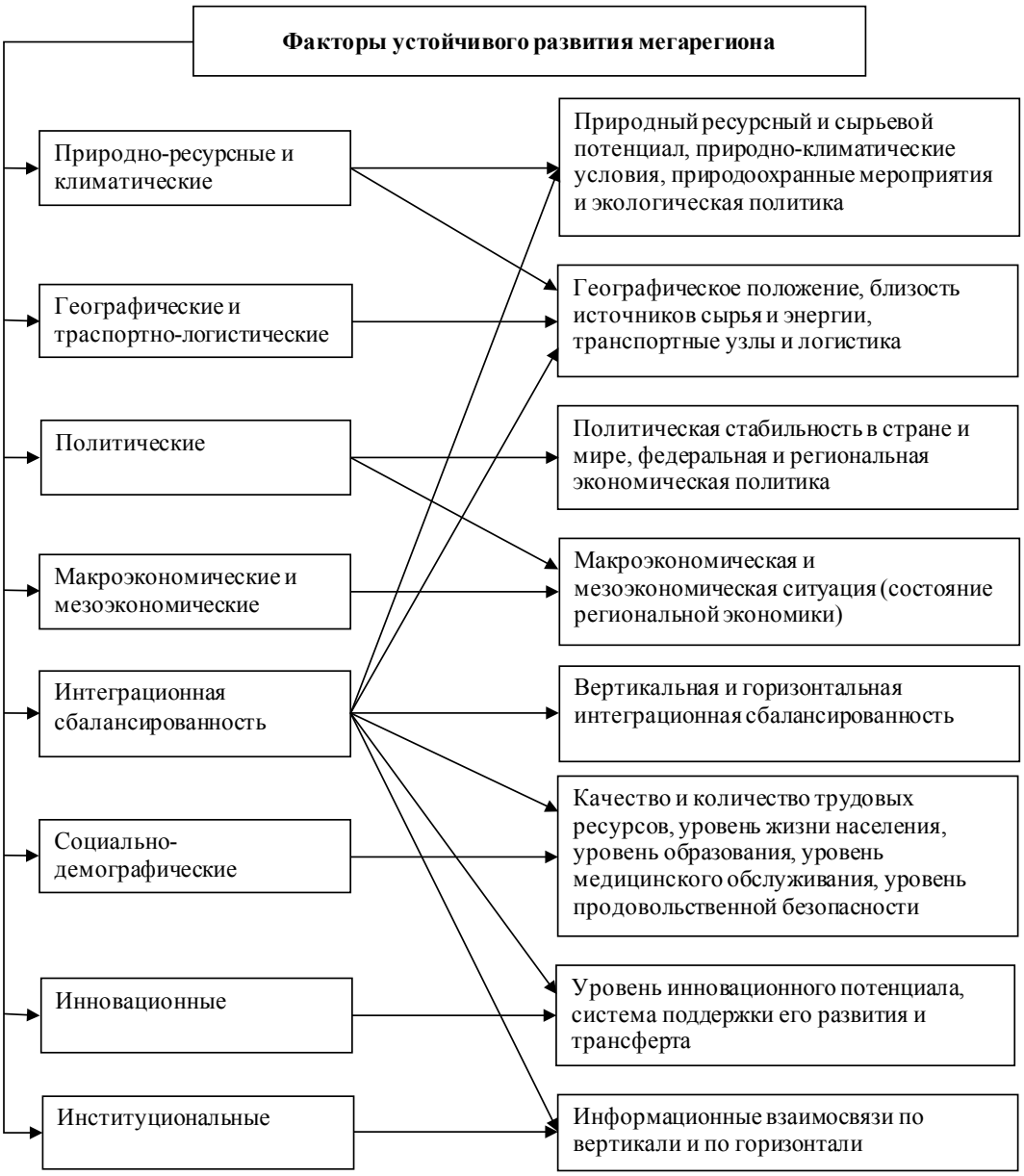

Рис. 1. Факторы устойчивого развития мегарегиона
Fig. 1. Factors of sustainable development of a megaregion

Под интеграцией также понимают некоторый результат процесса объединения до состояния упорядоченного функционирования частей целого.

Экономисты интерпретируют интеграцию как процесс сотрудничества, взаимного приспособления, интернационализации хозяйственной жизни, объединения национальных хозяйств. Такие процессы характерны для систем регионального хозяйства, признаваемых по своим характеристикам мегарегионами. При идентификации системы регионального хозяйства в качестве мегарегиона важно учитывать не только географические масштабы, но и экономический потенциал. Даже небольшая территория может обеспечить глобальные экономические потоки капитала, товаров, услуг, и в силу этого она приобретает статус мегарегиона.

Поскольку мегарегион располагает значительным потенциалом, это требует эффективных мер интеграционно-сбалансированного взаимодействия.

Интеграция с позиций управления представляет единение таких составляющих, как процесс, обеспечивающий объединение, сотрудничество, сплочение, сближение; организация, способная к саморазвитию (эмерджментности); состояние целостности, единения, связанности.

Российские экономисты предлагают рассматривать интеграционное взаимодействие как непрерывную систему процессов трансформации фундаментальной науки в прикладную, затрагивая экономический и организационно-управленческий аспекты.

Экономический аспект интеграционного взаимодействия проявляется в создании надёжных механизмов взаимодействия, а организационно-управленческий – в оптимизации интеграционных структур, совершенствовании институциональных механизмов и повышении на этой основе эффективности системы управления.

Выделяют типы интеграции: глобальная, мегоуровневая, мезоуровневая, микроуровневая. В системах регионального хозяйства, признаваемых мегарегионом, разработке, обоснованию и реализации подлежит мезоуровневая интеграция, когда формируется система отношений в рамках интеграционного взаимодействия субъектов на внутрирегиональном и межрегиональном уровнях.

Особое место в формировании потенциала развития мегарегиона и его использовании принадлежит инновациям.

В зарубежной литературе традиционный взгляд на сущность «инновация» связан с инновационным процессом в последовательной линейной модели, предложенной впервые Й. Шумпетером. Модель Й. Шумпетера состоит из нескольких этапов, технологически реализуемых в следующей последовательности: научные изыскания, разработка, проектирование, производство, маркетинг, сбыт, обслуживание [6]. Такое представление учитывает потребительский спрос и потребности рынка, что в конечном счете активизирует и стимулирует научные изобретения, исследования и разработки.

Инновационная составляющая – часть экономики мегарегиона, основанная на фундаментальных знаниях, их прикладной трансформации в практику регионального хозяйствования, на положительном восприятии и практическом применении нововведений.

При этом, рассматривая инновации в качестве фактора устойчивого развития мегарегиона, автор под инновациями понимает процесс, результат творческой и новаторской деятельности по инициации, разработке или созданию, освоению, коммерциализации, диффузии и внедрению в практику хозяйственной деятельности мегарегиона таких форм инноваций, как новый продукт или услуга, новый рынок сбыта, новый источник сырья, новые технологии производства, совершенные методы управления (управленческие инновации).

В связи с проблемой ограниченности запасов природных ресурсов возрастает значение их разделения по признаку исчерпаемости и возобновимости, такая классификация еще называется экологической. С этих позиций среди ресурсов выделяются неисчерпаемые (энергия солнца, ветра, движущейся воды, внутреннего тепла Земли и т. п.) и исчерпаемые.

Природные ресурсы – это естественная база развития экономики страны, поэтому весьма существенной является экономическая оценка всего комплекса природных ресурсов.

Величина природно-ресурсного потенциала определяется как сумма потенциалов отдельных видов природных ресурсов (минеральных, водных, лесных, земельных и др.) и зависит от целого ряда факторов, важнейшими среди которых являются: имеющиеся запасы природных ресурсов (чем больше ряд естественных ресурсов, вовлеченных и подлежащих использованию в процессе производства, тем больше природно-ресурсный потенциал), их количественные и качественные характеристики (величина запасов, содержание полезного вещества, мощность пластов и т. д.), комплексность использования каждого вида природных ресурсов.

Институциональные факторы развития мегарегиона определяются его институциональной средой, которые в соответствии с теорией институционализма представляют собой совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, образующих базис для производства, обмена и распределения.

Р. Коуз – нобелевский лауреат 1991 г. – полагает, что институциональная среда является экзогенно заданной [7].

Д. Норт – нобелевский лауреат 1993 г. – совместно с Л. Девисом определяет институциональную среду как отношения, складывающиеся на макроуровне: общие институциональные рамки (конституции), которые выступают ограничениями для контрактных соглашений между индивидами [8, с. 112].

О. Уильямсон – нобелевский лауреат 2009 г. – определяет институциональную среду как правила игры, определяющие контекст, в котором осуществляется экономическая деятельность [9]. Автор придержива-

ется всех трактовок институциональной среды, выдвинутых нобелевским лауреатами, а также утверждений о том, что институциональная среда представляет собой упорядоченный набор институтов, которые определяют ограничения для экономических субъектов, формирующихся в той или иной системе координации хозяйственной деятельности.

Первая функция государства является результатом соглашения людей, а ее выполнение служит своеобразным гарантом соблюдения ими конституционного договора. Контрактная (договорная) парадигма реализуется через институциональную среду, которую относительно мегарегиона можно представить следующей схемой (рис. 2).

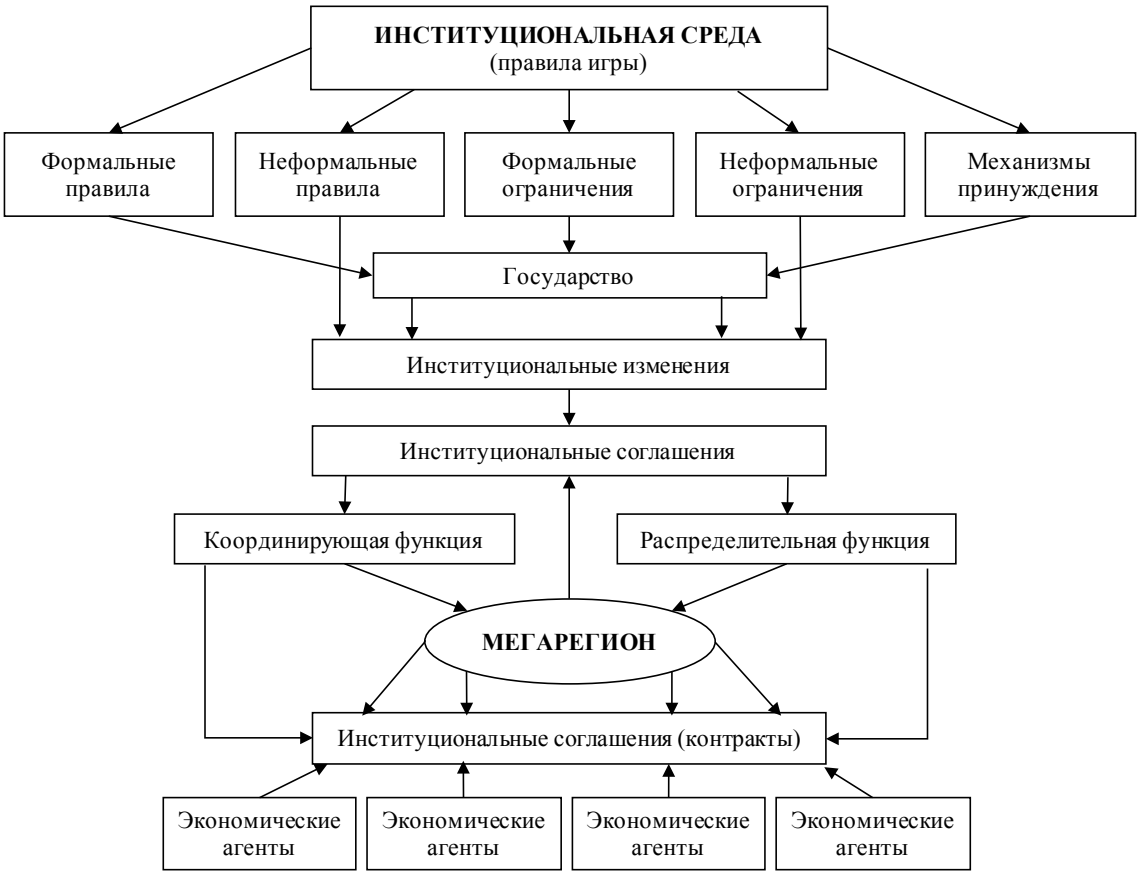

Рис. 2. Институциональная среда мегарегиона
Fig. 2. The institutional environment of a megaregion

Институциональная среда мегарегиона – правила поведения, определяемые извне (внешней средой, или экзогенно задаваемые) по политическим, социальным и правовым аспектам, и отношения, лежащие в основе организации – мегарегион, т. е. задаваемые эндогенно.

Для понимания факторов развития мегарегиона, определяемых факторами институциональной среды, необходимо понимание ожидаемых эффектов от управления институциональными изменениями.

На наш взгляд, ожидаемыми эффектами являются:

– развитие инновационного потенциала и повышение инвестиционной активности мегарегиона;

– повышение инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности мегарегиона;

– интеграционно-сбалансированное взаимодействие мегарегиона по вертикали (с системами вышестоящего уровня) и по горизонтали (с равноуровневыми системами и с элементами самой системы);

– повышение конкурентоспособности и конкурентной устойчивости мегарегиона.

Глобальный ожидаемый эффект – повышение качества жизни населения на основе устойчиво-воспроизводственного развития мегарегиона.

Особое место в системе факторов, определяющих региональное развитие, отведено социально-демографическим. Особое значение демографических факторов для России и ее регионов сопряжено со снижением доли России в мировой иерархии самых населенных стран мира. Если в 1950 г. доля России в мировом населении составляла 4,1 %, то в 2014 г. – 2,0 %, а по прогнозам на 2050 г. величина составит только 1,2 %. Учитывая огромную территорию России – более 17 млн км^2, количественный фактор численности населения имеет огромное значение для страны.

Основными демографическими показателями регионального развития являются численность населения, естественный прирост, миграция, рождаемость, продолжительность жизни, структурный состав населения.

Социальные факторы развития мегарегиона – обеспеченность его населения жильем, детскими дошкольными учреждениями, общеобразовательными школами,

медицинскими учреждениями, объектами культуры, торговли, общественного питания, бытового обслуживания, спортивными учреждениями, т. е. объектами обеспечения нормальных условий жизнедеятельности населения, а также системой социальной защиты.

Уровень обеспеченности населения объектами социального назначения оказывает непосредственное влияние как на производительность труда (чем ниже уровень обеспеченности, тем ниже уровень производительности труда), так и на состояние здоровья населения (например, если обеспеченность жильем ниже, чем 28 м^2 общей площади на человека, т. е. в соответствии с медицинскими нормами, то вероятность заболевания населения резко возрастает, а это негативно сказывается на функционировании производительных сил), образовательный уровень населения.

Возможности устойчивого развития мегарегиона определяются его потенциалом, ключевые элементы ресурсной составляющей которого нами выделяются на рисунке 3.

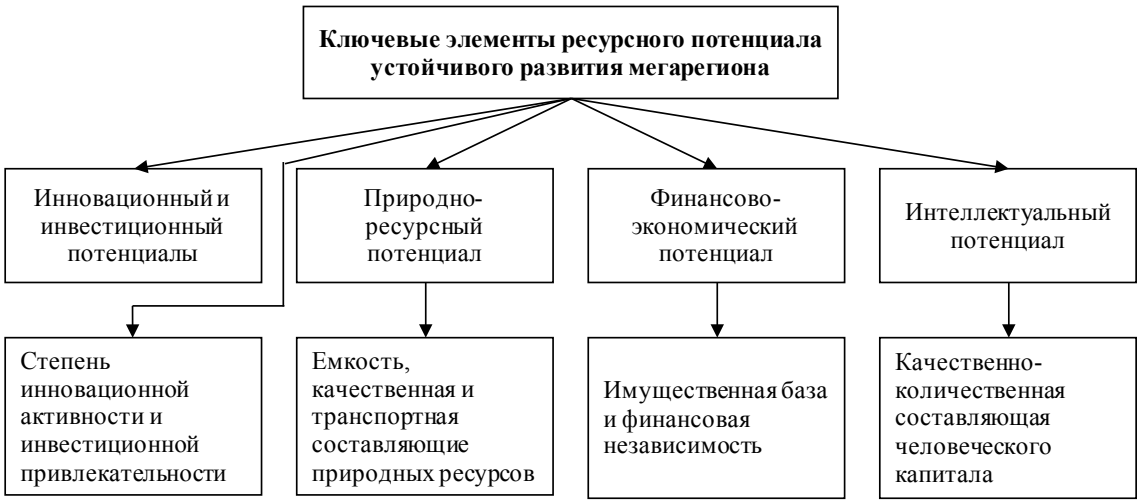

Рис. 3. Ключевые элементы, формирующие ресурсную составляющую потенциала устойчивого развития мегарегиона
Fig. 3. The key elements forming the resource component of the potential for sustainable development of a megaregion

Представляется, что эффективность использования ресурсного потенциала развития мегарегиона достигается мерами управляющего воздействия, обеспечивающими синергетический эффект от эффективного взаимодействия внешних и внутренних факторов на основе интеграционно-сбалансированного взаимодействия (рис. 4).

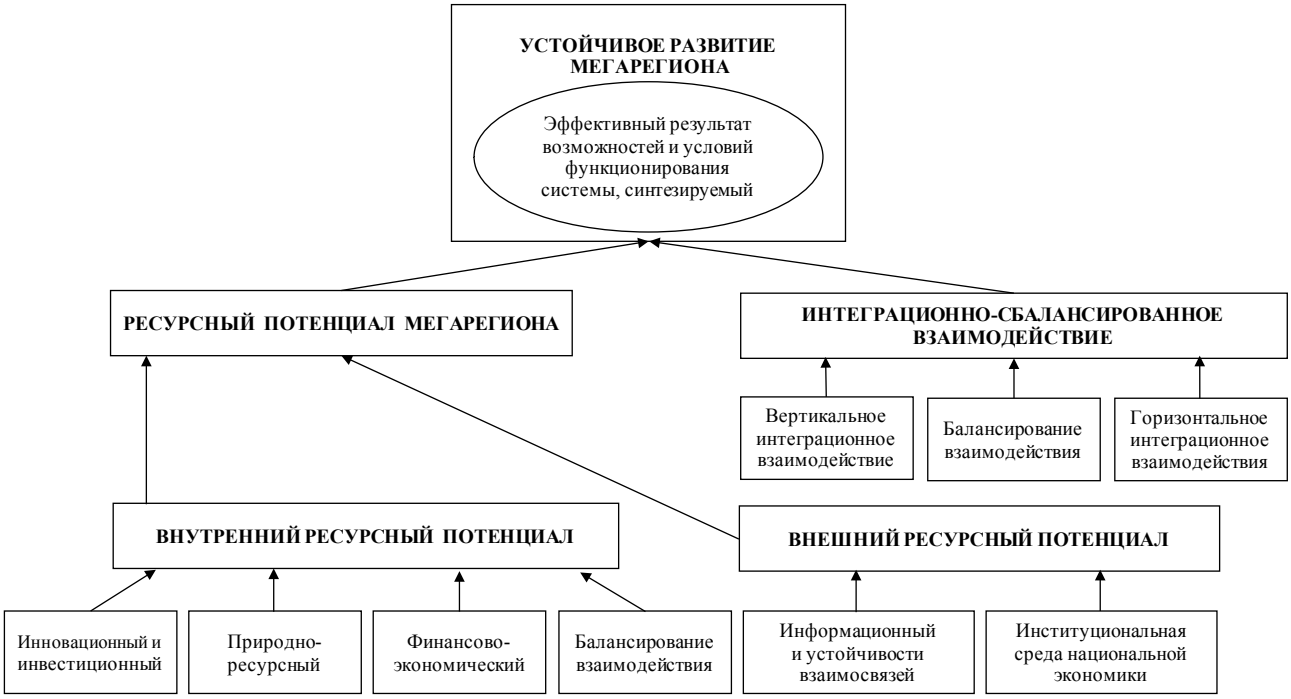

Рис. 4. Структурная схема взаимосвязи устойчивого развития мегарегиона и факторов, его определяющих
Fig. 4. Structural diagram of the relationship of sustainable megaregion's development and factors that define it

А. Г. Гранберг, В. И. Данилов-Данильян и ряд других ученых считают, что переход на модель сбалансированного развития должен быть реализован, прежде всего, на региональном уровне в силу того, что:

− во-первых, регион является наиболее управляемой системой, занимающей равноудаленное положение в управленческом пространстве страны;

− во-вторых, регион как территориально-локализованное пространство представляет собой устойчивое территориальное образование с относительно обособленным социомумом, с определенными этническими и культурными признаками;

− в-третьих, для регионов характерно различие условий их функционирования и потенциалов развития [10; 11].

Сбалансированность должна быть обеспечена по следующим аспектам (направлениям):

− макроэкономическая;

− экологическая, экономическая и экологическая составляющие;

− производственно-хозяйственная деятельность и окружающая среда;

− производственно-хозяйственная деятельность и ресурсный потенциал;

− межрегиональных, внутрирегиональных пропорций;

− внутрирегиональных и отраслевых пропорций и др.

Данные признаки-характеристики и направления правомерны для признания сбалансированного развития системы регионального хозяйства, признаваемой мегарегионом. Но автор полагает, что для систем, признаваемых мегарегионом, в качестве признака интеграционно-сбалансированного развития предлагается рассматривать:

− интегрирование потенциалов всех элементов системы на условиях обеспечения синергетического эффекта, учитывающего интересы территориально-локализованных пространств внутри региона, отраслевых комплексов и отдельных хозяйствующих субъектов;

− выравнивание уровней развития территориально-локализованных пространств, формирующих систему регионального хозяйства;

− значительный прирост уровня конкурентоспособности системы, позволяющий ей выступать в качестве драйвера национальной экономики.

Для современного этапа развития экономики характерно взаимодействие «глобализм – регионализм – национальная экономика – локальное образование», а также проявление «мегарегионализма» и «межрегионализма», что предопределяет необходимость эффективного взаимодействия и его управления, требующего, прежде всего, идентификации факторов и потенциала развития.

Литература

1. Иншакова Е. И., Волошина А. Ю. Функции мегарегионов и мегагородов глобальной экономической системы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2010. № 1. С. 159–166.

2. Иншаков О. В., Иншакова Е. И. Мегарегионы: проблемы измерения динамики и структуры процессов глобализации // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы. 2008. № 9. С. 206–217.

3. Новаковская О. А., Митюхин Д. С. Управление устойчивостью региона // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 2. С. 143–151.

4. Лапаева М. Г., Лапаев С. П. Регион как пространственная социально-экономическая система государства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 8. С. 133–143.

5. Сактоев В. Е., Халтаева С. Р. Стратегическое управление устойчивым инновационно ориентированным развитием социально-экономической системы региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 3. С. 35–41.

6. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

7. Коуз Р. Г. Природа фирмы // Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 11–32.

8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 180 с.

9. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат; CEVPress, 1996. 702 с.

10. Гранберг А. Г., Суслов В. И., Суспицын С. А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 120–150.

11. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. № 2. С. 123–135.

FACTORS AND POTENTIAL FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF A MEGAREGION

Oxana S. Drobkova[1, @]

[1] *Bauman Moscow State Technical University, buil. 1, 5, 2-nd Baumanskaya St., Moscow, Russia, 105005*
[@] *odrobkova@yandex.ru*

Received 22.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: megaregion, sustainable megaregion's development, factors and the potential for sustainable development, institutional environment, integration and balanced interactions.

Abstract: The current stage of economic development is characterized by the manifestation of «mega-regionalism» and «inter-regionalism», which shifts the emphasis in the direction of a balanced interaction between the participants who integrate their capacities in the interests of their own sustainable development. Megaregions represent the «locomotives» of the economic development of their countries. The potential for the development of the «megaregion» system represents its ability, which is determined by a wide range of factors. The expected effect of its use is sustainable development achieved by effective management solutions. Integration and balanced interaction is especially important for the sustainable development of megaregional economy. The author suggests integrating all elements of the system in terms of ensuring a synergistic effect, taking into account the interests of geographically localized spaces within the region, industrial complexes and economic entities. The current research defines the factors that shape the potential for sustainable development of a megaregion in terms of the «globalism – regionalism – the national economy – local education» interaction.

For citation: Drobkova O. S. Faktory i potentsial ustoichivogo razvitiia megaregiona [Factors and Potential for Sustainable Development of a Megaregion]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 94–100. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-94-100.

References

1. Inshakova E. I., Voloshina A. Iu. Funktsii megaregionov i megagorodov global'noi ekonomicheskoi sistemy [Functions of mega-regions and mega-cities of the global economic system]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 3: Ekonomika. Ekologiia = Science Journal of Volgograd State University. Global Ecomic System,* no. 1 (2010): 159–166.

2. Inshakov O. V., Inshakova E. I. Megaregiony: problemy izmereniia dinamiki i struktury protsessov globalizatsii [Megaregions: Problems of Measuring the Dynamics and Structure of the Processes of Globalization]. *Ekonomika razvitiia regiona: problemy, poiski, perspektivy = The Economy of Regional Development: Problems, Searches, Prospects,* no. 9 (2008): 206–217.

3. Novakovskaia O. A., Mitiukhin D. S. Upravlenie ustoichivost'iu regiona [Management of Region's Stability]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Transbaikal State University*, no. 2 (2015): 143–151.

4. Lapaeva M. G., Lapaev S. P. Region kak prostranstvennaia sotsial'no-ekonomicheskaia sistema gosudarstva [Region as Spatial Socio-economic System of the State]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, no. 8 (2012): 133–143.

5. Saktoev V. E., Khaltaeva S. R. Strategicheskoe upravlenie ustoichivym innovatsionno orientirovannym razvitiem sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy regiona [Strategic management of the sustainable innovatively focused development of social and economic system of the region]. *Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Ekonomika. Sotsiologiia. Menedzhment = Izvestiya South-Western State University. Series: The Economy. Sociology. Management,* no. 3 (2013): 35–41.

6. Schumpeter J. A. *Teoriia ekonomicheskogo razvitiia* [The Theory of Economic Development]. Moscow: Progress, 1982, 455.

7. Coase R. H. Priroda firmy [The Nature of the Firm]. *Teoriia firmy* [Theory of the firm]. Ed. Gal'perin V. M. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaia shkola, 1995, 11–32.

8. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and economic performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi «NAChALA», 1997, 180.

9. Williamson O. E. Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaia» kontraktatsiia [The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting]. Saint-Petersburg: Lenizdat; CEVPress, 1996, 702.

10. Granberg A. G., Suslov V. I., Suspitsin S. A. Ekonomiko-matematicheskie issledovaniia mnogoregional'nykh sistem [Economic-mathematical studies of multiregional systems]. *Region: ekonomika i sotsiologiia = Region: Economics and Sociology*, no. 2 (2008): 120–150.

11. Danilov-Danilian V. I. Ustoichivoe razvitie (teoretiko-metodologicheskii analiz) [Sustainable Development (Theoretical and Methodological Analysis)]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and Mathematical Methods,* no. 2 (2003): 123–135.

УДК 33+658.8

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК МАРКЕТИНГОВЫЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МОНОГОРОДОВ

***Екатерина А. Завьялова*[1, @1], *Ольга Н. Котова*[1, @2], *Елена А. Лысенко*[1, @3]**

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *e_zavyalova@mail.ru*
[@2] *onkotova@yandex.ru*
[@3] *lysenko.elena@bk.ru*

Поступила в редакцию 30.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова:
маркетинг, моногорода, маркетинг территорий, благоустройство городов.

Аннотация: Формирование комфортной городской среды – одно из приоритетных направлений развития моногородов. Привлекательность города (для жителей, гостей города и т. п.) во многом обусловлена особенностями территориального проектирования. В сочетании с маркетинговыми инструментами территориальное проектирование становится мощным фактором повышения привлекательности моногорода, улучшения качества жизни. Особое значение при формировании комфортной городской среды придается благоустройству общественных территорий. При проектировании таких территорий важно учитывать особенности города, мнение населения, историю и традиции использования данного общественного пространства. В работе рассмотрены некоторые особенности применения маркетинговых инструментов при реализации проектов по благоустройству территории. Использованы общелогические методы исследования (анализ, аналогия, системный подход); эмпирические методы (описание, сравнение). Проведен анализ предпосылок использования маркетингового подхода при территориальном проектировании для повышения привлекательности моногородов, анализ сильных и слабых сторон проекта по формированию комфортной городской среды в рамках государственной программы по благоустройству. Сформулирован авторский подход к разработке этапов использования инструментов маркетинга в территориальном проектировании, который был положен в основу проекта преобразования одного из общественных пространств г. Мыски Кемеровской области.

Для цитирования: Завьялова Е. А., Котова О. Н., Лысенко Е. А. Территориальное проектирование как маркетинговый фактор повышения привлекательности моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 101–107. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-101-107.

Повышение привлекательности моногородов приобретает особое значение в свете имеющихся в этой сфере проблем, к которым относится, прежде всего, отток экономически активного населения. Это происходит из-за диспропорций в социально-экономическом развитии регионов, отдельных городов. Многие моногорода становятся неконкурентоспособными по сравнению с более крупными или развитыми территориальными образованиями [1]. Кроме того, потребности населения, проживающего в таких городах, не могут быть удовлетворены в полной мере с помощью имеющейся социально-досуговой, общественно-деловой инфраструктуры, путем использования общегородской среды, уличных пространств, а именно речь идет о проблеме неудовлетворенности населения (как своего рода потребителя услуг города).

Повышение привлекательности города с точки зрения развития инфраструктуры, общегородских, озелененных территорий, прилегающих к жилью и учреждениям пространств, позволит снизить остроту этой проблемы для моногородов. Таким образом, формирование комфортной городской среды, благоустройство на основе территориального проектирования является одним из приоритетных направлений развития моногородов [2].

Территория города является своеобразным продуктом со специфическими характеристиками и может выступать в качестве объекта маркетинга [3]. Также существует концепция, согласно которой продуктом могут выступать «общественные услуги» (в частности благоустройство) [4]. Привлекательность города с точки зрения маркетинга можно рассматривать как элемент внутренней пространственной среды, обеспечивающий возможность развития инфраструктуры, рост удовлетворенности горожан условиями жизни в городе, обеспечивающий сохранение квалифицированных трудовых ресурсов. Все это в конечном итоге ведет к совершенствованию функционирования города в целом и его развитию.

В сочетании с маркетинговыми инструментами территориальное проектирование (разработка концепции, идеи) становится мощным фактором повышения

привлекательности моногорода, улучшения качества жизни. Особое значение при формировании комфортной городской среды придается благоустройству общественных территорий. При проектировании таких территорий важно учитывать особенности города, мнение населения, историю и традиции использования данного общественного пространства. Учет данных аспектов лежит в основе применения маркетинга для разработки и реализации проектов по благоустройству. В данной работе рассмотрены некоторые аспекты проектирования общественной территории на примере г. Мыски Кемеровской области и России в целом.

Распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 1398-р «Об утверждении перечня моногородов» Мысковский городской округ включён в категорию «Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения» [5]. Таким образом, проблемы, характерные для моногородов в общем, актуальны и для г. Мыски.

Министерством строительства и ЖКХ РФ совместно с Единым институтом развития в жилищной сфере АИЖК и некоммерческой организацией «Фонд единого института развития в жилищной сфере», а также КБ «Стрелка» инициирован проект по разработке и расчету индекса качества городской среды. Данный показатель представляет собой комплексную оценку города по 30 критериям с использованием десятибалльной шкалы. Критерии объединены в пять групп:

− безопасность,
− комфорт,
− экологичность,
− идентичность и разнообразие,
− современность среды.

Оцениваются следующие *виды городских пространств* [6]:

1. Жилье и прилегающие пространства, придомовые территории.
2. Озелененные и водные пространства (территории города, прилегающие к городским водоемам, а также парки, скверы, леса).
3. Уличная инфраструктура (улицы разного типа, включая территории вдоль фасадов, оценивается вне зависимости от района города и расположения в городском пространстве).
4. Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства (городские территории, прилегающие к образовательным, медицинским учреждениям, к спортивным объектам, объектам рекреации, к учреждениям культуры, к объектам религиозного назначения).
5. Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства (территории, примыкающие к административным, деловым, торговым объектам, а также места общественного питания, объекты сервиса и услуг).
6. Общегородское пространство (вся территория города в административных границах населенного пункта, то есть среда, не относящаяся напрямую ни к одному из типов пространств).

Исходя из рассчитанного индекса, можно, во-первых, узнать абсолютное качество городской среды, проблемные зоны, и во-вторых, сравнить город с другими городами в группе с целью выявления позиции и принятия последующих управленческих решений. Кроме того, индекс качества городской среды – это возможность определить, вступил ли город в «борьбу» за горожанина, насколько город заинтересован в повышении своей привлекательности для населения.

Г. Мыски относится к группе малых городов, является стабильным с точки зрения динамики численности населения. Интегральный индекс качества городской среды составил 118 баллов из 300 возможных, что соответствует 39 %. Исходя из значения индекса, состояние городской среды оценивается в Мысках как «плохое», то есть внутренняя среда города находится в неудовлетворительном состоянии для проживающего в городе населения. Это подтверждается и результатами исследования мнений горожан об улучшении городского пространства г. Мыски на портале Моногорода.РФ, который является проектом по сбору мнений и идей по улучшению городов и оказанию поддержки программам по благоустройству.

Наиболее проблемными городскими пространствами г. Мыски, согласно индексу качества городской среды, являются:

− озелененные и водные пространства (14 баллов из 118, 28 %);
− социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства (11 баллов из 118, 22 %);
− общественно-деловая инфраструктура (11 баллов из 118, 22 %).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что для данного города характерна недостаточная развитость общественных пространств.

Выше было сказано, что территория города, общественные пространства, а также благоустройство (как общественная услуга) на основе территориального проектирования могут являться объектом маркетинга. Рассмотрим предпосылки и особенности использования маркетингового подхода при территориальном проектировании для повышения привлекательности моногородов.

Благоустройство городской среды в России традиционно в силу особенностей развития и географического положения является сложным. Долгие зимы, изношенная инфраструктура, равнодушие жителей и местных властей – все это привело к тому, что зачастую города, особенно малые, неудобны, непривлекательны, некомфортны. В последнее время этой проблеме уделяется большое внимание. Благоустройство городов – одно из направлений деятельности, которое было заявлено в качестве приоритетных на уровне государства на ближайшие годы. Реализация конкретных мероприятий по благоустройству происходит на уровне региона и муниципалитета.

Тема благоустройства городов – одна из наиболее серьёзных проблем, которая охватывает почти все города и населённые пункты нашей страны. В целях создания условий для системного повышения качества

и комфорта городской среды в конце 2016 года на всей территории России под руководством Минстроя стартовал проект «Формирование комфортной городской среды». Основной целью проекта является благоустройство всех населённых пунктов страны с обязательным учётом мнений граждан. При этом в ходе реализации проекта предполагается:

– вовлечение представителей бизнеса в процесс благоустройства;

– принятие новых или актуализация действующих правил благоустройства;

– формирование Федерального реестра лучших реализованных проектов по благоустройству с целью распространения передового опыта в сфере благоустройства.

Проект был разработан в рамках стратегического направления «ЖКХ и городская среда» правительством РФ. Основная цель проекта – создание условий для системного повышения качества и комфорта городской среды на всей территории Российской Федерации путем реализации ежегодно (в период с 2017 по 2020 годы) комплекса первоочередных мероприятий по формированию современной комфортной городской среды в субъектах Российской Федерации, реализации к 2020 году 400 комплексных проектов по благоустройству и обучение около 2000 специалистов [7].

Формирование комфортной городской среды предусматривает реализацию муниципальных проектов конкретно для каждого города, который участвует или будет участвовать в данном федеральном проекте. Так, разработан достаточно четкий механизм реализации данного проекта на уровне муниципалитетов. Более того, выделение в рамках проекта муниципалитетам средств возможно только при наличии разработанной муниципальной программы (проекта) по формированию комфортной городской среды. По сути, на уровне муниципалитетов происходит совместное проектирование и далее софинансирование благоустройства городов.

Таким образом, основными задачами проекта являются:

– разработка и оптимизация правил по благоустройству и содержанию для всех городов РФ;

– вовлечение горожан, представителей бизнеса в процесс принятия решений и реализацию проектов по благоустройству;

– максимальная открытость и общественный контроль реализации проектов.

Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому планированию и приоритетным проектам. Далее принят ряд постановлений Правительства о механизме реализации проекта и выделении субсидий на благоустройство [8].

Как отмечалось выше, был разработан четкий алгоритм по участию муниципалитетов в программе благоустройства. Муниципалитеты отбираются на уровне регионов. Соответственно, главам этих муниципалитетов предлагается предпринять следующие шаги [9]:

1. Информирование жителей города о программе благоустройства, сбор заявок на благоустройство дворовых или общественных территорий.

2. Формирование заявки по включению в программу на уровне региона.

3. Создание и утверждение общественных комиссий.

4. В случае одобрения регионом заявки проведение общественных обсуждений и уточнение в их ходе муниципальной программы.

5. Публикация готовой муниципальной программы благоустройства.

6. Утверждение на общественных слушаниях дизайн-проектов всех объектов.

7. Выбор подрядчиков.

8. Контроль реализации проектов, отчет перед общественной комиссией и региональной властью.

Проект по формированию комфортной городской среды – первый масштабный проект на государственном уровне, посвященный развитию городской среды. Его уникальность в том, что в реализацию непосредственно вовлечены жители, которые выбирают, где и как благоустраивать парк или двор. Также общественность вовлечена в процесс приемки работ.

Очень важным моментом в реализации данного проекта, как можно видеть исходя из задач, является активное привлечение населения и бизнес-сообщества конкретного муниципального образования. Население в целом участвует в реализации проекта на этапе отбора идей по благоустройству (с применением механизма краудсорсинга, общественного сбора и обсуждения идей). Далее население может участвовать непосредственно в процессе благоустройства, что не является обязательным, но поощряется. Что касается бизнеса, то его представители привлекаются в том числе к софинансированию проектов. В целом же финансирование осуществляется как за счет федеральных средств, так и за счет средств регионов. По плану все неухоженные общественные пространства в городах страны должны быть приведены в порядок до 2022 года. Кроме того, для более квалифицированного управления реализацией проекта осуществляется централизованное обучение сотрудников муниципальных и региональных органов власти основам формирования городской среды. Также создается общедоступная библиотека лучших практик и методик благоустройства (применение бенчмаркингового подхода).

Учитывая вышесказанное, мы приходим к следующей мысли: государство создало мощный инструмент поддержки формирования комфортной городской среды (проект по формированию комфортной городской среды), который должен способствовать повышению привлекательности моногородов. Однако при разработке такого инструмента достаточно тяжело учесть все особенности. При реализации проекта также существуют моменты, которые не были учтены при разработке, вместе с тем велико влияние случайных факторов.

Авторами был проведен анализ данного проекта с точки зрения сильных и слабых сторон, возможностей и угроз (SWOT-анализ). Ниже представлены краткие результаты данного анализа:

1. Сильные стороны:

– поддержка и финансирование проекта на федеральном уровне в рамках приоритетного стратегического направления развитии;

– наличие понятного и достаточно простого механизма реализации;

– вовлечение населения в процесс сбора идей, финансирование, контроль реализации, более того, то или иное городское пространство может быть включено в проект только на основании инициативы жителей, представителей общественных организаций или бизнес-сообщества;

– учет маломобильных групп населения;

– использование бенчмаркингового подхода – сбор лучших практик по благоустройству, обмен идеями;

– наличие общественных комиссий для повышения открытости реализации проекта.

Таким образом, для некоторых малых городов (в том числе получивших статус «моногородов») этот проект – шанс провести благоустройство в достаточно больших масштабах, на реализацию которых у муниципалитета обычно не хватает финансовых и кадровых ресурсов. Иными словами, для моногородов, например, Кемеровской области (а это регион с самым большим числом моногородов в России) этот проект является крайне важным, позволит через благоустройство городской среды сделать города привлекательными для жителей, уменьшить отток населения, создать условия для проявления активности и инициатив жителей.

2. С другой стороны, существует и ряд слабых сторон самого проекта и его реализации:

– сильное влияние человеческого фактора на реализацию проекта – в проекте выделение финансирования и поддержки возможно лишь при проявлении инициативы жителей, при ее отсутствии мероприятия реализованы не будут, то есть отсутствие инициативных жителей в городе означает отсутствие благоустройства многих городских пространств;

– разрозненность и хаотичность информации. Документы по проекту доступны, размещены на официальных сайтах Министерства строительства и ЖКХ, сайтах ЖКХ регионов, однако информация о ходе реализации конкретных мероприятий на муниципальном, региональном и федеральном уровне «разбросана» по разным источникам;

3. Угрозы:

– отсутствие или недостаточность инициатив по благоустройству от местных жителей;

– опасность недостаточно высокого уровня просветительской работы муниципалитетов по продвижению идей проекта среди жителей, недостаточный уровень поддержки инициативы местных жителей со стороны муниципальных служащих – все это может поставить под угрозу реализацию проекта;

– нарушение сроков и процедур согласования проектно-сметной документации, отбора подрядчиков, оплаты смет и т. д.

4. Возможности улучшения реализации проекта:

– активизация работы межведомственных комиссий (органа, который призван обеспечивать реализацию приоритетного проекта на территории региона), поскольку возникающие спорные моменты не всегда могут быть решены одним ведомством;

– возможность аккумулировать информацию по реализации мероприятий проекта, его текущему состоянию на уровне муниципальных открытых источников либо на едином сайте проекта; в качестве примера можно использовать программу развития моногородов, информация по реализации которой представлена на едином сайте «Моногорода.РФ»; использование альтернативных информационных средств (аккаунтов в социальных сетях и т. д.);

– использование маркетингового подхода при продвижении и отборе идей по благоустройству (в части повышения информированности населения о возможностях проекта, о ходе реализации мероприятий и т. д.).

Как видим, имеющиеся возможности, на наш взгляд, усилят прозрачность представления результатов уже реализуемых мероприятий, помогут повысить активность населения и представителей бизнес-сообщества, которые будут видеть реальные, воплощенные в жизнь проекты, помогут привлечь новые инициативы по благоустройству. Таким образом, помогут продвижению и дальнейшей успешной реализации проекта «Формирование комфортной городской среды» и в конечном итоге будут способствовать повышению привлекательности городов для жителей и потенциальных инвесторов.

Для усиления действия проекта целесообразно использование элементов территориального маркетинга. Традиционно территориальный маркетинг (региональный маркетинг, маркетинг территорий, маркетинг мест) призван определять и учитывать потребности местных сообществ, нивелируя обобщенный характер разработанных государством мер [10].

Исходя из этого, маркетинговый подход при рассмотрении городской среды, по мнению авторов, может быть сформулирован следующим образом:

– Городская среда, инфраструктура, городские пространства можно рассматривать как элементы маркетинговой среды, а именно внутренней, характеризующей потенциал города и его возможности.

– Управление этими элементами на основе маркетингового подхода – это изучение существующих потребностей горожан, а также прогнозов развития города для удовлетворения перспективных потребностей.

– Трансформация потребностей – текущих и перспективных – в конкретные решения и проекты по формированию комфортной городской среды.

– Таким образом, можно предложить следующие этапы реализации маркетингового подхода для территориального проектирования моногородов:

– Сбор и анализ информации по проблемным элементам развития города (выявление пространств, нуждающихся в улучшении, на основе краудсорсингового подхода, изучения мнений горожан, опроса экспертов и пр.).

– Разработка и отбор концепций улучшения городского пространства.

− Оценка выбранных концепций с точки зрения актуальности для города и соответствия приоритетному национальному проекту по формированию комфортной городской среды, а также программе «Пять шагов благоустройства», разработанной в рамках проекта.

− Продвижение и маркетинговая поддержка мероприятий по реализации выбранной концепции.

Данный подход дополняет и уточняет имеющиеся представления о практической реализации маркетинговых мероприятий на мезоуровне (уровне отдельной территории). В рамках данной работы не ставилась задача анализа всех имеющихся концепций, применяемых в маркетинге территорий. Однако в качестве примера можно упомянуть подход ряда зарубежных ученых к территориальному маркетингу с точки зрения географического аспекта (место, пространство – основные элементы, влияющие на экономические и социокультурные явления [11–13]). Подходы некоторых отечественных исследователей [14–16] в общем виде предлагают использовать маркетинг при выборе приоритетов развития, основанных на конкурентных преимуществах, усиление которых может привести к повышению жизненного уровня населения. Подход, изложенный в данной статье, представляет собой, прежде всего, рассмотрение территории как объекта улучшений на основе мнений местных сообществ и с точки зрения потребностей города, а также в соответствии с приоритетами государственной политики в сфере развития территорий. В предыдущих подходах акцент делался, скорее, на развитие имеющихся качеств, особенностей территории (конкурентных преимуществ) и осуществление продвижения преимуществ во внешней среде при поддержке как со стороны местного сообщества, так и со стороны государства. В авторском подходе акцент смещен на выявление потребностей участников местных сообществ в развитии тех или иных особенностей территории с учетом государственной поддержки. Продвижение в этом случае осуществляется не только во внешней, но и во внутренней среде территории.

В рамках данной работы территориальное проектирование рассматривается как маркетинговый фактор повышения привлекательности города. Следовательно, преобразование общественного пространства можно рассматривать как процесс получения городом преимущества в конкурентной борьбе за экономически активное и платежеспособное население, с одной стороны, и как процесс развития одного из элементов внутренней городской среды для более полного удовлетворения культурных, духовных и иных потребностей населения, с другой стороны.

Реализация маркетингового подхода по вышеперечисленным этапам была осуществлена при участии авторов данной статьи в рамках разработки концепции по благоустройству общественной территории г. Мыски. Объектом преобразования явился городской парк г. Мыски «Юбилейный». С инициативой преобразования парка выступила одна из городских общественных организаций. Цель – разработка концепции территориального проектирования парка, отвечающей целям и задачам приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» и программы «Пять шагов благоустройства», реализующей данный проект. Также разрабатываемая концепция должна была отвечать потребностям города и его жителей исходя из следующих моментов:

− историческое наследие общественного пространства;

− пригодность для осуществления мероприятий;

− наличие или отсутствие элементов инфраструктуры в других общественных пространствах (конкуренция);

− мнения горожан о необходимости тех или иных мероприятий по улучшению данного общественного пространства.

Предложенные концепции и мероприятия анализировались на соответствие целям проекта в рамках реализации программы «Пять шагов благоустройства». Все мероприятия в рамках конкретной концепции оценивались по трем уровням соответствия (полностью соответствует, соответствует частично, не соответствует). Далее была сформулирована интегральная (сводная) концепция, содержащая мероприятия, получившие оценку «полностью соответствует», с учетом уровней сложности реализации мероприятий. Эта концепция основана на использовании общественного пространства для проведения общегородских мероприятий и спортивных состязаний и учитывает историческое наследие данной территории. Данная концепция проходит этап рассмотрения в рамках муниципальной программы развития городской среды г. Мыски.

Таким образом, при реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» и программы «Пять шагов благоустройства» применение маркетингового подхода, а именно рассмотрение территориального проектирования как важного фактора повышения привлекательности моногородов, с точки зрения авторов, предусматривает:

− на межэтапном уровне после сбора мнений о выборе объекта благоустройства и перед разработкой дизайн-проекта нужен выбор концепции, отвечающей потребностям жителей города, а также соответствующей целям программы «Пять шагов благоустройства»;

− эффективное продвижение идеи концепции и последующей реализации проекта благоустройства в рамках выбранной концепции путем создания позитивного образа изменений, выстраивания эффективных маркетинговых коммуникаций, информирования населения и других заинтересованных сторон.

Литература

1. Volkov S. K. Social and economic disproportion of development of Russian Territories // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. № 15. P. 137–144.

2. Моногорода.РФ: портал. Режим доступа: http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/ (дата обращения: 11.01.2018).

3. Vaňová A., Petríková K. Influences of the economic cycle on the product life cycle of a territory // International Review on Public and Nonprofit Marketing. 2012. № 9-2. P. 97–104.

4. Дубова Ю. И., Ечка Е. М. Концепция маркетинга микс регионального маркетинга // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 8. С. 55–60.

5. О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р // Гарант: информационно-правовое обеспечение. Режим доступа: http://base.garant.ru/70707138/ (дата обращения: 10.01.2018).

6. Индекс качества городской среды // Индекс-городов.РФ. Режим доступа: http://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/towns/745-myski (дата обращения: 10.01.2018).

7. Минстрой России. Режим доступа: http://www.minstroyrf.ru (дата обращения: 11.01.2018).

8. Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» // Минстрой России. Режим доступа: http://www.minstroyrf.ru/trades/zhishno-kommunalnoe-hozyajstvo/strategicheskoe-napravlenie-razvitiya-zhkkh-i-gorodskaya-sreda/ (дата обращения: 12.01.2018).

9. ГосВопрос: сайт. Режим доступа: http://gosvopros.ru/territory/khozyaystvo/improvement (дата обращения: 11.01.2018).

10. Трошин И. А., Рожков К. Л. Роль маркетингового подхода в территориальном стратегическом планировании // Маркетинг в России и за рубежом. 2017. № 6. С. 67–78.

11. Giovanardi M., Lucarelli A. Sailing through marketing: A critical assessment of spatiality in marketing literature //Journal of Business Research. 2018. № 82. P. 149–159.

12. Boisen M., Terlouw K., Groote P., Couwenberg O. Reframing place promotion, place marketing, and place branding: moving beyond conceptual confusion // Cities. 2017. No. 11. Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275117301373?via%3Dihub (дата обращения: 15.01.2018).

13. Deffner A, Liouris C. H. City marketing: a significant planning tool for urban development in a globalised economy // Amsterdam: 45th Congress of the European Regional Science Association. 2005. № 21.

14. Лавров А. М., Унщиков И. А. Развертывание маркетинга по уровням управления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1. С. 256–261.

15. Соколова Н. Качество жизни населения города в маркетинге территории. LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 328 с.

16. Shapoval Y. The Marketing Role in Improving the Competitiveness of the Region // Baltic Journal of Economic Studies. 2017. № 4. P. 289–292.

TERRITORIAL DESIGN AS A MARKETING FACTOR TO INCREASE THE ATTRACTIVENESS OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS

***Ekaterina A. Zavyialova*[1, @1], *Olga N. Kotova*[1, @2], *Elena A. Lysenko*[1, @3]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *e_zavyalova@mail.ru*
[@2] *onkotova@yandex.ru*
[@3] *lysenko.elena@bk.ru*

Received 30.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: marketing, monocities, marketing of territories, improvement of cities.

Abstract: The formation of a comfortable urban environment is one of the priority areas for the development of single-industry towns. The attractiveness of the city (for residents, visitors, etc.) is largely due to the peculiarities of its territorial design. In combination with marketing tools, territorial design becomes a powerful factor in increasing the attractiveness of a single-industry city and improving the quality of life. Particular importance in the formation of a comfortable urban environment is given to the improvement of public areas. When designing such areas, it is important to take into account the characteristics of the city, the opinion of the population, the history and traditions associated with this public space. The paper considers some features of the application of marketing tools in the implementation of projects for territory improvement.

The research has employed some general methods (analysis, analogy, system approach), as well as empirical ones (description, comparison). The paper features 1) an analysis of conditions for implementing the marketing approach in cases of territorial planning to increase the attractiveness of single-industry towns; 2) a pros and cons analysis of the

project aimed at the formation of comfortable urban environment within the framework of the state program for landscaping. The paper introduces an authentic approach to the development of the stages of using marketing tools in the territorial design. The approach has been implemented in the town of Myski (Kemerovo Region).

For citation: Zav'ialova E. A., Kotova O. N., Lysenko E. A. Territorial'noe proektirovanie kak marketingovyi faktor povysheniia privlekatel'nosti monogorodov [Territorial Design as a Marketing Factor to Increase the Attractiveness of Single-Industry Towns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 101–107. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-101-107.

References

1. Volkov S. K. Social and economic disproportion of development of Russian Territories. *Regional and Sectoral Economic Studies*, no. 15 (2015): 137–144.
2. *Monogoroda.RF.* Available at: http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/ (accessed 11.01.2018).
3. Vaňová A., Petríková K. Influences of the economic cycle on the product life cycle of a territory. *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, no. 9-2 (2012): 97–104.
4. Dubova Iu. I., Echka E. M. Kontseptsiia marketinga miks regional'nogo marketinga [Concept of marketing mics of regional marketing]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Samara State University,* no. 8 (2015): 55–60.
5. *O Perechne monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii RF (monogorodov)* [About the List of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns)]. Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 No. 1398-r. Available at: http://base.garant.ru/70707138/ (accessed 10.01.2018).
6. *Indeks kachestva gorodskoi sredy* [Index of quality of the urban environment]. Available at: http://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/towns/745-myski (accessed 10.01.2018).
7. *Minstroi Rossii* [Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation]. Available at: http://www.minstroyrf.ru (accessed 11.01.2018).
8. *Prioritetnyi proekt «Formirovanie komfortnoi gorodskoi sredy»* [Priority project «Formation of the Comfortable Urban Environment»]. Available at: http://www.minstroyrf.ru/trades/zhishno-kommunalnoe-hozyajstvo/strategicheskoe-napravlenie-razvitiya-zhkkh-i-gorodskaya-sreda/ (accessed 12.01.2018).
9. *GosVopros*. Available at: http://gosvopros.ru/territory/khozyaystvo/improvement (accessed 11.01.2018).
10. Troshin I. A., Rozhkov K. L. Rol' marketingovogo podkhoda v territorial'nom strategicheskom planirovanii [The role of marketing approach in territorial strategic planning]. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Marketing in Russia and Abroad*, no. 6 (2017): 67–78.
11. Giovanardi M., Lucarelli A. Sailing through marketing: A critical assessment of spatiality in marketing literature. *Journal of Business Research*, no. 82 (2018):149–159.
12. Boisen M., Terlouw K., Groote P., Couwenberg O. Reframing place promotion, place marketing, and place branding: moving beyond conceptual confusion. *Cities*, no. 11 (2017). Available at: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275117301373?via%3Dihub (accessed 15.01.2018).
13. Deffner A, Liouris C. H. City marketing: a significant planning tool for urban development in a globalised economy. *Amsterdam: 45th Congress of the European Regional Science Association*, no. 21 (2005).
14. Lavrov A. M., Unshchikov I. A. Razvertyvanie marketinga po urovniam upravleniia [Deployment of the marketing levels of management]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2013): 256–261.
15. Sokolova N. *Kachestvo zhizni naseleniya goroda v marketinge territorii* [The quality of life of the population of the city in the marketing area]. LAP Lambert Academic Publishing, 2013, 328.
16. Shapoval Y. The marketing role in improving the competitiveness of the region. *Baltic Journal of Economic Studies*, no. 4 (2017): 289–292.

УДК 338.49

УПРАВЛЕНИЕ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРОЙ МОНОГОРОДА НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ФАСИЛИТИ МЕНЕДЖМЕНТА

***Андрей В. Литвин*[1, @1], *Александра П. Ложкина*[1, @2], *Никита Э. Михайлов*[1, @3]**

[1] *Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1*
[@1] *litvin-andrey@mail.ru*
[@2] *lozhkinaap@mail.ru*
[@3] *nikitosski.91@mail.ru*

Поступила в редакцию 30.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: моногород, спортивная инфраструктура, бюджет, фасилити менеджмент, объект, эксплуатация, текущие затраты.

Аннотация: Несмотря на общее улучшение экономического положения моногородов, состояние отдельных направлений социальной сферы в них, в частности спортивной, остается крайне нестабильным. Это, прежде всего, характерно для депрессивных регионов, где большинство объектов спортивной инфраструктуры либо выведены из организационной структуры градообразующего предприятия и существуют как самостоятельные, либо переданы непосредственно на баланс города, который в силу ограниченности местного бюджета не может в полной мере покрывать расходы по содержанию и эксплуатации этих объектов. В статье на примере одного из моногородов Удмуртской республики (г. Глазов), рассматривается относительно новая модель управления объектами спортивной инфраструктуры, базирующаяся на принципах фасилити менеджмента (Facility management). Фасилити менеджмент – один из методов практического менеджмента, рассматривающий любой объект недвижимости комплексно, с разных сторон, а именно технической, инфраструктурной и коммерческой. Основная цель данного метода – снижение текущих затрат при эксплуатации объекта, а также создание комфортных условий для пользователей за счет внутренних инфраструктурных изменений и сокращения непроизводственных потерь времени персоналом организации, работающим в данном спортивном сооружении. Проведенный анализ показал, что использование такого подхода позволяет существенно снизить текущие затраты на содержание объектов и, как следствие, расходную часть муниципального бюджета.

Для цитирования: Литвин А. В., Ложкина А. П., Михайлов Н. Э. Управление спортивной инфраструктурой моногорода на основе концепции фасилити менеджмента // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 108–112. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-108-112.

В современной России значительная часть социально ориентированных отраслей народного хозяйства испытывают серьезные трудности бюджетного финансирования, несмотря на принимаемые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях программы поддержки и развития данной сферы [1]. Это объясняется существовавшим ранее остаточным принципом финансирования, а также непродуманными, неэффективными реформами, заметно снизившими ресурсные возможности и потенциал региональных и муниципальных социальных комплексов.

Не является исключением в этом отношении и спортивная сфера, и более того, переход на региональный принцип управления спортом еще сильнее обострил эту проблему. Сегодня каждый регион (муниципалитет) готов сам определять (и определяет) основные направления своей спортивной политики, объемы финансирования, исходя из местных условий, традиций, наличия спортивной инфраструктуры, её технической оснащенности, превалирующей формы собственности. Несмотря на значительное укрепление за последние годы финансовой базы многих региональных (муниципальных) спортивных организаций, основные средства по-прежнему поступают в основном из бюджетов различных уровней, и все меньше от меценатов и спонсоров, даже при том что последние финансируют спорт из личных амбиций или даже альтруистических побуждений, не надеясь получить что-либо взамен. Данная ситуация очень рискованна для регионального и муниципального спорта, так как по мере рационализации управления на всех уровнях обоснованность расходования финансовых ресурсов будет контролироваться все жестче и жестче [2].

В связи с этим вопросы оптимального управления спортивной инфраструктурой, снижения коммунальных расходов и других затрат на содержание и эксплуатацию спортивных объектов, особенно для моногородов депрессивных регионов России, представляются достаточно актуальными.

Известно, что муниципальные образования – это самые большие обладатели объектов недвижимости, особенно нежилой, в которых располагаются учреждения

образования, культуры, физической культуры и спорта и т. д. Причем практически все затраты на содержание и эксплуатацию этих объектов несет местный бюджет. Например, ежегодные расходы большинства муниципалитетов только в части оплаты основных коммунальных услуг (водоснабжение и водоотведение, электроэнергия, отопление) составляют от 23 % до 37 % [3]. Такая ситуация заставляет собственника разрабатывать, принимать и реализовывать соответствующие программные мероприятия, направленные на повышение энергетической эффективности и энергосбережения муниципальных объектов.

Однако попытки решить проблему таким образом во многих случаях потерпели неудачу, поскольку изначально предусматривали дополнительные инвестиции либо со стороны самого муниципалитета, либо со стороны частного бизнеса. В современных условиях свободных финансовых ресурсов у регионов-реципиентов и их муниципалитетов просто нет, а бизнес, не видя быстрой отдачи от таких инвестиционных проектов, предпочитает в них не участвовать [4].

Выход из ситуации видится во внедрении в практику управления муниципальной нежилой недвижимостью основных положений фасилити менеджмента (Facility management).

Фасилити менеджмент – метод практического менеджмента, который фокусирует внимание собственника объекта недвижимости (в нашем случае – муниципалитета) на всех сервисных процессах, происходящих внутри самого объекта, рассматривая последние с точки зрения формируемых ими затрат [5]. Иначе говоря, позволяет ответить на вопросы: все ли второстепенные работы и услуги организованы наилучшим образом, и можно ли за счет каких-либо мероприятий технического, инфраструктурного или коммерческого характера уменьшить затраты на их выполнение.

Содержание и эксплуатация любого объекта недвижимости сопровождаются множеством договоров с различными организациями: ресурсоснабжающими, контролирующими, сервисными, информационными, охранными и рядом других. Обычно за заключение, сопровождение, изменение договоров ответственны разные структурные подразделения учреждения, находящегося в объекте недвижимости, хотя и в пределах сметы расходов или лимитов, утвержденных муниципалитетом. Это приводит к дублированию отдельных управленческих функций, увеличению персонала и, как следствие, существенному увеличению затрат. Предлагаемый подход к управлению объектами недвижимости позволяет объединить традиционно проводимые отдельно сервисные работы и услуги, сделать более «прозрачными» сервисные процессы как в самом объекте муниципальной недвижимости, так и организации, в нем находящейся [6].

Фасилити менеджмент включает в себя сбор, архивирование, обработку и корректировку информации о ходе второстепенных сервисных процессов, протекающих в различных по своему функциональному назначению объектах недвижимости, с учётом формируемых затрат, имеющегося персонала и интересов владельца [7]. Как следует из приведенного выше определения, это необходимо для создания условий и предпосылок к уменьшению затрат на содержание и эксплуатацию объекта недвижимости в будущем, а не сиюминутно. То есть можно характеризовать фасилити менеджмент как комплексную стратегическую концепцию по эффективному использованию всех материальных ресурсов, используемых организацией внутри и за пределами объекта недвижимости, которым она обладает. Материальные ресурсы или facilities – это земля, здания, приборы, машины и т. д. Эти ресурсы будут рассматриваться экономистом как средства производства, бухгалтером – как материальные активы, юристом – как движимое и недвижимое имущество. Субъектами исследования в фасилити менеджменте могут быть, например, самые различные по своему функциональному назначению здания: общественные, административные, производственные, торговые, офисные и другие [8].

Существенный аспект фасилити менеджмента – взаимоотношения между собственником и пользователем объекта недвижимости, так как они имеют прямо противоположные взгляды на него. Собственник или инвестор, построивший или купивший объект, планирует получать ренту, желательно как можно дольше. Арендатор или пользователь, наоборот, заинтересован в низкой арендной плате (эксплуатационных затратах) при использовании объекта, оптимальном выполнении всех производственных процессов при хорошем качестве сервиса. Например, пользователи муниципального спортивного объекта абсолютно не заинтересованы в реальной экономии каких-либо потребляемых ими ресурсов, за которые они либо не платят совсем, либо платят весьма условно; в обратном естественно заинтересован сам город, как собственник данного объекта.

Фасилити менеджмент рассматривает каждый объект недвижимости с трех направлений, позволяющих учесть все его архитектурные, строительные, технологические особенности комплексно, а именно технического, инфраструктурного и коммерческого (рисунок).

Техническое управление объединяет в себе работы и услуги, требующиеся для поддержания в работоспособном состоянии и эксплуатации строительных и технических систем и приборов по критериям энергоэффективности.

Инфраструктурное управление включает полный перечень второстепенных сервисных услуг, улучшающих качественное использование объекта недвижимости для его пользователей.

Коммерческое управление – это работы и услуги из предыдущих двух направлений, которые могут быть применены для извлечения дополнительной прибыли от сдачи в аренду временно свободных объемов и площадей объекта недвижимости.

Удмуртская Республика (УР) – типичный дотационный регион России со столицей в городе Ижевске и населением около 1,5 млн человек. Более 1 млн населения УР проживает в городах, три из которых – гг. Воткинск, Глазов и Сарапул – типичные монопрофильные города с населением около 100 тыс. человек.

Рис. Содержание понятия фасилити менеджмент
Fig. Contents of the facility management concept

Основными составляющими спортивной инфраструктуры республики являются спортивные школы, спортивные здания и сооружения, их техническое состояние и пр., а главными показателями её развития – обеспеченность населения спортивными сооружениями, единовременная пропускная способность, величина выделяемых бюджетных средств, внебюджетные источники финансирования [9].

Город Глазов является городом республиканского значения Удмуртской Республики и по численности населения занимает четвертое место среди городов Удмуртской Республики. Численность населения города в 2017 г. составляла 97913 человек.

Градообразующим предприятием, от успешной работы которого зависит практически вся жизнедеятельность муниципального образования город Глазов, является ОАО «Чепецкий механический завод» (ОАО «ЧМЗ»). Это предприятие полного технологического цикла производства ядерного топлива, входящее в состав компании ОАО «ТВЭЛ». В ходе реорганизации ОАО «ЧМЗ» были выделены дочерние предприятия со своей производственной деятельностью и структурой. Производственных мощностей вспомогательных предприятий на сегодняшний день достаточно, чтобы продолжать обслуживать в полном объеме основное производство ОАО «ЧМЗ» и оказывать услуги предприятиям, организациям и населению города [10]. Следует, однако, отметить, что большинство объектов социальной сферы еще раньше были переданы на баланс города, в их числе все принадлежавшие предприятию спортивные сооружения, такие как ледовый дворец, стадион, плавательный бассейн.

Органом управления физической культурой и спортом в городе Глазове является отдел физической культуры и спорта Администрации муниципального образования «Город Глазов», в котором работают начальник, главный специалист-эксперт и три специалиста.

В 2017 г. спортивно-массовую и физкультурно-оздоровительную работу в городе проводили 155 штатных физкультурных работника, в том числе 51 тренер-преподаватель по 18 видам спорта, а также 34 совместителя и 16 помощников из числа представителей общественного физкультурного актива. 70 % спортивных работников города имеют специальное высшее образование.

К систематическим занятиям физической культурой и спортом привлечено 26663 человека из числа взрослого населения, что составляет 27,2 % (в 2016 г. – 24,2 %, в 2015 г. – 23,1 %) от численности жителей города, 462 инвалида и лиц с ограниченными возможностями здоровья, что составляет 6,04 % (в 2016 г. – 3,56 %) от общей численности данной категории граждан.

Среди граждан всех категорий и возрастов, занимающихся в секциях по видам спорта в физкультурных и спортивных организациях, наиболее популярными видами спорта являются: мини-футбол, хоккей, баскетбол, плавание, легкая атлетика, волейбол, лыжные гонки.

Большое значение в приобщении населения города к систематическим занятиям физической культурой и спортом имеет наличие спортивной инфраструктуры. Для проведения тренировочных и массовых спортивных мероприятий в городе имеется 147 спортивных сооружений, в том числе один стадион с трибунами, 5 плавательных бассейнов, 57 плоскостных спортсооружений, 65 спортивных залов. На сегодняшний день обеспеченность спортсооружениями в городе Глазове составляет: плоскостными – 27,6 % (РФ – 57 %, УР – 75,14 %), спортзалами – 40,42 % (РФ – 49 %, УР – 35,86 %) [9].

Общий объем финансирования физической культуры и спорта за счет собственных средств бюджета муниципального образования составил в 2015 г. – 37 635,6 тыс. руб.; в 2016 г. – 37078,0 тыс. руб., в 2017 г. – 37 406,0 тыс. руб. В частности на оплату коммунальных услуг, текущее содержание и эксплуатацию муниципальных спортивных сооружений было предусмотрено

в 2015 г. –7800,0 тыс. руб.; в 2016 г. – 8250,0 тыс. руб.; в 2017 г. – 9754,0 тыс. руб. Фактические же затраты по данной статье оказались выше в 2015 г. на 11,2 %, в 2016 г. – на 9,7 % и в 2017 г. – на 13,1 %, что объясняется увеличением цен (тарифов) на основные энергоносители, строительные и расходные материалы, а также других услуг по обеспечению текущей деятельности. Результат – недофинансирование отдельных мероприятий годового календарного плана, что повлекло за собой снижение количественных и качественных показателей работы спортивной сферы.

В качестве примера практической реализации концепции фасилити менеджмента был выбран муниципальный плавательный бассейн города, построенный в 1983 г. по стандартному проекту. В силу значительного морального и физического износа затраты на его содержание и эксплуатацию катастрофически нарастали год от года. Так, например, на оплату только основных коммунальных услуг (теплоснабжение, электроснабжение, водоснабжение и водоотведение) в 2016 г. было потрачено 1234,7 тыс. рублей, что на 11,3 % больше по сравнению с предыдущим годом и на 19,8 % по отношению к 2014 г. Средств на капитальный ремонт и реконструкцию данного объекта спортивной инфраструктуры в бюджете города на ближайшие три года не предусмотрено.

Не вдаваясь подробно в описание всех проведенных мероприятий и расчет экономического эффекта, отметим, что в техническом отношении основные предложения касались сокращения потребляемых зданием энергетических ресурсов (электрической и тепловой энергии, а также водоподготовки) и состояли в следующем: установка современного санитарно-технического оборудования, регулирующих клапанов, монтаж современных светодиодных светильников. Внедрение данных предложений позволило снизить соответствующие статьи затрат в среднем от 8 % до 13 % при сроке окупаемости, не превышающем полутора лет.

Проблемами инфраструктуры здания являлись управление системой питания (отсутствие возможности общественного питания персонала и посетителей, особенно в вечернее время), управление безопасностью (неэффективная система контроля входа-выхода пользователей), управление уборкой помещений (привлечение клининговой компании на принципах аутсорсинга), управление местами парковки (организация мест парковки на прилегающей территории), введение электронного документооборота. Решение вышеперечисленных проблем дает косвенный экономический эффект – сокращение непроизводственных потерь времени персоналом бассейна и посетителями.

В коммерческом управлении зданием был выделен один главный недостаток – неэффективное использование помещений. Были предложены и внедрены следующие мероприятия: управление площадями посредством информационной модели здания, что дало возможность использовать специализированные помещения более эффективно, например, залы сухого плавания и гимнастики); внедрение гибкой модели ценообразования на оказываемые услуги увеличило загрузку спортивного объекта в наиболее проблемное дневное время (с 11 до 14 часов). За счет данных предложений прибыль возросла на 5,3 % по сравнению с предыдущим годом.

Таким образом, внедрение концепции и алгоритмов фасилити менеджмента на одном из муниципальных спортивных объектов позволило не только сохранить практически на прежнем уровне затраты на его содержание и эксплуатацию (фактические затраты за 2017 г. составили 1257,9 тыс. руб. вместо запланированных 1435,6 тыс. руб.), снизив нагрузку на местный бюджет, но и направить сэкономленные средства на решение других социальных задач, которых всегда очень много у любого монопрофильного города.

Литература

1. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года от 7 августа 2009 г. Постановление Правительства РФ №1101-р. Российская газета. 2009. № 178. С. 6–8.

2. Литвин А. В., Хазов А. Н. Facility management: теоретические основы и практический аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2003. № 1. С. 56–63.

3. Nävy J. Facility management: Grundlagen, Compüterunterstützung, Einführungsstrategie, Praxisbeispiele. Berlin: Springer Verlag, 2001, 327 p.

4. Талонов А. В. Управление инфраструктурой организации (фасилити менеджмент). М.: ГУУ, 2010, 59 с.

5. Коттс Д. Управление инфраструктурой организации. М.: Типография «Новости», 2001. 597 с.

6. GEFMA, Deutscher Verband für Facility Management e.V. (GEFMA 100-1 Facility Management): GEFMA Richtlinie 100-1 Facility Management – Begriff, Struktur, Inhalte, Entwurf 07.2014, Bonn, 78 s.

7. Чувашов Е. В., Литвин А.В. Управление инфраструктурой (facility management) государственных образовательных учреждений // Российское предпринимательство. 2011. № 6-2. С. 148–153.

8. Литвин А. В. Сколько спортивных сооружений нужно муниципалитету? // Вестник УГТУ-УПИ. 2006. № 10. С. 25–27.

9. Удмуртия в цифрах. 2016 год: (стат. сб.) // Федер.служба гос. Статистики. Ижевск: Удмуртстат, 2017. 325 с.

10. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования «Город Глазов» на 2017–2019 годы. Постановление Администрации муниципального образования «Город Глазов» № 9/42 от 03.11.2016 г. Газета «Красное знамя». 2016. № 47. С. 2–3.

SPORTS INFRASTRUCTURE MANAGEMENT OF THE CITY BASED ON THE CONCEPT OF FACILITY MANAGEMENT

***Andrei V. Litvin*[1, @1], *Alexandra P. Lozhkina*[1, @2], *Nikita E. Mikhailov*[1, @3]**

[1] *Udmurt State University, 1, Universitetskaya St., Izhevsk, Russia, 426034*
[@1] *litvin-andrey@mail.ru*
[@2] *lozhkinaap@mail.ru*
[@3] *nikitosski.91@mail.ru*

Received 30.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: monocity, sport infrastructure, local budget, facility management, real property, maintenance, operational costs.

Abstract: Despite the general improvement of the economic situation in one-industry urban settlements, the situation in some social spheres, such as sports, remains extremely unstable. It is typical of some depressive regions of Russia where the most sports infrastructure objects have been excluded from the organizational structure of the leading enterprise and exist as independent or even transferred to fixed assets of the monocities. The city can't cover all the expenses on maintenance and operation costs of these objects. The paper introduces a new model of management of sports infrastructure objects which is based on the principles of the facility management, as in the case of the town of Glazov (Udmurt Republic). Facility management is one of the methods of practical management considering real property from different ways, i.e. technical, infrastructure and commercial. The main objective of the method is to decrease current expenses at operation costs of real property. The analysis showed that the method lowers operational costs for the maintenance of the real property and reduces the load on the city budget.

For citation: Litvin A. V., Lozhkina A. P., Mikhailov N. E. Upravlenie sportivnoi infrastrukturoi monogoroda na osnove kontseptsii fasiliti menedzhmenta [Sports Infrastructure Management of the City Based on the Concept of Facility Management]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 108–112. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-108-112.

References

1. Strategiia razvitiia fizicheskoi kul'tury i sporta v Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda ot 7 avgusta 2009 g. [The strategy of development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period until 2020 of August 7, 2009]. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1101-r. *Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper,* no. 178 (2009): 6–8.
2. Litvin A. V., Khazov A. N. Facility management: teoreticheskie osnovy i prakticheskii aspect [Facility management: theoretical bases and practical aspect]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*, no. 1 (2003): 56–63.
3. Nävy J. *Facility management: Grundlagen, Compüterunterstützung, Einführungsstrategie, Praxisbeispiele*. Berlin, Springer Verlag, 2001, 327.
4. Talonov A. V. *Upravlenie infrastrukturoi organizatsii (fasiliti menedzhment)* [Management of the organization's infrastructure (facilitation management)]. Moscow: GUU, 2010, 59.
5. Kotts D. *Upravlenie infrastrukturoi organizatsii* [Infrastructure Management]. Moscow: Tipografiia «Novosti», 2001, 597.
6. GEFMA, Deutscher Verband für Facility Management e.V. (GEFMA 100-1 Facility Management): GEFMA Richtlinie 100-1 Facility Management – Begriff, Struktur, Inhalte, Entwurf 07.2014, Bonn, 78.
7. Chuvashov E. V., Litvin A. V. Upravlenie infrastrukturoi (facility management) gosudarstvennykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Management of infrastructure (facility management) of state educational institutions]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Journal of Russian Entrepreneurship*, no. 6-2 (2011): 148–153.
8. Litvin A. V. Skol'ko sportivnykh sooruzhenii nuzhno munitsipalitetu? [How many sports facilities does a municipality need?]. *Vestnik UGTU-UPI = Bulletin of the USTU-UPI*, no. 10 (2006): 25–27.
9. Udmurtiia v tsifrakh. 2016 god: (stat. sb.) [Udmurtia in figures. 2016]. *Feder.sluzhba gos. Statistiki* [Feder.service state. Statistics]. Izhevsk: Udmurtstat, 2017, 325.
10. Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia munitsipal'nogo obrazovaniia «Gorod Glazov» na 2017–2019 gody [Forecast of social and economic development of the municipal entity «The Town of Glazov» for 2017–2019]. Decree of the Administration of the municipal entity «City of Glazov» No. 9/42 of 03.11.2016. *Gazeta «Krasnoe znamia» = The newspaper «Red Banner»*, no. 47 (2016): 2–3.

УДК 332.12:504.03

СТРАТЕГИЯ ЭКО-РЕУРБАНИЗАЦИИ ДЛЯ МОНОГОРОДОВ

***Людмила Н. Медведева*[1, 2, @]*, Михаил К. Старовойтов*[1]*, Елена В. Гончарова*[1]*, Оксана А. Гаврилова*[1]**

[1] *Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, 404121, Россия, г. Волжский, ул. Энгельса, 42а*

[2] *Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт орошаемого земледелия» (ФГБНУ ВНИИОЗ), 400002, Россия, г. Волгоград, ул. им. Тимирязева, 9*

[@] *milena.medvedeva2012@yandex.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: моногорода, экологический ландшафт, эко-реурбанизация, экологическая архитектура, зеленые технологии, пассивный дом, минипарки, аграрное предпринимательство.

Аннотация: Глобальные перемены на мировых рынках, возрастающие требования к сохранению окружающей среды меняют представления о среде обитания человека – городе. В практике развитых стран сформировались научно обоснованные подходы к управлению узкоспециализированными территориями: свободными экономическими зонами, зонами свободной торговли, моногородами. Целью исследования стала необходимость обоснования многокомпонентного подхода в формировании стратегии эко-реурбанизации моногородов. Поиск новых форм развития предпринимательства, создание рабочих мест дают основание для развития в моногородах агропредпринимательства. Предметом исследования стали отношения, которые складываются в городе между разными категориями горожан при создании благоприятных площадок для отдыха, таких как минипарки и парклеты. Реализация стратегии эко-реурбанизации позволит приблизить природную среду к городской жизни, создать «умные дома», повысить качество жизни. Современные жилища и общественные площадки – это область применения инновационных технологий, область развития малого бизнеса. В статье предлагаются решения в области эко-реурбанизации, зеленой экономики и экологического ландшафта, способствующие развитию моногородов.

Для цитирования: Медведева Л. Н., Старовойтов М. К., Гончарова Е. В., Гаврилова О. А. Стратегия эко-реурбанизации для моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 113–119. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-113-119.

Научно-технологическая революция, глобальные перемены на мировых рынках, возрастающие требования по сохранению окружающей среды инициировали появление новых стратегий в области развития урбанизированных территорий. В практике развитых стран сформировались различные подходы к управлению узкоспециализированными территориями, такими как моногорода. В России насчитывается 319 городов с населением 14 млн человек, имеющих статус монопрофильных городов. Комплексное развитие таких городов реализуется с участием всех уровней власти: федерального, регионального и местного [1].

Федеральный уровень организует мониторинг ситуации, принимает программы поддержки моногородов; региональный уровень обеспечивает приток инвестиций, формирование комплексных инвестиционных планов модернизации моногородов; местная власть обеспечивает отношения: город – население, город – пригород, развитиет инфраструктуру и малый бизнес. В 2015 г. в стране стартовала федеральная программа создания «территорий опережающего развития», частью которой стали и моногорода; в 2017 г. стала функционировать краудсорсинговая платформа «Моногорода.РФ», аккумулирующая и продвигающая лучшие практики в развитии моногородов [2–4].

Научные изыскания в области пространственного развития территории страны позволили сформулировать подходы к развитию разных типов городов, таких как малые, средние и моногорода, к реализации на этих территориях стратегии *эко-реурбанизации,* обеспечивающей согласование интересов человека и природы [5].

Создание экологически безопасных и социально-ориентированных территорий – область ландшафтного урбанизма. Инфраструктура, пространственно-функциональные связи, общественные площадки, пассивные дома и «зеленые зоны» – это область применения инновационных решений. Исследования в области ландшафтного дизайна моногородов направлены на создание уникальных градостроительных объектов, гармонично вписывающихся в природную среду, обеспечивающих качественно иной уровень жизни человека. Предложения ученых о необходимости смены парадигмы мировоззрения городского жителя с безграничного потребления товаров и услуг на ресурсосбережение открывают новые пути применения альтернативных источников тепла, света и электроэнергии; экономного отношения к продуктам питания [6].

При выборе стратегии развития власти моногородов должны руководствоваться сложившейся ситуацией, состоянием пространственного и природного ландшаф-

тов. Согласно принципам эко-реурбанизации городская жизнь должна обеспечивать интеграцию системных элементов: «города – природы – общества – человека» [7]. Ученые-когнитивисты считают, что деструктивные процессы, протекающие в моногородах, приводят к нарушению процессов познания и самопознания личности [8]. Закрытие градообразующих предприятий, потеря рабочего места, снижение уровня благосостояния создают условия для построения в уме горожанина двух когнитивных карт: карты-маршрута, по которой строилась жизнь; карты-обозрения, формирующей представление о будущей жизни в многообразии городских объектов и субъектов. В числе объектов когнитивного восприятия жизни человека видное место занимает его дом, жилище. Для человека всегда было важно, чтобы его дом был максимально удобно расположен, потреблял минимум энергии, обеспечивал безопасность и комфорт. Всем этим современным критериям отвечаю модели «умных» и пассивных домов [9]. При всём разнообразии описаний «умного дома» можно выделить несколько основных блоков его построения. Первый блок – это экологически чистые природные строительные материалы. Второй – автоматика: различные программируемые панели управления и сервисные центры, датчики, сенсоры. Третий – системы безопасности с контролем доступа, датчиками: движения, показателями температуры, шума, влажности. Четвертый – развлекательные системы: кинотеатры, мультимедиа, игровые приставки (рис. 1).

Рис. 1. Интегрированная платформа управления «умным домом» [10]
Fig. 1. Integrated smart home management platform [10]

В 2016 г. мировой рынок оборудования для «умных домов» равнялся 16 млрд долларов, охватывал 3,9 % домохозяйств мира. В России он имеет небольшой охват – 0,7 % населения и 43 млн долларов. Появление в моногородах «умных домов» будет являть собой новый этап в их развитии; шаг к созданию экологически чистой, инженерно-строительной индустрии [11; 12].

Согласно директиве энергетических показателей в строительстве (Energy Performance of Buildings Directive), принятой в ЕС в 2015 г., с 2020 г. в странах союза будет разрешено только строительство домов со стандартом не ниже пассивного уровня (рис. 2). Основные показатели пассивного дома представлены в таблице.

Таблица. Основные показатели стандарта пассивного дома, принятые в Евросоюзе
Table. The main indicators of the passive house standard adopted in the European Union

Наименование	Характеристика
Правильная ориентация здания	Фасад дома должен быть ориентирован на Запад – это позволяет по максимуму использовать в доме солнечную энергию.
Продуманная теплоизоляция	Теплоизоляция толщиной от 25 до 40 см должна покрывать всю конструкцию здания – это позволяет избежать потерь тепла. В итоге потери тепла в пассивном доме составляют не более 15 кВт/ч с 1 м², что примерно в 20 раз ниже, чем в традиционных домах.
Герметичность обшивки здания	Герметичное покрытие дома препятствует выходу тепла вовне и помогает поддерживать приятный и здоровый микроклимат помещения.
Вентиляция без потерь тепла	Проветривание необходимо для здоровья человека. Пассивный дом решает эту проблему с помощью несложной механической установки, обеспечивающей постоянную подачу свежего воздуха.
Энергосберегающие окна	В энергосберегающем доме окна снабжены троекратным остеклением с необходимым для сохранения тепла аргоновым наполнением. Сведен к минимуму размер оконных рам, чтобы даже при небольшом размере окна дом получал максимальное количество солнечного света и тепла.

Исследования показали, что эксплуатация энергосберегающих зданий по сравнению с традиционными сооружениями является экономически выгодно: на 25 % снижается энергопотребление; на 30 % – потребление воды; уменьшены затраты на обслуживание здания за счёт более высокого качества современных средств управления. Здания, построенные с использованием зелёных технологий, способствуют сохранению здоровья работающих и живущих в них людей. Проектирование и строительство домов с использованием энергосберегающих технологий и возобновляемых источников энергии должно способствовать раз-

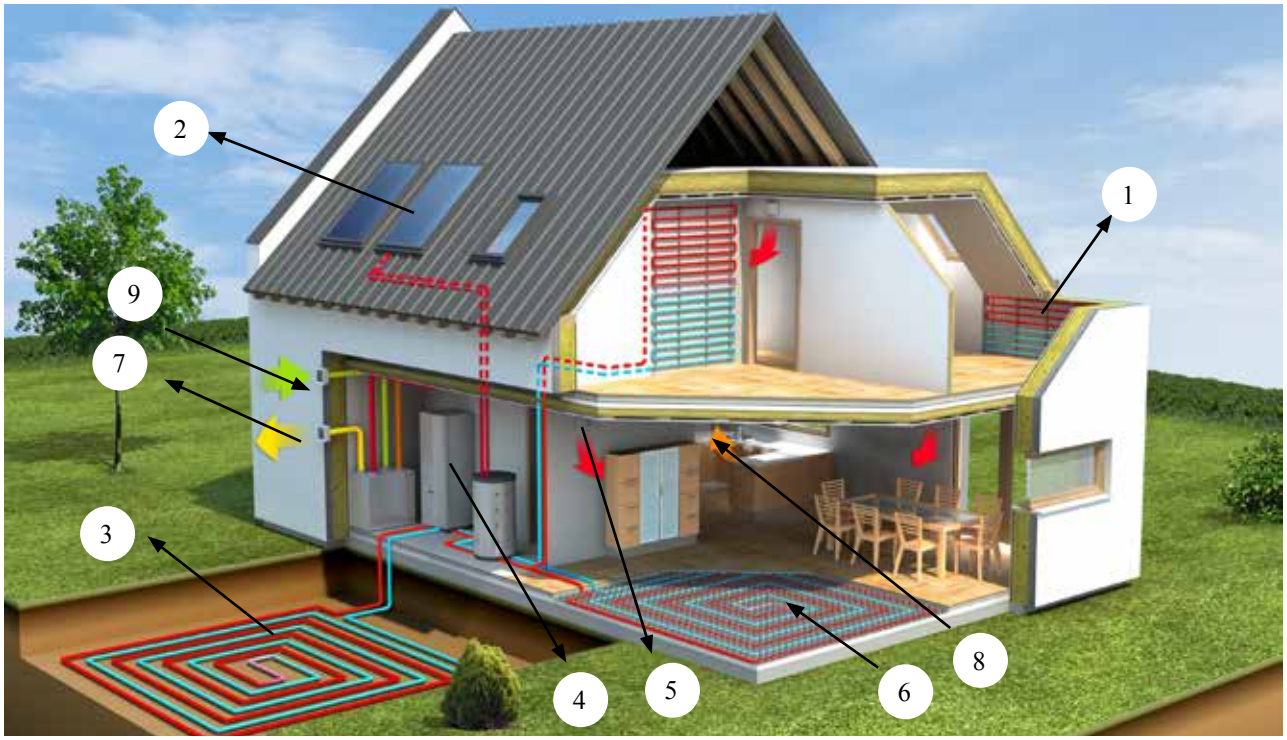

Рис. 2. Макет пассивного дома на основе использования энергосберегающих технологий и возобновляемых источников энергии, ЕС, 2016: 1 – обогрев стен, 2 – солнечные панели, 3 – трубчатый коллектор, 4 – тепловой насос, 5 – подача теплого воздуха, 6 – подогрев пола, 7 – охлаждение отработанного воздуха, 8 – выход воздуха из кухни, ванной комнаты, 9 – свежий воздух
Fig. 2. Model of the passive house using energy-saving technologies and renewable energy sources, EU, 2016: 1 – heating of walls, 2 – solar panels, 3 – tubular collector, 4 – heat pump, 5 – warm air supply, 6 – floor heating, 7 – cooling of the exhaust air, 8 – air outlet from the kitchen and the bathroom, 9 – fresh air

витию в моногородах рынка данных продуктов, росту малых предприятий [6; 11].

Одни из важных составляющих моногородов – природные парки, среда, которую архитекторы активно пытаются приблизить к жилищу и образу жизни человека. Общественные пространства позволяют воссоединить горожанина с естественной средой обитания, обеспечивают условия для общения с близкими и друзьями на природе. При проектировании современных микрорайонов в городах, архитекторы должны обеспечивать интегрирование водных и ветровых потоков, создавать экоустойчивые площадки. Одни из примеров приближения природной среды к горожанину – «карманные парки» (небольшие садики и зелё-

Рис. 3. Карманный парк в Шанхае (Китай) [13]
Fig. 3. Pocket Park in Shanghai (China) [13]

Рис. 4. Некоторые виды парклетов, размещенные в городах США [14]
Fig. 4. Some types of parklets, located in the US cities [14

ные участки природы среди высотных домов (рис. 3) и парклеты (рис. 4) [9; 11].

Карманные парки получили свое развитие в Китае и других странах Юго-Восточной Азии. Отсутствие в городах площадей для парковых зон, а с другой стороны, желание горожан снизить психологическое давление городской жизни привели к появлению уголков живой природы – минипарков . У парклетов судьба появления несколько иная – инициаторами их создания выступили владельцы небольших кафе, закусочных. По городскому закону парклет – это public place, место, открытое всем и без ограничений. Впрочем одно ограничение есть: курить на парклетах запрещено. Парклеты позволяют внести элемент ландшафтного и архитектурного разнообразия в достаточно монотонные линии улиц городов, создать условия для художественного самовыражения молодёжи. Поскольку пешие походы или велосипедное перемещение по городу порой бывают трудными, то создаваемые точки отдыха вполне себя оправдывают. Реализация идей движения «Инициативы зеленого развития» (The Green Development Initiative) способствует созданию в моногородах общественных пространств, смягчающих воздействие городской среды на человека [12].

Одно из возможных направлений в развитии моногородов – это приближение агротехнологий к предпринимательству. Умное сельское хозяйство – это аквакультуры, вертикальные фермы, роботизированные тепличные комплексы, расположенные на городских площадях. Ведущую роль в процессе активизации аграрного инновационного предпринимательства могут сыграть местные органы власти, которые обязаны создавать условия и нормативно-правовую базу, обеспечивающую развитие предпринимательства [15; 16]. Местные власти должны обеспечить поддержку научных исследований в области инновационного аграрного производства; создавать условия для коммерциализации инновационных агротехнологий; обеспечить трансфер инноваций в производство; поддержать развитие аграрного предпринимательства через систему субсидий, грантов; сфокусировать внимание на продвижении потенциально привлекательных идей, одна из которых – вертикальный фарминг (вертикальная агроферма). Первая коммерческая вертикальная ферма Sky Greens была построена в Сингапуре. Растения в ней размещались в 38-ярусной башне, которая постоянно вращалась, обеспечивая необходимое поступление солнечного света и воздуха к растениям. На вертикальной ферме Farmed Here (США) растения выращиваются на основе технологий аэропоники. В воду для питания растений помещается рыба тилапия. Симбиоз растений и рыб позволяет получать питательные вещества и чистую воду. На фермах с аквапоникой выращивают салат, грибы, свеклу, рукколу, редис; разводят дождевых червей; выводят кур и уток. Руководство компании Growing Power называет вертикальные фермы *прототипами пищевых центров городских сообществ* (Community Food Centers), которые могут получить «прописку» и в моногородах [5; 6]. По своей конструкции вертикальные фермы могут достигать высоты 30 метров (рис. 5).

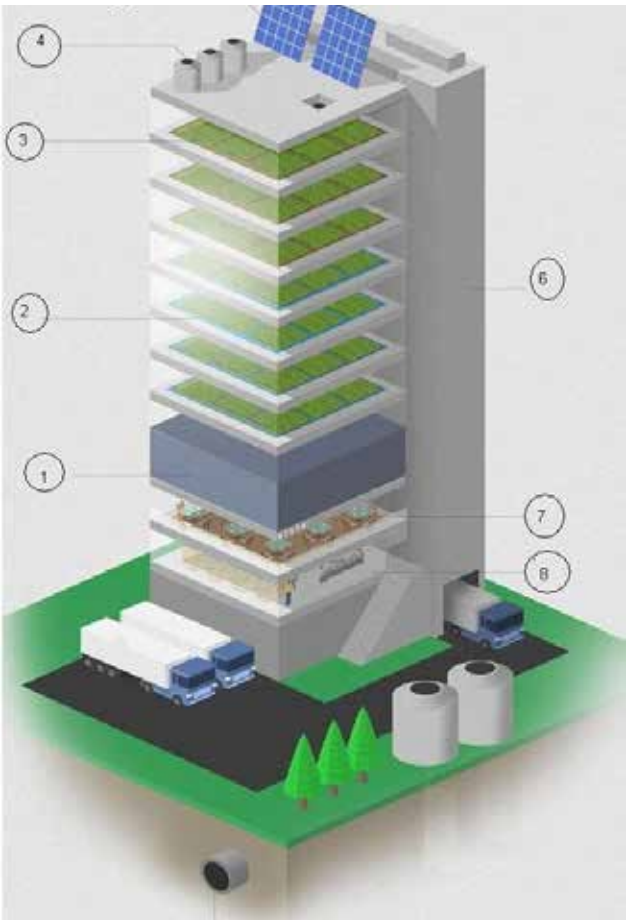

Рис. 5. Схема вертикальной фермы, которую можно создать в моногороде: 1 – аквакультура, 2 – гидропоника, 3 – аэропоника, 4 – сбор дождевой и талой воды, 5 – солнечные коллекторы, 6 – система труб купельного орошения, 7 – кафе, 8 – продуктовый магазин, 9 – система отвода отработанной воды

Fig. 5. The scheme of a vertical farm, which can be created in a monocity: 1 – aquaculture, 2 – hydroponics, 3 – aeroponics, 4 – collection of rain and meltwater, 5 – solar collectors, 6 – a system of pipes of drip irrigation, 7 – cafe, 8 – grocery store, 9 – wastewater discharge system

Основные сектора фермы: аэропоника (выращивание растений в воздушной среде без использования почвы); гидропоника (выращивание в искусственной среде без почвы); аквапоника (выращивание в водной среде) [17]. Для получения энергии используются возобновляемые источники энергии (солнечные батареи, ветрогенераторы, установки с получением биогаза). Идеальные условия создаются благодаря контролю температуры, углекислого газа и влажности воздуха – оставаясь неизменными, они позволяют выращивать культуры целый год. Конструкция вертикальной фермы защищает растения от погодных катаклизмов и гарантирует богатый урожай. Получаемый продукт является экологически чистым, поскольку не используются пестициды, и может круглый год поступать в торговые сети и рестораны, при этом расходы

на логистику значительно уменьшены [9]. Вертикальный фарминг начинают применять в животноводстве. В Дании спроектирована молочная вертикальная ферма, которая состоит из нескольких этажей – полей, на которых находятся коровы (рис. 6). Через каждые 30 дней вращающийся небоскреб перемещает коров на новый уровень – поле. В это время предыдущее поле будет «отдыхать», на нем ускоренно будет расти трава.

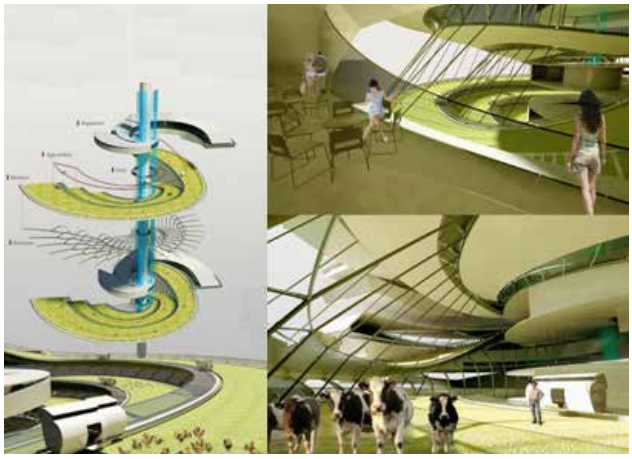

Рис. 6. Проект вертикальной молочной фермы в Дании [18]
Fig. 6. The project of a vertical dairy farm in Denmark [18]

Ученые прогнозируют, что к 2030 г. вертикальные фермы станут обычным явлением в городах, поскольку они позволяют получать несколько урожаев в год; уменьшают потери при транспортировке товара к потребителю (при современных способах доставки продуктов питания потери могут достигать 30 %); уменьшают риски неблагоприятных погодных условий. Вертикальные фермы в моногородах позволяют использовать неприспособленные помещения (например выведенные из производства здания заводов); генерировать собственную возобновляемую энергию; применять автономные системы сбора и очистки воды; перерабатывать отходы; получать экологически чистую продукцию. Это площадка для развития предпринимательства, городских управленческих решений, инновационных решений [9; 17; 19].

Выводы. В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла документ «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в котором определены цели в области развития городских территорий; обозначена необходимость применения на практике «Международных рекомендаций по городскому и территориальному планированию». Создание «комплексных, полицентричных и сбалансированных стратегий» может и должно стать целью развития моногородов. Применение принципов эко-реурбанизации в управлении и развитии позволит обеспечить взаимодействие системных элементов: «города – природы – общества – человека». Развитие новых форм предпринимательства (например агропринимательства) позволит пополнить местный бюджет, создать новые рабочие места, повысить качество жизни. Появление в моногородах мини-парков и парклетов сделает городскую среду более привлекательной для отдыха и быта.

Литература

1. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016). Режим доступа: http://base.garant.ru/70707138/ (дата обращения: 25.01.2018).

2. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 473. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962 (дата обращения: 07.12.2016).

3. Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2015 г. № 614. Режим доступа: http://base.garant.ru/71107924/ (дата обращения: 07.12.2016).

4. Моногорода.рф: сайт. Режим доступа: http://моногорода.рф (дата обращения: 25.01.2018).

5. Воронина А. В. Принципы эко-реурбанизации в архитектурном пространстве постиндустриального развития: автореф. дис. канд. архитектуры. Нижний Новгород, 2012. 26 с.

6. Mannis A. Sustainable Development Indicators. Режим доступа: http://www.ess.co.at/GAIA/Reports/indics.html (дата обращения: 04.09.2016).

7. Медведева Л. Н., Старовойтова Я. М. Стратегии развития российских городов // Горизонты экономики. 2013. № 2. С. 89–94.

8. Рогачев А. Ф., Шохнех А. В., Медведева Л. Н. Экономико-математическое моделирование управления развитием средних и моногородов с использованием когнитивных карт // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 2. С. 122–124.

9. Медведева Л. Н., Козенко К. Ю., Комарова О. П. Концепт-стратегия «зеленых городов» на базе промышленно развитых средних: монография. Волгоград: Крутон, 2015. 256 с.

10. Умные дома. Режим доступа: http://smartcinemahome.ru (дата обращения: 25.01.2018).

11. Медведева Л. Н. Развитие модели «зеленых городов» на базе средних промышленно развитых городов в XXI веке: мировой опыт и уроки для России // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. № 9. С. 14–19.

12. ИЕСофт: сайт. Режим доступа: http://www.iesoft.ru/ (дата обращения: 07.04.2016).

13. Зеленый город. Режим доступа: http://green-city.su/mini-park-v-shanxae/ (дата обращения: 25.01.2018).

14. Daypic. Режим доступа: http://daypic.ru/design/212018 (дата обращения: 25.01.2018).
15. Вертикальное фермерство: плюсы и минусы. Режим доступа: http://www.ecobyt.ru (дата обращения: 07.04.2016).
16. Городские фермы. Режим доступа: http://fibonacci.farm (дата обращения: 07.10.2016).
17. Понамарева Я. В. Выращивание растений методом гидропоники: российский и зарубежный опыт // Роль и значение современной науки и техники для развития общества: сборник статей международной научно-практической конференции: в 3-х ч. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2017. Ч. 3. С. 145–150.
18. Vertical farming. 04.04.2011. Режим доступа: https://wordlesstech.com/vertical-farming/ (дата обращения: 25.01.2018).
19. Медведева Л. Н., Старовойтов М. К. Экологическая составляющая в развитии городов // Взаимодействие вузов и промышленных предприятий для эффективного развития инновационной деятельности: материалы 5-й Межрегиональной науч.-практ. конф. Волжский, 24–25 апреля 2009 г. Волжский политехнический институт (филиал) ВолгГТУ. Волгоград, 2010. С. 18–22.

STRATEGY OF ECOLOGICAL RE-URBISATION FOR SINGLE-INDUSTRY TOWNS

***Liudmila N. Medvedeva*[1, 2, @]*, Mikhail K. Starovoitov*[1]*, Elena V. Goncharova*[1]*, Oksana A. Gavrilova*[1]**

[1] *Volzhsky Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University, 42a, Engels St., Volzhsky, Russia, 404121*
[2] *Federal State Budget Scientific Institution the All-Russian research institute of irrigated agriculture (FSBSI VNIIOZ), 9, Timiryaseva St., Volgograd, Russia, 400002*
[@] *milena.medvedeva2012@yandex.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: monocities, ecological landscape, eco-re-urbanization, ecological architecture, green technologies, passive house, mini parks, agrarian entrepreneurship.

Abstract: Global changes on world markets and increasing environmental trends shape the perception of the human environment, i.e. the city. Advanced countries have developed scientifically based approaches to the management of highly specialized territories: free economic zones, free trade zones, and one-industry urban settlements (monotowns). The purpose of the current research is to justify the multi-component approach to ecological re-urbanization of single-industry towns. The search for new forms of business development and new jobs provides the basis for the development of agricultural business in monotown environment. The research studies the relationships that develop between different categories of citizens when it comes to creating recreational areas, such as mini-parks and parklets. The implementation of the strategy of ecological re-urbanization will bring the environment closer to urban life, create «smart houses», and improve the quality of life. Modern dwellings and public areas are the ideal zones for innovative technologies and small business development. The paper proposes some solutions in the field of ecological re-urbanization, green economy and ecological landscape, contributing to the development of monotowns.

For citation: Medvedeva L. N., Starovoitov M. K., Goncharova E. V., Gavrilova O. A. Strategiia eko-reurbanizatsii dlia monogorodov [Strategy of Eco-Resurbization for Monogorodes]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 113–119. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-113-119.

References

1. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [About the approval of the list of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns)]. The order of the Government of the Russian Federation from 07.29.2014, No. 1398-r (an edition from 05.13.2016). Available at: http://base.garant.ru/70707138/ (accessed 25.01.2018).
2. *O territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii* [Territories of the advancing social and economic development in the Russian Federation]. The federal law of the Russian Federation of December 25, 2014, No. 473. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962 (accessed 07.12.2016).

3. *Ob osobennostiakh sozdaniia territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia na territoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [Features of creation of territories of the advancing social and economic development in territories of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns)]. The resolution of the Government of the Russian Federation of June 22, 2015, No. 614. Available at: http://base.garant.ru/71107924/ (accessed 07.12.2016).

4. *Monogoroda.rf* [Monotown]. Available at: http://monogoroda.rf (accessed 25.01.2018).

5. Voronina A. V. *Printsipy eko-reurbanizatsii v arkhitekturnom prostranstve postindustrial'nogo razvitiia.* Avtoref. diss. kand. arkhitektury [The principles of ecological re-urbanization in architectural space of post-industrial development. Cand. architecture Diss. Abstr.]. Nizhnii Novgorod, 2012, 26.

6. Mannis A. *Sustainable Development Indicators*. Available at: http://www.ess.co.at/GAIA/Reports/indics.html (accessed 04.09.2016).

7. Medvedeva L. N., Starovoitova Y. M. Strategii razvitiia rossiiskikh gorodov [The development strategies of Russian cities]. *Gorizonty ekonomiki = Economy Horizons*, no. 2 (2013): 89–94.

8. Rogachev A. F., Shokhnekh A. V., Medvedeva L. N. Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie upravleniia razvitiem srednikh i monogorodov s ispol'zovaniem kognitivnykh kart [Economic-mathematical modeling of management of development of averages and monotowns with use of cognitive maps]. *Audit i finansovyi analiz = Audit and financial analysis*, no. 2 (2017): 122–124.

9. Medvedeva L. N., Kozenko K. Iu., Komarova O. P. *Kontsept-strategiia «zelenykh gorodov» na baze promyshlenno razvitykh srednikh* [Conceptual strategy of «the green cities» on the basis of industrially developed averages]. Volgograd: Kruton, 2015, 256.

10. *Umnye doma* [Smart home]. Available at: http://smartcinemahome.ru (accessed 25.01.2018).

11. Medvedeva L. N. Razvitie modeli «zelenykh gorodov» na baze srednikh promyshlenno razvitykh gorodov v KhKhI veke: mirovoi opyt i uroki dlia Rossii [Development of model of «the green cities» on the basis of the average industrially developed cities in the XXI century: international experience and lessons for Russia]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Izvestia VSTU*, no. 9 (2015): 14–19.

12. *IESoft* [Iesoft]. Available at: http://www.iesoft.ru/ (accessed 07.04.2016).

13. *Zelenyi gorod* [Green City]. Available at: http://green-city.su/mini-park-v-shanxae/ (accessed 25.01.2018).

14. *Daypic*. Available at: http://daypic.ru/design/212018 (accessed 25.01.2018).

15. *Vertikal'noe fermerstvo: pliusy i minusy* [Vertical farming: pluses and minuses]. Available at: http://www.ecobyt.ru (accessed 07.04.2016).

16. *Gorodskie fermy* [City farms]. Available at: http://fibonacci.farm (accessed 07.10.2016).

17. Ponamareva Ia. V. Vyrashchivanie rastenii metodom gidroponiki: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Cultivation of plants by a hydroponics method: Russian and foreign experience]. *Rol' i znachenie sovremennoi nauki i tekhniki dlia razvitiia obshchestva* [The role and importance of modern science and technology for the development of society]. Ufa: OMEGA SAINS, part 3 (2017): 145–150.

18. Vertical farming, 04.04.2011. Available at: https://wordlesstech.com/vertical-farming/ (accessed 25.01.2018).

19. Medvedeva L. N., Starovoitov M. K. Ekologicheskaia sostavliaiushchaia v razvitii gorodov [An ecological component in development of the cities]. *Vzaimodeistvie vuzov i promyshlennykh predpriiatii dlia effektivnogo razvitiia innovatsionnoi deiatel'nosti: materialy 5-i Mezhregional'noi nauch.-prakt. konf. Volzhskii, 24–25 aprelia 2009 g.* [Interaction of universities and industrial enterprises for effective development of innovative activity: Proc. 5th Interregional Sc.-Prac. Conf.]. Volgograd, 2010, 18–22.

УДК 332.05+312

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОНОГОРОДОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Анна В. Мухачёва[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *Oblakkko@mail.ru*

Поступила в редакцию 30.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: демографический потенциал, качество жизни, рождаемость, смертность, естественный прирост, регион, моногорода.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению динамики основных демографических показателей моногородов Кемеровской области: рождаемости, смертности, естественного и миграционного прироста, ожидаемой продолжительности жизни, специализированных демографических показателей. Указанный анализ позволит получить представление о демографическом потенциале моногородов Кузбасса – базового показателя качества жизни населения, определяющего конкурентоспособность региона, баланс рабочей силы, основу для развития человеческого капитала, а также резервов диверсификации экономики моногородов за счет имеющихся трудовых ресурсов. По результатам анализа были сделаны выводы о высокой корреляции миграционного и естественного прироста населения с экономическими показателями, выраженном миграционном оттоке из региона в последние годы, естественной убыли населения в большинстве городских округов, общем снижении смертности и увеличении продолжительности жизни. Наиболее высокая рождаемость и низкий возраст матери при рождении первого ребенка наблюдаются в сельской местности. Наиболее благоприятная демографическая ситуация в Кемеровской области складывается в Кемерово и Новокузнецке, которые не являются моногородами.

Для цитирования: Мухачёва А. В. Демографический потенциал моногородов Кемеровской области как составляющая качества жизни// Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 120–129. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-120-129.

В соответствии с данными Росстата в последние годы в стране наблюдаются негативные демографические тенденции: согласно прогнозам смертность в российских регионах уже к 2025 г. превысит рождаемость [1]. Надвигающиеся демографические проблемы определили их превращение в стратегический фактор социально-экономического развития и поддержания качества жизни населения в новых условиях – степени удовлетворения его жизнеобеспечивающих, социальных и духовных потребностей [2; 3]. Указанная тенденция сохраняется также в моногородах (т. н. «single-industry» территориях) и уже сегодня выступает сдерживающим фактором для развития ТОСЭР.

Значительное количество российских моногородов сосредоточено в Кемеровской области, которую справедливо можно назвать «монорегионом» Сибирского федерального округа (СФО), практически полностью ориентированным на тяжелую промышленность (угледобывающую, металлургическую, химическую). Вопросы низкой диверсификации экономики территории и связанных с этим рисков неоднократно поднимались региональными учеными и практиками [4], однако сделанные шаги в данном направлении едва ли можно назвать «прорывными». Кроме того, индустриальная направленность территории создает целый ряд дополнительных демографических проблем, связанных с повышенной смертностью за счет производственного травматизма и ухудшающейся экологической обстановки.

Проанализируем статистические данные о демографической обстановке в Кемеровской области и ее городских округах, в большинстве своем представляющих моногорода.

1. Анализ численности и структуры населения Кемеровской области.

Исходя из аналитических данных, показатель *численности населения Кемеровской области* за период 2010–2017 гг. медленно, но стабильно испытывал снижение, общий процент которого составил 2,3 % за 7 лет.

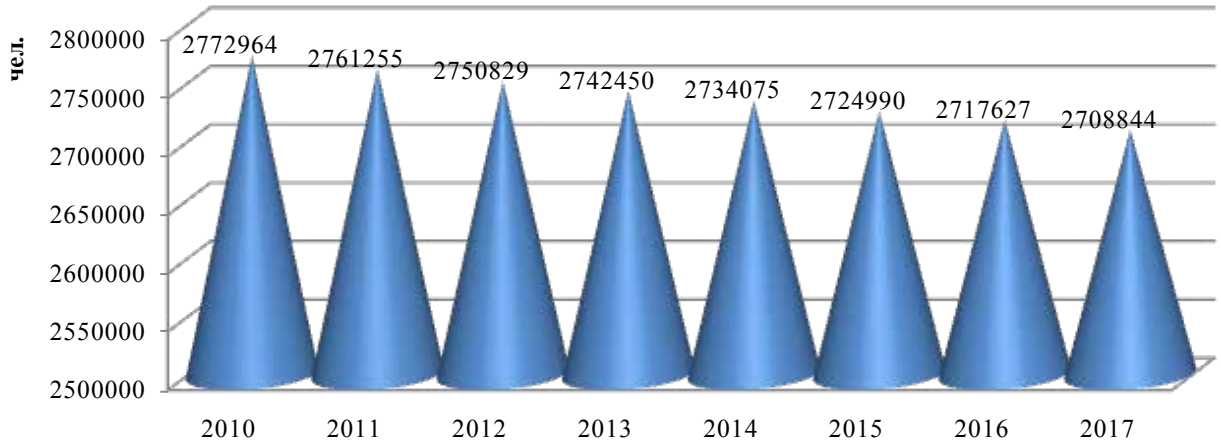

Рис. 1. Численность населения Кемеровской области за 2010–2017 гг. [5]
Fig. 1. The population of the Kemerovo region in 2010–2017 [5]

Изменение численности населения в территориальном разрезе было неоднородным. Так, в рамках городских округов за 2010–2017 гг. (рисунок 2) прирост населения наблюдается в Калтанском (на 37 %, главным образом за счет влияния с другими территориями), Кемеровском (на 5 %), Новокузнецком (на 1 %) городских округах. Во всех остальных городах движение показателей соответствует общерегиональной тенденции – к снижению. В наибольшей степени сокращение численности населения наблюдается в Осинниковском (-22 %), Полысаевском (-20 %) городских округах.

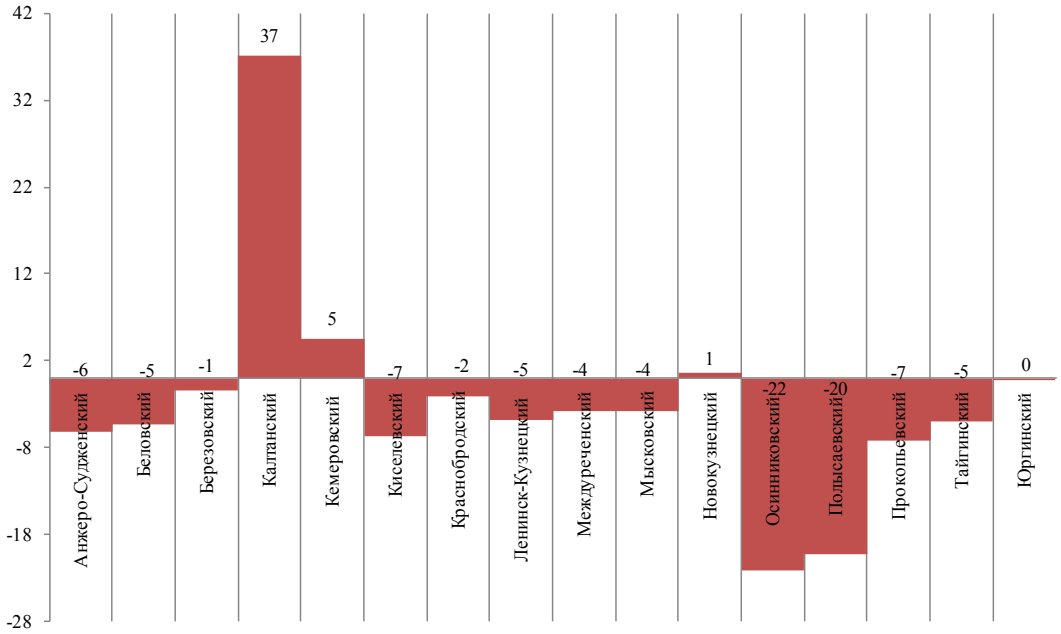

Рис. 2. Изменение численности населения городских округов Кемеровской области за 2010–2017 гг., % [5]
Fig. 2. Change in the population of the urban districts of the Kemerovo region in 2010-2017, % [5]

Сравнивая *удельный вес городского и сельского населения Кемеровской области* в 2013 и 2017 гг., можно сделать вывод об отсутствии существенных изменений. В 2017 г. доля городского населения региона составляла 85,8 %, сельского – 14,2 %.

Доля городского населения в городских округах Кемеровской области в 2017 г. (рисунок 3) достигает максимума (100 % в структуре населения) в Кемеровском, Новокузнецком, Прокопьевском и Юргинском городских округах. Наибольшая доля сельских жителей среди указанных территорий наблюдается в Калтанском городском округе (30,8 %). В остальных она колеблется в рамках 10 %.

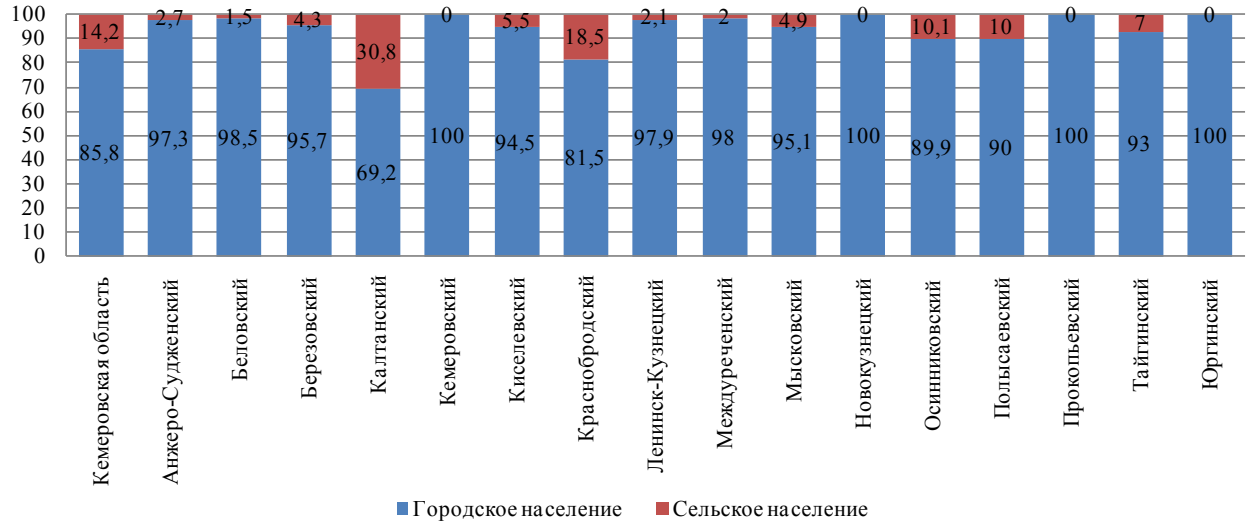

Рис. 3. Удельный вес городского и сельского населения городских округов Кемеровской области в 2017 г., % [6]
Fig. 3. Share of urban and rural population in urban districts of the Kemerovo region in 2017, % [6]

2. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения Кемеровской области.

В соответствии с рисунком 4 с 1997 до 2009 гг. *рождаемость населения* региона имела тенденцию к повышению, затем просела под воздействием экономического кризиса к 2011 г., и только вернувшись к докризисным отметкам в 2012 г., вновь начала снижаться вплоть до 2016 г. сравнявшись с уровнем 2007 г. *Смертность населения* Кемеровской области увеличивалась с 1997 до 2005 гг. (на 23 % в общей сложности), после чего вновь сократилась к 2016 до уровня 1997 г. *Естественная убыль населения*, зафиксированная в пределах 7–8 % до 2005 г., сократилась к 2013 г. до 0,9 %, после чего вновь несколько возросла (до 2,2 % в 2016 г.). Во многом динамика данной естественной убыли населения повторяет динамику рождаемости, т. к. является производной показателя. Также она явно реагирует на все кризисные явления в экономике, зафиксированные за анализируемый период.

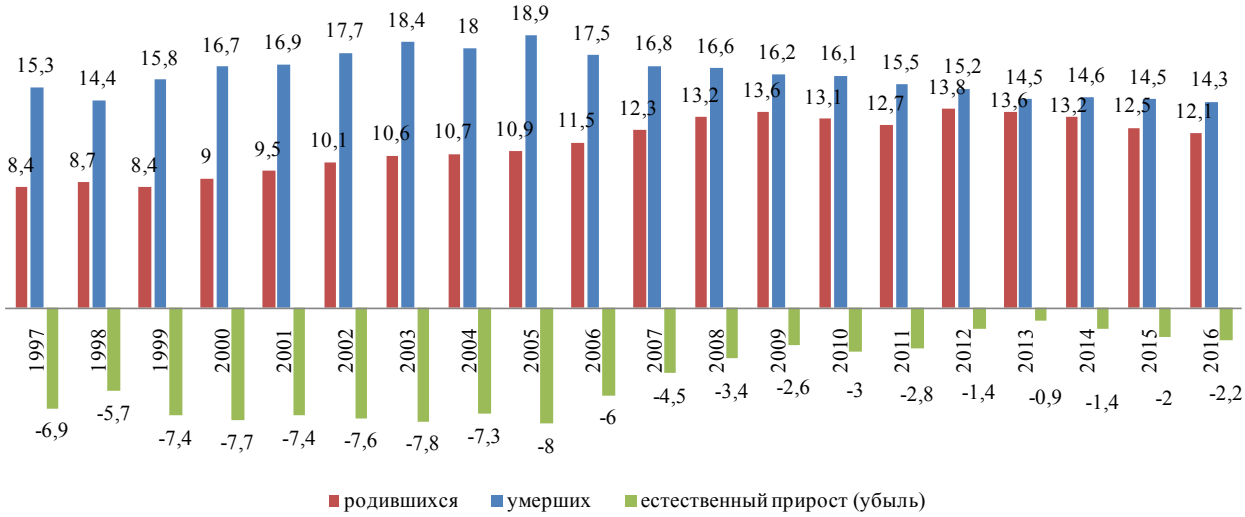

Рис. 4. Рождаемость, смертность, естественный прирост (убыль) населения Кемеровской области, на 1000 человек населения [7]
Fig. 4. Birth-rate, mortality, natural increase (decrease) in the population of the Kemerovo Region, per 1,000 people [7]

Младенческая смертность в Кемеровской области сократилась почти в 2,5 раза за последние 20 лет (1997–2016 гг.). При этом в городской местности данный показатель на протяжении анализируемого периода демонстрировал более низкие значения, чем в сельской местности.

Анализ показателей *рождаемости, смертности и естественного прироста в 2016 г. по городским округам Кемеровской области* представлен на рисунке 5. Некоторый естественный прирост (0,3 промилле) наблюдается только в Кемеровском городском округе (Кемерово не является моногородом). Миграционная убыль достигает своего максимума в Калтанском (5,9), Анжеро-Судженском (5,8), Прокопьевском городских округах (5,2).

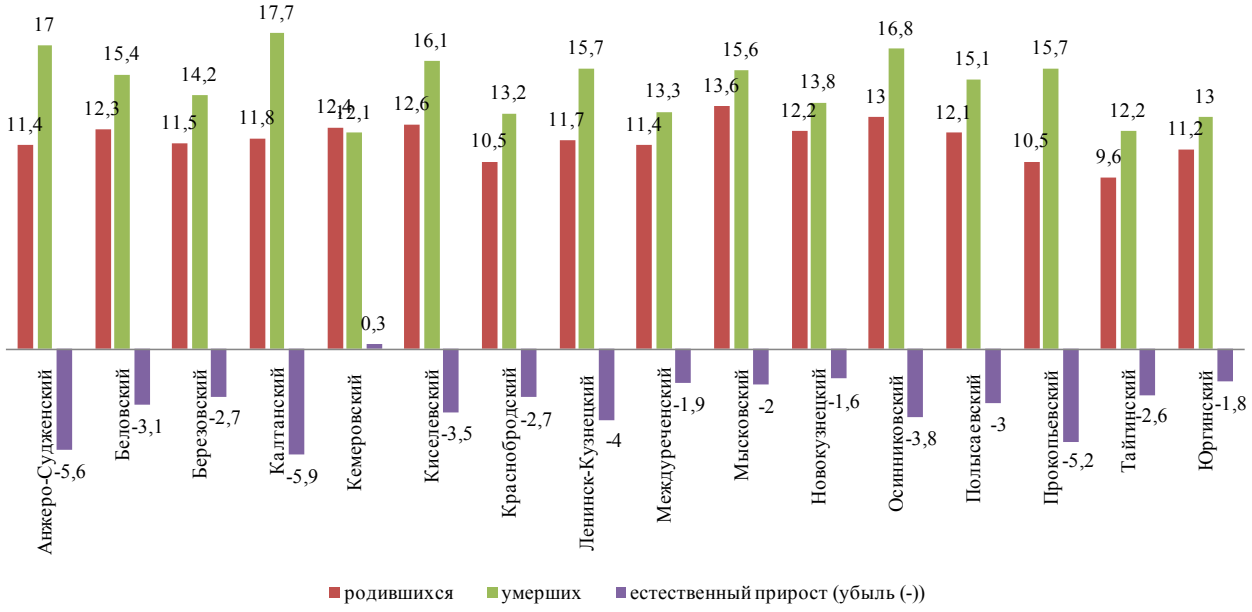

Рис. 5. Рождаемость, смертность, естественный прирост в городских округах Кемеровской области в 2016 г. (на 1000 человек населения) [7]
Fig. 5. Birth-rate, mortality, natural increase in urban districts of the Kemerovo region in 2016 (per 1,000 population) [7]

3. Специальные показатели рождаемости населения. Одним из специальных показателей рождаемости населения является *суммарный коэффициент рождаемости*, который показывает среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю её жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте независимо от смертности и от изменений возрастного состава.

Динамика суммарного показателя рождаемости за 1997–2015 гг. представлена на рисунке 6.

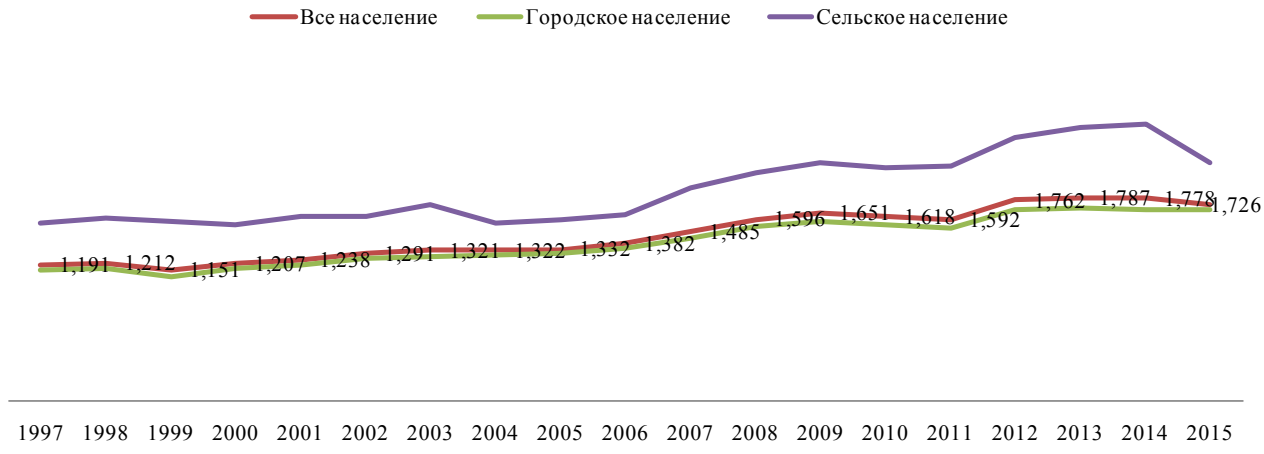

Рис. 6. Суммарный коэффициент рождаемости Кемеровской области [8]
Fig. 6. The total birth-rate in the Kemerovo Region [8]

В соответствии с рисунком 6 среднее число рождений у одной женщины при прочих равных демографических условия имело тенденцию к росту вплоть до 2013 г., после чего значения показателя скорректировались в сторону снижения. При этом в сельской местности значения данного показателя на 20–30 % превосходят аналогичные значения по общей численности населения, в городской – напротив, несколько уступают.

Другим специальным показателем рождаемости является *чистый коэффициент воспроизводства населения*, который определяется как численность детей женского пола в населении, разделенная на число взрослых женщин в предыдущем поколении. Полученная величина является хорошим ориентиром будущих тенденций численности населения.

Динамика чистого коэффициента воспроизводства населения за 1997–2015 гг. по Кемеровской области также демонстрирует рост до 2013 г. (более чем на 40 % – до 0,847 с 0,568 в 1997 г.), после чего несколько снижается (до 0,826). При этом в сельской местности чистый коэффициент воспроизводства населения на весь анализируемый временной интервал демонстрировал более высокие значения, несмотря на сохранение описанных тенденций.

Наибольшее число рождений до 2011 г. наблюдалось у женщин в возрасте 20–24 года, начиная с 2012 г. – у женщин в возрасте 25–29 лет. При этом тенденция к росту среднего возраста матери при рождении продолжает сохраняться – с каждым годом увеличивается количество рождений у женщин в возрасте 30–49 лет. Число поздних родов среди городского населения выше, чем в среднем по региону.

В соответствии с данными статистики *средний возраст матери при рождении первого ребенка* увеличился с 22,9 лет в 2007 г. до 25,3 лет в 2016 г., детей всех очередностей – с 26,2 лет в 2007 г., до 28,4 лет в 2016 г.

В 2016 г. *две трети рождений зафиксированы в браках длительностью до года* (как в городской, так и в сельской местности). Далее в браках длительностью от 1 года до 28 лет число рождений падает в экспоненциальной прогрессии. Наибольшее число *родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке*, в 2016 г. наблюдается в Киселевском, Тайгинском (31–32,7 %) городских округах, наименьшее – в Междуреченском, Новокузнецком, Осинниковском, Кемеровском. При этом доля рождений в незарегистрированном браке в 2016 г. в сельской местности значительно превышает значения аналогичного показателя в городской местности в Беловском, Березовском, Междуреченском (50 % и более) городских округах.

4. Ожидаемая продолжительность жизни населения.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни населения является едва ли не самым эффективным с точки зрения демографического анализа, включается в формулу при расчете Индекса Человеческого Развития (ИЧР), методика которого утверждена ООН.

Средняя продолжительность жизни населения Кемеровской области увеличилась с 63,31 лет в 1997 г. до 68,31 лет в 2015 г. (т. е. на 5 лет, 8 %). При этом динамика данного показателя нелинейна – так, минимальное количество лет ожидаемой продолжительности жизни наблюдается в 2005 г. (61,43), после чего наблюдается дальнейший постепенный рост показателя. Указанные тенденции одинаково характерны как для городского, так и для сельского населения. При этом продолжительность жизни городского населения в среднем на 1,5–2 года выше аналогичного показателя сельского населения за весь анализируемый период. *Продолжительность жизни мужчин* за указанный период выросла с 57,01 до 62,31 лет (более чем на 5 лет), женщин – с 70,44 до 74,32 лет (почти на 4 года). Разница в продолжительности жизни мужского и женского населения Кемеровской области сохраняется на протяжении всего анализируемого периода в пределах 10–13 лет.

5. Браки и разводы

Как можно заключить из представленных данных (рис. 7), количество *браков и разводов* в Кемеровской области, испытав некоторое снижение в период 2007–2009 гг., вновь восстановилось к 2012 г., после чего существенно снизилось (аналогично показателям рождаемости, синхронно с экономическими колебаниями). В 2016 г. на 1000 человек населения было зарегистрировано 6,2 брака и 4,5 развода – указанные значения являются минимальными за последние 10 лет (2007–2016). На каждые 100 браков в 2016 г. приходилось 70 разводов.

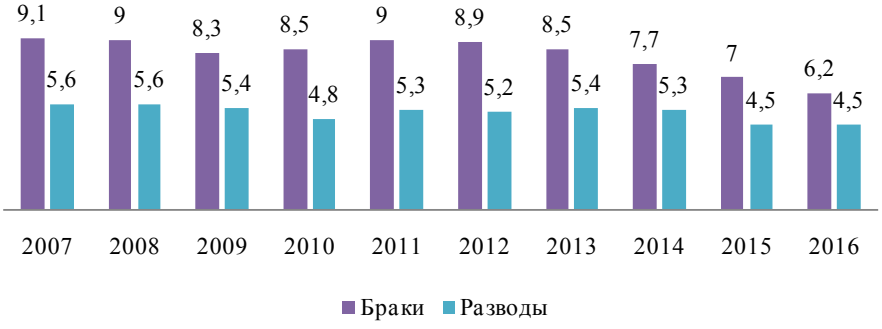

Рис. 7. Браки и разводы в Кемеровской области на 1000 человек [8]
Fig. 7. Marriages and divorces in the Kemerovo region, per 1,000 people [8]

Анализ динамики количества *браков и разводов* в 2016 г. *по городским округам* представлен на рисунке 8. Наибольшее количество браков зарегистрировано в Юргинском, Осинниковском, Мысковском (7,2–7,4) городских округах, разводов – в Мысковском, Березовском, Калтанском, Киселевском, Осинниковском (5,2–5,6). Наименьшее количество как браков, так и разводов зафиксировано в Прокопьевском, Тайгинском, Краснобродском городских округах.

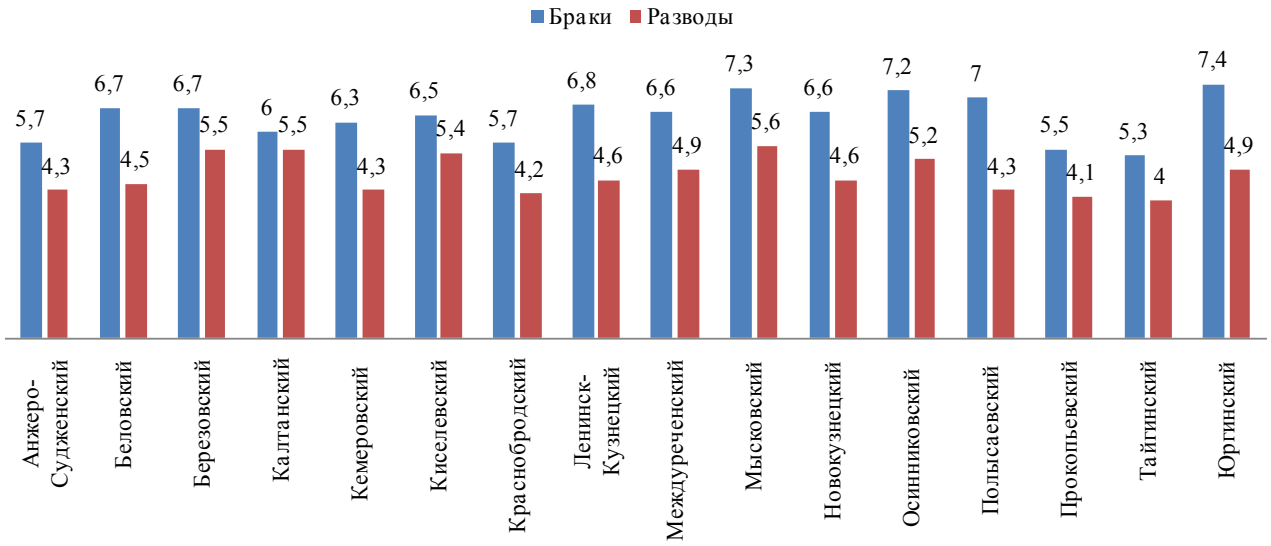

Рис. 8. Браки и разводы по городским округам Кемеровской области в 2016 г., на 1000 человек населения [8]
Fig. 8. Marriages and divorces in the urban districts of the Kemerovo Region in 2016, per 1,000 people [8]

6. Общие показатели смертности, причины смерти

Анализ *числа умерших* в Кемеровской области за 2014–2016 гг. представлен на рисунке 9. В соответствии с указанными данными число умерших в 2016 г. в возрастных группах до 60 лет ниже, чем *число умерших* в 2014 г. Примечательно, что число умерших в возрасте 70–74 года обоих полов значительно ниже, чем число умерших в более молодой возрастной группе (65–69 лет).

В соответствии с рисунком 10 (число умерших в 2016 г. по полу) мужская смертность начинает превышать женскую практически с первого года жизни населения, к 20 годам указанный перевес приобретает кратную величину и сохраняется до 75 лет.

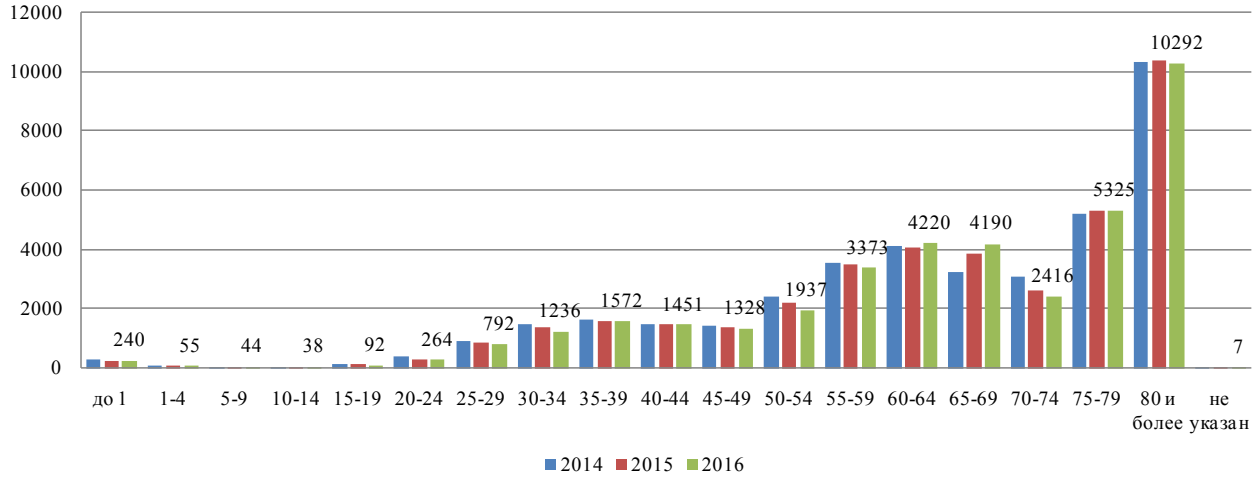

Рис. 9. Число умерших в Кемеровской области за 2014–2016 гг., человек [9]
Fig. 9. Number of deaths in the Kemerovo Region for 2014-2016, number of people [9]

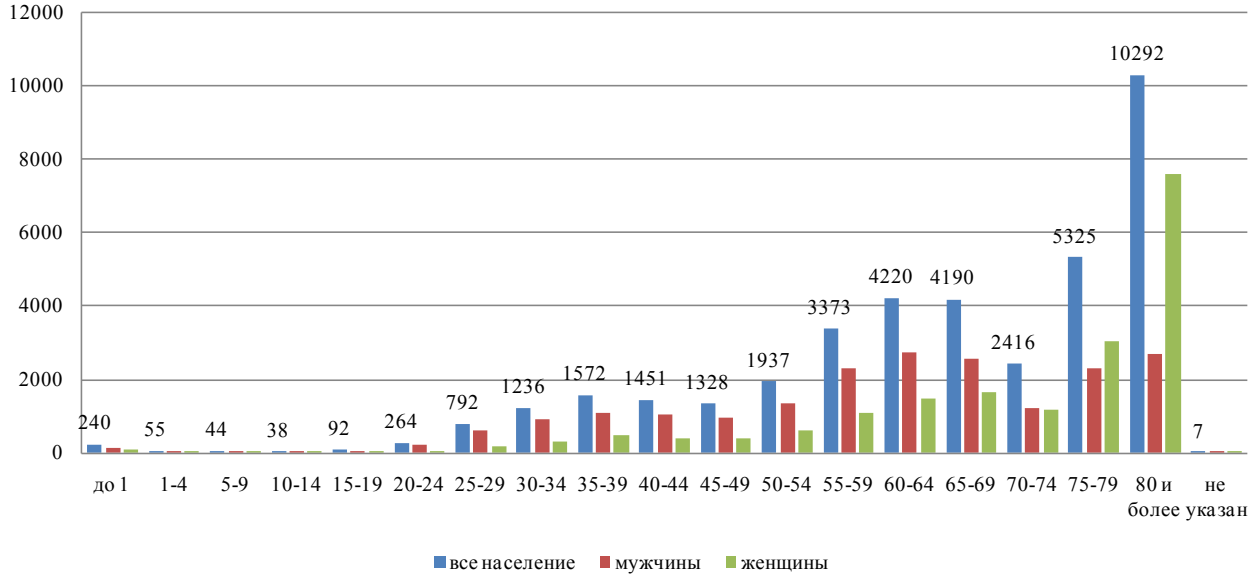

Рис. 10. Число умерших в Кемеровской области в 2016 г. по полу, человек [9]
Fig. 10. Number of deaths in the Kemerovo Region in 2016 according to sex, number of people [9]

Соотношение *числа умерших среди городского населения* по полу не имеет существенных различий.

Возрастные коэффициенты смертности населения Кемеровской области значительно снизились с 2006 по 2011 гг. (число умерших старше 85 лет сократилось на 22 %). В дальнейшем была небольшая «коррекция» на повышение, а затем – вновь сокращение. В 2015 г. возрастные коэффициенты смертности достигли своего минимума за 10 лет.

В рамках более укрупненной группировки показателей смертности (рисунок 11) также проглядывается тенденция к снижению числа умерших во всех возрастных группах (моложе трудоспособного, трудоспособном и старше трудоспособного возраста).

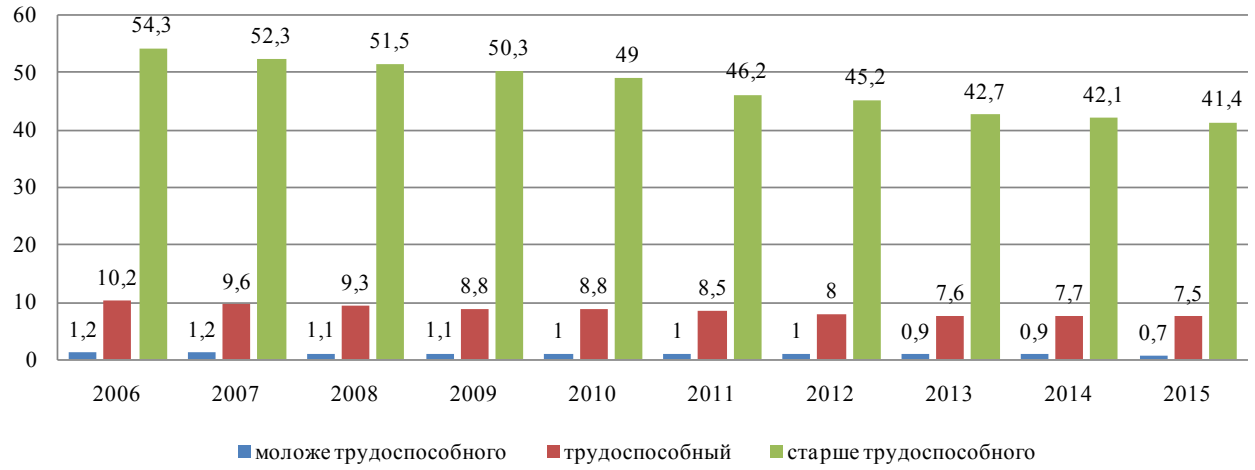

Рис. 11. Возрастные коэффициенты смертности по укрупненным возрастным группам (умершие на 1000 человек населения соответствующего возраста) [9]
Fig. 11. Age-specific mortality rates according to age group (deaths per 1,000 people of the corresponding age) [9]

В качестве *основных причин смерти* в Кемеровской области преобладают болезни системы кровообращения (более 40 %), новообразования (15–20 %), внешние причины (12–15 %), симптомы, признаки, отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в другие рубрики (11–14 %). За анализируемый период несколько снизилась доля смертности от болезней системы кровообращения, внешних причин, увеличилась доля смертности от болезней нервной системы и органов чувств, некоторых инфекционных и паразитарных болезней.

Существенных *различий в структуре смертности городского и сельского населения, а также жителей различных городов* не выявлено.

7. Миграционные показатели.

В соответствии с рисунком 12 число выбывших в Кемеровской области на протяжении последних пяти лет превышает количество прибывших при общем абсолютном увеличении и тех и других. Миграционная убыль населения региона в 2012–2013 гг. составлялся 4500–6000 человек, с 2014 г. данный показатель начал снижаться, достигнув минимума в 2015 г. (население сократилось за счет миграции на 1941 человек) и несколько увеличившись в 2016 г. (2615 человек).

Рис. 12. Прибывшие, выбывшие и миграционный прирост (убыль) в Кемеровской области [10]
Fig. 12. Amount of people arrived and departed and the migratory increase (fall) in the Kemerovo region [10]

В увеличивающемся с каждым годом *количестве прибывших* большую долю составляют мигранты внутри региона (более 50 %), примерно треть приходится на мигрантов из других регионов, растет число переселенцев из стран СНГ (примерно с 1/10 до 1/6 части в структуре прибывших), также стабильно имеется некоторое незначительное количество переселенцев из других стран.

Наибольшее *число выбывших* их состава численности Кемеровской области приходится на мигрантов внутри региона (с тенденцией к постепенному увеличению их доли), приблизительно 2/5 мигрантов уезжает в другие регионы, незначительный поток переселенцев в страны СНГ увеличился за 5 лет в 2,5 раза, возрастает также количество выбывших в другие страны.

В соответствии с рисунком 13 *структура миграционного прироста* в Кемеровской области формируется за счет убыли населения в другие регионы и миграционного прироста из стран СНГ. Незначительный прирост миграции за счет обмена с другими странами наблюдается в 2013, 2014 гг., убыль – в 2012, 2015, 2016 гг.

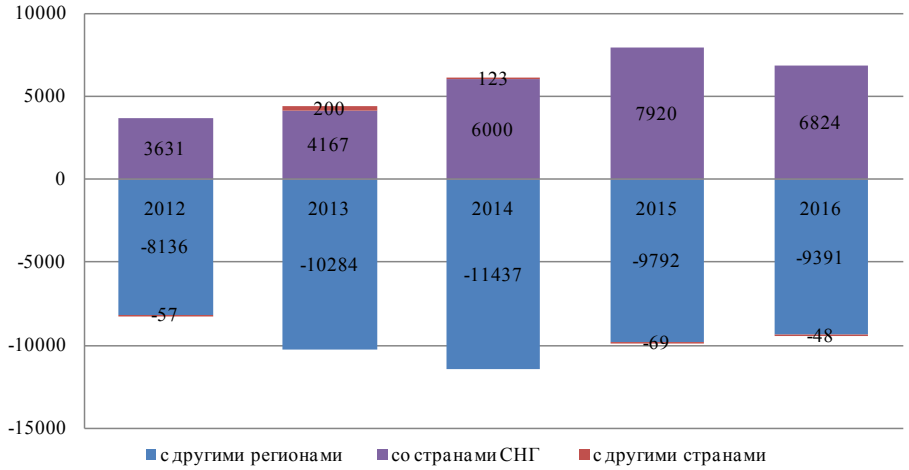

Рис. 13. Структура миграционного прироста (убыли) [7]
Fig. 13. Structure of migration growth (fall) [7]

Среди городского населения региона наблюдается выраженное повышение числа прибывших и выбывших, естественная убыль населения достигла в 2015–2016 гг. минимальных отметок (300–600 человек).

Среди городских округов миграционный прирост наблюдается в Новокузнецком, Кемеровском, Юргинском, самая существенная миграционная убыль – в Прокопьевском, Киселевском, Анжеро-Судженском.

В рамках международной миграции наибольшее количество прибывших – выходцы из Казахстана, Таджикистана, Украины, Узбекистана, Армении, Азербайджана. Потоки мигрантов из всех указанных стран, кроме Украины, усилились к 2016 г. Заметный приток мигрантов наблюдается из Китая.

Наибольшее количество выбывших наблюдается в Украину и Армению (особенно в 2016 г.), Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан. Значительная часть эмигрантов уезжает в Китай и Германию. Положительный международный миграционный прирост в Кемеровской области формируется со странами СНГ (Казахстаном, Таджикистаном, Украиной, Арменией, Узбекистаном, Азербайджаном), отрицательный – за счет незначительного обмена с другими зарубежными странами.

Миграционный прирост в 2016 г. в Кемеровской области наблюдался исключительно за счет городского населения моложе трудоспособного возраста. Наиболее существенная миграционная убыль зафиксирована в трудоспособном возрасте, при этом в большей степени – среди сельского населения. В отношении населения старше трудоспособного возраста миграционная убыль наблюдается в меньшей степени, при этом к перемещению более склонны городские жители, чем сельские.

Резюмируя результаты приведенного выше анализа, можно сделать следующие выводы о демографических тенденциях в городах Кемеровской области:

1. Численность населения региона имеет тенденцию к сокращению за счет снижения рождаемости, брачности и усилившегося миграционного оттока.

2. Наиболее благоприятная демографическая ситуация складывается в Кемеровском и Новокузнецком городских округах, при этом Кемерово и Новокузнецк не являющихся моногородами.

3. Остается неизменной высокая урбанизация населения, из которого более 85 % проживает в городах. В ряде городских округов этот показатель достигает 100 %.

4. В сельской местности выше рождаемость и ниже средний возраст матери при рождении первого ребенка, чем в городской местности.

5. Во всех городах региона увеличивается средний возраст рождения первого и последующих детей.

6. Две трети рождений приходится на молодые браки до года.

7. Продолжительность жизни населения с 1997 г. увеличилась на 5 лет, при этом у мужчин – чуть больше (на 5 лет, у женщин – на 4 года).

8. Имеется тенденция к сокращению числа регистраций как браков, так и разводов.

9. Динамика рождаемости и естественной убыли в Кузбассе повторяет динамику кризисных явлений в экономике, динамика смертности имеет тенденцию к постепенному снижению.

10. Среди основных причин смерти продолжают преобладать болезни системы кровообращения, онкология и внешние причины. Различий по городскому и сельскому населению, а также по городским округам в данном отношении не выявлено.

11. На протяжении последних лет сохраняется миграционный отток из региона, однако к 2016 г. он имеет тенденцию к снижению. Почти половина выбывающих уезжают в другие регионы, кратно усилился отток в страны СНГ.

Указанные тенденции, большинство из которых имеют негативный характер, безусловно, соответствующим образом отразятся на будущем экономическом развитии Кузбасса и его моногородов, формировании баланса рабочей силы, и как результат – качестве жизни населения. Высокая корреляция показателей естественного и миграционного прироста с экономическими факторами обусловливает возможность не только прямого, но и обратного влияния. Т. е. за счет экономического роста можно обеспечить улучшение демографических характеристик, которое, в свою очередь, дополнительно укрепит воздействующие экономические рычаги.

Литература

1. Полкова Т. В. Демографический потенциал как составляющая качества жизни // Экономика региона. 2014. № 3. С. 118–130.

2. Короленко А. В. Демографический потенциал сельских территорий Северо-Западного федерального округа: векторы трансформации // Вопросы территориального развития. 2016. № 2. С. 5.

3. Мухачёва А. В., Морозова Е. А. Качество жизни в условиях кризиса: региональный аспект. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. 232 с.

4. Шепелева Н. А., Акулов А. О. Специфика развития человеческого капитала в индустриальном регине (на примере Кемеровской области) // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. С. 253–266.

5. Демографический ежегодник Кемеровской области: Статистический сборник. Кемерово: Кемеровостат, 2017. 130 с.

6. Численность населения Кемеровской области по полу и возрасту на 1 января 2017 года: Статистический бюллетень. Кемерово: Кемеровостат, 2017. 108 с.

7. Кузбасс. 2017: Стат. сб. Кемерово: Кемеровостат, 2017. 286 с.

8. Официальный сайт Кемеровостата. Режим доступа: http://kemerovostat.gks.ru/ (дата обращения: 20.10.2017).

9. Официальный сайт Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 20.10.2017).

10. Официальный сайт Администрации Кемеровской области. Режим доступа: www.ako.ru (дата обращения: 25.12.2017).

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN THE KEMEROVO REGION AS A COMPONENT OF THE QUALITY OF LIFE

Anna V. Mukhacheva[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *Oblakkko@mail.ru*

Received 30.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: demographic potential, quality of life, fertility, mortality, natural increase, region, single-industry city.

Abstract: The paper is devoted to the dynamics of the main demographic indicators of single-industry towns in the Kemerovo region: birth-rate, mortality, natural and migratory growth, life expectancy, and specialized demographic indicators. This analysis provides an idea of the demographic potential of the single-industry towns in Kuzbass, which is the basic index of life standards that defines the competitiveness of the region, the labor force balance, the basis for the development of human capital, as well as provisions for the diversification of mono-town economy within the available workforce. The analysis has made it possible to draw some conclusions about the high correlation between migration and natural population growth with economic indicators, a significant migration outflow from the region in recent years, natural population decline in most urban districts, a general decrease in mortality, and an increase in life expectancy. The rural areas display the highest birth-rate and youngest age of new mothers. The most favorable demographic situation in the Kemerovo region is in the cities of Kemerovo and Novokuznetsk, which cannot be referred to single-industry urban settlements.

For citation: Mukhacheva A. V. Demograficheskii potentsial monogorodov Kemerovskoi oblasti kak sostavliaiushchaia kachestva zhizni [Demographic Potential of the Single-Industry Towns in the Kemerovo Region as a Component of the Quality of Life]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 120–129. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-120-129.

References

1. Polkova T. V. Demograficheskii potentsial kak sostavliaiushchaia kachestva zhizni [Demographic potential as a component of the quality of life]. *Ekonomika regiona = The economy of the region*, no. 3 (2014): 118–130.
2. Korolenko A. V. Demograficheskii potentsial sel'skikh territorii Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga: vektory transformatsii [Demographic potential of rural areas of the North-West Federal District: vectors of transformation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiia = Issues of territorial development,* no. 2 (2016): 5.
3. Mukhacheva A. V., Morozova E. A. *Kachestvo zhizni v usloviiakh krizisa: regional'nyi aspekt* [Quality of life in crisis: regional aspect]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2016, 232.
4. Shepeleva N. A., Akulov A. O. Spetsifika razvitiia chelovecheskogo kapitala v industrial'nom regine (na primere Kemerovskoi oblasti) [Specificity of the development of human capital in the industrial region (the case of the Kemerovo region)]. *Vestnik NGUEU = Bulletin of NSUU*, no. 4 (2016): 253–266.
5. *Demograficheskii ezhegodnik Kemerovskoi oblasti: Statisticheskii sbornik* [Demographic Yearbook of the Kemerovo Region: Statistical Digest]. Kemerovo: Kemerovostat, 2017, 130.
6. Chislennost' naseleniia Kemerovskoi oblasti po polu i vozrastu na 1 ianvaria 2017 goda: Statisticheskii biulleten' [The population of the Kemerovo region according to sex and age as of January 1, 2017: Statistical bulletin]. Kemerovo: Kemerovostat, 2017, 108.
7. *Kuzbass. 2017: Stat. sb.* [Kuzbass. 2017: Statistical Digest]. Kemerovo: Kemerovostat, 2017, 286.
8. *Ofitsial'nyi sait Kemerovostata* [The official site of Kemerovostat]. Available at: http://kemerovostat.gks.ru/ (accessed 20.10.2017).
9. *Ofitsial'nyi sait Rosstata* [Official site of the Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/ (accessed 20.10.2017).
10. *Ofitsial'nyi sait Administratsii Kemerovskoi oblasti* [Official site of the Administration of the Kemerovo Region]. Available at: www.ako.ru (accessed 25.12.2017).

УДК 338.467

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

***Михаил Н. Павленков*[1, @1], *Павел М. Воронин*[2, @2]**

[1] *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Дзержинский филиал), 606000, Россия, г. Дзержинск, пер. Жуковского, 2*
[2] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Дзержинский филиал), 606019, Россия, г. Дзержинск, ул. Черняховского, 24*
[@1] *kaf-fin-df@yandex.ru*
[@2] *pavel-voronin@bk.ru*

Поступила в редакцию 25.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: муниципальное образование, твердые коммунальные отходы (ТКО), технология, холдинг, стратегия, управление, прогнозирование, инвестиции.

Аннотация: Рассмотрены проблемы и основные направления развития муниципального образования в сфере твердых коммунальных отходов. Определены основные источники образования отходов и показано, что в управлении сферой коммунальных отходов муниципалитетов необходимо повысить роль стратегического планирования, эффективность контроля и учета, а также внедрять мониторинговые системы. Показано, что в муниципальном образовании важнейшим направлением эффективного решения этих проблем является совершенствование экономических и организационных механизмов управления сферой твердых коммунальных отходов. Приведены основные задачи муниципального образования по совершенствованию механизмов управления сферой твердых коммунальных отходов. Технология управления должна отражать системный характер и основываться на учете интересов населения, предприятий и организаций органов власти и других стейкхолдеров и разрабатываться на основе комплексной системы сбора, отражающей систему организации сбора и транспортировки коммунальных отходов, технологию переработки отходов и методы их утилизации.

На основе системного подхода, используя методы экономического и логического анализа, а также данные государственной статистики и отчетности муниципальных органов власти, предложен подход к унификации технологии реализации процессов в сфере твердых коммунальных отходов. Подход основан на организационно-экономической интеграции стейкхолдеров, что будет способствовать росту инвестиций в эту сферу и снижению экологической напряженности на территории муниципального образования.

Для цитирования: Павленков М. Н., Воронин П. М. Проблемы развития сферы твердых коммунальных отходов муниципального образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 130–139. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-130-139.

Введение

Социальное и экономическое развитие городов направлено на увеличение производства, на удовлетворение запросов жителей города в качественных коммунальных услугах, что требует совершенствования управления [1–4].

Одной из проблем города является проблема роста объемов твердых коммунальных отходов (ТКО). С их ростом усложняются отношения в сфере управления ТКО, так как значительно увеличиваются потоки информации, а это влияет на эффективность и качество принимаемых решений. Все это требует перехода от традиционных механизмов управления этой сферой в муниципальных образованиях к новым инновационным механизмам, которые позволяют усовершенствовать организацию управления, привлечь инвестиции в эту сферу, улучшить экологию территории, более рационально использовать ресурсы [5–9].

Отсутствие механизмов и современных методов для организации взаимодействия между различными участниками процессов обращения в данной сфере, является причиной невысокого качества управления сферой ТКО на муниципальном уровне [3; 8; 10].

Промышленные предприятия и коммунальное хозяйство являются главными источниками отходов города. В промышленности отходы образуются в процессе производственной деятельности, а в коммунальном хозяйстве основными источниками ТКО являются различные учреждения и жилой сектор [11–15].

Исследования показали, что в городах разных стран структура, объем и тенденции образования ТКО различны, но их объемы увеличиваются быстрее в несколько раз, чем растет численность населения (рис. 1).

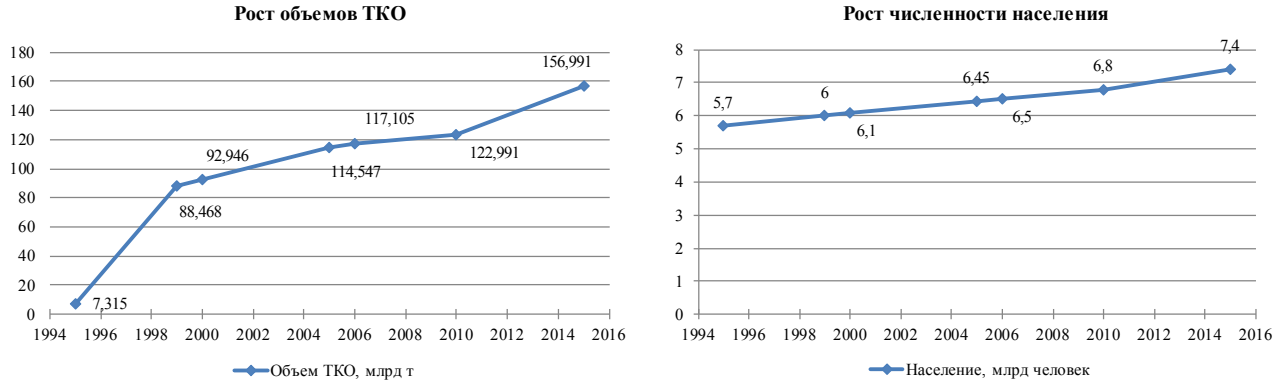

Рис. 1. Показатели образования отходов
Fig. 1. Indicators of waste formation

Развитие промышленности, рост городов, их урбанизация оказывают значительное влияние на увеличение объемов отходов. Главными источниками образования ТКО стали города, в которых оказание услуг по сбору, вывозу и утилизации выполняют малоэффективные предприятия. К работе таких предприятий имеются значительные претензии со стороны контролирующих органов и населения. Ответственность же за эффективное управление и организацию этой сферы несут муниципальные органы власти.

Проблемы в сфере обращения с ТКО требуют, чтобы с развитием технологии сбора и утилизации совершенствовались экономические механизмы. На основе анализа мировых тенденций в этой сфере и отечественной практики выделены следующие основные направления развития на муниципальном уровне сферы обращения твердых коммунальных отходов:

– внедрение ресурсосберегающих, инновационных и экологически чистых технологий в хозяйстве города;

– стимулирование разработки и внедрение природоохранных программ в организациях города;

– перепрофилирование вредно воздействующих на внешнюю среду производств;

– развитие мощностей предприятий по утилизации и переработке отходов;

– разработка и внедрение усовершенствованных систем управления твердыми коммунальными отходами [10; 16–18].

Опыт зарубежных стран показывает, что совершенствование экономических и организационных методов управления предприятиями сферы ТКО является важнейшим направлением по решению проблем ТКО муниципального образования. Внедрение новых технологий играет значительную роль в уменьшении экологической напряженности на городских территориях, однако практика российских городов показывает, что и прогрессивные технологии, и современные механизмы и методы управления сферой ТКО не получили должного внедрения.

Оказание услуг организациями в сфере твердых коммунальных отходов и анализ работы этих организаций на рынке выявил, что действующая система планирования неэффективна, слабо ведется контроль и учет, не налажена обратная связь. Такое состояние в управлении данной сферой приводит к негативным последствиям для муниципального образования. Для повышения эффективности управления требуется внедрение системного подхода к решению проблем на основе разработки и внедрения новых механизмов организации сферы ТКО, которые, внедряя современные инструменты и методы, обеспечивают решение главной задачи муниципального образования: повышение качества жизни жителей города [3; 11; 12; 19].

Система обращения твердых коммунальных отходов.

Одним из разделов в процессе разработки стратегии развития сферы ТКО является внедрение современных технологий, которые реализуются через создание комплексной системы обращения твердыми коммунальными отходами на территории города (рис. 2).

Основной целью создания комплексной системы обращения с ТКО является достижение установленных показателей по охране окружающей среды.

Главные принципы создания комплексной системы следующие:

– снижение влияния на окружающую среду отходов;

– внедрение селективного метода сбора отходов;

– повышение качества услуг и уровня жизни населения;

– использование вторичных ресурсов;

– ввод мощностей мусороперерабатывающих предприятий с современным технологическим оборудованием и экологически чистых полигонов;

– повышение экологической культуры граждан.

Основными организационно-техническими элементами комплексной системы являются:

Блок 1. Раздельный сбор.

Блок 2. Система доставки отходов.

Блок 3 Сортировочная станция.

Блок 4. Переработка.

Блок 5. Полигон.

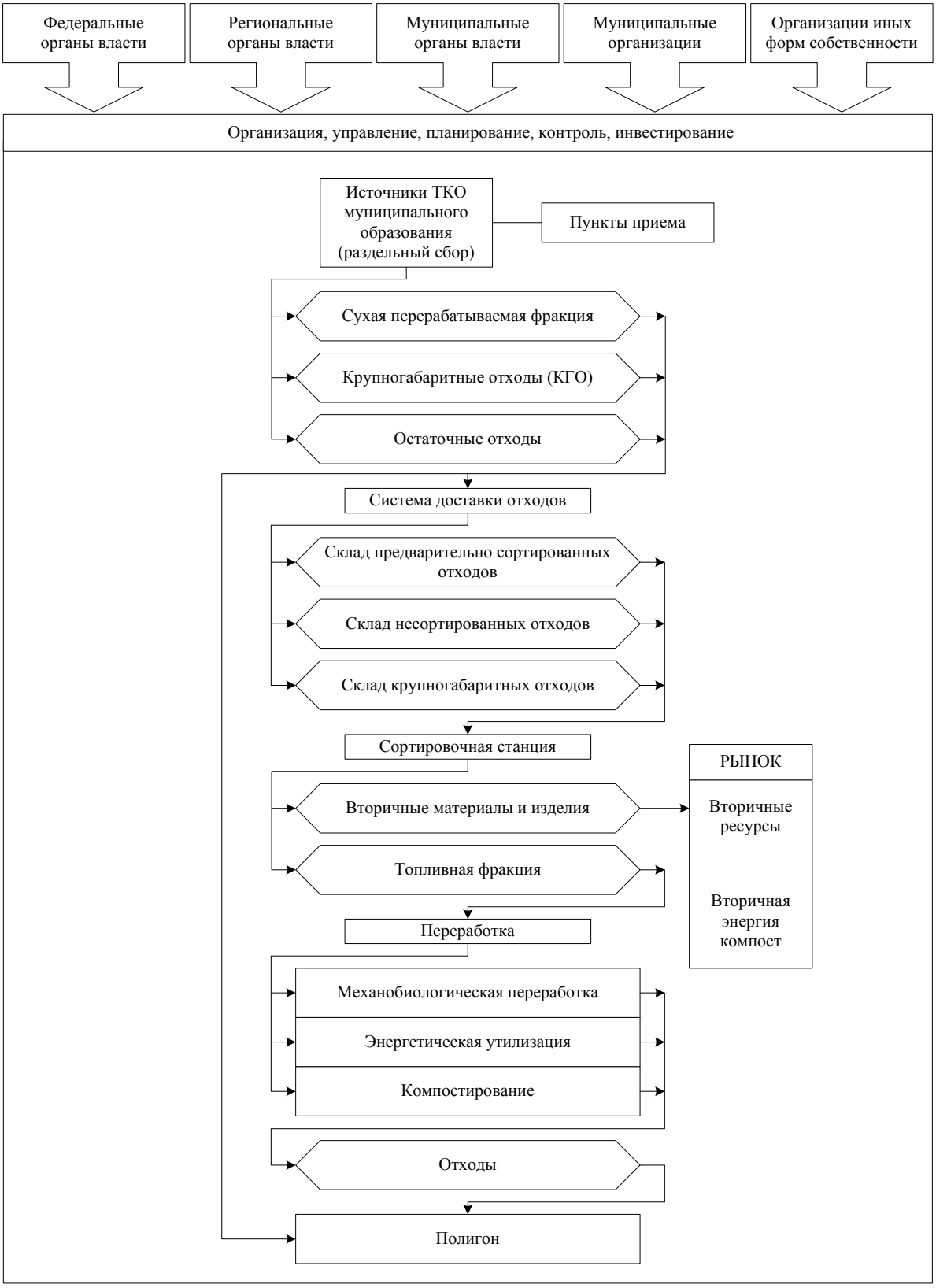

Рис. 2. Комплексная система обращения ТКО
Fig. 2. Complex system of the SMW procedure

Блок 1. Раздельный сбор

Вторичные ресурсы, которые являются существенной составляющей ТКО, незначительно используются в России, а выбрасываются на полигоны, что влияет на экологию. Морфологический состав отходов Нижегородской области характеризуется тем, что выделение из объема вторичных ресурсов (бумага, металл, полимеры, стекло) позволит повысить ресурсный потенциал и снизить затраты на утилизацию отходов. Требования, которые заложены в разработку комплексной системы обращения с ТКО, можно сформулировать таким образом:

− максимальное извлечение вторичных ресурсов;

− уменьшение уровня негативного воздействия на здоровье населения;

− общее уменьшение объема отходов.

Существуют следующие системы сбора твердых коммунальных отходов.

Смешанная система, которая применяется в городах страны чаще всего. Отходы не сортируются, а собираются в специальные контейнеры, которые вывозятся на полигоны или мусоросортировочные заводы, если они имеются.

Другой способ, когда население обеспечивает первичную сортировку отходов на различные фракции (стекло, бумага, текстиль, пищевые отходы, пленка, пластмасса, металлы и др.). Этот способ сбора ТКО называется раздельным или селективным. Разделенные фракции мусора складируются в контейнеры, количество которых при селективном сборе обычно устанавливают три или четыре.

На практике используют следующие варианты сбора ТКО:

− контейнер устанавливается для каждой фракции отдельно;

− один контейнер для группы отходов (например стекло и металл).

Разные фракции собираются и транспортируются раздельно на мусороперерабатывающие заводы. Если селекция ТКО на местах не всегда возможна или достаточно трудоемка, то отходы вывозятся на мусороперерабатывающие станции, где проводятся ручная или автоматическая сортировки. На некоторых мусороперерабатывающих станциях проводится комбинированная сортировка.

В разработанную комплексную систему заложен принцип четырех потоков, исходя из числа устанавливаемых контейнеров.

Опыт обращения с ТКО показывает, что лучшим решением является селективный сбор, так как он имеет множество следующих преимуществ:

− снижаются затраты на переработку отходов;

− обеспечивается сбор ценных отходов;

− обеспечивается сбор опасных отходов;

− повышается уровень переработки отходов;

− экономия общих ресурсов.

В соответствии с технологией комплексной системы в домовладениях на площадках устанавливаются специальные контейнеры для сбора металла, макулатуры, пластмасс, стекла, текстиля.

Отличие этих контейнеров заключается в том, что у них имеются специальные отверстия для загрузки и крышки, которые предотвращают попадание обычного или несортированного мусора, а также влаги. Это перерабатываемые сухие ТКО.

В составе ТКО имеются опасные отходы, поэтому требуются специальные меры их удаления.

К опасным отходам относятся аккумуляторы, батарейки, электроприборы, лаки, краски, косметика, удобрения, различная химия, ядохимикаты, тонометры, медицинские отходы, ртутьсодержащие термометры, лампы, барометры. Такие отходы опасны для грунтовых вод, водоемов и окружающей среды.

Для некоторых из них устанавливаются специальные контейнеры, а для других организуются специальные пункты приема. Для успешного решения этой задачи необходимо в законодательном порядке на государственном уровне обязать изготовителей и продавцов принимать подобные отходы, а на уровне муниципалитетов повысить уровень экологического просвещения граждан.

Третий контейнер (поток) используется для сбора крупногабаритных отходов. Для решения этой задачи устанавливается специальный контейнер, или выделяются специальные площадки. В дополнение к этим площадкам в муниципальном образовании можно организовывать систему сбора с разъездом в определенное время по домам, что напрямую обеспечивает сбор вторсырья. В этом случае необходимо разработать ряд инструкций и проводить разъяснительную работу с населением. Такая организация сбора крупногабаритных отходов снижает значительно затраты, но создает дополнительную нагрузку на транспорт.

Наконец, четвертый контейнер (поток) предназначен для остаточных отходов, объемы которых уменьшатся значительно. Эти отходы собираются в обычный контейнер и транспортируются на сортировочный завод или для захоронения на полигон.

Предлагаемая технология эффективной работы с коммунальными отходами возможна лишь при активном участии населения. Для заинтересованности граждан в этом процессе нужны стимулирующие их механизмы. К таким стимулирующим механизмам можно отнести:

− население должно платить только за остаточные объемы твердых коммунальных отходов;

− организация доступных для населения пунктов приема вторсырья;

− обязательное использование товаров, изготовленных из вторичного сырья, на муниципальных предприятиях.

Блок 2. Система доставки отходов

Отходы образуются быстрее, чем переработка этих отходов, поэтому важную роль в системе управления отходами играют как извлеченные объемы вторичных ресурсов, так и организация своевременной их транспортировки на переработку. По данным Европейского Сообщества INTERREG III A (International Regeneration) в структуре общих затрат в системе об-

ращения отходов значительную долю от 20 % до 35 % занимают транспортные расходы.

Можно рассматривать следующие варианты вывоза коммунальных отходов: двухэтапный вывоз и прямой. Вывоз отходов с контейнерных площадок осуществляется специальным транспортом – мусоровозами.

Вывоз отходов мусоровозами с объемом 12–24 куб. м целесообразен непосредственно на полигон, если до места захоронения расстояние не более 15–30 км, в противном случае транспортные расходы существенно растут, а оборачиваемость мусоровозов снижается.

Двухэтапный вывоз целесообразно применять при значительном удалении полигона от пунктов сбора, объектов сортировки или для дополнительного сжатия отходов. Дальнейшая доставка на место захоронения или переработки отходов в уплотненном состоянии осуществляется транспортом со съемными контейнерами 20–30 куб. м.

Неотъемлемым элементом эффективной работы в настоящее время транспорта является внедрение системы глобального позиционирования, которая обеспечивает контроль (рис. 3):

− за движением транспорта;
− временем движения;
− временем стоянок;
− расходом топлива;
− пройденный маршрут;
− превышения скорости;
− сходом с маршрута.

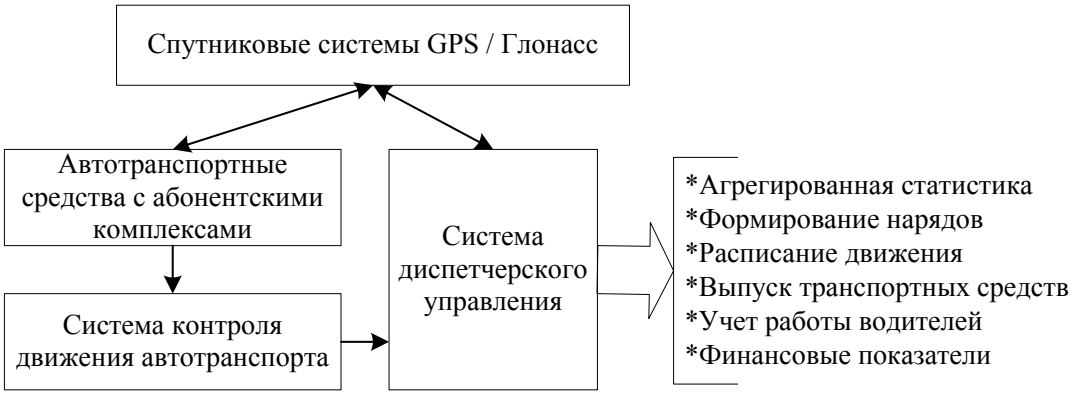

Рис. 3. Система Глонасс в управлении транспортом
Fig. 3. The GLONASS system in transport management

Система помимо контроля помогает своевременно реагировать на нештатные ситуации, оптимизировать транспортные маршруты, сократить время сбора ТКО и его вывоза.

Для этого на транспорте устанавливаются бортовые компьютеры, приборы GPS и Глонасс, картографические программы и другое оборудование. Так, например, установленные датчики на спецтехнике обеспечивают запись в компьютер информации о времени погрузки и разгрузки контейнеров, расход топлива, объем загрузки мусоровоза и другую информацию о работе спецтехники.

Основные преимущества данной системы управления следующие:

− интегрируется в систему управления Холдинга;
− повышается эффективность работы транспорта;
− обеспечивается конфиденциальность информации;
− используются локальные базы данных;
− отсутствует абонентская плата мобильной связи;
− повышаются условия модификации и расширения системы;
− используюся лицензионные программы.

Блок 3. Сортировочная станция

Опыт переработки отходов демонстрирует отсутствие единственного эффективного способа, отвечающего всем научно-обоснованным нормам и требованиям экологического законодательства, а также запросам рынка и условиям современной экономики. Удовлетворять в максимальной степени рекомендации различных международных экологических съездов и конгрессов может ввод комбинированных мусороперерабатывающих предприятий, которые могут использовать отходы для получения энергии и перерабатывать отходы во вторичное сырье для производства готовой продукции. Принцип комбинирования, применяемый при строительстве предприятий по переработке отходов, может значительно нивелировать недостатки каждого метода при их отдельном внедрении. Комплексный подход к способам сортировки отходов, их термообработке, ферментации и иных процессов с учетом особенности отходов и их морфологического состава минимизируют отходность переработки, повышают экологичность и увеличивают доходность производства.

Сортировка отходов может осуществляться на мусороперерабатывающих предприятиях и отдельными бригадами на полигонах.

На мусороперерабатывающем предприятии применяются различные технологии, обеспечивающие отбор таких компонентов сырья, как макулатура; полиэтилен ПВД; полиэтилен ПНД; стекло; ПЭТФ (тара и упаковка); различные металлы; алюминий; текстиль, ветошь; пластики (ПВХ, ПНД, ПП, ПС, АБС).

Для непрерывного потока отходов на мусороперерабатывающее предприятие необходима круглосуточная схема поставки, что для большинства городов

противоречит нормам законодательства на данных территориях.

Блок 4. Переработка

К вариантам переработки отходов относятся: механобиологическая переработка отходов, энергетическая утилизация отходов, компостирование отходов (рис. 4).

Механобиологическая переработка используется для максимального разложения органических веществ в отходах и отделения горючих составляющих в отходах.

Плюсы такой технологии: значительно уменьшается объем; увеличивается длительность эксплуатации полигона; химические составляющие отходов стабилизируются; появляется возможность получения компоста; уменьшаются затраты на утилизацию.

Рис. 4. Варианты переработки отходов
Fig. 4. Options for waste processing

Отходы с высокой теплотворной способностью используются как дополнительное твердое топливо и могут быть сожжены в различных энергетических установках. Преимуществами данного подхода является то, что уменьшается объем отходов, которые предназначены для захоронения, снижаются затраты на захоронение, сокращается время на переработку. В то же время этот процесс имеет и негативные последствия в виде дополнительных атмосферных выбросов, которые проявляются в результате сжигания.

Блок 5. Полигон

Захоронение отходов производится на полигонах. Полигон – это сооружение, которое является природоохранным, для сбора и обезвреживания доставленных отходов на захоронение, обеспечивающее защиту атмосферы, поверхностных вод, грунтовых вод, почвы от загрязнения и препятствующее распространению различных болезнетворных микроорганизмов.

Можно выделить два класса полигонов:

– полигоны первого класса: на них размещаются отходы, которые содержат не более 25 % органических примесей;

– полигоны второго класса: на них размещаются отходы, которые содержат свыше 25 % органических примесей.

Участки для открытия полигонов должны удовлетворять следующим основным условиям:

– находиться на открытой и продуваемой местности, с максимальным залеганием грунтовых вод (не менее одного метра в максимальные пики), не подтопляемые и не затопляемые;

– находиться согласно розе ветров в противоположной стороне от рекреационных зон и населенных пунктов;

– находиться в стороне от земель сельскохозяйственного назначения и от магистралей на расстоянии не менее 200 м, расстояние до лесопосадок и лесных массивов, которые не предназначены для рекреации, должно быть не менее 50 м;

– располагаться в стороне от опасных геологических зон (оползневых, овражно-эрозионных, карстово-суффозионных и др.).

Размер участка под полигон определяется на основе прогноза образования объемов отходов и опираясь на разработанный проект по объему вместимости, должен обеспечить эксплуатацию его в течение 15–20 лет.

Многие годы полигонное захоронение отходов было основным способом утилизации мусора, что не является с экономической и экологической точек зрения грамотным подходом, так как коммунальные отходы содержат как опасные вещества, так и множество полезных для общества продуктов.

Нужно отметить, что технология получения свалочного газа, который образуется в результате разложения отходов под слоем земли, находит широкое практическое применение. Этот газ содержит до 60 % метана и находит применение в качестве топлива. Эта технология применяется как на действующих полигонах, так и на полигонах, эксплуатация которых прекращена. Газ, который получают на полигонах, сопоставим

с природным газом, а его сбор является достаточно выгодным для предприятий.

Для сбора газа на полигонах внедряются специальные инженерные решения: устанавливают изолирующие экраны, а также оборудование для сбора газа и его хранения. Процесс разложения отходов протекает много лет, следовательно, полигон является относительно стабильным источником газа в течение длительного времени. Близость полигонов к городским территориям и промышленным предприятиям и его низкая себестоимость делают газ достаточно перспективным в использовании для местных нужд источником энергии. Кроме этого, его использование улучшает экологическую составляющую атмосферного воздуха на территории.

Мусороперерабатывающий завод и полигон должны рассматриваться как единый комплекс. На полигоне должны утилизироваться непереработанные отходы, а получаемый на полигоне газ может использоваться для нужд мусороперерабатывающего завода.

По каждому рассмотренному выше блоку типовой комплексной системы разработаны технические и организационные решения, которые направлены на эффективное функционирование и устойчивое развитие сферы ТКО, а также на привлечение внутренних и внешних долгосрочных инвестиций.

Выводы

Исследованы теоретический и практический опыт организации управления ТКО муниципальных образований и определены основные направления развития этой сферы:

− совершенствование системы управления ТКО;

− разработка стратегических и оперативных планов и программ по сбору, вывозу и утилизации твердых коммунальных отходов;

− разработка и внедрение системы мониторинга;

− разработка и внедрение информационных технологий.

Предложена для муниципального образования типовая комплексная система обращения ТКО, поэтапное внедрение которой позволит:

− снизить негативное влияние на окружающую среду отходов;

− ускорить внедрение раздельного сбора ТКО в муниципальном образовании;

− повысить процент получения вторичных ресурсов для производства товаров;

− ускорить строительство мусороперерабатывающих предприятий;

− ускорить ввод современных полигонов;

− повысить экологическую культуру и ответственность граждан;

− привлечь инвестиции в развитие сферы ТКО.

Управление процессами в сфере ТКО должно основываться на тесном и заинтересованном взаимодействии предприятий и организаций муниципалитета и обеспечивать:

− стимулирование раздельного сбора ТКО;

− модернизацию технологии переработки ТКО;

− внедрение гибкой тарифной системы;

− учитывать изменения в законодательстве, в том числе налоговые льготы;

− стимулирование инновационных технологий;

− возможности ГЧП;

− повышение ответственности производителей за безопасное удаление упаковки [12; 20].

Разработанные положения использованы в процессе внесения изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 29.12.2014 № 458-ФЗ в рамках заседания экспертного совета рабочей группы по реформе законодательства в сфере ЖКХ, а также в процессе разработки стратегии социально-экономического развития городского округа город Дзержинск Нижегородской области до 2030 года, принятой решением Городской Думы города Дзержинск Нижегородской области от 18 июня 2015 г. № 948 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития городского округа город Дзержинск до 2030 года».

Направления дальнейших исследований

Развитие данной сферы требует значительных инвестиций. Инвесторам необходима уверенность в окупаемости инвестиционных вложений, а это возможно лишь при условии, когда имеется информация об объемах рынка ТКО [7; 12; 15; 21; 22].

Отсутствие научных методов прогнозирования объемов образования отходов сдерживает предпринимателей от долгосрочных вложений инвестиций в развитие данной сферы, поэтому необходимы исследования методов прогнозирования объемов ТКО муниципального образования на основе использования трендового и регрессивного анализа [8; 15; 23; 24].

Для снижения затрат на управление, повышение доступности и прозрачности информации для стейкхолдеров, а также повышения эффективности управления сферой ТКО, необходимо создание холдинговой структуры, выделение и передачу однотипных процессов из управляющей, головной компании холдинга в сервисный центр. При этом руководство холдинга получит возможность концентрироваться на бизнес-процессах, обеспечивающих конкурентоспособность холдинга [18; 25].

Литература

1. Совершенствование механизмов управления социально-экономическим развитием муниципального образования / под общей ред. М. Н. Павленкова. Н. Новгород; Дзержинск: НИУ РАНХиГС, 2013. 306 с.

2. Бабун Р. В. Местное самоуправление и муниципальное управление: современные проблемы. Обнинск: Институт муниципального управления, 2010. 200 с.

3. Байдаков С. Л. Стейкхолдеры территории и ее миссия: компромисс или синергия // Инновации в менеджменте. 2015. № 2. С. 24–31.

4. Боравская Т. Управление отходами: мировые проблемы // Твердые бытовые отходы. 2009. № 1. С. 55–57.

5. Павленков М. Н., Воронин П. М. Экономические проблемы в деятельности муниципальных образований // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 1. С. 30–32.

6. Беляев И. П., Соломин И. А., Удальцов А. Н. Управление отходами и экономическая безопасность города // Чистый город. 2004. № 1. С. 2–13.

7. Саак А. Э., Колчина О. А. Оценка инвестиционной привлекательности муниципального образования // Муниципальная власть. 2006. № 4. С. 60–65.

8. Гаврилов А. И., Соломин И. А., Соломина О. И. Оптимизация вывоза твердых бытовых отходов Москвы на полигоны и объекты переработки // Экол. системы и приборы. 2011. № 7. С. 18–20.

9. Матсуто Т. Япония: методы управления твердыми отходами // Твердые бытовые отходы. 2007. № 5. С. 72–76.

10. Павленков М. Н., Воронин П. М. Организационно-экономические проблемы и направления утилизации отходов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3-3. С. 188–192.

11. Павленков М. Н., Воронин П. М. Управление сферой обращения твердых бытовых отходов муниципального образования. М.: ОАО «ИТКОР», 2016. 164 с.

12. Павленков М. Н., Воронин П. М. Контроллинг управления сферой обращения твердых бытовых отходов муниципального образования. М.: Академия бизнес-администрирования, 2016. 160 с.

13. Павленков М. Н., Воронин П. М. Особенности образования и источники загрязнения городской территории // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 107.

14. Pavlenkov M. N., Larionov V. G., Voronin P. M. Approach to predictive modelling of total municipal solid waste removal volumes // Biofuels. 2017. № 3. P. 373–376.

15. Мирный А. Н., Мурашов В. Е., Корецкий В. Е. Государственное управление отходами в рамках концепции устойчивого развития. М.: Акад. коммунального хоз-ва им. К. Д. Памфилова, 2012. 351 с.

16. Дал Х. М. Норвежский опыт управления отходами // Твердые бытовые отходы. 2008. № 9. С. 70–72.

17. Павленков М. Н., Воронин П. М. Выбор стратегических направлений холдинга в сфере утилизации отходов муниципального образования // Российское предпринимательство. 2014. № 12. С. 149–158.

18. Павленков М. Н., Воронин П. М. Основные направления холдинга в сфере утилизации отходов // Фундаментальные и прикладные исследования, разработка и применение высоких технологий в экономике, управлении проектами, педагогике, праве, культурологии, языкознании, природопользовании, биологии, зоологии, химии, политологии, психологии, медицине, философии, филологии, социологии, математике, технике, физике, информатике: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, 30–31 января 2014 г. СПб.: КультИнформПресс, 2014. С. 105.

19. Барсола И. С. Стратегия организации комплексной системы управления твердыми бытовыми отходами на территории Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2009. № 3. С. 64–68.

20. Воронин П. М., Маева Л. С. Типовая система обращения отходов // Контроллинг услуг: сборник научных трудов VII международного конгресса по контроллингу «Контроллинг услуг». Калуга, 13–14 мая 2016 г. Калуга; М., 2016. С. 59–63.

21. Воронин П. М., Лабазова Е. В. Мониторинг инвестиционной программы // Контроллинг услуг: сборник научных трудов VII международного конгресса по контроллингу«Контроллинг услуг». Калуга, 13–14 мая 2016 г. Калуга; М., 2016. С. 56–58.

22. Воронин П. М. Разработка и мониторинг инвестиционной программы в сфере твердых коммунальных отходов // Контроллинг. 2017. № 64. С. 64–71.

23. Pavlenkov M. N., Voronin P. M., Larionov V. G., Pavlenkov I. M. Enterprice development factors control // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20. № 2. P. 309–319.

24. Pavlenkov M. N., Larionov V. G., Voronin P. M. The Method for Evaluation and Selection of Investment Projects in the Field of Municipal Waste Management // Indian Journal of Science and Technology. 2016. № 47. P. 151–155.

25. Воронин П. М. Механизм создания системы стратегического контроллинга в управлении сферой твердых коммунальных отходов муниципального образования // Контроллинг. 2016. № 4. С. 66–71.

DEVELOPMENT ISSUES OF SOLID MUNICIPAL WASTE SPHERE WITHIN AN URBAN COMMUNITY

***Mikhail N. Pavlenkov*[1, @1], *Pavel M. Voronin*[2, @2]**

[1] *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Dzerzhinsk Branch), 2, per. Zhukovsky, Dzerzhinsk, Russia, 606000*
[2] *Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Dzerzhinsk Branch), 24, Chernyakhovskogo St., Dzerzhinsk, Russia, 606019*
[@1] *kaf-fin-df@yandex.ru*
[@2] *pavel-voronin@bk.ru*

Received 25.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: municipal formation, solid municipal waste (SMW), technology, holding, strategy, management, forecasting, investments.

Abstract: The paper features some issues and main directions of the strategic development of a municipal entity in the field of solid municipal waste. The authors identify the major sources of waste and prove that for municipalities it is necessary to enhance the role of strategic planning, the effectiveness of monitoring and accounting, and implement monitoring systems in waste management. It is shown that the most important direction for the effective solution of these problems is the improvement of economic and organizational mechanisms for managing the sphere of solid municipal waste within an urban community. The paper contains the main tasks a community has to perform to improve the mechanisms of strategic management in the sphere of solid municipal waste. Management technology should be systematic and take into consideration the interests of the local population, enterprises and authorities as well as other stakeholders. It should be based on an integrated collection system that would reflect the system for collecting and transporting communal waste, technology for recycling wastes and methods for their utilization.

The authors propose an approach to unify the technology for implementing processes in the field of solid municipal wastes. The approach is based on the system approach and employs methods of economic and logical analysis, as well as data of state statistics and municipal reports. The approach presupposes organizational and economic integration of stakeholders, which should increase investment in this area and reduce environmental tensions in the community.

For citation: Pavlenkov M. N., Voronin P. M. Problemy razvitiia sfery tverdykh kommunal'nykh otkhodov munitsipal'nogo obrazovaniia [Development Issues of Solid Municipal Waste Sphere within an Urban Community]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2018): 130–139. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-130-139.

References

1. *Sovershenstvovanie mekhanizmov upravleniia sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem munitsipal'nogo obrazovaniia* [Improving the mechanisms for managing the socio-economic development of the municipal formation]. Ed. Pavlenkov M. N. Nizhny Novgorod; Dzerzhinsk: NIU RANKhiGS, 2013, 306.
2. Babun P. V. *Mestnoe samoupravlenie i munitsipal'noe upravlenie: sovremennye problemy* [Local self-government and municipal administration: modern problems]. Obninsk: Institut munitsipal'nogo upravleniia, 2010. 200.
3. Baidakov S. L. Steikkholdery territorii i ee missiia: kompromiss ili sinergiia [Stakeholders of the territory and its mission: a compromise or synergy]. *Innovatsii v menedzhmente = Innovations in management*, no. 2 (2015): 24–31.
4. Boravskaia T. Upravlenie otkhodami: mirovye problemy [Waste management: world problems]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid household waste*, no. 1 (2009): 55–57.
5. Pavlenkov M. N., Voronin P. M. Ekonomicheskie problemy v deiatel'nosti munitsipal'nykh obrazovanii [Economic problems in the activities of municipalities]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiia. Ekonomika. Politika = News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, no. 1 (2014): 30–32.
6. Beliaev I. P., Solomin I. A., Udal'tsov A. N. Upravlenie otkhodami i ekonomicheskaia bezopasnost' goroda [Waste management and economic security of the city]. *Chistyi gorod = Pure city*, no. 1 (2004): 2–13.
7. Saak A. E., Kolchina O. A. Otsenka investitsionnoi privlekatel'nosti munitsipal'nogo obrazovaniia [Evaluation of the investment attractiveness of the municipal formation]. *Munitsipal'naia vlast' = Municipal Authority*, no. 4 (2006): 60–65.
8. Gavrilov A. I., Solomin I. A., Solomina O. I. Optimizatsiia vyvoza tverdykh bytovykh otkhodov Moskvy na poligony i ob»ekty pererabotki [Optimization of the export of solid domestic wastes of Moscow to landfills and processing sites]. *Ekol. sistemy i pribory = Ekol. Systems and Devices* (2011): 18–20.
9. Matsuto T. Iaponiia: metody upravleniia tverdymi otkhodami [Japan: methods of solid waste management]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Household Waste*, no. 5 (2007): 72–76.

10. Pavlenkov M. N., Voronin P. M. Organizatsionno-ekonomicheskie problemy i napravleniia utilizatsii otkhodov [Organizational and economic problems and directions of waste utilization]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 3-3 (2013): 188–192.

11. Pavlenkov M. N., Voronin P. M. *Upravlenie sferoi obrashcheniia tverdykh bytovykh otkhodov munitsipal'nogo obrazovaniia* [Management of the sphere of solid municipal wastes circulation of the municipal formation]. Moscow: OAO «ITKOR», 2016, 164.

12. Pavlenkov M. N., Voronin P. M. *Kontrolling upravleniia sferoi obrashcheniia tverdykh bytovykh otkhodov munitsipal'nogo obrazovaniia* [Controlling of the sphere of solid municipal waste management in the municipal formation]. Moscow: Akademiia biznes-administrirovaniia, 2016, 160.

13. Pavlenkov M. N., Voronin P. M. Osobennosti obrazovaniia i istochniki zagriazneniia gorodskoi territorii [Features of education and sources of pollution of urban areas]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and Practice of Social Development*, no. 12 (2013): 107.

14. Pavlenkov M. N., Larionov V. G., Voronin P. M. Approach to predictive modeling of total municipal solid waste removal volumes. *Biofuels*, no. 3 (2017): 373–376.

15. Mirnyi A. N., Murashov V. E., Koretskii V. E. *Gosudarstvennoe upravlenie otkhodami v ramkakh kontseptsii ustoichivogo razvitiia* [State Waste Management within the Concept of Sustainable Development]. Moscow: Akad. kommunal'nogo khoz-va im. K. D. Pamfilova, 2012, 351.

16. Dal Kh. M. Norvezhskii opyt upravleniia otkhodami [Norwegian Experience in Waste Management]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Household Waste*, no. 9 (2008): 70–72.

17. Pavlenkov M. N., Voronin P. M. Vybor strategicheskikh napravlenii kholdinga v sfere utilizatsii otkhodov munitsipal'nogo obrazovaniia [The choice of strategic directions of the holding in the sphere of municipal waste utilization]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*, no. 12 (2014): 149–158.

18. Pavlenkov M. N., Voronin P. M. Osnovnye napravleniia kholdinga v sfere utilizatsii otkhodov [The main directions of the holding in the sphere of waste utilization]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia, razrabotka i primenenie vysokikh tekhnologii v ekonomike, upravlenii proektami, pedagogike, prave, kul'turologii, iazykoznanii, prirodopol'zovanii, biologii, zoologii, khimii, politologii, psikhologii, meditsine, filosofii, filologii, sotsiologii, matematike, tekhnike, fizike, informatike: sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 30–31 ianvaria 2014 g. 2014.* [Fundamental and applied research, development and application of high technologies in economics, project management, pedagogy, law, cultural studies, linguistics, nature management, biology, zoology, chemistry, political science, psychology, medicine, philosophy, philology, sociology, mathematics, engineering, physics, Informatics: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf., January 30-31, 2014.]. Saint-Petersburg: Kul'tInformPress, 2014, 105.

19. Barsola I. S. Strategiia organizatsii kompleksnoi sistemy upravleniia tverdymi bytovymi otkhodami na territorii Krasnodarskogo kraia [Strategy of the organization of an integrated management system for solid domestic wastes in the Krasnodar Territory]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Ekologiia i bezopasnost'zhiznedeiatel'nosti = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Ecology and life safety*, no. 3 (2009): 64–68.

20. Voronin P. M., Maeva L. S. Tipovaia sistema obrashcheniia otkhodov [Typical Waste Treatment System]. *Kontrolling uslug: sbornik nauchnykh trudov VII mezhdunarodnogo kongressa po kontrollingu «Kontrolling uslug». Kaluga, 13–14 maia 2016 g.* [Controlling of services: Proc. VII Intern. congress on controlling «Controlling of services». Kaluga, on May 13–14, 2016]. Kaluga; Moscow, 2016, 59–63.

21. Voronin P. M., Labazova E. V. Monitoring investitsionnoi programmy [Monitoring of the investment program]. *Kontrolling uslug: sbornik nauchnykh trudov VII mezhdunarodnogo kongressa po kontrollingu «Kontrolling uslug». Kaluga, 13–14 maia 2016 g.* [Controlling of services: Proc. VII Intern. congress on controlling «Controlling of services». Kaluga, on May 13–14, 2016]. Kaluga; Moscow, 2016, 56–58.

22. Voronin P. M. Razrabotka i monitoring investitsionnoi programmy v sfere tverdykh kommunal'nykh otkhodov [Development and monitoring of the investment program in the field of solid municipal waste]. *Controlling = Controlling*, no. 64 (2017): 64–70.

23. Pavlenkov M. N., Voronin P. M., Larionov V. G., Pavlenkov I. M. Enterprise development factors control. *European Research Studies Journal*, 20, no. 2 (2017): 309–319.

24. Pavlenkov M. N., Larionov V. G., Voronin P. M. The Method for Evaluation and Selection of Investment Projects in the Field of Municipal Waste Management. *Indian Journal of Science and Technology*, no. 47 (2016): 151–155.

25. Voronin P. M. Mekhanizm sozdaniia sistemy strategicheskogo kontrollinga v upravlenii sferoi tverdykh kommunal'nykh otkhodov munitsipal'nogo obrazovaniia [The mechanism of creating a system of strategic controlling in the management of the sphere of solid municipal waste within a municipal formation]. *Controlling = Controlling,* no. 4 (2016): 66–71.

УДК 332.12

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСУРСНОГО РЕГИОНА И ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Евгения О. Пахомова[1, @1, *]***, Елена С. Каган***[2, @2, *]

[1] *Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000,Россия, г. Кемерово, пр. Советский, 18*
[2] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *epachomova@mail.ru*
[@2] *kaganes@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: ресурсный регион, инструмент развития, институт государственно-частного партнерства, оценка эффективности.

Аннотация: В статье делается попытка установить взаимосвязь между эффективностью института государственно-частного партнерства (ГЧП) и его возможностью выступать инструментом развития ресурсных регионов. Методология проведения исследования включала два этапа. На первом этапе обозначена проблема определения ресурсных регионов и подходы к их выделению. На втором этапе был проведен анализ существующих подходов к оценке института государственно-частного партнерства, вопросу оценки его эффективности. Подходы классифицированы на три группы, выделены основания для проведения оценки, критерии расчетов и алгоритм методики оценки. Третий этап методологии исследования включал применение аппарата теории нечетких множеств для комплексной оценки эффективности института государственно-частного партнерства с позиции снижения ресурсной зависимости регионов. Выявлены 4 кластера, дана их сравнительная характеристика. Показано, что высокие показатели развития нормативной базы и институциональной среды не обеспечивают эффективное развитие института в регионе. Необходим пересмотр первоначальной экспертной оценки критериев, уточнение весов факторов оценки эффективности института ГЧП и повторная кластеризация. Степень развития института ГЧП недостаточна для выявления взаимосвязи со степенью ресурсной зависимости.

Для цитирования: Пахомова Е. О., Каган Е. С. Взаимосвязь развития экономики ресурсного региона и эффективности института государственно-частного партнерства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 140–148. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-140-148.

В России более четверти регионов страны имеют высокую долю добывающих отраслей в структуре ВРП, и их относят к ресурсным регионам. Сосредоточение на территории региона значительных запасов минерально-сырьевых ресурсов, идущих на экспорт, является как источником роста его благосостояния, так и причиной многих проблем. Ресурсная ориентация обеспечивает регионам относительно высокие темпы роста и высокий уровень доходов населения, но блокирует развитие обрабатывающего производства, внутреннего рынка, реплицируя (устойчиво воспроизводя) сырьевую анклавную модель развития («ресурсное проклятие»).

В литературе существует три базовых подхода к выделению ресурсных регионов: на основании оценки обеспеченности территории запасами минерально-сырьевыми ресурсами («ресурсное изобилие») [1]; на основании степени вовлечения запасов минерально-сырьевых ресурсов в хозяйственный оборот и зависимости от этого региональной экономики («ресурсная зависимость») [2]; с позиции описания механизмов устойчивой репликации ресурсной зависимости региона («голландская болезнь», «ресурсное проклятие», «двойственная анклавная экономика» и др.) [3–5]. Представляется, что последний подход является наиболее продуктивным, особенно его микроэкономическое направление, связывающее негативные последствия ресурсной специализации региона с деятельностью крупных сырьевых экстерриториальных вертикально-интегрированных компаний.

В основу статьи положен последний подход и методика, предложенная Е. С. Каган, Е. В. Гоосен к выделению ресурсных регионов. К ним отнесены «регионы, которые в силу географического положения и наличия значительного природно-ресурсного потенциала специализируются на добыче и переработке продукции минерально-сырьевого комплекса, на территории которых базируются крупнейшие сырьевые

**** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20218).***

вертикально-интегрированные компании, ориентированные на экспорт, и определяющие направление и характер развития региональной экономики [6]».

К преимуществам данного подхода можно отнести вовлечение в экономику ресурсного региона организации (компании) как источника изменений региональной экономической политики. Именно отсюда вытекает принципиальная особенность процесса диверсификации экономики: его ярко выраженная динамика, а также активная роль регионального уровня в ее осуществлении. Это означает необходимость создания и развития форм взаимодействия власти и бизнеса не только с целью изменения структуры управления регионом, но и с учетом степени ресурсности каждого региона. Особенности развития экономики ресурсных регионов предполагают не только внедрение механизма государственно-частного партнерства в структуру управления регионом, но и его активное использование для ее диверсификации.

Существует множество определений ГЧП, что не только является отражением различий в научных концепциях и подходах к государственно-частному партнерству, но и связано с многообразием практики реализации проектов в конкретных странах и отраслях [7]. В рамках данной статьи за основу взято наиболее распространенное и наиболее общее определение. Государственно-частное партнерство представляет собой организационное и институциональное объединение государства и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в масштабе всей страны или отдельных территорий [8].

Деятельность института ГЧП охватывает три аспекта:

− проект государственно-частного партнерства;

− формы и механизм государственно-частного партнерства;

− среда функционирования (региональный ГЧП стандарт).

В литературе существует два подхода к оценке эффективности проектов ГЧП: первый – экономический подход, когда эффективность рассчитывается на основе финансовых показателей проекта (разработанные Министерством методические рекомендации); второй подход – когда к количественным расчетам добавляется качественный анализ (Э. Габдуллина, О. Лактюшина, М. Лившиц, Г. Литовка, В. Максимов, Т. Новикова, А. Татаркин).

В основе первого подхода лежат методики оценки инвестиционных проектов, целью которых является привлечение инвестиций, основанные на анализе финансовых показателей проекта. Для расчетов в нем используются только количественные показатели. Так, разработаны методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов и методика оценки эффективности региональных инвестиционных проектов [9; 10]. Методические рекомендации определяют следующие критерии эффективности проекта: коммерческая эффективность проекта, рассчитываемая как суммарная оценка эффективности инвестирования, бюджетных расходов, источники финансирования проекта и общественная значимость проекта. Эффективным признается проект, который соответствует целям и интересам его участников.

Предложенная методика оценки эффективности направлена на оценку уже заявленного / выполняемого проекта. В основе оценки лежит принцип «затраты-выгоды», основанный на соотношении финансовых вложений и получаемых общественных выгод, в данном случае эффективность проекта оценивается с позиции получаемых выгод для общества, проект считается эффективным, если соответствует принципу «без него было бы хуже». В результате ранжирование проектов по показателям не требуется, многоуровневая система оценки показателей позволяет оценить эффективность самого проекта и его влияние на экономику региона, при этом не требуются сравнение между проектами и выбор «лучшего из существующих». Такой подход позволяет отказаться от оценки эффективности, когда существует ряд проектов, и проект, набирающий максимальное количество единиц, признается эффективным. В то же время требуется включение максимального количества финансовых и иных показателей проекта, что не всегда является возможным.

В основе второго подхода к оценке эффективности проектов ГЧП сохраняются количественные методы оценки, и используется анализ качественных показателей с опросом экспертов для принятия решения.

Так, Э. И. Габдуллина предлагает многоуровневый алгоритм оценивания, в котором эффективность включает в себя качественную оценку проекта, качественную оценку выгод для участия в проекте ГЧП обоих участников партнерства и количественную оценку финансовой составляющей проекта [11]. Качественная оценка проводится на основе показателей наличия или отсутствия критерия оценивания. Такой подход позволяет придерживаться принципа затраты-выгоды, при этом делая эту оценку более реальной и приближенной к конкретной территории. Эффективным признается проект, который гарантирует партнерские отношения участникам проекта, финансово обеспечен и приводит к росту экономики региона. Если проект соответствует всем заявленным показателям, он признается эффективным.

На практике оценивание проектов открывает возможность увидеть пробелы, которые мешают развиваться институту ГЧП, проекты различаются между собой эффективностью работы отдельных структур института, в связи с этим оценка проектов должна быть ранжирована по степени эффективности.

Решение названной проблемы предложила О. В. Лактюшкина путем оценивания каждого этапа внутри алгоритма, выявляя эффективность каждого элемента оценивания. Первый этап алгоритма также оценивается качественными оценками, с помощью экспертов, второй этап – это количественная оценка бюджетной и коммерческой эффективности. Если после всех расчетов результат имеет удовлетворительную оценку, то участие сторон эффективно, и весь проект признается эффективным [12]. Такое разделение позволяет сравнить проекты ГЧП между собой и прове-

сти балльно-рейтинговую оценку действующих проектов ГЧП, выявляя «пробелы» механизма и предлагая рекомендации по его усовершенствованию.

Названные методики оценки проектов сводились к подходу ex ante, когда проект оценивался на стадии принятия решения о нем, цель такой методики – оценить проекты, которые будут одобрены или только реализуются.

Подход к оценке проектов ГЧП ex post представлен в работе Д. А. Татаркина, Е. Н. Сидоровой, А. В. Трынова. В основу расчетов положен учет количественных показателей, но эффективность оценивается не расчетом показателей проекта, а расчетом его мультипликативного эффекта для экономики региона. Речь идет об увеличении налоговых поступлений после реализации проекта – косвенные налоговые поступления [13]. Эффективным признается проект, в котором чистый дисконтированный доход больше. Преимуществом данной методики служит возможность оценить влияние проекта ГЧП на экономику региона, т. е. оценивание происходит не с позиции затраты-выгоды. Недостатком предложенной методики является сбор дополнительной информации касательно налоговых поступлений в бюджет области, разделение счетов для вычленения данных о бюджете.

Проблема оценки института ГЧП на основе ГЧП проектов сводится к попытке авторов найти универсальный подход, решение, которое позволит оценить все проекты вне зависимости от их внутреннего содержания и взаимоотношений в регионе.

Оценка эффективности института ГЧП на основе проектов ГЧП нуждается в:

− агрегировании методики, преобразовании наблюдений, содержащих агрегированную информацию в соответствующую группу показателей;

− отказе от построения универсальной методики оценки всех форм взаимодействия в рамках института ГЧП;

− включении институциональной составляющей проекта.

На решение двух последних задач направлены методики оценки института ГЧП, основанные на оценке форм и механизмов реализации проектов ГЧП и институциональной среды.

Исследований по оценке форм и механизмов государственно-частного партнерства немного, большая часть из них носит описательный характер. В основном методика расчетов направлена на анализ сложившейся практики использования ГЧП в регионах. Так, в период до 2015 г. в регионах существовали разные формы ГЧП проектов, которые были обозначены Е. В. Гоосен, как квази-ГЧП проекты [14]. Обе формы оценивались как эффективные, преимущество отдавалось квази-ГЧП проектам как проектам, учитывающим региональную специфику. Оценка проводилась на основе качественных показателей проекта, опросах экспертов. Такая методика основана на принципе уникальности проекта, каждый проект рассматривался самостоятельно, и в ряде случаев относился к лучшим практикам.

Для повышения эффективности функционирования института ГЧП был разработан Министерством экономического развития РФ, Центром развития государственно-частного партнерства и Институтом развития государственно-частного партнерства в 2014 г. региональный ГЧП стандарт. В основу методики оценки были положены качественные показатели, где каждый критерий также корректируется на экспертный коэффициент, характеризующий эффективность.

Ранжирование регионов по выполнению показателей позволило выявить неразвитость институциональной среды в каждом регионе и сформировать рекомендации по ее совершенствованию. Основной причиной неправдоподобной оценки является ограниченное количество данных, а порой и их отсутствие. Собираемую информацию довольно сложно привести к однородному виду. Поэтому переход от универсальной методики к точечной, при этом учитывающей комплекс трех компонентов оценки, является перспективным подходом.

Для комплексной оценки эффективности применения института ГЧП в ресурсных регионах авторами была построена двухуровневая иерархическая модель и апробирована на 23 ресурсных регионах.

На первом уровне были выделены три основные группы критериев:

К1 – нормативно-правовое обеспечение института ГЧП;

К2 – встроенность института ГЧП в институциональную среду региона;

К3 – уровень развития института ГЧП в регионе.

Нормативно-правовое обеспечение института ГЧП показывает степень проработанности региональной нормативно-правовой базы. Совокупность этих норм определяет правила, по которым взаимодействует государство и бизнес в проектах ГЧП. Этот показатель отражает унифицированность правил для всех участников от момента начала взаимодействия до этапа заключения соглашения о ГЧП.

Для оценки степени выраженности компоненты модели «Нормативно-правовое обеспечение института ГЧП» на втором уровне иерархии были введены 6 критериев:

К11 – наличие нормативно-правовых актов, регулирующих функционирование института ГЧП в регионе;

К12 – определение сфер экономики для развития проектов ГЧП в действующих нормативно-правовых актах;

К13 – наличие специализированного (профильного) комитета в законодательном органе власти региона, отвечающего за вопросы развития института ГЧП;

К14 – наличие регионального нормативно-правового акта, регулирующего сферу ГЧП;

К15 – региональный нормативный акт наделяет уполномоченный орган правом заключать соглашения от имени субъекта РФ;

К16 – степень соответствия регионального законодательства федеральному.

Встроенность института ГЧП в институциональную среду региона определяет качество институциональной среды региона и степень ее развития для эффективного функционирования института. Каждый критерий характеризует раскрытие содержания этого понятия. Комплексность достигается за счет включения финансовых

компонентов, профильных организаций, ответственных за развитие именно ГЧП проектов, учета созданных структур для развития ГЧП и разработку формы поддержки института ГЧП, стратегического профиля проектов ГЧП, их соотношения с профилем региона, а также оценки качества проектов ГЧП.

Таким образом, для комплексной оценки степени выраженности компоненты первого уровня модели К2 «Встроенность института ГЧП в институциональную среду региона» была отобрана группа критериев:

К21 – наличие динамики перехода стадий соглашения о ГЧП от инвестиционной к эксплуатационной;

К22 – учет рассредоточенности проектов ГЧП по объектам в регионе;

К23 – наличие финансирования проектов ГЧП в бюджете региона;

К24 – наличие структуры развития института ГЧП в регионе;

К25 – учет механизма развития института ГЧП в регионе;

К26 – степень соотношения направления проектов ГЧП к приоритетным отраслям проектов ГЧП в Стратегии развития региона.

Уровень развития института ГЧП (компонента К3) показывает, насколько институт способен снизить ресурсную зависимость за счет выбора диверсифицированного направления развития экономики региона, отказ от сырьевых отраслей в качестве приоритетных, способность региона к межрегиональному взаимодействию в области совместных проектов. Расчет степени выраженности этой компоненты модели производился на основе оценок по следующей совокупности критериев:

К31 – тип направления проектов ГЧП;

К32 – наличие межрегионального взаимодействия в сфере ГЧП;

К33 – учет типа сферы экономики в качестве приоритетной.

Для оценки степени выраженности на основе экспертного опроса каждому региону по каждому критерию был присвоено значение функции принадлежности, характеризующее степень соответствия заданному терму Т- «соответствует критерию». За точку отсчета оптимального состояния были взяты требования Регионального стандарта ГЧП. В таблице 1 представлены результаты этапа фаззификации для второй группы критериев.

Таблица 1. Результаты этапа фаззификации для второй группы критериев
Table 1. The results of the phase of fuzzification for the second group of criteria

	Регион	к21	к22	к23	к24	к25	к26
1	Ненецкий АО	1	1	0	1	1	1
2	Ханты-Мансийский АО – Югра	0,58	0,75	0	0	0	0
3	Сахалинская область	1	0,67	0	0	0	0
4	Тюменская область	0,75	1	0	0	0	0
5	Ямало-Ненецкий АО	0,6	0,9	0	0	0	0
6	Республика Саха (Якутия)	0,93	1	1	0,4	1	1
7	Чукотский АО	1	1	0	0	0	0
8	Оренбургская область	0,97	1	0	0	0	0
9	Республика Коми	0,38	1	0	0	0	0
10	Томская область	1	1	0	0	0	0
11	Удмуртская Республика	0,95	0,78	0	0	0	0
12	Кемеровская область	0,88	0,32	0	0	1	1
13	Астраханская область	0,68	1	0	0	1	1
14	Иркутская область	1	0,32	0	0	0	0
15	Республика Татарстан	0,99	0,22	0	0	0	0
16	Магаданская область	0,92	0,77	0	0	0	0
17	Красноярский край	0,95	0,9	0	0	0,5	0
18	Пермский край	1	0,92	0	0	0	0
19	Самарская область	0,84	0,95	0	0	0	0
20	Белгородская область	0,5	0,88	0	0	0	0
21	Мурманская область	0,5	1	0	0	0	0
22	Республика Карелия	1	0,88	0	0	0	1
23	Амурская область	0,98	0,87	0	0,2	0	0
	Вес критерия Wij	0,25	0,25	0,25	0,1	0,1	0,05

Интегральные показатели, характеризующие комплексные оценки составляющих первого уровня иерархической модели, представляли собой аддитивные взвешенные оценки соответствующих критериев второго уровня модели (1)–(3).

$$K1 = \sum_{j=1}^{6} W1j \cdot K1j \quad (1);$$

$$K2 = \sum_{j=1}^{9} W2j \cdot K2j \quad (2);$$

$$K3 = \sum_{j=1}^{6} W3j \cdot K3j \quad (3);$$

где W_{ij} – веса, соответствующие компонентам K_{ij}, рассчитанные методом парных сравнений.

Таким образом, для каждого региона были вычислены значения трех показателей: оценки качества нормативной базы, уровня развития институциональной среды и степень развития института ГЧП как инструмента снижения ресурсной зависимости.

На следующем этапе исследования на основе этих показателей было предложено провести кластеризацию с целью выявления особенностей реализации ГЧП проектов с точки зрения степени соответствия Региональному стандарту ГЧП. Для этих целей был применен кластерный анализ, обработка данных осуществлялась в программе Statistica. Кластерный анализ решает задачу построения классификации, то есть разделения исходного множества объектов на группы (классы, кластеры, таксоны). Так как на начальном этапе исследования нет предположения о количестве групп, то целесообразно проведение кластерного анализа осуществлять в два этапа. На первом этапе используется иерархический метод, представляющий результаты анализа в виде дендрограммы. По анализу дендрограммы делается предположение о количестве кластеров. На рис. 1 представлены результаты иерархического кластерного анализа для исследуемой группы ресурсных регионов. В качестве метода присоединения объектов в данной работе используется метод полной связи («дальнего соседа»), в качестве метрики – евклидово расстояние.

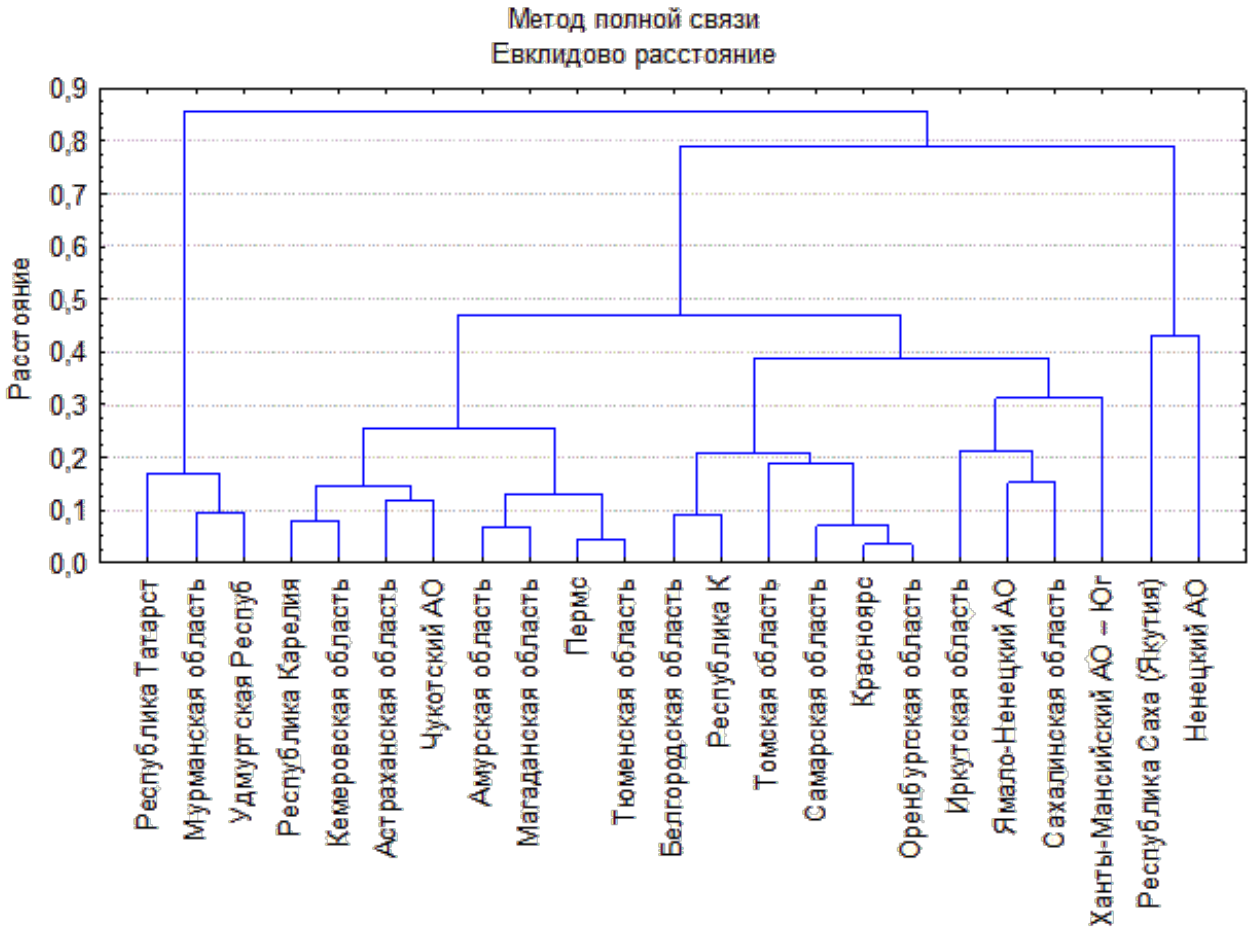

Рис. 1. Дендрограмма исследуемой группы ресурсных регионов
Fig. 1. Dendrogram of the resource regions

Анализ дендрограммы позволяет сделать предположение о наличии четырех кластеров. Для идентификации кластеров на втором этапе кластерного анализа используется метод k-means (анализ *k*-средних). Достоинством метода является возможность графического представления кластеров в виде графика средних значений. На рис. 2 для четырех кластеров представлены графики средних значений по трем показателям: К1 – оценка качества нормативной базы, К2 – уровень развития институциональной среды, К3 – степень

развития института ГЧП как инструмента снижения ресурсной зависимости. В таблице 2 представлена информация о средних значениях показателей и состав кластеров.

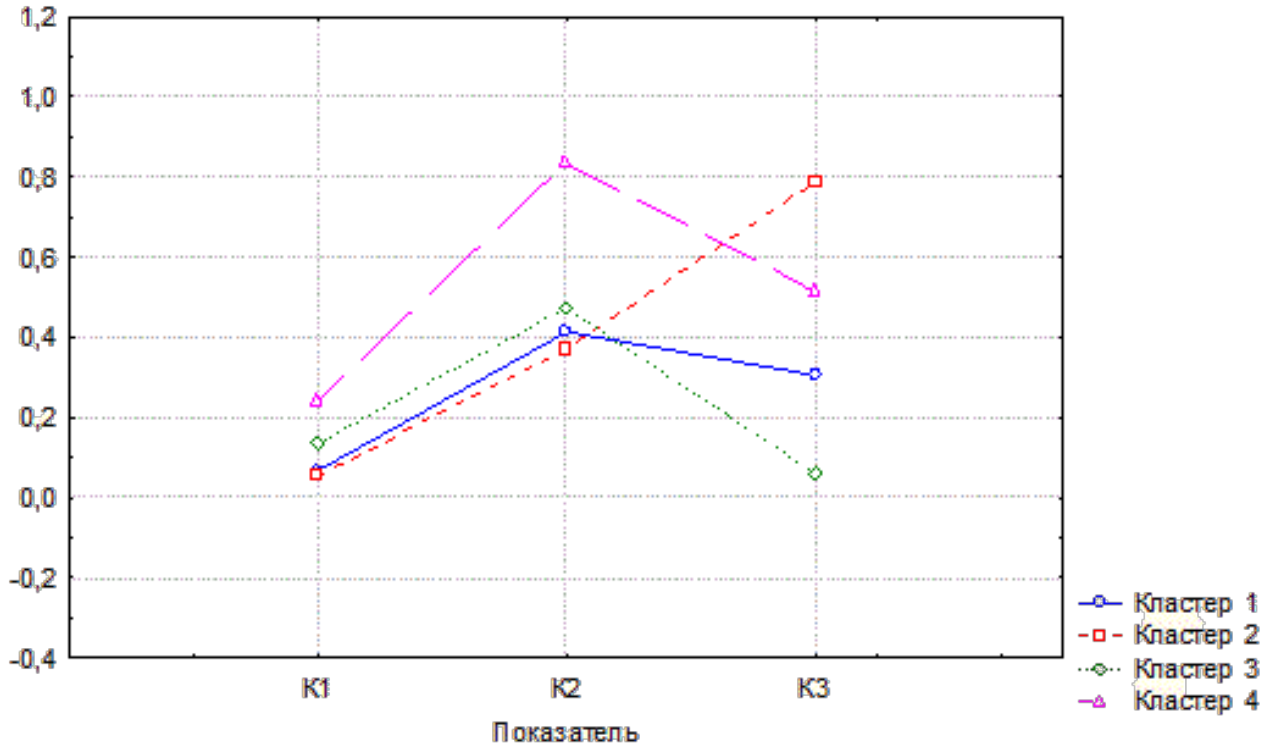

Рис. 2. График средних значений показателей в четырех кластерах
Fig. 2. Graph of average values of indicators in four clusters

Таблица 2. Состав кластеров
Table 2. Composition of clusters

Кластер											
№1			№ 2			№ 3			№ 4		
К1	К 2	К 3	К1	К 2	К 3	К1	К 2	К 3	К1	К 2	К 3
0,07	0,41	0,31	0,05	0,37	0,79	0,13	0,47	0,06	0,24	0,84	0,51
Состав кластера			Состав кластера			Состав кластера			Состав кластера		
Ханты-Мансийский АО – Югра; Сахалинская область; Оренбургская область; Республика Коми; Томская область; Иркутская область; Красноярский край; Самарская область; Белгородская область			Удмуртская Республика; Республика Татарстан; Мурманская область			Тюменская область; Ямало-Ненецкий АО; Чукотский АО; Кемеровская область; Астраханская область; Магаданская область; Пермский край; Республика Карелия; Амурская область			Ненецкий АО; Республика Саха (Якутия)		

Анализ результатов, представленных в таблице 2, позволяет сделать следующие выводы. Так, первый кластер характеризуется низким качеством нормативно-правовой базы (менее 0,2), качеством институциональной среды и уровнем развития института ГЧП ниже среднего. В составе данного кластера 9 регионов. Степень эффективности института ГЧП в этом кластере низкая, что позволяет предположить, что предпосылок для использования ГЧП в качестве инструмента снятия ресурсной зависимости недостаточно.

Во второй кластер попали регионы, где степень проработанности нормативно-правовых актов низкая, тем не менее уровень развития института ГЧП высокий. Можно предположить, что развитие проектов ГЧП обеспечивается за счет механизмов и структур

функционирования института ГЧП, т. е. нормативная база слабая, но созданы структуры, развивающие сами проекты ГЧП, что позволяет использовать институт ГЧП для снижения ресурсной зависимости и диверсификации экономики. Вероятно, одним из способов достижения этого является направление выбора заключения соглашений о ГЧП, ориентация самого региона на нересурсное развитие и характер межрегиональной открытости для бизнеса.

Третий кластер составили 9 регионов, где качество институциональной среды на высоком уровне – показатель выше 0,5, а два другие фактора характеризует неразвитость оставшихся компонентов. В этих регионах создана организация для развития ГЧП проектов, приняты программы или стратегии для их принятия, но развитие института ГЧП остается на низком уровне.

Самый немногочисленный кластер – четвертый, имеет схожую картину с третьим кластером. ГЧП проекты созданы и реализуются, но в ресурсном секторе. Приоритетные отрасли экономики располагаются в ресурсных и перерабатывающих отраслях, в них же заключаются проекты ГЧП, которые и обеспечивают экономический прирост. В этом кластере третий фактор составил 0,5, что позволяет говорить о том, что при изменении Стратегии развития региона и усовершенствовании нормативной базы, институт ГЧП способен снизить ресурсную зависимость региона.

В целом анализ показал, что требуется пересмотр первоначальной экспертной оценки критериев, уточнение весов факторов оценки эффективности института ГЧП и повторная кластеризация ресурсной регионов для предложения методических рекомендаций по снижению ресурсной зависимости и превращению института ГЧП в инструмент развития. В настоящее время степень развития института ГЧП не достаточна для выявления взаимосвязи со степенью ресурсной зависимости.

Литература

1. Kunte A., Hamilton K., Dixon J., Clemens M. Estimating National Wealth: Methodology and Results: WB Environmental Department Paper. 1998. № 57.

2. Latsis O. Dutch Disease Hits Russia // Moscow News. June 8–14. 2005.

3. Sachs J., Warner A. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper. № W5398. December 1995. P. 22–23.

4. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.

5. Goosen E. V., Sablin K. S. Global Value Chains and Search for New Ways to Develop Resource-Type Regions // Advances in Economics, Business and Management Research. 2017. November. Vol. 38. P. 569–574 doi:10.2991/ttiess-17.2017.93.

6. Каган Е. С., Гоосен Е. В. К вопросу об идентификации регионов ресурсного типа // Институциональная трансформация экономики: пространство и время. Сборник докладов V Международной научной конференции: в 2-х томах. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. С. 57–64.

7. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: мировой опыт и перспективы России / под ред. Р. М. Нижегородцева, С. М. Никитенко, Е. В. Гоосен. Кемерово: Сибирская издательская группа, 2012. 482 с.

8. Состояние и перспективы развития проектов государственно-частного партнерства в контексте комплексного освоения недр / под редакцией А. Э. Конторовича, С. М. Никитенко, Е. В. Гоосен. Москва-Кемерово: Сибирская издательская группа, 2015. 331 с.

9. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов, утвержденные Минэкономики РФ, Минфином РФ и Госстроем РФ от 21.06.1999 г. № ВК 477.

10. Об утверждении Методики расчета показателей и применения критериев эффективности региональных инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной поддержки за счет бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации. Приказ Минрегиона РФ от 30.10.2009 № 493.

11. Габдуллина Э. И. Оценка эффективности проектов ГЧП как механизма взаимодействия власти и бизнеса в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 313.

12. Лактюшина О. В. Формирование организационно-экономического механизма государственно-частного партнерства в сфере услуг (на примере Брянской области): автореферат дис. … канд. экон. наук. СПб., 2011. 22 с.

13. Татаркин Д. А., Сидорова Е. Н., Трынов А. В. Методические основы оценки мультипликативных эффектов от реализации общественно значимых инвестиционных проектов // Вестник УрФУ. Серия: экономика и управление. 2015. № 4. С. 574–587.

14. Гоосен Е. В., Никитенко С. М., Пахомова Е. О. Опыт реализации проектов ГЧП в России // ЭКО. 2015. № 2. С. 163–175.

INTERDEPENDENCE BETWEEN THE ECONOMIC DEVELOPMENT AND THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN A RESOURCE REGION

***Evgeniya O. Pakhomova*[1, @1, *], *Elena S. Kagan*[2, @2, *]**

[1] *Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetskiy Ave., Kemerovo, Russia, 650000*
[2] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *epachomova@mail.ru*
[@2] *kaganes@mail.ru*

Received 21.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: resource region, development, public-private partnership institution, efficiency.

Abstract: The authors make an attempt to establish a relationship between the effectiveness of the institution of public-private partnership (PPP) and its ability to act as a development tool for resource regions. The methodology of the study included two stages. At the first stage, the problem of determining the resource regions and the approaches to their identification were outlined. The second stage involved an analysis of existing approaches to the evaluation of the PPP institution and the issue of assessing its effectiveness. The approaches have been classified into three groups; assessment basis, calculation criteria and algorithm for the evaluation methodology have been identified. At the third stage, the authors used the theory of fuzzy sets for a comprehensive assessment of the effectiveness of the PPP institution from the perspective of reducing the resource dependence of regions. Four clusters have been revealed, their comparative characteristics are given in the article. It is shown that high indicators of the development of the regulatory framework and the institutional environment do not ensure the effective development of the institute in the region. It is necessary to revise the initial expert evaluation of the criteria, refine the weights of PPP performance assessment factors, and re-clustering. The degree of development of the PPP institution is not sufficient to reveal the relationship with the degree of resource dependence.

For citation: Pakhomova E. O., Kagan E. S. Vzaimosviaz' razvitiia ekonomiki resursnogo regiona i effektivnosti instituta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Interdependence between the Economic Development and the Effectiveness of Public-Private Partnership in a Resource Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 140–148. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-140-148.

References

1. Kunte A., Hamilton K., Dixon J., Clemens M. Estimating National Wealth: Methodology and Results. *WB Environmental Department Paper*, no. 57 (1998).
2. Latsis O. Dutch Disease Hits Russia. *Moscow News*. June 8–14. 2005.
3. Sachs J., Warner A. Natural Resource Abundance and Economic Growth. *NBER Working Pape*r, December, no. W5398 (1995): 22–23.
4. *Resursnye regiony Rossii v «novoi real'nosti»* [Resource Regions of Russia in the «New Reality»]. Ed. Kuleshov V. V. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2017, 308.
5. Goosen E. V., Sablin K. S. Global Value Chains and Search for New Ways to Develop Resource-Type Regions. *Advances in Economics, Business and Management Research*, November, 38 (2017): 569–574. doi: 10.2991 / ttiess-17.2017.93.
6. Kagan E. S., Goosen E. V. K voprosu ob identifikatsii regionov resursnogo tipa [To the question of identification of resource-type regions]. *Institutsional'naia transformatsiia ekonomiki: prostranstvo i vremia. Sbornik dokladov V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Institutional transformation of the economy: space and time: Proc. V Intern. Sc. Conf.]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2017, 57–64.
7. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovatsionnoi sfere: mirovoi opyt i perspektivy Rossii* [Public-private partnership in the innovation sphere: the world experience and prospects of Russia]. Ed. Nizhegorodtsev R. M., Nikitenko S. M., Goosen E. V. Kemerovo: Sibirskaia izdatel'skaia gruppa, 2012, 482.
8. *Sostoianie i perspektivy razvitiia proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v kontekste kompleksnogo osvoeniia nedr* [Status and prospects of development of public-private partnership projects in the context of integrated development of subsoil resources]. Ed. Kontorovich A. E., Nikitenko S. M., Goosen E. V. Moscow-Kemerovo: Sibirskaia izdatel'skaia gruppa, 2015, 331.

**** The study has been supported by the Russian Science Foundation (project No. 17-78-20218).***

9. *Metodicheskie rekomendatsii po otsenke effektivnosti investitsionnykh proektov, utverzhdennye Minekonomiki RF, Minfinom RF i Gosstroem RF ot 21.06.1999 g. № VK 477* [Methodical recommendations for assessing the effectiveness of investment projects, approved by the Ministry of Economics of the Russian Federation, the Ministry of Finance of the Russian Federation and Gosstroy RF from 21.06.1999, No. VK 477].

10. *Ob utverzhdenii Metodiki rascheta pokazatelei i primeneniia kriteriev effektivnosti regional'nykh investitsionnykh proektov, pretenduiushchikh na poluchenie gosudarstvennoi podderzhki za schet biudzhetnykh assignovanii Investitsionnogo fonda Rossiiskoi Federatsii* [On the approval of the methodology for calculating indicators and applying the criteria for the effectiveness of regional investment projects that claim to receive state support from the budgetary appropriations of the Investment Fund of the Russian Federation]. Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation of October 30, 2009, No. 493.

11. Gabdullina E. I. Otsenka effektivnosti proektov GChP kak mekhanizma vzaimodeistviia vlasti i biznesa v regione [Evaluation of the effectiveness of public-private partnership projects as a mechanism for interaction of power and business in the region]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education,* no. 2 (2012): 313.

12. Laktiushina O. V. *Formirovanie organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere uslug (na primere Brianskoi oblasti)*. Avtoref. diss. kand. econ. nauk [Formation of the organizational and economic mechanism of public-private partnership in the sphere of services (the case of the Bryansk region). Cand. econ. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2011, 22.

13. Tatarkin D. A., Sidorova E. N., Trynov A. V. Metodicheskie osnovy otsenki mul'tiplikativnykh effektov ot realizatsii obshchestvenno znachimykh investitsionnykh proektov [Methodical bases of an estimation of multiplicative effects from realization of socially significant investment projects]. *Vestnik UrFU. Seriia: ekonomika i upravlenie = Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management*, no. 4 (2015): 574–587.

14. Goosen E. V., Nikitenko S. M., Pakhomova E. O. Opyt realizatsii proektov GChP v Rossii [Experience in implementing public-private partnership projects in Russia]. *EKO = ECO*, no. 2 (2015): 163–175.

УДК 338.45

О РАЗРАБОТКЕ ТИПОВЫХ МОДЕЛЕЙ (РЕКОМЕНДАЦИЙ) РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ С ВЫСОКОЙ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Мария В. Пигунова[1, @]

[1] *Воронежский государственный университет инженерных технологий, 394036, Россия, г. Воронеж, пр. Революции, 19*
[@] *mpigunova@govvrn.ru*

Поступила в редакцию 08.12.2017. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: промышленность, стратегическое планирование, механизмы стимулирования, территориальное развитие промышленности.

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы стратегического планирования промышленного развития отдельных территорий с высокой концентрацией промышленного потенциала. Автором исследована роль региональных органов власти в оказании методологической поддержки органам местного самоуправления в разработке документов стратегического планирования в сфере промышленности путем разработки типовых моделей (рекомендаций) развития отдельных территорий. Выявлены особенности целеполагания в сфере промышленной политики и определения механизмов стимулирования деятельности промышленных предприятий на региональном и местном уровнях. На основе предложенной системы показателей определены типы экономики муниципальных образований (на примере Воронежской области), охарактеризован их промышленный потенциал, даны рекомендации по стимулированию деятельности в сфере промышленности отдельных муниципальных образований Воронежской области. Сделаны выводы о необходимости обеспечения координации при разработке документов стратегического планирования в сфере промышленного развития на всех уровнях государственного (федерального, регионального) и муниципального управления, об актуальности задач по стандартизации региональной промышленной политики и обеспечению комплексного подхода к рассмотрению ее территориальных аспектов.

Для цитирования: Пигунова М. В. О разработке типовых моделей (рекомендаций) развития отдельных территорий с высокой концентрацией промышленного потенциала // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 149–156. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-149-156.

Одним из принципов промышленной политики, установленным статей 3 Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон), является координация мер стимулирования деятельности в сфере промышленности, осуществляемых:

− органами государственной власти Российской Федерации,

− органами государственной власти субъектов Российской Федерации,

− органами местного самоуправления.

Органы местного самоуправления являются участниками формирования промышленной политики и ее реализации, наряду с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, субъектами деятельности в сфере промышленности, организациями, входящими в состав инфраструктуры поддержки указанной деятельности [1–3].

Органы местного самоуправления вправе осуществлять меры стимулирования деятельности в сфере промышленности на территориях муниципальных образований в соответствии с Федеральным законом, законами субъектов Российской Федерации и уставами муниципальных образований. Меры стимулирования могут реализовываться за счет доходов местных бюджетов, за исключением межбюджетных трансфертов, предоставленных из бюджетной системы Российской Федерации, и поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений [2; 3].

В то же время Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не предусматривает в числе вопросов местного значения создание условий для развития промышленного производства или решение каких-либо других вопросов в сфере промышленности [4]. Это затрудняет разработку и принятие муниципальных правовых актов по вопросам содействия в развитии (стимулирования на местном уровне) промышленных производств. Данную проблематику следует рассматривать в контексте решения задач по стандартизации региональной промышленной политики (в качестве одного из территориальных аспектов) [5–8, с. 39–40; 9].

Примеры отражения вопросов стимулирования деятельности в сфере промышленности в уставах муниципальных образований субъектов Российской Федерации приведены в таблице 1. (Таблица составлена (разработана) автором при поддержке информационно-справочной системы «КонсультантПлюс: Регион»).

Изменения, связанные со вступлением в силу 30 июня 2015 г. Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», наиболее полно отражены в Уставах городского округа города Рязань и города Владивосток. Оказание содействия и поддержки развитию промышленности предусмотрено уставами муниципальных образований городских округов на территории Республики Коми. В Уставе города Тобольска (Тюменская область) отражены полномочия администрации города по разработке и реализации программ развития промышленности. Вопросы непосредственного или косвенного стимулирования развития предприятий промышленных производств содержатся в уставах муниципальных образований Ярославской, Псковской областей, Забайкальского края, Ямало-Ненецкого

Таблица 1. Лучшая практика отражения вопросов стимулирования деятельности в сфере промышленности в уставах муниципальных образований на территории субъектов Российской Федерации
Table 1. The best practice of activity stimulation in the industrial sphere in charters of municipal units on the territory of territorial subjects of the Russian Federation

Субъекты Российской Федерации	Вопросы стимулирования деятельности в сфере промышленности
Рязанская область Устав муниципального образования – городской округ город Рязань	Статья 60.1. Осуществление мер стимулирования деятельности в сфере промышленности на территории муниципального образования – город Рязань.
Приморский край Устав города Владивостока	Статья 5.1. Вопросы, не отнесенные к вопросам местного значения города Владивостока, решение которых осуществляется органами местного самоуправления города Владивостока: осуществление мер стимулирования деятельности в сфере промышленности на территории города Владивостока.
Республика Коми Устав муниципального образования городского округа «Сыктывкар», Устав муниципального образования городского округа «Вуктыл»	В сфере осуществления исполнительно-распорядительной деятельности администрации городского округа глава городского округа – руководитель администрации – оказывает содействие и поддержку развитию промышленности городского округа.
Тюменская область Устав города Тобольска	Полномочия Администрации города Тобольска в области экономического планирования и прогнозирования, поддержки малого и среднего предпринимательства: − разрабатывает и реализует программы развития промышленности, − согласовывает размещение объектов промышленности.
Забайкальский край Устав муниципального района «Балейский район»	Полномочия администрации муниципального района по решению вопросов местного значения (в области социально-экономического развития муниципального района, бюджета, финансов и учета): содействует эффективному взаимодействию научного и промышленного потенциалов муниципального района, направленных на повышение эффективности действующих предприятий, созданию новых, на производство конкурентоспособной продукции.
Псковская область Устав муниципального образования «Дедовичский район», Устав муниципального образования «Локнянский район»	Статья 65. Отношения органов местного самоуправления с предприятиями, учреждениями и организациями, не находящимися в муниципальной собственности. Органы местного самоуправления района в соответствии с законодательством вправе: − координировать деятельность предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории района, в комплексном социально-экономическом развитии района; − содействовать созданию на территории района предприятий различных форм собственности, занятых обслуживанием населения и промышленным производством.

Субъекты Российской Федерации	Вопросы стимулирования деятельности в сфере промышленности
Ярославская область Устав муниципального образования «Ярославский муниципальный район»	Администрация района реализует следующие полномочия по решению вопросов местного значения (в области архитектуры и строительства, транспорта и связи): привлекает на договорной основе предприятия к участию в развитии мощностей строительной индустрии и промышленности строительных материалов для производства работ на территории района.
Ямало-Ненецкий автономный округ Устав муниципального образования город Ноябрьск	Полномочия Администрации города в сфере отношений недропользования и использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов: обеспечивает развитие минерально-сырьевой базы для предприятий местной промышленности.

и Ханты-Мансийского автономных округов. Наличие на территории муниципального образования стабильно работающих промышленных предприятий с высокопроизводительными рабочими местами является гарантией эффективного решения вопросов занятости, стабилизации численности и роста доходов населения, способствует миграционному приросту.

Предприятия промышленности вносят значительный вклад в формирование наиболее значимого для местных бюджетов налога на доходы физических лиц, а также поступлений от местных налогов (на территории Воронежской области их вклад составляет, соответственно, 21,9 % и 13,5 % по итогам 2016 г.).

С учетом заинтересованности органов местного самоуправления в фактическом увеличении собственных доходов бюджета муниципального образования, основным источником которых являются налоговые поступления от субъектов предпринимательства, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования, в том числе в сфере промышленности, разработаны типовые модели (рекомендации) стимулирования промышленного развития отдельных территорий.

Данные рекомендации могут применяться органами местного самоуправления при разработке документов стратегического планирования и мер стимулирования деятельности в сфере промышленности на территориях муниципальных образований.

Стимулирование деятельности в сфере промышленности осуществляется путем [1–3]:

1) предоставления следующих видов поддержки:

− финансовой (в форме субсидий, налоговых льгот, займов и др.),

− информационно-консультационной,

− поддержки научно-технической деятельности и инновационной деятельности в сфере промышленности,

− поддержки развития кадрового потенциала,

− поддержки внешнеэкономической деятельности;

2) предоставления государственных и муниципальных преференций;

3) предоставления иных мер поддержки, установленных федеральным законодательством, законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований.

В последние годы на региональном и местном уровнях возрастает значимость нефинансовых мер поддержки, в их числе [2; 3]:

− информационно-консультационная, методическая поддержка, оказываемая уполномоченными органами в сфере промышленности промышленным предприятиям, осуществляющим деятельность на территории муниципального образования (в частности информирование о мерах стимулирования, действующих на федеральном и региональном уровнях);

− создание условий для кооперации и координации деятельности промышленных предприятий с научными, образовательными организациями, для развития процессов кластеризации в сфере промышленности;

− стимулирование спроса на продукцию местных промышленных производителей, в том числе через систему закупок для государственных и муниципальных нужд;

− формирование органами местного самоуправления инициатив, как правило, в партнерстве с частными промышленными организациями по созданию (развитию) промышленной инфраструктуры и (или) инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности, малого и среднего предпринимательства (индустриальных (промышленных) парков, технопарков, промышленных кластеров, инжиниринговых центров) при поддержке федерального бюджета.

Определение приоритетных направлений стимулирования деятельности в сфере промышленности на местном уровне зависит от промышленного потенциала муниципального образования и отраслевой специализации промышленных предприятий, осуществляющих деятельность на его территории (таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Рекомендации по стимулированию деятельности в сфере промышленности на местном уровне
Table 2. Recommendations about stimulation of activity in the sphere of the industry at the local level

Нормативно-правовое регулирование. Приоритетные меры стимулирования	Тип экономики муниципального образования (МО)
Отражение в Уставах муниципальных образований изменений, связанных с реализацией Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»	Аграрно-индустриальный; Индустриально-аграрный; Индустриальный
Разработка и реализация документов стратегического планирования в сфере промышленности	Индустриальный
Информирование о мерах стимулирования, действующих на федеральном и региональном уровнях	Аграрно-индустриальный; Индустриально-аграрный; Индустриальный
Создание условий для кооперации и координации деятельности промышленных предприятий с научными, образовательными организациями, для развития процессов кластеризации в сфере промышленности	Аграрно-индустриальный; Индустриально-аграрный; Индустриальный
Стимулирование спроса на продукцию местных промышленных производителей, в том числе через систему закупок для государственных и муниципальных нужд	Аграрно-индустриальный; Индустриально-аграрный; Индустриальный
Формирование инициатив по созданию (развитию) промышленной инфраструктуры и (или) инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности, малого и среднего предпринимательства при поддержке федерального и регионального бюджета	Индустриально-аграрный; Индустриальный

Таблица 3. Характеристика промышленного потенциала отдельных муниципальных образований Воронежской области [10; 11]
Table 3. Characteristic of industrial capacity of separate municipal units in the Voronezh region [10; 11]

Муниципальные образования (МО), расположенные на территории области	Удельный вес промышленных видов деятельности в обороте организаций МО, %	Удельный вес МО в областном показателе «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)» по промышленным видам деятельности, %	Отраслевая специализация обрабатывающих промышленных предприятий, наличие высокотехнологичных производств (ВТП), добывающей промышленности, крупных энерго- и ресурсоснабжающих предприятий	Тип экономики МО (преимущественно аграрный, аграрно-индустриальный, индустриально-аграрный, преимущественно индустриальный)
Муниципальные районы				
Аннинский	47	1,66	Производство пищевых продуктов	Аграрно-индустриальный
Бобровский	64,31	3,74	Производство пищевых продуктов; Деревообрабатывающее производство; Машиностроение (ВТП) (в перспективе реализуется крупный инвестиционный проект)	Индустриально-аграрный
Бутурлиновский	58,5	0,93	Производство пищевых продуктов	Аграрно-индустриальный
Верхнехавский	81,56	3,02	Производство пищевых продуктов; Производство строительных материалов	Индустриально-аграрный

Муниципальные образования (МО), расположенные на территории области	Удельный вес промышленных видов деятельности в обороте организаций МО, %	Удельный вес МО в областном показателе «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)» по промышленным видам деятельности, %	Отраслевая специализация обрабатывающих промышленных предприятий, наличие высокотехнологичных производств (ВТП), добывающей промышленности, крупных энерго- и ресурсоснабжающих предприятий	Тип экономики МО (преимущественно аграрный, аграрно-индустриальный, индустриально-аграрный, преимущественно индустриальный)
Грибановский	55,54	1,31	Машиностроение (ВТП); Производство пищевых продуктов	Индустриально-аграрный
Калачеевский	15,81	1,52	Добыча полезных ископаемых; Производство пищевых продуктов	Аграрно-индустриальный
Кантемировский	12,8	0,22	Добыча полезных ископаемых; Машиностроение (ВТП)	Аграрно-индустриальный
Лискинский	45,3	6,46	Добыча полезных ископаемых; Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; Машиностроение (ВТП); Производство строительных материалов; Производство пищевых продуктов	Индустриально-аграрный
Новоусманский	32,17	1,15	Производство пищевых продуктов; Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (ВТП); Производство строительных материалов	Аграрно-индустриальный
Новохоперский	71,84	1,6	Добыча полезных ископаемых; Производство пищевых продуктов; Производство прочих готовых изделий	Аграрно-индустриальный
Острогожский	16,73	0,59	Добыча полезных ископаемых; Производство пищевых продуктов; Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (ВТП); Машиностроение (ВТП); Производство прочих готовых изделий	Аграрно-индустриальный
Панинский	55,7	0,57	Производство пищевых продуктов; Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	Аграрно-индустриальный
Поворинский	65,07	0,7	Производство пищевых продуктов; Машиностроение (ВТП)	Индустриально-аграрный
Рамонский	29,31	3,44	Производство пищевых продуктов; Производство резиновых и пластмассовых изделий	Аграрно-индустриальный
Россошанский	67,58	10,26	Химическая промышленность (ВТП); Производство резиновых и пластмассовых изделий; Производство пищевых продуктов; Производство строительных материалов	Индустриально-аграрный

Муниципальные образования (МО), расположенные на территории области	Удельный вес промышленных видов деятельности в обороте организаций МО, %	Удельный вес МО в областном показателе «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)» по промышленным видам деятельности, %	Отраслевая специализация обрабатывающих промышленных предприятий, наличие высокотехнологичных производств (ВТП), добывающей промышленности, крупных энерго- и ресурсоснабжающих предприятий	Тип экономики МО (преимущественно аграрный, аграрно-индустриальный, индустриально-аграрный, преимущественно индустриальный)
Семилукский	35,71	1,26	Добыча полезных ископаемых; Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; Производство строительных материалов; Деревообрабатывающее производство	Индустриально-аграрный
Таловский	1,42	0,14		Аграрный
Эртильский	78,44	2,77	Производство пищевых продуктов; Машиностроение (ВТП)	Индустриально-аграрный
Городские округа				
Борисоглебский	56,67	3,63	Машиностроение (ВТП); Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (ВТП); Легкая промышленность; Производство строительных материалов; Производство пищевых продуктов	Индустриально-аграрный
город Нововоронеж	72,37	6,4	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; Производство пищевых продуктов; Производство готовых металлических изделий; Ремонт машин и оборудования	Индустриальный
город Воронеж	39,65	36,41	Машиностроение (ВТП); Транспортное машиностроение, в том числе авиастроение (ВТП); Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (ВТП); Химическая промышленность (ВТП); Производство резиновых и пластмассовых изделий; Производство строительных материалов; Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; Легкая промышленность; Мебельная промышленность; Производство пищевых продуктов; Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Индустриальный

Определение типа экономики муниципального образования (таблица 3) произведено с учетом:

− удельного веса промышленных видов деятельности в обороте организаций муниципального образования [11, с. 3; 1, с. 4–19];

− удельного веса муниципального образования в областном показателе «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), по промышленным видам деятельности («Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды») [10, с. 8–20];

− отраслевой структуры промышленности на территории муниципального образования (наличие предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, высокотехнологичных промышленных производств и др.).

Таким образом, разработанные типовые модели (рекомендации) промышленного развития отдельных территорий являются актуальными для муниципальных районов, городских округов. Они могут использоваться:

− для подготовки предложений, направленных на стимулирование промышленной деятельности, в зависимости от уровня концентрации промышленного потенциала на территории отдельных муниципальных образований Воронежской области и других субъектов Российской Федерации;

− для рассмотрения территориальных аспектов стандартизации региональной промышленной политики;

− для определения стратегических направлений территориального развития промышленности с позиций кластерного подхода и выявления перспектив межрегионального взаимодействия (например, при принятии решений о создании межрегиональных промышленных кластеров).

Литература

1. Дидикин А. Б., Юдкин А. В. Закон о промышленной политике в России. Экспертный комментарий. М.: Фонд «СЭЦ «Модернизация», 2015. 40 с.

2. О промышленной политике в Воронежской области. Закон Воронежской области от 05.05.2015 № 47-ОЗ // Портал Воронежской области. Режим доступа: http://pravo.govvrn.ru/?q=node/4093 (дата обращения: 06.05.2015).

3. О промышленной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.01.2015. № 1. Ч. I. Ст. 41.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

5. Воробьева Н. А. Формирование и реализация промышленной политики в российской многоуровневой экономике: монография. М-во образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный ун-т, Шк. экономики и менеджмента. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2015. 175 с.

6. Газимагомедов Р. К. Современная региональная промышленная политика: кластерный подход. Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2005. 217 с.

7. Евсеев В. О., Скрыль Т. В., Шавина Е. В., Осипов В. С., Невская Н. А. Промышленная политика России. Политэкономические и региональные аспекты. М.: Инфра-М, 2016. 192 с.

8. Пигунова М. В. Исследование проблем стандартизации региональной промышленной политики // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 7-1. С. 37–41.

9. Пигунова М. В. Стратегическое управление сбалансированным инвестиционным и инновационным развитием обрабатывающей промышленности региона: монография. М.: Мир науки, 2017. 148 с. Режим доступа: http://izd-mn.com/PDF/23MNNPM17.pdf (дата обращения: 01.12.2017).

10. Основные показатели промышленного производства районов Воронежской области за январь-декабрь 2016 года. Статистический бюллетень. Воронеж: Воронежстат, 2017. 34 с.

11. Социально-экономическое положение районов Воронежской области, январь-декабрь 2016 года. Статистический бюллетень. Воронеж: Воронежстат, 2017. 59 с.

STANDARD MODELS (RECOMMENDATIONS) OF DEVELOPMENT FOR TERRITORIES WITH HIGH CONCENTRATION OF INDUSTRIAL POTENTIAL

Maria V. Pigunova[1, @]

[1] *Voronezh State University of Engineering Technologies, 19, Revolution Ave., Voronezh, Russia, 394036*
[@] *mpigunova@govvrn.ru*

Received 08.12.2017. Accepted 17.04.2018.

Keywords: industry, strategic planning, stimulation mechanisms, territorial development of the industry.

Abstract: The paper features some topical issues of industrial development strategic planning for territories with high concentration of industrial potential. The author has investigated a role of regional authorities in rendering methodological support to local governments in development of documents of strategic planning in the sphere of the industry: as a result, standard models (recommendations) of development have been defined for certain territories. The research has revealed some features of goal-setting in the sphere of industrial policy and definition of mechanisms of activity stimulation at industrial enterprises on the regional and local levels. This system of indicators allows one to identify types of economy of municipal units (as in the case of the Voronezh region), to characterize their industrial potential, and to give recommendations on stimulation of activity in the sphere of the industry of separate municipal units in the Voronezh region. The author concludes that there is a strong need for coordination when developing strategic planning documents in the sphere of industrial development on the levels of state (federal, regional) and municipal management. Moreover, the author stresses the importance of the regional industrial policy standardization and integrated approach to consideration of territorial aspects.

For citation: Pigunova M. V. O razrabotke tipovykh modelei (rekomendatsii) razvitiia otdel'nykh territorii s vysokoi kontsentratsiei promyshlennogo potentsiala [Standard Models (Recommendations) of Development for Territories with High Concentration of Industrial Potential]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 149–156. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-149-156.

References

1. Didikin A. B., Iudkin A. V. *Zakon o promyshlennoi politike v Rossii. Ekspertnyi kommentarii* [Law on Industrial Policy in. Expert commentary]. Moscow: Fond «SETs «Modernizatsiia», 2015, 40.
2. *O promyshlennoi politike v Voronezhskoi oblasti* [About industrial policy in the Voronezh region]. Law of the Voronezh region of 05.05.2015 No. 47-OZ. Available at: http://pravo.govvrn.ru/?q=node/4093 (accessed 06.05.2015).
3. *O promyshlennoi politike v Rossiiskoi Federatsii. Federal'nyi zakon ot 31.12.2014 № 488-FZ* [On industrial policy in the Russian Federation. Federal Law of December 31, 2014, No. 488-FZ]. Sobranie zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation, part I, no. 1 (05.01.2015): art. 41.
4. *Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniia v Rossiiskoi Federatsii. Federal'nyi zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ* [On the general principles of the organization of local government in the Russian Federation. Federal Law of October 6, 2003, No. 131-FZ]. Sobranie zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation, no. 40 (06.10.2003): art. 3822.
5. Vorobeva N. A. *Formirovanie i realizatsiia promyshlennoi politiki v rossiiskoi mnogourovnevoi ekonomike* [Formation and implementation of industrial policy in the Russian multi-level economy]. Vladivostok: Dal'nevostochnyi federal'nyi un-t, 2015, 175.
6. Gazimagomedov R. K. *Sovremennaia regional'naia promyshlennaia politika: klasternyi podkhod* [Modern regional industrial policy: cluster approach]. Moscow: IMEMO RAN, 2005, 217.
7. Evseev V. O., Skryl T. V., Shavina E. V., Osipov V. S., Nevskaya N. A. *Promyshlennaia politika Rossii. Politekonomicheskie i regional'nye aspekty* [Industrial policy of Russia: political economic and regional aspects]. Moscow: Infra-M, 2016, 192.
8. Pigunova M. V. Issledovanie problem standartizatsii regional'noi promyshlennoi politiki [Study of standardization problems in regional industrial policy]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, no. 7-1 (2017): 37–41.
9. Pigunova M. V. *Strategicheskoe upravlenie sbalansirovannym investitsionnym i innovatsionnym razvitiem obrabatyvaiushchei promyshlennosti regiona* [Strategic management of balanced investment and innovative development of manufacturing industry in the region]. Moscow: Mir nauki, 2017, 148. Available at: http://izd-mn.com/PDF/23MNNPM17.pdf (accessed 01.12.2017).
10. *Osnovnye pokazateli promyshlennogo proizvodstva raionov Voronezhskoi oblasti za ianvar'-dekabr' 2016 goda* [The main indicators of industrial production in the Voronezh region in January-December 2016]. Voronezh: Voronezhstat, 2017, 34.
11. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie raionov Voronezhskoi oblasti, ianvar'-dekabr' 2016 goda* [The socio-economic situation in the Voronezh region, January-December 2016]. Voronezh: Voronezhstat, 2017, 59.

УДК 330.38

УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ: НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

***Антон И. Пыжев*[1, @1, *], *Екатерина А. Сырцова*[1, @2, *], *Роман В. Гордеев*[1, @3, *]**

[1] *Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79*
[@1] *apyzhev@sfu-kras.ru*
[@2] *esyrtsova@ya.ru*
[@3] *rgordeev@sfu-kras.ru*

Поступила в редакцию 07.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: моногород, региональная экономика, экономика окружающей среды, устойчивое развитие, общественное благосостояние.

Аннотация: Проблемы устойчивого развития моногородов имеют особое значение на территории Сибири в силу высокой концентрации поселений, обслуживавших крупные промышленные предприятия в советский период развития страны. Ранее в литературе данная проблематика практически не рассматривалась, что создает предпосылки для проведения исследований, связанных с количественной оценкой устойчивости развития моногородов, а также формированием предложений по реализации региональной экономической политики, направленной на гармонизацию общественных интересов. Дан общий анализ текущей социо-эколого-экономической ситуации в сибирских моногородах, который показал, что для данного макрорегиона проблема устойчивости данных муниципальных образований имеет важное научно-практической значение. В докладе отражены общие подходы к оценке устойчивости развития на уровне российских моногородов. Показано, что данная проблема может быть решена с помощью расширения предложенных ранее подходов к оценке устойчивости на региональном уровне.

Для цитирования: Пыжев А. И., Сырцова Е. А., Гордеев Р. В. Устойчивость развития моногородов: новое измерение // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 157–161. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-157-161.

Качественный уровень использования, охраны и воспроизводства ресурсов окружающей среды во многом определяет темпы экономического роста и эффективности производства. На государственном уровне уже существуют методики, предполагающие учет экологического фактора в национальных статистиках, но широкого использования в России они пока не получили, во-первых, в силу существенных различий в развитии между отдельными регионами, а во-вторых, поскольку являются лишь инструментом анализа текущей ситуации и не встроены в механизм управления конкретными территориями. Вместе с тем усиление техногенной нагрузки на окружающую среду во всем мире и, в частности, в России вызывает необходимость учета экологического фактора при разработке программ регионального развития, обосновании инвестиционных проектов, а также при принятии решений о соответствии траектории развития субъекта федерации требованиям устойчивого развития.

Проблема комплексного измерения благополучия населения стран и их регионов приобрела особую актуальность в последние десятилетия во всем мире, получив основной импульс развития после известной конференции Рио-92 и ввода в научный дискурс теории устойчивого развития. В настоящий момент в зарубежной научной литературе признано, что простые показатели, отражающие приращение национального дохода, не могут являться единственными измерителями действительного изменения благосостояния людей, проживающих на определенной территории. В этом смысле все большее значение приобретают социальные и экологические условия жизнедеятельности человека.

Несмотря на то, что в отечественной литературе накоплено немало исследований устойчивости развития эколого-экономических систем, в них сравнительно редко рассматриваются вопросы развития социальной сферы – одной из трех равноправных составляющих известной триады экологической экономики [1]. Как правило, все подобные исследования обобщены на макроуровне: национальном и региональном, – но практически не спускаются до локальных проблем развития небольших территориальных образований. Прежде всего, это связано с отсутствием фактической статистики для расчета тех или иных мер устойчивости. Тем не менее анализ на макроуровне всегда дает представление только об общих тенденциях, зачастую не позволяя анализировать конкретные насущные социально-экономические проблемы населения территории, которые, как правило, имеют свой специфи-

**** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научных проектов № 16-02-00127 и № 18-310-00337.***

ческий генезис и не могут быть решены с помощью универсальных подходов.

Важным исключением в этом смысле является работа С. Н. Бобылева и Б. Н. Порфирьева, в которой сформулирована доктрина устойчивого развития крупных городов и предложен подход к оценке устойчивости на основе концепции экосистемных услуг [2].

Ранее нами сформулирован подход к комплексной оценке уровней устойчивости развития региональных и муниципальных социо-эколого-экономических систем с использованием наиболее распространенных инструментов: истинного показателя прогресса, экологически скорректированного валового регионального продукта, показателя «истинные сбережения» [3–5]. Впервые предлагается использовать индикатор устойчивости «индикатор истинного прогресса», хорошо зарекомендовавший себя в зарубежных исследованиях. Разработанная методика будет апробирована на расширенной выборке регионов России с целью выявления тех из них, чьи социо-эколого-экономические системы характеризуются антиустойчивыми тенденциями развития. На основе полученных оценок будет сформирован пакет предложений по совершенствованию экономической, экологической и социальной политики на региональном уровне.

Состояние окружающей среды, качественный уровень использования, охраны и воспроизводства ресурсов во многом определяют темпы экономического роста и эффективности производства. Экономический рост, связанный с получением лишь максимальной конечной выгоды от производства в текущем периоде при неэффективном использовании природных ресурсов и окружающей среды, практически исчерпал себя. На современном этапе развития общества учет экологического фактора при принятии решений об устойчивом развитии территорий становится особенно актуальным.

В этой связи актуальными представляются исследования, направленные на оценку состояния конкретных социо-эколого-экономических систем (регионов и муниципальных образований), мониторинг их развития, выявление тенденций развития и, главное, – разработку методики, на основании которой могут быть выработаны рекомендации, корректирующие траекторию развития рассматриваемых социо-эколого-экономических систем в направлении устойчивого развития. Подобные исследования особенно необходимы в регионах, чья экономика базируется на сырьевой модели развития. При этом становится возможным выявление инструментов воздействия для применения соответствующими органами управления, оценка предполагаемых эффектов от реализации мероприятий по управлению устойчивостью развития и выработка эффективной политики, задающей согласованные направления развития региональных социо-эколого-экономических систем.

Наиболее актуальной работой, посвященной комплексной оценке устойчивости развития отдельных стран мира, в настоящий момент является [6]. Указанное исследование сравнивает результаты оценки различных мер устойчивости развития, в том числе Индикатора истинного прогресса – индикатора, который претендует на то, чтобы со временем заменить валовой внутренний продукт в качестве основной меры благополучия стран [7]. Изучению региональных аспектов устойчивого развития в России посвящены труды ряда авторов. В данном пуле исследований следует выделить недавнюю работу [8], в которой представлены результаты наиболее полной оценки устойчивости развития России с использованием комплексных индикаторов.

Нами проанализирован накопленный опыт исследований в области устойчивого развития региональных эколого-экономических систем в России [2; 9–11]. Отмечено, что исследования устойчивости, проводимые для отдельных территорий, дают более точные оценки, так как учитывают региональные особенности, привлекая более широкий круг источников. Важнейшим препятствием для полноценного использования индикаторов устойчивого развития выступает действующая в России система государственной статистики, в которой отсутствуют достаточные данные о структуре и силе загрязнения окружающей среды.

Проблематика устойчивости социо-эколого-экономического развития особенно актуальна для моногородов – территориальных социально-экономических образований, существенная часть населения которых работает на одном градообразующем предприятии. В соответствии с действующими в Российской Федерации критериями к таким типам муниципальных образований относятся поселения с численностью населения более 3 тыс. человек, из которых не менее 20 % трудоспособного населения в течение последних пяти лет осуществляли трудовую деятельность на градообразующем промышленном предприятии [12].

Большая часть российских моногородов возникли в период советской индустриализации и, как правило, были центрами сосредоточения квалифицированных кадров, работавших на крупных предприятиях. Помимо обеспечения качественных рабочих мест, в соответствии с действовавшей в то время распределительной системой потребительских товаров моногорода предоставляли своим жителям доступ к большему ассортименту продукции при сравнительно менее выраженном дефиците. В постсоветский период развития России привлекательность моногородов как центров притяжения качественной рабочей силы существенно снизилась, что создало комплекс социально-экономических проблем, разрешение которых необходимо для дальнейшего развития данных муниципальных образований.

По состоянию на начало 2018 г. в России насчитывалось 319 моногородов, условно разделенных на три категории [13]:

− моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением (категория 1);

− моногорода, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения (категория 2);

− моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией (категория 3).

Моногорода 1-й категории представлены муниципальными образованиями, градообразующие предприятия которых перестали вести деятельность, что привело к массовой безработице и эмиграции трудоспособного населения. К моногородам 2-й категории относят поселения, в которых градообразующие предприятия существенно снизили объемы производства или находятся на этапе банкротства или реструктуризации производства. В таком случае текущее социально-экономическое положение населения может быть достаточно устойчивым, но наблюдаются объективные риски перехода города в 1-ю категорию. Моногорода 3-й категории представлены муниципальными образованиями со стабильным социально-экономическим положением населения и устойчивыми перспективами функционирования градообразующего предприятия.

Рассмотрим распределение моногородов по регионам Сибирского федерального округа (рис.).

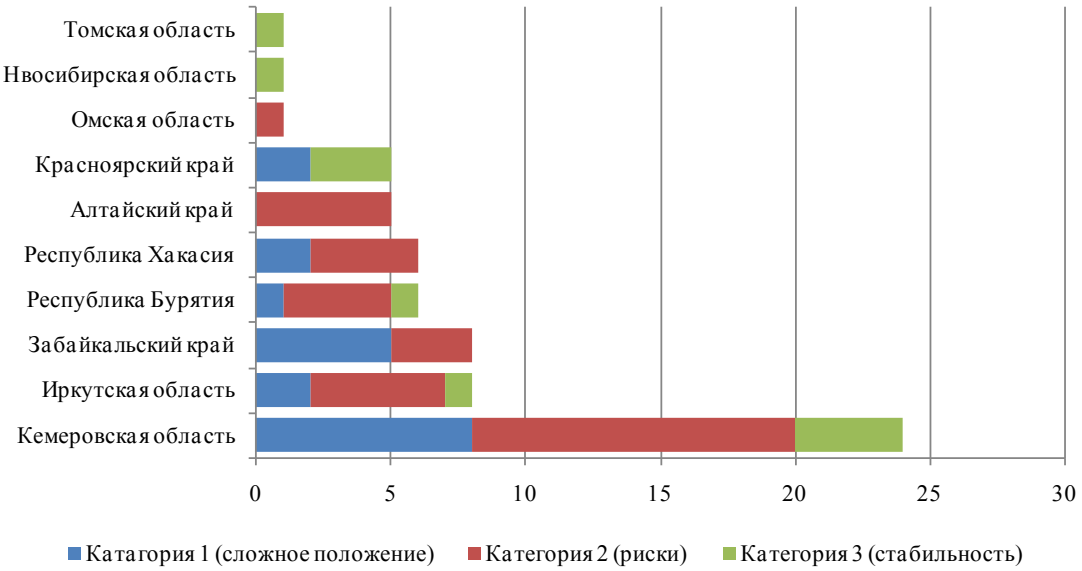

Рис. Распределение моногородов регионов Сибири по категориям сложности социально-экономического положения (составлено авторами по данным [13])
Fig. Distribution of monotowns in the regions of Siberia according to categories of complexity of the socio-economic situation (compiled by the authors according to the data obtained from [13])

Всего в Сибири 65 моногородов, причем большая их часть (24) располагаются в Кемеровской области. Достаточно много моногородов – в Иркутской области (8), Забайкальском крае (8), Республиках Бурятия (6) и Хакасия (6). Такое распределение обусловлено спецификой размещения добывающих и перерабатывающих промышленных предприятий. Важно отметить, что среди сибирских моногородов лишь 10 из 65 относятся к 3-й категории, т. е. относительно благополучны и имеют перспективы развития, остальные же 55 находятся в условиях напряженной социально-экономической ситуации.

Из вышесказанного следует, что проблема устойчивости развития сибирских моногородов имеет важное научно-практическое значение. С учетом сравнительно низкой степени изученности реального социо-эколого-экономического положения данных муниципальных образований представляется актуальным провести оценки устойчивости, необходимую классификацию и обобщение полученных результатов, а также представить рекомендации по формированию долгосрочной региональной политики устойчивого развития данных территорий.

Такой анализ можно проводить на основе изложенных выше подходов и инструментов: истинных сбережений, индикатора истинного прогресса и др. Данные подходы необходимо уточнять с учетом различий в системах статистического учета на уровне регионов и муниципальных образований. Спецификой моногородов является влияние одного предприятия на всю социально-экономическую и экологическую обстановку, поэтому при оценке устойчивости развития таких поселений наряду с анализом традиционных показателей устойчивости необходимо детально изучать текущее состояние и перспективы развития градообразующего предприятия, его влияние на окружающую среду.

Литература

1. Бобылев С. Н., Тикунов В. С., Черешня О. Ю. Оценки социального развития регионов Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 1. С. 3–12.
2. Бобылев С. Н., Порфирьев Б. Н. Устойчивое развитие крупнейших городов и мегаполисов: фактор экосистемных услуг // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 6. С. 3–21.
3. Сырцова Е. А., Пыжев А. И., Зандер Е. В. Истинные сбережения регионов Сибири: новые оценки, старые проблемы // ЭКО. № 6. 2016. С. 109–129.
4. Пыжев А. И., Пыжева Ю. И. Оценка регионального социо-эколого-экономического благополучия Красноярского края: новый подход // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 34. С. 30–40.
5. Зандер Е. В., Старцева Ю. И., Пыжев А. И. Оценка устойчивости развития эколого-экономической системы региона при помощи индикатора «истинных сбережений» (на примере Красноярского края) // Экономика природопользования. 2010. № 2. С. 6–17.
6. Kubiszewski I., Costanza R., Franco C., Lawn Ph., Talberth J., Jackson T., Aylmer C. Beyond GDP: Measuring and achieving global genuine progress // Ecological Economics. 2013. № 93. P. 57–68. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2013.04.019.
7. Costanza R., Kubiszewski I., Giovannini E., Lovins H., McGlade J., Pickett K. E., Ragnarsdóttir K. V., Roberts D., De Vogli R., Wilkinson R. Development: Time to leave GDP behind // Nature. 2014. № 505. P. 283–285.
8. Бобылев С. Н., Зубаревич Н. В., Соловьева С. В. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147–160.
9. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113.
10. Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6. С. 5–24.
11. Забелина И. А., Клевакина Е. А. Экономическое развитие и негативное воздействие на окружающую среду в регионах трансграничного взаимодействия // ЭКО. 2016. № 8. С. 67–82.
12. О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709.
13. Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р. в ред. Распоряжения Правительства РФ от 13 мая 2016 г. № 891-р.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS: NEW MEASUREMENT

***Anton I. Pyzhev*[1, @1, *], *Ekaterina A. Syrtsova*[1, @2, *], *Roman V. Gordeev*[1, @3, *]**

[1] *Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041*
[@1] *apyzhev@sfu-kras.ru*
[@2] *esyrtsova@ya.ru*
[@3] *rgordeev@sfu-kras.ru*

Received 07.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: regional economics, ecological economics, sustainable development, social, ecological and economic system, genuine savings, genuine progress indicator, ecologically adjusted gross regional product

Abstract: The problems of sustainable development of single-industry towns are of a great importance for Russian cities situated in Siberia, where such settlements has been a major part of modern urbanism since the Soviet period of rapid industrialization. This topic has been given very little attention in scientific literature, so it is quite important to study the sustainability of single-industry towns using different techniques of assessment and policy-making to achieve the public interest goals. The analysis of current social, economic and ecological status of Siberian monotowns has showed that the problem of sustainability poses a real challenge there. The paper features the general approaches to assess the sustainability of Russian one-industry towns. It has been shown that this problem might be solved by expanding of recently developed approaches to assess the sustainability of Russian regions.

**** The study has been financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (projects no. 16-02-00127, 18-310-00337).***

For citation: Pyzhev A. I., Syrtsova E. A., Gordeev R. V. Ustoichivost' razvitiia monogorodov: novoe izmerenie [Sustainable Development of Company Towns: New Measurement]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2018): 157–161. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-157-161.

References

1. Bobylev S. N., Tikunov V. S., Chereshnia O. Iu. Otsenki sotsial'nogo raz-vitiia regionov Rossii [Estimates of social development of Russian regions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 5: Geografiia = Herald of Moscow university. Series 5. Geography*, no. 1 (2017): 3–12.

2. Bobylev S. N., Porfir'ev B. N. Ustoichivoe razvitie krupneishikh gorodov i megapolisov: faktor ekosistemnykh uslug [Sustainable development of the biggest cities and metropolises: the factor of ecosystems services]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 6: Ekonomika = Herald of Moscow university. Series 6. Economics*, no. 6. (2016): 3–21.

3. Syrtsova E. A., Pyzhev A. I., Zander E. V. Istinnye sberezheniia regionov Sibiri: novye otsenki, starye problem [Genuine Savings of Siberian regions: new estimates, old problems]. *EKO = ECO*, no. 6 (2016): 109–129.

4. Pyzhev A. I., Pyzheva Iu. I. Otsenka regional'nogo sotsio-ekologo-ekonomicheskogo blagopoluchiia Krasnoiarskogo kraia: novyi podkhod [Assessment of regional social, economic and ecological well-being of Krasnoyarsk kray: a new approach]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional economics: theory and practice*, no. 34 (2015): 30–40.

5. Zander E. V., Startseva Iu. I., Pyzhev A. I. Otsenka ustoichivosti razvi-tiia ekologo-ekonomicheskoi sistemy regiona pri pomoshchi indikatora «istinnykh sberezhenii» (na primere Krasnoiarskogo kraia) [Assessment of sustainable development of the region using the indicator of genuine savings (case-study of Krasnoyarsk region)]. *Ekonomika prirodopol'zovaniia = Environmental and Resource Economics*, no. 2 (2010): 6–17.

6. Kubiszewski I., Costanza R., Franco C., Lawn Ph., Talberth J., Jackson T., Aylmer C. Beyond GDP: Measuring and achieving global genuine progress. *Ecological Economics,* no. 93 (2013): 57–68. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2013.04.019.

7. Costanza R., Kubiszewski I., Giovannini E., Lovins H., McGlade J., Pickett K. E., Ragnarsdóttir K. V., Roberts D., De Vogli R., Wilkinson R. Development: Time to leave GDP behind. *Nature*, no. 505 (2014): 283–285.

8. Bobylev S. N., Zubarevich N. V., Solov'eva S. V. Vyzovy krizisa: kak izmeriat' ustoichivost' razvitiia? [The challenges of crisis: how to measure the sustainability of development?]. *Voprosy ekonomiki = Issues of economics,* no. 1 (2015): 147–160.

9. Bobylev S. N. Ustoichivoe razvitie: paradigma dlia budushchego [Sustainable development: paradigm for the future]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia = World Economy and International Relations*, 61, no. 3 (2017): 107–113.

10. Glazyrina I. P., Zabelina I. A., Klevakina E. A. Ekologicheskaia so-stavliaiushchaia ekonomicheskogo razvitiia: prigranichnye regiony Rossii i Kitaia [Ecological component of economic growth: border regions of Russia and China]. *EKO = ECO*, no. 6 (2014): 5–24.

11. Zabelina I. A., Klevakina E. A. Ekonomicheskoe razvitie i negativnoe vozdeistvie na okruzhaiushchuiu sredu v regionakh transgranichnogo vzaimo-deistviia [Economic development and negative impact on environment in the regions of border cooperation]. *EKO = ECO,* no. 8 (2016): 67–82.

12. *O kriteriiakh otneseniia munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii k mo-noprofil'nym (monogorodam) i kategoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov) v zavisimosti ot riskov ukhudsheniia ikh sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia* [On the criteria of classifying of municipalities of the Russian Federation as company towns depending on risks of deterioration of their social and economic state]. Decree of Russian Federation Government dated 29 July 2014, No. 709.

13. *Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 29 iiulia 2014 g. № 1398-r. v red. Rasporiazheniia Pravitel'stva RF ot 13 maia 2016 g. № 891-r* [Decree of the Russian Federation Government dated 29 July 2014 No. 1398-r. edited in the Decree of the Russian Federation Government dated 13 May 2016 No. 891-r].

УДК 332.1(07)

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ

Татьяна А. Смирнова[1, @]

[1] *Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79*
[@] *smirtatan@yandex.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, сырьевое обеспечение, глиноземное производство, моногорода, комплексная переработка, промышленная политика, градообразующее предприятие.

Аннотация: Предприятия отраслей специализации существенным образом определяют эффективность функционирования отдельных территорий, тем самым оказывая комплексное влияние на социально-экономическое положение моногородов и в целом их территориальное развитие. В этой связи проблемы отдельных производств должны рассматриваться как общие проблемы развития всей территориальной системы, а их решение будет способствовать более эффективному развитию территорий. В результате проведенного исследования выявлены основные проблемы функционирования одного из основных звеньев алюминиевой промышленности – глиноземного производства. В результате проведения полного цикла расчетов по взаимосвязанной системе эконометрических моделей глиноземного производства автором была проведена оценка возможных вариантов сырьевого обеспечения, выявлены актуальные направления решения проблем градообразующих предприятий алюминиевого комплекса. Для решения одной из самых острых проблем предложен инструментарий, позволяющий осуществить выбор оптимального варианта сырьевого обеспечения, что обеспечит стабильную работу предприятия и позволит достичь устойчивого развития территории. Предложены мероприятия промышленной политики, позволяющие решить проблемы не только отдельного предприятия и отрасли, но и создающие условия для стабильного развития моногородов.

Для цитирования: Смирнова Т. А. Решение проблем градообразующих предприятий как перспектива развития моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 162–167. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-162-167.

Социально-экономическое развитие любого государства строится на стабильном функционировании и совершенствовании его народнохозяйственного комплекса. При этом особого внимания заслуживают те сферы экономики, которые обеспечивают основу и создают перспективы для экономического развития территорий. Они обеспечивают мультипликационные эффекты, обеспечивая развитие, прежде всего, тех территорий, на которых осуществляют свою деятельность по созданию продукта. Значение показателей эффектов будет зависеть от существующего на территории «производственного каркаса» экономической и производственной деятельности, и если в основе его функционирования находится одно крупное предприятие, то именно оно и будет создавать импульсы для развития территории, определяя ее дальнейшие перспективы. Прежде всего, речь идет о моногородах. Моногород представляет собой особый тип социально-экономических образований, не теряющий своей значимости в современных динамических процессах развития экономики Российской Федерации [1]. В этом случае социально-экономическое состояние города во многом определяется функционированием и развитием самого предприятия. Устойчивое развитие моногородов связано со стабильной работой градообразующего предприятия или группы предприятий одной отраслевой принадлежности [2]. Градообразующее предприятие в системе экономических отношений стоит обособленно в силу того, что его интересы могут превалировать над интересами остальных хозяйствующих субъектов, так как оно играет основную системообразующую роль [3]. Сокращение производства, особенно крупного, приводит к адекватному снижению спроса на используемые ресурсы со стороны этого предприятия, в том числе и на рабочую силу, что вызывает рост безработицы в рамках территории, происходит сокращение налогооблагаемой базы и т. д. Таким образом, «неудачи» отдельного предприятия превращаются в проблемы города, региона и государства в целом. Напротив, в случае улучшения производственных и экономических результатов деятельности градообразующего предприятия наблюдается рост занятости, повышение заработной платы и доходов населения, увеличение предпринимательской активности и т. п. во всей социально-экономической системе. Полученный в этих условиях результат может быть выражен в количественном росте эффективности всей отраслевой структуры реального сектора экономики, в снижении экономической неопределенности и рисков, а также в стабилизации ин-

вестиционной основы модернизации и устойчивости контрактных отношений на входе и выходе их производственных систем [4].

Производственная структура развития большинства моногородов в современной России мало отличается от той, которая сложилась во времена плановой экономики. На сегодняшний день она характеризуется наличием значительных проблем, попытки решения которых представлены в различных исследованиях ученых. Для таких территорий характерная особая острота проблем: демографическая, социально-экономическая, экологическая и т. д. [5]. На сегодняшний день разработаны стратегии экономического и социального развития, в которых представлен анализ положения и перспективы развития территории, выделены конкурентные преимущества территориальных систем, освещены угрозы и возможности, направления и перспективы территориального развития, а также предложены меры по улучшению параметров экономического и социального развития. При этом затрагиваются лишь отдельные стороны функционирования социально-экономической системы, без учета влияния деятельности градообразующих предприятий на ее дальнейшее развитие. Между тем перспективы развития отдельных территорий в нашей стране зависят от деятельности конкретных производств и отраслей, которые в свою очередь «обрастая» обслуживающими производствами, объектами социальной и производственной инфраструктуры, образуют территориальную систему. Таким образом, стабильное функционирование градообразующих предприятий определяет устойчивое развитие территории.

При формировании и корректировке территориально-хозяйственной структуры моногорода с учетом тех изменений и сдвигов, которые происходят в экономике, как никогда становится актуальным всесторонний подход к оценке влияния функционирования градообразующих предприятий на всю социально-экономическую систему. Прежде всего, требуется обозначить вектор дальнейшего развития градообразующих предприятий моногородов для выведения их из депрессивных экономических зон с последующим их превращением в локомотивы российской экономики [6].

Сложность системы взаимосвязей и взаимодействий обусловливает требования к обоснованию мероприятий в области социальной и экономической политики на региональном уровне, при этом оценка только прямых эффектов от реализации тех или иных управленческих решений зачастую является недостаточной. При формировании новой региональной политики необходима комплексная оценка влияния функционирования отраслей специализации на экономическое и социальное развитие территории, что позволит в дальнейшем предлагать эффективные мероприятия промышленной политики с учетом их всестороннего влияния на развитие общества.

Существующие программы экономического развития территорий дают описание общего развития производственного комплекса, не уточняя направления стратегического и тактического развития отраслей специализации национальной экономики, при этом именно эти отрасли являются фундаментом развития для целого ряда городов и регионов России, а их успешная работа создает импульсы для стабильного функционирования экономической и социальной сфер. Связь между жизненным циклом отрасли и региональным ростом заключается в том, что последний зависит от того, какие отрасли преобладают в том или ином регионе [7].

Оценивая влияние результатов функционирования градообразующего предприятия на весь комплекс функционирующих сфер (предприятий специализации, обслуживающих и вспомогательных производств) моногорода и его социально-экономическое развитие, можно выстроить сбалансированную региональную политику, учитывающую интересы бизнеса, населения и общества в целом. Такая оценка необходима, прежде всего, при определении приоритетных направлений государственной поддержки отдельных предприятий и отраслей в условиях бюджетных ограничений. Все это позволит достичь более высоких показателей социально-экономического развития монофункциональных территорий от проведения конкретных мероприятий.

Основным сектором экономики России является материальное производство, в котором весомая роль отводится металлургическому производству, в том числе и алюминиевой промышленности. Большинство предприятий алюминиевого комплекса являются градообразующими и системообразующими. С одной стороны, это означает высокую значимость производимой продукции и оказываемых услуг для жизнеобеспечения отдельных территорий и отраслей в масштабах отдельных регионов и страны в целом, с другой стороны, градообразующие предприятия создают основу для развития производственной и социальной инфраструктур моногородов.

В настоящее время на российскую алюминиевую промышленность существенное воздействие оказывает ряд факторов, непосредственно влияющих на перспективы ее дальнейшего развития. Среди них отсутствие месторождений высококачественного алюминийсодержащего сырья, нахождение большинства предприятий на значительном удалении от границ Российской Федерации и рост железнодорожных тарифов, обострение экологических проблем. Данные факторы, по мнению автора, определяют проблемы функционирования отрасли и связаны с неэффективными формами хозяйствования, отсутствием комплексной переработки сырья и стабильной сырьевой базы, растущей угрозой экологической составляющей этих производств, ослаблением роли государственной поддержки.

Наибольшие объемы производимой в стране алюминиевой продукции приходятся на Сибирь. При этом единственное предприятие, которое производит и поставляет глинозем Красноярскому алюминиевому заводу – Ачинский глиноземный комбинат (АГК). Максимальное количество полуфабриката, которое АГК поставляет для дальнейшей переработки, составляет около 1 млн тонн глинозема в год, тогда как совокупная потребность алюминиевых заводов Сибири превыша-

ет 5 млн тонн. Ситуацию усугубляет и истощение действующего месторождения алюминийсодержащего сырья (нефелиновой руды), которое по оценкам экспертов может эксплуатироваться до 2020 г.

Существенным недостатком предприятий алюминиевого комплекса является образование значительного количества экологически опасных отходов. Сокращение направлений и объемов комплексной переработки сырья за годы рыночных преобразований привели к ухудшению экологической ситуации и все возрастающим с каждым годом объемам отходов, что создает серьезные препятствия для дальнейшей деятельности предприятий. Кроме того, образование таких отходов приводит к изъятию из землепользования значительных земельных участков, необходимости разработки и реализации проектно-сметной документации для строительства шламовых полей и внушительным эксплуатационным расходам по их содержанию, растущим расходам на текущие платежи за загрязнение окружающей среды.

При комплексной переработке нефелинового сырья в наибольшем количестве получают цемент (8 тонн цемента при производстве 1 тонны глинозема). Возможность получения соды из нефелинового сырья заменяет ее производство из хлористого натрия по аммиачному методу, который связан с внушительным экологическим ущербом. В то время как получение соды из нефелинового сырья практически полностью безотходно. Получение другого продукта – поташа – является эффективным только при применении нефелинового сырья. Существенное расширение масштабов использования поташа сдерживается недостатком этого продукта. Так, применение поташа может быть использовано в сельском хозяйстве как в качестве самостоятельного эффективного бесхлорного удобрения, так и для получения комплексных калийно-фосфорных удобрений. Перспективным является применение белитового шлама для известкования кислых почв, которые составляют внушительную часть (около 25 %) используемых земель страны. К другим сферам применения белитового шлама можно отнести производства стеновых блоков, силикатного кирпича, нефелин-керамзит-газобетонных панелей, легких, тяжелых и гидротехнических бетонов, асбоцементных и других изделий автоклавного твердения, приготовление строительных и штукатурных растворов, получение закладочных смесей, дорожное строительство [8].

По мнению автора, формирование рациональных направлений территориальной промышленной политики даст возможность активизировать процессы комплексной переработки сырья, что в дальнейшем даст новые импульсы развития как для предприятий и сфер города, так и всей социально-экономической системы.

В качестве возможного варианта решения проблем обеспечения минеральными ресурсами Ачинского глиноземного производства следует обратить внимание на «местное» сырье. Доказано, что месторождения алюминийсодержащих руд, находящиеся в Сибири, являются «пригодными» в качестве сырья для производства глинозема по технологии спекания руды с известняком с последующей гидрохимической переработкой спека. В настоящее время из более ста известных в Сибири месторождений алюминийсодержащих руд промышленно освоено только одно – Кия-Шалтырское, сырье, которое комплексно перерабатывается на Ачинском глиноземном комбинате с 1971 г. [9]. На сегодняшний день этот источник в значительной степени исчерпан, и за предприятием стоит выбор альтернативной его замены.

Исследования, проведенные автором ранее, дают возможность оценить целесообразность использования возможностей минерально-сырьевого комплекса на основе имеющихся решений, позволяющих осуществлять процесс производства глинозема. В качестве возможных вариантов сырьевого обеспечения были выбраны наиболее перспективные рудопроявления алюминийсодержащих пород: каолиновые глины Компановского месторождения, дистен-силиманитовые концентраты Базыбайского месторождения и бокситы Североонежской группы месторождений – Иксинское, Плесецкое. Представленные варианты позволяют расширить круг сырья, которое может быть вовлечено в переработку [10].

Исследования ведущих ученых в области технологических решений алюминиевого производства выявили оптимальные соотношения компонентов различных видов алюминийсодержащего сырья. В таблице представлены варианты рудных смесей, исходя из процентного соотношения соответствующего сырья в рудной смеси.

Таблица. Составы минералов рудных смесей различных месторождений
Table. Mineral compositions of ore mixtures from various deposits

Месторождение, сырье	Состав рудных смесей (в долях)	№ варианта	Химический состав рудной смеси, %						
			K_2O	MgO	Fe_2O_3	Al_2O_3	CaO	SO_3	SiO_2
Нефелиновая руда (Н) (Кия-Шалтырское) + Каолиновая глина (Компановское) (Г)	*0,7 Н + 0,3 Г*	1	2,552	1,060	3,578	28,24	5,920	0,210	43,19
Нефелиновая руда (Н) (Кия-Шалтырское) + дистен-силиманитовые концентраты (ДСК) (Базыбайское)	*0,85 Н + 0,15 ДСК*	2	2,465	1,105	3,890	30,82	6,968	0,273	40,07

Месторождение, сырье	Состав рудных смесей (в долях)	№ варианта	Химический состав рудной смеси, %						
			K_2O	MgO	Fe_2O_3	Al_2O_3	CaO	SO_3	SiO_2
Нефелиновая руда (Н) (Кия-Шалтырское) + Бокситы (Б) (Иксинское, Плесецкое)	*0,92 Н + 0,08 Б*	3	2,734	1,235	4,600	28,58	7,500	0,327	38,31
Нефелиновая руда (Н) (Кия-Шалтырское) – базовый вариант	*Н*	4	2,090	1,300	4,400	26,50	8,100	0,300	40,1

Проведенные автором исследования дали возможность оценить целесообразность использования возможностей минерально-сырьевого комплекса на основе имеющихся технологических решений.

Проведенные автором расчеты по взаимосвязанной системе эконометрических моделей глиноземного производства показали, что используемый в настоящее время вариант № 4 является самым высокозатратным, в то время как наименьшее значение себестоимости глинозема получено при использовании варианта № 2. Также необходимо отметить, что по мере исчерпания Кия-Шалтырского месторождения сокращается доля полезного компонента в составе используемой руды и с учетом возрастающей доли транспортных издержек в стоимости продукции, поэтому используемый в настоящее время на АГК вариант состава рудной смеси выглядит менее привлекательным.

Учитывая удельные расходы рудных смесей и их компонентов по каждому из вариантов, а также запасы различных месторождений, была оценена возможность продления времени эксплуатации используемого на сегодняшний день источника.

Стоит отметить, что данные по запасам руд месторождений алюминийсодержащего сырья имеют приблизительную оценку, которая основывается на сведениях тридцатилетней давности.

Оценка себестоимости глинозема и срока эксплуатации Кия-Шалтырского месторождения, а также срока эксплуатации месторождений различного алюминийсодержащего сырья, применяемого в качестве добавок, дает противоречивые результаты. Использования смеси нефелиновой руды Кия-Шалтырского месторождения Кия-Шалтырского месторождения и ДСК Базыбайского месторождения дают оптимальный результат с точки зрения себестоимости продукции. Оценивая возможности увеличения срока эксплуатации действующего месторождения нефелиновой руды в качестве приоритетного можно выделить первый вариант, однако запасы месторождения соответствующей добавки – каолиновой глины – оказываются недостаточными для реализации этого условия. Таким образом, задача выбора состоит в решении многокритериальной оптимизационной задачи, которая в качестве ограничений учитывает оценку вариантов использования минерального сырья различных месторождений. Решение этой задачи позволит обосновать перечень необходимых мер промышленной политики, которые позволят решить проблему сырьевого обеспечения алюминиевых производств.

Градообразующие предприятия определенным образом влияют на возможности развития моногородов, оказывая комплексное воздействие на функционирование производственной и социальной жизни общества. В этой связи проблемы отдельных предприятий должны рассматриваться как общие проблемы для развития всей территории, а их решение будет способствовать более эффективному развитию моногородов и регионов. Именно учет взаимосвязей при функционировании крупных производственных комплексов в системе национального производства должен стать основным ориентиром при формировании промышленной политики регионов России, разработке программ социально-экономического развития моногородов.

Результаты настоящего исследования целесообразно применять при планировании развития территории Красноярского края и, прежде всего, городов-металлургов. Учитывая истощение существующей сырьевой базы Ачинского глиноземного комбината, его роль и влияние на функционирование различных сфер и предприятий города, автор предлагает в качестве приоритетных мероприятий промышленной политики следующие:

– провести работы по определению запасов алюминийсодержащего сырья месторождений;

– разработать схему обеспечения сырьем глиноземного производства с учетом результатов выбора соответствующих месторождений с позиции наименьшей себестоимости продукции и увеличения сроков эксплуатации месторождений;

– разработать механизмы и инструменты государственного стимулирования производств, готовых активизировать процессы комплексной переработкой сырья;

– провести оценку экономических и социальных эффектов развития территории от предлагаемых мероприятий;

– разработать мероприятия по скорейшему освоению наиболее перспективных месторождений.

Реализация данных мероприятий позволит решить проблемы не только отдельного предприятия и отрасли, а также получить значительный социальный и экономический эффект на уровне города и региона.

Литература

1. Курлеев М. О. К вопросу о проблемах функционирования и развития социально-производственного комплекса современного моногорода // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2011. № 4. С. 61–63.
2. Гундарев А. А. Моногорода Челябинской области: актуальные проблемы, потенциал и перспективы развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: строительство и архитектура. 2013. Т. 13. № 1. С. 87–89.
3. Наумов С. А. Проблемы устойчивого развития моногородов // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2010. № 2. С. 218–222.
4. Черкасов В. В. Структурные изменения в современной российской промышленности // Экономические науки. 2011. № 84. С. 137–142.
5. Измайлова А. С, Бабич Е. И. Развитие регионов со старопромышленной металлургией на современном этапе // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2014. Т. 2. № 1. С. 215–218.
6. Другова Г. А., Тихонова М. В. Градообразующие предприятия в России: сущность, становление, перспектива // Вопросы экономики и права. 2017. № 105. С. 98–102.
7. Исаев А. Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 4. С. 61–77.
8. Абрамов В. Я., Алексеев А. И., Бадальянц Х. А. Комплексная переработка нефелино-апатитового сырья. М.: Металлургия, 1990. 391 с.
9. Дашкевич Р. Я. Производство глинозема. Сырьевая база алюминиевой промышленности. Красноярск, 2003, 68 с.
10. Липин В. А., Баймаков А. Ю., Казаков В. Г. Пути совершенствования технологии переработки алюмосиликатного сырья на глинозем и сопутствующие продукты // Цветные металлы. 2014. № 4. С. 62–68.

RATIONAL MANAGEMENT OF TOWN-FORMING INDUSTRIAL COMPLEXES AS AN INSTRUMENT FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MONOTOWNS

Tatiana A. Smirnova[1, @]

[1] *Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041*
[@] *smirtatan@yandex.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: economic and social development, raw material, alumina production, monotowns, integrated processing, industrial policy, city-forming enterprise.

Abstract: Town-forming enterprises determine the effectiveness of the functioning of certain territories and have a profound impact on the socio-economic situation of monotowns and their territorial development in general. In this regard, the problems of individual industries should be considered as general problems of the entire territorial system's development, as their solution will contribute to more effective development of monotowns and the region. The study has revealed the main problems in the main fields of aluminum production, i.e. alumina production. The author has conducted a full cycle of calculations for an interconnected system of econometric models of alumina production, which has allowed her to assess the possible options for raw material provision and propose actual solutions for the existing problems of the city-forming enterprises. To resolve one of the most acute matters, the author introduces a tool that will make it possible to achieve the optimal variant of material support, ensure the stable functioning of the enterprise and achieve sustainable development of the territory. The author also offers some measures of industrial policy that would solve the problems of one single enterprise and industry as well as create conditions for the stable development of the whole monotown.

For citation: Smirnova T. A. Reshenie problem gradoobrazuiushchikh predpriiatii kak perspektiva razvitiia monogorodov [Rational Management of Town-Forming Industrial Complexes as an Instrument for Sustainable Development of Monotowns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 162–167. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-162-167.

References

1. Kurleev M. O. K voprosu o problemakh funktsionirovaniia i razvitiia sotsial'no-proizvodstvennogo kompleksa sovremennogo monogoroda [On the problem of the functioning and development of the social and industrial complex of a modern monotown]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovation. Investments*, no. 4 (2011): 61–63.

2. Gundarev A. A. Monogoroda Cheliabinskoi oblasti: aktual'nye problemy, potentsial i perspektivy razvitiia [The monotowns of the Chelyabinsk region: actual problems, potential and development prospects]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: stroitel'stvo i arkhitektura = Bulletin of the South Ural State University. Series: construction and architecture*, 13, no. 1 (2013): 87–89.

3. Naumov S. A. Problemy ustoichivogo razvitiia monogorodov [Problems of sustainable development of single-industry cities]. *Strategiia ustoichivogo razvitiia regionov Rossii = Strategy of sustainable development of Russian regions*, no. 2 (2010): 218–222.

4. Cherkasov V. V. Strukturnye izmeneniia v sovremennoi rossiiskoi promyshlennosti [Structural changes in modern Russian industry]. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences*, no. 84 (2011): 137–142.

5. Izmailova A. S, Babich E. I. Razvitie regionov so staropromyshlennoi metallurgiei na sovremennom etape [Development of regions with old industrial metallurgy at the present stage]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniia = Current problems of modern science, technology and education*, 2, no. 1 (2014): 215–218.

6. Drugova G. A., Tikhonova M. V. Gradoobrazuiushchie predpriiatiia v Rossii: sushchnost', stanovlenie, perspektiva [City-forming enterprises in Russia: essence, formation, perspective]. *Voprosy ekonomiki i prava= Question of economy and right*, no. 105 (2017): 98–102.

7. Isaev A. G. Territorii operezhaiushchego razvitiia: novyi instrument regional'noi ekonomicheskoi politiki [Territories of advanced development: a new instrument of regional economic policy]. *EKO. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Economy. All-Russian economic magazine*, no. 4 (2017): 61–77.

8. Abramov V. Ia., Alekseev A. I., Badal'iants Kh. A. *Kompleksnaia pererabotka nefelino-apatitovogo syr'ia* [Integrated processing of nepheline-apatite rock]. Moscow: Metallurgiia, 1990, 391.

9. Dashkevich R. Ia. *Proizvodstvo glinozema. Syr'evaia baza aliuminievoi promyshlennosti* [Alumina production. Raw material base of the aluminum industry]. Krasnoyarsk, 2003, 68.

10. Lipin V. A., Baimakov A. Iu., Kazakov V. G. Puti sovershenstvovaniia tekhnologii pererabotki aliumosilikatnogo syr'ia na glinozem i soputstvuiushchie produkty [Ways to improve the processing technology of aluminosilicate raw materials for alumina and related products]. *Tsvetnye metally = Magazine Non-ferrous metals*, no. 4 (2014): 62–68.

УДК 330.322.1

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МОНОГОРОДА

***Людмила Н. Старикова*[1, @1], *Ирина С. Трапезникова*[2, @2]**

[1] *Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 650992, Россия, г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 39*
[2] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *sln55@list.ru*
[@2] *trapeznikova_1976@mail.ru*

Поступила в редакцию 30.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: монотерритории, модернизация и диверсификация экономики, государственно-частное партнерство.

Аннотация: Целью проведенного исследования является осмысление современного опыта реализации социального партнерства на монотерриториях, в качестве предмета исследования выступили тенденции и закономерности его развития. Исследование проводилось в соответствии с принципами системного и комплексного подходов, общими положениями теории систем, использовались методы синтеза и анализа (системного, структурного, логического, экономико-статистического, сравнительного, эколого-экономического).

В статье приведен развернутый анализ фоновой антропогенной нагрузки на территорию региона, изучено влияние промышленности моногородов на здоровье и качество жизни населения. Рассмотрены формы реализации социальной ответственности угледобывающих предприятий на территории их присутствия, представлены направления и объем ресурсов, вкладываемых бизнесом в развитие моногородов в рамках взаимодействия с органами муниципальной и региональной власти.

Результатом исследования является разработка авторами практических рекомендаций по формированию и внедрению механизмов взаимодействия бизнеса и власти, направленного на решение проблем социально-экономического развития моногородов.

Для цитирования: Старикова Л. Н., Трапезникова И. С. Механизм взаимодействия власти и бизнеса в социально-экономическом развитии моногорода // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 168–175. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-168-175.

Анализируя понятие «моногород» применительно к российской практике можно сделать вывод о том, что само это понятие предполагает тесную связь между существованием населенного пункта и достаточно крупным предприятием, функционирующим на его территории. Эти предприятия также принято называть градообразующими, поскольку именно их создание явилось причиной сначала появления, а затем и дальнейшего расширения населенного пункта, развития инфраструктуры, строительства социальных объектов, кроме того, значительная часть трудоспособного населения обеспечивается рабочими местами именно этими предприятиями.

Своеобразное функционирование монотерритории может привести к возникновению сложностей ее социально-экономического развития. Истощение необходимых ресурсов, конъюнктура внутренних и международных рынков, утечка трудовых ресурсов и другие факторы влекут за собой банкротство градообразующего предприятия и, как следствие, банкротство самой территории, поскольку такая моноспециализация нередко является ограничивающим фактором развития. По последним приведенным статистическим данным: 319 населенных пункта России соответствуют статусу моногорода и около 100 из них характеризуется предельно тяжелым социально-экономическим положением [1].

В соответствии с распоряжением правительства РФ в Кемеровской области к монотерриториям отнесены 24 города и поселения [2]. Уровень монопрофильности данных территорий составляет от 60 до 90 %. В большинстве из них основным видом деятельности является угледобыча. К наиболее проблемным монотерриториям – «красной зоне», т. е. зоне максимально сложного социально-экономического положения, – относятся 8 моногородов области (Анжеро-Судженск, Гурьевск, Прокопьевск, Калтан, Киселевск, Юрга, Салаир, Таштагол). В 12 других монотерриторий прослеживаются риски ухудшения социально-экономического положения: г. Мариинск, г. Топки, пос. Яшкино, г. Мыски, г. Междуреченск, г. Березовский, г. Тайга, г. Ленинск-Кузнецкий, г. Осинники, г. Полысаево, г. Белово. И только 4 монотерритории можно отнести к стабильно развивающимся.

В целом в моногородах Кемеровской области по состоянию на 01.01.2017 проживает 1 722 299 человек, что составляет 63,5 % от всего населения области. Численность работающих на градообразующих предприятиях (отраслях) – 81 245 человек или 19,5 % от общей численности занятого населения. Этот факт

означает, что почти 20 % трудящегося населения области работают во вредных условиях (рис.), так как основными направлениями моноспециализации являются угледобыча и металлургическая промышленность.

Рис. Численность работников, занятых во вредных и опасных условиях труда на конец 2017 г., в % от общей численности
Fig. The number of employees working in harmful and dangerous conditions in late 2017, % of the total number

Угледобывающая ориентация экономики монотерриторий региона, развитие угледобывающих предприятий и увеличение темпов добычи обусловлено стратегиями развития угольной промышленности и региона [3] и ближайшие 15 лет ситуация, видимо, не будет меняться. Это очевидно следует из статистики ежегодных объемов добычи угля, которая за последние 5 лет выросла на 20 % (в 2012 г – в абсолютных цифрах она составляла 201 млн т, в 2017 – 241 млн т). Если смотреть более длительную динамику развития угольной промышленности области, то объем добычи угля за период 1988–2018 гг. увеличился (97.6 млн т в 1988 г.) более чем в два раза.

На современном этапе развития производительных сил возможности отойти от монопроизводства у региона нет, и это означает, что моногорода имеют определяющее значение в обеспечении экономической стабильности и социальной устойчивости Кузбасса. С целью стимулирования развития экономики моногородов в Кемеровской области реализуется комплекс мер поддержки, которые регламентируются законами Кемеровской области [4], составляющими основу комплексных планов развития территорий.

В целом программа модернизации экономики моногородов в регионе нацелена в первую очередь на диверсификацию экономики, повышение качества, конкурентоспособности выпускаемой продукции, инвестиционной привлекательности муниципальных образований.

Остановимся на проблемах кузбасских монотерриторий.

Угольная промышленность – это социально-экономическая основа жизнедеятельности региона, с одной стороны, с другой стороны – это природо- и ресурсоемкое производство. Горные работы ведутся преимущественно открытым способом, на разрезах, что приводит к комплексному антропогенному воздействию, в т. ч. к уничтожению почв на значительных территориях, нарушению гидрологического режима поверхностных и подземных вод, загрязнению воздушного бассейна, загрязнению продуктами эрозии горных пород водосборного бассейна. Площадь прилегающих к зонам горных работ территорий, на которые распространяются негативные последствия, иногда в разы превышает размеры земельных и горных отводов угледобывающих предприятий.

По самым приблизительным подсчетам к 2017 г. объем нарушенного горными работами пространства превысил 150 млрд м3 горных пород. Только на поверхности земли, в различных отвалах, отсыпано свыше 12 млрд м3 горных пород. Ежегодно отвалы предприятий угольной отрасли увеличиваются более чем на 1 млрд т. Ведение горных работ сопровождается созданием отвальных массивов высотой более 100 метров и занимающих тысячи гектаров, горные выемки карьеров тянутся на десятки километров и местами достигают глубин более 400 м.

В тех районах, где осуществляется или когда-то осуществлялась подземная угледобыча, земная поверхность проседает на 25–30, а местами и более, метров [5]. При этом значительная часть нарушенных горными работами массивов находится в густонаселенных районах области, что непосредственно отражается на уровне качества жизни населения.

Пылегазовое облако от взрывных работ распространяется на расстояние до 10 км, а сдуваемая с отвалов горных пород и на погрузочных пунктах пыль распространяется и оседает на землю на расстоянии до 2,5 км.

При проведении горных работ происходит иссушение зоны, на которой они проводятся, при этом уменьшаются запасы подземных вод и образуются депрессионные воронки, площадь которых в Кузбассе уже превышает 2 тыс. км2. Это инициирует высыхание колодцев и водозаборных скважин, иссякание родников, ручьев и небольших речек, приводит к уменьшению запасов вод в поверхностных водоемах.

Игнорирование требований рекуперации и утилизации многотоннажных отходов топливно-энергетической промышленности привело к тому, что продолжается накопление отходов: к началу 2017 г. на территории Кузбасса было накоплено во внешних отвалах около 4 млрд т вскрышных пород, 108,8 млн т отходов процессов углеобогащения и более 35,6 млн т золошлаковых отходов [6]. Каждая тысяча тонн подземной добычи сопровождается выдачей на поверхность 110–150 м3 пород, тысяча тонн обогащения угля – складированием 100– 120 м3 пород.

Вскрышные и вмещающие породы, как правило, хранятся в отвалах. Хранение пород в отвалах сопровождается такими негативными последствиями, как загрязнение воздушного бассейна породной и угольной пылью, а при самовозгорании пород – вредными газами (оксиды углерода, серы, азота, сероводорода, фенолов и др.), грунтовых и поверхностных вод, изъятие из сельскохозяйственного оборота ценных земель.

В районах деятельности угледобывающих предприятий обостряется экологическая обстановка, провоцируя всплески недовольства граждан, там проживающих, что нарушает социальную стабильность жизнедеятельности монотерритории.

Как следствие масштабного антропогенного воздействия в области отмечается высокий уровень заболеваемости населения, высок уровень травматизма, особенно производственного. Показатели здоровья работников угольной отрасли значительно хуже сложившихся среднеобластных показателей. Смертность в трудоспособном возрасте в угольных городах на 15–20 % выше, чем в тех, где нет такого значимого влияния угледобывающей отрасли. Временная нетрудоспособность в днях на предприятиях угледобычи на 100 работающих выше в 2 раза, чем в других отраслях, травматизм выше в 2–2,5 раза, соответственно. Уровень профессиональной заболеваемости работников угольной отрасли оценивается как самый высокий в области [7].

Видимо, возможности поступательного экологически приемлемого развития экономики добывающего региона исчерпаны, и необходимо найти неординарные меры согласования интересов и взаимодействия населения монотерриторий, власти и бизнеса [8]. Разрабатывая такие механизмы надо осознавать, что собственники бизнеса, непосредственно получающие прибыль, зачастую не проживают на территории присутствия и не сталкиваются с теми отрицательными эффектами, которые влечет за собой ее эксплуатация [9].

Снижение отрицательного эффекта возможно с помощью механизмов реализации социальной ответственности коммерческих субъектов, в том числе через взаимодействие бизнес-структур, органов власти и общества. Под таким взаимодействием в теории понимается совокупность субъектов управления, самих субъектов взаимодействия, средств, способов и методов, с помощью которых они воздействуют друг на друга и на объекты социальной сферы соответствующего административно-территориального образования. Осуществляется такое взаимодействие для наиболее эффективного достижения стоящих перед конкретной социально-экономической системой целей. Очевидно, что осуществляется оно при активном участии главного регулятора – государства, которое является представителем и защитником интересов общественности, гарантом социальных прав.

Решению задач согласования интересов призван служить закрепленный законодательно институт государственно-частного партнерства [10; 11]. Часть субъектов Федерации, включая Кемеровскую область, приняли региональные законы о государственно-частном партнерстве достаточно давно, еще до появления Федерального закона.

Согласно закону № 79-ОЗ государственно-частное партнерство – это: «организационное взаимодействие (сотрудничество) между Кемеровской областью с одной стороны и хозяйствующими субъектами, с другой стороны» [12].

Ведется такое сотрудничество с целью развития инновационного потенциала области, реализации общественно-значимых проектов, кроме того, государственно-частное партнерство подразумевает трехстороннее участие (власть, бизнес, общество) в планировании, разработке, финансировании, техническом перевооружении, строительстве, реконструкции и эксплуатации общезначимых инфраструктурных объектов и объектов социальной сферы.

В качестве форм государственно-частного партнерства могут быть применены и соглашения, например:

− о совместной деятельности органов государственной власти и партнеров, в частности субъектов действующего на территории Кемеровской области бизнеса, направленной на социально-экономическое развитие территорий присутствия;

− об участии Кемеровской области в уставных капиталах юридических лиц с целью реализации государственной властью задач развития территории с помощью не только административных, но и рыночных инструментов;

− концессионные соглашения о реализации инвестиционных, инновационных и производственных проектов.

В большинстве регионов России, где действуют крупные промышленные предприятия, такие соглашения заключаются между администрациями регионов и владельцами компаний. Соглашения, безусловно, взаимовыгодны, так как бизнес-структуры получают поддержку органов власти соответствующего субъекта Федерации на присутствие в регионе. В свою очередь, региональная власть за счет средств бизнеса обеспечивает решение отдельных социальных проблем, которые хронически недофинансируются из центра [13].

Кемеровская область в этом вопросе не является исключением и использует такую же схема взаимодействия. На 01.01.2018 реализованы десятки соглашений с собственниками крупных компаний (для справки – 43 соглашения в 2017 г., 28 – с угольными компаниями) [14].

В качестве примера приведем 3 подписанных уже в 2018 г. в Кемеровской области соглашения с уголь-

ными предприятиями, в рамках государственно-частного партнерства: УК «Талдинская», ООО «Шахта Тайлепская», ООО «Разрез Кийзасский».

1. УК «Талдинская» подписывает соглашения с коллегией администрации Кемеровской области начиная с 2015 г. Согласно планам в 2018 г. «Талдинская» направит средства на социальные мероприятия Кемеровской области, в том числе выделит 53,6 тыс. т угля.

2. ООО «Шахта Тайлепская» обязуется обеспечить финансирование социальных программ для работников предприятия в размере 800 тыс. рублей (в 2017 г. социальные программы были профинансированы на сумму 400 тыс. рублей).

3. ООО «Разрез Кийзасский» решил направить средства на реализацию социальных мероприятий в г. Мыски, а также на ремонт Детского дома № 5 «Единство» в г. Междуреченске, и предоставить благотворительный сортовой угль для малоимущего населения области.

Анализ направления и объемов ресурсов, предоставляемых угольными компаниями в рамках соглашений о государственно-частном партнерстве [15–17], представлен в таблице и приводит к следующим выводам:

− большая часть средств идет на развитие собственной корпоративной ответственности, т. е. обеспечение условий труда, социального пакета, поддержки «своих» пенсионеров и т. д.;

− проекты, реализуемые на территориях присутствия, направлены в основном на социальную сферу;

− нет комплексного подхода к решению проблем социально-экономического развития региона, прослеживается направленность на решение «точечных» задач (отремонтировать детский сад, сделать капитальный ремонт школы, клуба);

− нет системного участия в развитии территории;

− инфраструктурные проекты реализуются очень ограниченно и только с условием софинансирования из бюджетов страны и области.

Такая позиция коммерческого сектора не является уникальной и формируется исходя из следующих особенностей.

Во-первых, территориальные факторы: огромные расстояния, значительная удаленность населенных пунктов друг от друга, преобладание моногородов, наращивание и сосредоточение капитала в мало освоенных и климатически сложных региона. При этом необходимо осознавать, что собственники бизнеса, непосредственно получающие прибыль, зачастую не проживают на территории присутствия и не сталкиваются с теми отрицательными эффектами, которые влечет за собой ее эксплуатация.

Во-вторых, условия традиционного восприятия бизнеса населением: население традиционно обладает низкой социальной активностью, однако имеет завышенные социальные ожидания по отношению к ведущим предприятиям, при этом неадекватно оценивает предпринимаемые производителями усилия, от подозрения в желании нажиться до полного их игнорирования.

В-третьих, политические и социальные проблемы страны, высокий уровень бедности населения в регионах, коррумпированность государственных и муниципальных структур, множество разнообразных социальных проблем на территориях присутствия.

Поэтому российские компании предпочитают вкладывать средства в развитие территорий своего присутствия, и на первое место выходит прямое финансирование под конкретные запросы [18].

Таблица. Перечень инвестиционных проектов (объектов), возможных к реализации с использованием механизмов ГЧП, МЧП (концессии)*

Table. List of investment projects (facilities) that are possible for implementation with the help of PPP and concession mechanisms (compiled by the authors according to the data obtained from the Kemerovo City Administration)

№ п/п	Наименование муниципального образования (МО)	Наименование объекта (проекта)	Объем инвестиций, млн рублей	Доля участия МО в проекте, %	Период реализации, годы
1	Беловский городской округ	Строительство физкультурно-оздоровительного комплекса	350,0	50	2017–2020
		Строительство плоскостных сооружений на стадионе «Металлург» в г. Белово (устройство беговых и велосипедных дорожек, трибун, мачт освещения)	95,0	50	2017–2020
2	Калтанский городской округ	Строительство физкультурно-оздоровительного комплекса в п. Постоянный	159,3	10	2018–2019
		Строительство физкультурно-оздоровительного комплекса в г. Калтане	120,0	10	2018–2019

№ п/п	Наименование муниципального образования (МО)	Наименование объекта (проекта)	Объем инвестиций, млн рублей	Доля участия МО в проекте, %	Период реализации, годы
2	Калтанский городской округ	Реконструкция очистных сооружений	350,0	10	2018–2019
		Реконструкция сетей водоотведения	66,0	10,0	2018–2019
		Реконструкция дороги г. Калтан – п. Постоянный – п. Шушталеп	260,0	10,0	2018
3	Краснобродский городской округ	Строительство детского дошкольного учреждения в п. Артышта	85,0	10	2013–2020
		Строительство автодороги п. Артышта – п. ст. Дуброво	50,0	10	2020
		Организация 3D кинотеатра	5,5	10	2017–2018
		Строительство спортивного центра с залами для бокса и вольной борьбы	96,8	10	2016–2018
4	Мысковский городской округ	Строительство полигона твердо-коммунальных отходов	630,0	10	2017–2024
5	Новокузнецкий городской округ	Строительство молодёжного центра «Дворец молодежи»	600,0	5–10	2018–2020
6	Осинниковский городской округ	Строительство нового детского сада в микрорайоне № 6 в г. Осинники на 340 мест взамен подработанного горными работами и подлежащими сносу детского сада № 8	426,4	1–2	Срок строительства – 18 месяцев
		Строительство детского сада с бассейном в г. Осинники на 240 мест	286,7	1–2	Срок строительства – 18 месяцев
7	Прокопьевский городской округ	Реконструкция Дворца культуры им. Артема	306,1	5	2018–2019
		Строительство физкультурно-оздоровительного комплекса	350,0	5	2018–2019
		Реконструкция МБДОУ «Детский сад № 101 «Березка»	23,1	48	2017–2018
		Капитальный ремонт Дома культуры в п. Северный Маганак	33,6	5	2018–2019
		Капитальный ремонт здания № 2 МБОУ «Школа № 45»	50,0	5	2018–2019
8	Тайгинский городской округ	Строительство физкультурно-оздоровительного комплекса с плавательным бассейном	170,0	10	2018–2020
9	Топкинский городской округ	Реконструкция стадиона «Локомотив»	115,0	10	2018–2021
10	Новокузнецкий муниципальный район	Реконструкция Кузедеевского сельского Дома культуры	30,0	50	2018
		Реконструкция Сидоровского сельского Дома культуры	42,0	50	2019
		Строительство Куртуковского сельского Дома культуры	75,0	50	2020
		Строительство Осиноплесского детского сада на 50 мест	50,0	10	2017–2019
11	Тисульский муниципальный район	Реконструкция медицинское учреждение для обслуживания населения п. Белогорск	15,0	33	2017

Прим.: * Таблица составлена авторами на основе данных официального сайта Департамента инвестиций и стратегического развития Администрации Кемеровской области.

Необходимо ведение системной работы по изучению интересов населения территорий присутствия, которой пока, к сожалению, нет. Есть точечное решение острых проблем либо по принуждению руководства региона или территории, либо по принуждению самого местного сообщества, когда нужно погасить и предупредить социальный протест. Особенно остро стоит данная проблема в минерально-ресурсных кластерах, где угольные предприятия подошли вплотную к населенным пунктам и природоохранным территориям, а металлургические и химические производства (градообразующие), со временем оказались в густонаселенных районах. Вопросы экологии, экономики и социума оказались взаимосвязанными, и для реализации механизма взаимодействия бизнеса и власти нужны четкие представления – кто, кому, за что и сколько обязан заплатить.

Литература

1. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016).

2. Росприроднадзор: сайт. Режим доступа: http://42.rpn.gov.ru/newsto/k-svedeniyu-prirodopolzovateley-vazhno (дата обращения: 25.01.2018).

3. Ускова Т. В., Иогман Л. Г., Ткачук С. Н., Нестеров А. Н., Литвинова Н. Ю. Моногород: управление развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 220 с.

4. Бизнес – регионам. Сборник корпоративных практик. М.: РСПП, 2014. 132 с.

5. Ларин С. А., Мун С. А., Браиловский В. В., Магарил Ю. А., Попов А. Н., Еремина Н. А. Заболеваемость населения Кемеровской области раком легкого и раком желудка с 1996 по 2015 гг. // Медицина в Кузбассе. 2017. № 2. С. 14–19.

6. Материалы коллегии АКО по вопросам геоэкологии угольной отрасли Кузбасса // Официальный сайт Департамента угольной промышленности Администрации Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ako.ru/structure/departament-ugolnoy-promyshlennosti (дата обращения: 25.01.2018).

7. Конторович А. Э., Никитенко С. М., Гоосен Е. В. Механизм государственно-частного партнерства в комплексном освоении недр: опыт Кемеровской области // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1828.

8. Об утверждении Порядка заключения соглашений об осуществлении деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития, создаваемых на территориях монопрофильных муниципальных образований (моногородов) Кемеровской области. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 03.08.2016 № 312.

9. Канаева О. А., Сопин В. С., Вередюк О. В., Алексеев В. Ф., Судова Т. Л., Филимонова Н. А., Енбахтов А. П., Смирнов Р. О., Пащенко К. П., Лукин С. В. Формирование концептуальных основ корпоративной социальной ответственности. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. 312 с.

10. Ильина И. Н., Лепский В. Е., Молодцов А. В., Попов В. Г., Резникова Е. В., Савельев А. М., Скориков Е. С., Турков А. В., Филатов Е. В., Хамдамов Т. В., Цекоева З. А., Шеряй К. И., Иванова К. С., Плисецкий Е. Е. Развитие моногородов России: монография / под ред. И. Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с.

11. Кован С. Е., Крюкова О. Г. Роль государственных программ в развитии моногородов: монография. М.: Магистр, 2017. 272 с.

12. О зонах экономического благоприятствования. Закон Кемеровской области от 08.07.2010 № 87-ОЗ.

13. Чирикова А. Е. Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики: региональная проекция. М.: НИСП, 2007. 152 с.

14. Об основах государственно-частного партнерства. Закон Кемеровской области от 24.06.2009 № 79-ОЗ.

15. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. 32 с.

16. Сорокина А. В., Фионова К. В. Корпоративная социальная ответственность. М.: МГУПС (МИИТ), 2015. 135 с.

17. Состояние окружающей природной среды Кемеровской области. Статистический сборник. Кемерово, 2016.

18. Андросов В. А., Шушарин А. Л. Регулирование инвестиционной деятельности в регионе. Томск: ТГУ, 2000. 172 с.

POWER AND BUSINESS INTERACTION MECHANISM IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A SINGLE-INDUSTRY TOWN

***Lyudmila N. Starikova*[1, @1], *Irina S. Trapeznikova*[2, @2]**

[1] *Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992*
[2] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *sln55@list.ru*
[@2] *trapeznikova_1976@mail.ru*

Received 30.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: mono-territories, modernization and diversification of the economy, public-private partnership.

Abstract: The purpose of the study is to comprehend the current experience of implementing social partnership on single-industry territories, the research subject being the tendencies and patterns of its development. The research has been based on the principles of systemic and complex approaches, general positions of the theory of systems, methods of synthesis and analysis (system, structural, logical, economic-statistical, comparative, and ecological-economic).

The article presents a detailed analysis of the background anthropogenic load on the territory of the region, as well as the influence of industry on the health and quality of life of the population. The study features forms of social responsibility exercised by coal-mining enterprises on affected territory. The authors describe directions and amount of resources invested by business enterprises into the development of single-industry towns within the framework of interaction.

The result of the study is the development of practical recommendations on the mechanisms for interaction between business and government.

For citation: Starikova L. N., Trapeznikova I. S. The mechanism of interaction of power and business in the socio-economic development of a single-industry city [Power and Business Interaction Mechanism in the Socio-Economic Development of a Single-Industry Town]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 168–175. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-168-175.

References

1. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the approval of the list of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation No. 1398-r of July 29, 2014 (as amended on May 13, 2016)
2. *Rosprirodnadzor* [Environmental monitoring]. Available at: http://42.rpn.gov.ru/newsto/k-svedeniyu-prirodopolzovateley-vazhno (accessed 25.01.2018).
3. Uskova T. V., Iogman L. G., Tkachuk S. N., Nesterov A. N., Litvinova N. Iu. *Monogorod: upravlenie razvitiem* [Monotown: management of development]. Vologda: ISERT RAN, 2012, 220.
4. *Biznes – regionam* [Business regions]. Moscow: RSPP, 2014, 132.
5. Larin S. A., Mun S. A., Brailovskii V. V., Magaril Iu. A., Popov A. N., Eremina N. A. Zabolevaemost' naseleniia Kemerovskoi oblasti rakom legkogo i rakom zheludka s 1996 po 2015 gg. [Morbidity of the population of the Kemerovo region with lung cancer and stomach cancer from 1996 to 2015]. *Meditsina v Kuzbasse = Medicine in Kuzbass,* no. 2 (2017): 14–19.
6. *Materialy kollegii AKO po voprosam geoekologii ugol'noi otrasli Kuzbassa* [Materials of the ACO Collegium on Geo-ecology of the Kuzbass Coal Industry]. Available at: http://www.ako.ru/structure/departament-ugolnoy-promyshlennosti (accessed 25.01.2018).
7. Kontorovich A. E., Nikitenko S. M., Goosen E. V. Mekhanizm gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v kompleksnom osvoenii nedr: opyt Kemerovskoi oblasti [The mechanism of public-private partnership in the integrated development of subsoil: the experience of the Kemerovo region]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 1-1 (2015): 1828.
8. *Ob utverzhdenii Poriadka zakliucheniia soglashenii ob osushchestvlenii deiatel'nosti na territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia, sozdavaemykh na territoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii (monogorodov) Kemerovskoi oblasti* [On Approving the Procedure for Concluding Agreements on the Implementation of Activities in the Territories of Advanced Socio-Economic Development Established in the Territories of Mono-Profile Municipalities (Single-Industry Towns) of the Kemerovo Region]. Resolution of the Board of the Administration of the Kemerovo Region of August 3, 2016, No. 312.

9. Kanaeva O. A., Sopin V. S., Verediuk O. V., Alekseev V. F., Sudova T. L., Filimonova N. A., Enbakhtov A. P., Smirnov R. O., Pashchenko K. P., Lukin S. V. *Formirovanie kontseptual'nykh osnov korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti* [Formation of the conceptual framework of corporate social responsibility]. Saint-Petersburg: Izdatel'skii dom SPbGU, 2010, 312.

10. Ilina I. N., Lepskii V. E., Molodtsov A. V., Popov V. G., Reznikova E. V., Savel'ev A. M., Skorikov E. S., Turkov A. V., Filatov E. V., Khamdamov T. V., Tsekoeva Z. A., Sheriai K. I., Ivanova K. S., Plisetskii E. E. *Razvitie monogorodov Rossii* [Development of single-industry cities in Russia]. Ed. Ilina I. N. Moscow: Finansovyi universitet, 2013, 168.

11. Kovan S. E., Kriukova O. G. *Rol' gosudarstvennykh programm v razvitii monogorodov* [The role of state programs in the development of single-industry towns]. Moscow: Magistr, 2017, 272.

12. *O zonakh ekonomicheskogo blagopriiatstvovaniia* [On the zones of economic favor]. Law of the Kemerovo Region of 08.07.2010 No. 87-OZ.

13. Chirikova A. E. *Vzaimodeistvie vlasti i biznesa v realizatsii sotsial'noi politiki: regional'naia proektsiia* [Interaction of power and business in the implementation of social policy: regional projection]. Moscow: NISP, 2007, 152.

14. *Ob osnovakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva* [On the foundations of public-private partnership]. Law of the Kemerovo region dated 24.06.2009 No. 79-OZ.

15. *Issledovanie «Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii 2016–2017: tekushchee sostoianie i trendy, reiting regionov»* [Research «Public-Private Partnerships in Russia 2016–2017: Current Status and Trends, Regions' Rating»]. Moscow: Assotsiatsiia «Tsentr razvitiia GChP», 2016, 32.

16. Sorokina A. V., Fionova K. V. *Korporativnaia sotsial'naia otvetstvennost'* [Corporate social responsibility]. Moscow: MGUPS (MIIT), 2015, 135.

17. *Sostoianie okruzhaiushchei prirodnoi sredy Kemerovskoi oblasti* [State of the natural environment of the Kemerovo Region]. Kemerovo, 2016.

18. Androsov V. A., Shusharin A. L. *Regulirovanie investitsionnoi deiatel'nosti v regione* [Regulation of investment activity in the region]. Tomsk: TGU, 2000, 172.

УДК 338.23

ТОСЭР: СТАТУС ПРИСВОЕН – ЧТО ДАЛЬШЕ?

Альмир Ж. Хабибрахимов[1, @]

[1] *Фонд развития моногородов, 109544, Россия, г. Москва, б-р Энтузиастов, 2*
[@] *a.khabibrakhimov@frmrus.ru*

Поступила в редакцию 25.03.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: моногорода, социально-экономическое развитие, привлечение инвесторов, резиденты, диверсификация экономики, эффективность, ТОСЭР.

Аннотация: В статье отражены исследования двухлетней практики применения такого инструмента развития и привлечения инвестиций, как территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в монопрофильных муниципальных образованиях Российской Федерации.

Проведен анализ 36 действующих территорий с таким статусом с использованием данных, имеющихся в открытых источниках, в том числе по количеству разрешенных видов деятельности, по сроку с момента получения статуса до регистрации первого резидента, по предоставляемым налоговым преференциям зарегистрированным резидентам (у регионов есть возможность устанавливать ставки в рамках установленного диапазона, например, налог на прибыль: от 0 до 5 %). Изучены форматы и методы работы региональных и муниципальных управленческих команд по привлечению инвесторов; опыт по подготовке необходимой нормативной базы и продвижению данного статуса; выявлены лучшие практики, а также рассмотрены причины недостижения представленных в заявках на создание ТОСЭР параметров. Проведен количественный и качественный анализ 102 зарегистрированных резидентов ТОСЭР.

С учетом практики функционирования уже созданных ТОСЭР в моногородах даны предложения по повышению эффективности работы в рамках статуса ТОСЭР, а также о внесении ряда изменений в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие создание ТОСЭР в моногородах.

Для цитирования: Хабибрахимов А. Ж. ТОСЭР: статус присвоен – что дальше? // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 176–182. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-176-182.

Правительство Российской Федерации проводит масштабную кампанию по перезапуску экономики промышленных городов, которые зависели от деятельности одного местного крупного предприятия. Самый понятный для бизнеса инструмент этой программы – создание территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах.

ТОСЭР в моногороде – это особый правовой режим предпринимательской деятельности, предусматривающий масштабные налоговые льготы для бизнеса [1].

В соответствии с паспортом приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» (утвержденной президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30 ноября 2016 г. № 11) к концу 2018 г. должно быть создано 100 ТОСЭР в моногородах при условии подачи в установленном порядке в Минэкономразвития России соответствующей заявки от субъекта Российской Федерации на создание ТОСЭР, а также наличия фактически заключенных соглашений о намерениях реализации инвестиционных проектов в качестве резидента.

Создание ТОСЭР обеспечивает формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций и создание комфортных условий для жизни населения.

ТОСЭР создается на 10 лет постановлением Правительства Российской Федерации с возможностью продления на 5 лет.

Решением Правительства Российской Федерации о создании ТОСЭР определяется перечень видов экономической деятельности, которые допускается вести в рамках инвестиционных проектов.

Сегодня в России 36 ТОСЭР в моногородах [3], в ближайшее время данный статус получит еще 21 моногород, заявки которых уже одобрены.

Из 36 действующих ТОСЭР 26 моногородов – первой категории (72,3 %), 7 – второй категории (19,4 %), 3 – третьей категории (8,3 %) (рис.).

Изменения нормативной базы в апреле 2017 г. [2], позволившие городам 2 и 3 категории получать статус ТОСЭР, внесли существенные коррективы в структуру новых моногородов с этим статусом. Из 21 одобренного города 4 моногорода – первой категории (19,0 %), 14 – второй категории (66,7 %), 3 – третьей категории (14,3 %).

Данный инструмент развития территорий достаточно новый, но уже пользуется высоким спросом. По состоянию на 23 января 2018 г. в реестре резидентов ТОСЭР в моногородах, опубликованном на официальном сайте Минэкономразвития России, зареги-

Рис. Карта созданных и одобренных ТОСЭР
Fig. A map of the created and approved ASED areas

стрированы 102 предприятия [5]. На тройку лидеров приходится 49,0 % всех резидентов: город Набережные Челны республики Татарстан – 21 ед., город Тольятти Самарской области – 20 ед., город Гуково Ростовской области – 8 ед.

Руководство моногорода уже на этапе разработки заявки должно стремиться к тому, чтобы в рамках проектов резидентов было создано столько рабочих мест, сколько необходимо для баланса трудовых ресурсов с учётом высвобождения с градообразующего предприятия и снижения безработицы, если ее уровень высокий. Кроме того, реализация проектов за время существования ТОСЭР должна обеспечить существенный уровень диверсификации экономики города, то есть значительно снизить монозависимость.

Относительно небольшое число зарегистрированных резидентов связано с тем, что из 36 ТОСЭР 19 были созданы в период с июля по декабрь 2017 г. Следует отметить, что в настоящее время формируют необходимую нормативную базу (региональные и муниципальные НПА) 12 моногородов. Но создание ТОСЭР – лишь вершина айсберга, следующая задача – наполнить территорию резидентами.

Средний срок от даты выхода постановления Правительства о создании ТОСЭР до регистрации первого резидента составляет 150 дней.

Города, где первые резиденты были зарегистрированы в минимальные сроки:

− Рузаевка (республика Мордовия) – 76 дней;

− Вятские Поляны (Кировская область) – 77 дней;

− Юрга (Кемеровская область) – 85 дней;

− Чусовой (Пермский край) – 97 дней.

В сравнении не учтен город Верхний Уфалей Челябинской области, где первый резидент был зарегистрирован через 39 дней после постановления о создании ТОСЭР. Дело в том, что региональные НПА были разработаны для первого ТОСЭР этого региона – города Бакал.

Основные факторы, позволившие разработать необходимые документы и зарегистрировать резидентов в короткие сроки:

− подготовка проектов необходимых НПА до принятия постановления Правительства Российской Федерации (региональные постановления об обеспечении функционирования территории опережающего социально-экономического развития, включающие Положение о порядке заключения соглашения об осуществлении деятельности на ТОСЭР и Положение о комиссии по рассмотрению заявок на заключение соглашения об осуществлении деятельности на ТОСЭР; региональные законы и решения представительных органов местного самоуправления в области налогового регулирования);

− тесное взаимодействие региональных властей и органов местного самоуправления [4];

− включение в заявку тщательно отобранных резидентов с подтвержденными планами по реализации инвестпроектов и тесное сотрудничество с ними.

Следует отметить, что максимальный срок до регистрации первого резидента составил 306 дней в городе Краснокаменск Забайкальского края и 293 дня – в городе Ема республики Коми (таблица).

Таблица. Информация по территориям опережающего социально-экономического развития в моногородах
Table. Information on the ASED territories in single-industry towns

№ п/п	Моногород	Субъект Российской Федерации	Кол-во Классов ОКВЭД	Количество резидентов (на 23.01.2018)	Дата рассмотрения заявки на комиссии	Дата присвоения статуса ТОСЭР	Дата регистрации 1-го резидента
1.	г. Набережные Челны	Республика Татарстан	24	21	09.09.2015	28.01.2016	16.05.2016
2.	г. Тольятти	Самарская область	33	20	18.03.2016	28.09.2016	30.01.2017
3.	г. Гуково	Ростовская область	17	8	09.09.2015	28.01.2016	24.08.2016
4.	г. Кумертау	Республика Башкортостан	22	7	18.03.2016	29.12.2016	18.04.2017
5.	г. Анжеро-Судженск	Кемеровская область	21	5	18.03.2016	19.09.2016	18.01.2017
6.	г. Краснотурьинск	Свердловская область	37	4	18.03.2016	19.09.2016	13.03.2017
7.	г. Краснокаменск	Забайкальский край	22	4	18.03.2016	16.07.2016	22.05.2017
8.	г. Белебей	Республика Башкортостан	26	4	18.03.2016	29.12.2016	01.06.2017
9.	г. Чусовой	Пермский край	22	4	21.10.2016	23.03.2017	30.06.2017
10.	г. Бакал	Челябинская область	16	3	21.10.2016	06.03.2017	30.06.2017
11.	г. Кировск	Мурманская область	10	3	21.10.2016	23.03.2017	11.09.2017
12.	г. Усолье-Сибирское	Иркутская область	21	2	09.09.2015	26.02.2016	25.08.2016
13.	г. Дорогобуж	Смоленская область	22	2	21.10.2016	06.03.2017	17.11.2017
14.	г. Череповец	Вологодская область	29	2	11.02.2017	07.08.2017	13.12.2017
15.	г. Рузаевка	Республика Мордовия	25	2	28.06.2017	27.09.2017	13.12.2017
16.	г. Емва	Республика Коми	27	2	21.10.2016	06.03.2017	29.12.2017
17.	г. Вятские Поляны	Кировская область	24	2	11.08.2017	12.10.2017	29.12.2017
18.	г. Юрга	Кемеровская область	27	1	09.09.2015	16.07.2016	11.10.2016
19.	пос. Надвоицы	Республика Карелия	5	1	18.03.2016	19.09.2016	20.03.2017
20.	г. Новотроицк	Оренбургская область	19	1	11.02.2017	24.07.2017	17.11.2017
21.	г. Димитровград	Ульяновская область	25	1	11.02.2017	19.07.2017	11.12.2017
22.	г. Каспийск	Республика Дагестан	7	1	21.10.2016	24.03.2017	21.12.2017
23.	г. Верхний Уфалей	Челябинская область	18	1	28.06.2017	13.11.2017	22.12.2017
24.	пос. Селенгинск	Республика Бурятия	26	1	11.02.2017	29.07.2017	18.01.2018
25.	г. Абаза	Республика Хакасия	14	0	11.02.2017	24.07.2017	
26.	г. Петровск	Саратовская область	15	0	28.06.2017	27.09.2017	
27.	г. Тутаев	Ярославская область	13	0	28.06.2017	28.09.2017	
28.	г. Сарапул	Удмуртская Республика	35	0	28.06.2017	29.09.2017	
29.	г. Лесной	Рязанская область	27	0	28.06.2017	13.11.2017	
30.	г. Сосенский	Калужская область	16	0	28.06.2017	13.11.2017	
31.	г .Котовск	Тамбовская область	26	0	28.06.2017	22.12.2017	
32.	г. Невинномысск	Ставропольский край	23	0	28.06.2017	22.12.2017	
33.	г. Кондопога	Республика Карелия	6	0	11.08.2017	22.12.2017	
34.	г. Зеленодольск	Республика Татарстан	18	0	11.08.2017	22.12.2017	
35.	г. Чистополь	Республика Татарстан	24	0	11.08.2017	22.12.2017	
36.	г. Нижнекамск	Республика Татарстан	16	0	11.08.2017	22.12.2017	

Перечень классов Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)), включающих виды экономической деятельности, осуществление которых допускается в результате реализации инвестиционных проектов на ТОСЭР, для каждого моногорода устанавливается индивидуально. Очевидно, что чем шире перечень, тем больше возможностей для привлечения резидентов.

Города с максимальным числом одобренных видов экономической деятельности:

− Краснотурьинск – 37 единиц;

− Сарапул – 35 единиц;

− Тольятти – 33 единицы.

− Моногорода с минимальным числом одобренных видов экономической деятельности:

− Поселок Надвоицы – 5 единиц;

− Город Кондопога – 6 единиц;

− Город Каспийск – 7 единиц.

На примере городов Тольятти (20 резидентов) и Краснотурьинска (4 резидента) можно увидеть, что количество резидентов зависит от эффективности работы управленческой команды. В то же время город Чусовой, получивший статус на полгода позже Краснотурьинска, имеет также 4 резидента при 22 разрешенных классах ОКВЭД.

Усиливающаяся конкуренция за резидентов диктует свои условия для управленческих команд моногородов: помимо защиты расширенного перечня классов ОКВЭД города могут предоставить более выгодные условия налогообложения и предоставляемых преференций.

В соответствии с законодательством в Российской Федерации установлены следующие налоговые ставки и льготы для резидентов ТОСЭР [7]:

− налог на прибыль в федеральный бюджет – 0 %, в региональный – не более 5 % в течение первых пяти лет и не ниже 10% в течение последующих пяти налоговых периодов;

− снижение тарифа по страховым взносам в четыре раза в течение10 лет, если базовая величина – 30 %, то для резидентов ТОСЭР – 7,6 %, в том числе 6 % – в Пенсионный фонд Российской Федерации, 1,5 % – в Фонд социального страхования и 0,1 % – в Фонд обязательного медицинского страхования [8];

− освобождение от уплаты регионального налога на имущество организации и местного земельного налога (сроки определяются, соответственно, региональными и муниципальными нормативными актами в рамках действующего налогового законодательства);

− льготный коэффициент при расчете налога на добычу полезных ископаемых в течение 10 лет.

Изучив нормативную базу региональных и муниципальных НПА 26 ТОСЭР (в том числе их проекты), следует отметить следующее:

− 5 моногородов приняли нулевую ставку по налогу на прибыль для резидентов при возможности установления максимальной ставки в 5,0 % (г .Бакал, г. Димитровград и др.);

− 4 моногорода установили пониженную ставку аренды земельных участков, в некоторых городах равную нулю (г. Анжеро-Судженск, г. Набережные Челны и др.);

− на территории единственного моногорода – Димитровграда – региональным законодательством резиденты ТОСЭР освобождены от уплаты транспортного налога.

Основные инструменты продвижения статуса ТОСЭР, используемые моногородами.

Для привлечения инвесторов на официальных сайтах размещается подробная информация для юридических лиц о подготовке заявки на включение в реестр резидентов ТОСЭР. Следует отметить инвестиционный портал городов Кумертау, Набережные Челны, Тольятти, региональный сайт Иркутской области, где размещен онлайн-калькулятор льгот, позволяющий потенциальным резидентам оперативно рассчитать возможную выгоду от размещения здесь производства.

Буклеты и информационные памятки для потенциальных резидентов ТОСЭР размещаются в доступных местах: в многофункциональных центрах, в аэропортах (г. Чусовой), самолетах (г. Череповец) и поездах.

На официальных сайтах администраций размещается перечень свободных земельных участков с указанием их характеристик. По запросам юридических лиц сотрудники администрации и институтов развития муниципального образования должны оперативно помочь в подборе подходящего земельного участка под инвестиционный проект.

Также на системной основе проводятся совещания с юридическими лицами по вопросам создания и функционирования ТОСЭР, в т. ч. по требованиям к инвестпроектам и резидентам, формированию заявок для включения юридических лиц в реестр резидентов ТОСЭР Российской Федерации и т. д. Следует отметить успешную практику онлайн-трансляций подобных мероприятий в городах Нижнекамск и Набережные Челны.

Предоставляемые государственные преференции для бизнеса в границах ТОСЭР в совокупности с финансовыми инструментами некоммерческой организации «Фонд развития моногородов» [6] позволяют обеспечить комплексную поддержку реализации инвестиционных проектов:

− софинансирование 95 % расходов на строительство инфраструктуры, необходимой для запуска новых инвестиционных проектов в моногородах;

− финансирование инвестиционных проектов на сумму от 100 млн руб. до 1,0 млрд руб. под 5,0 % годовых на срок до 8 лет.

В качестве успешных примеров можно привести следующие проекты.

Строительство маслоэкстракционного завода в селе Маячный городского округа города Кумертау республики Башкортостан. Кроме льгот, полученных в качестве резидента ТОСЭР, проект получил от Фонда 1,0 млрд руб. в виде займа и 250,3 млн руб. на строительство очистных сооружений, реконструкцию автодороги и железнодорожных путей, наружных инженерных сетей.

Развитие Камского Индустриального парка «Мастер» в городе Набережные Челны Республики Татарстан. Фонд предоставил 573,95 млн руб. на создание дорожной инфраструктуры, а также принял участие в софинансировании инвестиционного проекта в размере 898,1 млн руб.

Линейными менеджерами Фонда оказываются консультационные услуги как органам местного самоуправления, так и потенциальным инвесторам по механизму получения статуса ТОСЭР и особенностям предоставляемых льгот для резидентов.

Фонд также занимается и информационным сопровождением проектов. В частности, готовится издание брошюры «ТОРы в моногородах. Предложение для инвестора».

Будет представлена информация о промышленных площадках в моногородах, получивших статус ТОСЭР.

Принято участие в конференциях, круглых столах и других мероприятиях по тематике развития ТОСЭР:

− сессия «Повышение эффективности инвестиций – ТОР» российского инвестиционного форума «Сочи-2017»;

− круглый стол «Эффективное взаимодействие бизнеса и власти в решении социально-экономических задач моногородов: накопленный опыт, ближайшие задачи и перспективные планы», РСПП;

− Гайдаровский форум. Деловой завтрак «25 лет в пути: иностранные инвестиции в социально-экономическое развитие России»;

− круглый стол «Инвестиционная привлекательность моногородов: оценка бизнеса», «Деловая Россия».

Среди учредителей резидентов ТОСЭР имеются и иностранные компании, в том числе из США, Германии, Китая. Например, резиденты города Набережные Челны – ООО «Хайер Апплаенсис РУС» (филиал китайского производителя бытовой техники Haier) и ООО «Полихим Системс» (представительство немецкого производителя пластмасс и синтетических смол Polychem Systems).

Существующие риски ТОСЭР:

− длительные сроки согласования проектов постановлений на создание ТОСЭР;

Пример: заявка от города Юрга была одобрена Комиссией по вопросам создания и функционирования ТОСЭР [8] в моногородах 9 сентября 2015 г., а постановление принято лишь через 307 дней – 16 июля 2016 г., в городах Кумертау и Белебей срок ожидания составил 281 день.

− длительные сроки разработки региональной нормативной базы по функционированию ТОСЭР – более четырех месяцев с момента получения статуса ТОСЭР;

− потеря эффективности ТОСЭР как инструмента поддержки развития моногородов. В соответствии с 473-ФЗ начиная с 29 марта 2018 г. ТОСЭР могут создаваться на всей территории Российской Федерации, что может негативно отразиться на конкурентоспособности ТОСЭР в моногородах, ЗАТО и на Дальнем Востоке, а также на развитии указанных территорий.

Следует отметить, что для многих моногородов такой инструмент развития территории, как ТОСЭР, является единственным способом привлечь частные инвестиции без федерального финансирования.

При реализации инвестиционного проекта в границах ТОСЭР любой представитель бизнеса получает ежегодную экономию в размере от 22 до 32 % от объема налоговых платежей в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды, которые были бы им уплачены в случае реализации проекта при обычных условиях налогообложения.

С учетом практики функционирования уже созданных ТОСЭР в моногородах представляется целесообразным рассмотреть вопрос о внесении ряда изменений в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие создание ТОСЭР в моногородах.

В частности, целесообразно внести изменения в часть 3 статьи 34 Закона № 473-ФЗ, обеспечив возможность получения статуса резидента ТОСЭР индивидуальными предпринимателями, применяющими общую систему налогообложения. Данное изменение повысит предпринимательскую активность, позволив существенно расширить круг потенциальных резидентов в моногородах, способствуя диверсификации экономики и снижению зависимости от градообразующего предприятия.

Кроме того, предлагается рассмотреть возможность предоставления льгот по социальным взносам для резидентов ТОСЭР, получивших статус резидента с четвертого года действия режима ТОСЭР в моногородах и ЗАТО (аналогичный вопрос прорабатывается в части ТОСЭР для Дальневосточного федерального округа), а также закрепления в Законе № 473-ФЗ сохранения налоговых льгот для моногородов, получивших статус ТОСЭР, но исключенных из перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р [9]. Этот вопрос в настоящее время не урегулирован.

Помимо этого, предлагается рассмотреть вопрос о распространении процедуры свободной таможенной зоны на ТОСЭР в моногородах (по аналогии с ТОСЭР на Дальнем Востоке [11], ЗАТО и иных территориях) в целях повышения инвестиционной привлекательности, поддержки экспорта и беспошлинной поставки импортного оборудования для производства.

В целях повышения эффективности функционирования уже созданных и создаваемых ТОСЭР, а также принимая во внимание, что ТОСЭР в моногородах создаются на срок 10 лет, необходимо повысить ответственность субъектов Российской Федерации и моногородов за достижение изначально заявленных показателей по привлечению резидентов ТОСЭР.

Предлагаемые изменения позволят привлечь в моногорода дополнительные инвестиции и создать новые рабочие места в целях диверсификации их экономики.

Литература

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации. ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ.
2. Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2015 № 614.
3. О создании территории опережающего социально-экономического развития (по городам). Постановления Правительства Российской Федерации.
4. Площадка для коммуникаций проектных команд и жителей моногородов «Диалог 319» в социальной сети «ВКонтакте». Режим доступа: https://vk.com/dialog319 (дата обращения: 15.02.2018).
5. Реестр резидентов ТОСЭР в монопрофильных муниципальных образованиях, созданных на территории монопрофильных муниципальных образований // Минэкономразвития России. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econreg/monitoringmonocity/2016160505 (дата обращения: 15.02.2018).
6. Официальный сайт Некоммерческой организации «Фонд развития моногородов». Режим доступа: http://www.frmrus.ru/ (дата обращения: 15.02.2018).
7. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. Режим доступа: https://www.nalog.ru (дата обращения: 15.02.2018).
8. О Комиссии по вопросам создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Приказ Минэкономразвития России от 15.07.2015 № 476.
9. Перечень Монопрофильных муниципальных образований российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. №1398-р.
10. О применении пониженных тарифов страховых взносов резидентами территории опережающего социально-экономического развития. Письмо Министерства труда и социальной защиты российской федерации от 10 июня 2016 г. № 17-3/В-244.
11. Официальный сайт АО «Корпорация развития Дальнего Востока. Режим доступа: http://erdc.ru/ (дата обращения: 15.02.2018).

ADVANCED SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT AREAS (ASEDA): STATUS ASSIGNED – WHAT'S NEXT?

Almir Zh. Khabibrahimov[1, @]

[1] *Monocities Development Fund, 2, Entuziastov Blvd, Moscow, Russia, 109544*
[@] *a.khabibrakhimov@frmrus.ru*

Received 25.03.2018. Accepted 17.04.2018.

Keywords: monotowns, social and economic development, attraction of investors, residents, diversification of the economy, efficiency, Advanced Social and Economic Development Areas, ASEDA.

Abstract: The report reflects the research of two-year practice of using such an instrument of development and attracting investments as Advanced Social and Economic Development Areas (ASEDA) in mono-profile municipal entities of the Russian Federation.

The study, which employed the data available from open sources, involves an analysis of 36 operating territories with ASEDA status. The territories were classified according to 1) the number of permitted activities, 2) the time period between the moment of obtaining the ASEDA status and the registration of the first resident, 3) tax preferences granted to the registered residents (regions can set rates within the established range, e.g. 0 to 5% income tax). The paper features formats and methods employed by regional and municipal management teams to attract investors. The author describes experience in preparing the necessary regulatory framework and promoting this status. The research reveals the best practices and explains why some ASED areas fail to reach the parameters declared in the applications.

A quantitative and qualitative analysis of 102 registered ASED residents has been carried out. Taking into account the experience of already existing ASED in single-industry towns, the author gives a number of proposals on how to increase the efficiency of work within the framework of the ASED status, as well as on making a number of changes to the current regulatory legal acts controlling the establishment of ASED in single-industry towns.

For citation: Khabibrahimov A. Zh. TOSER: status prisvoen – chto dal'she? [Advanced Social and Economic Development Areas (ASEDA): status assigned – what's next?]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 176–182. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-176-182.

References

1. *O territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii* [On the territories of advanced social and economic development in the Russian Federation]. FZ of December 29, 2014, No. 473-FZ.

2. *Ob osobennostiakh sozdaniia territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia na territoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the features of creating areas of priority socio-economic development in the territories of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Decree of the Government of the Russian Federation of June 22, 2015, No. 614.

3. *O sozdanii territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (po gorodam)* [On the creation of a territory for advanced social and economic development (by cities)]. Decrees of the Government of the Russian Federation.

4. *Ploshchadka dlia kommunikatsii proektnykh komand i zhitelei monogorodov «Dialog 319» v sotsial'noi seti «VKontakte»* [The site for communication of project teams and residents of single-industry towns «Dialogue 319» in the social network «VKontakte»]. Available at: https://vk.com/dialog319 (accessed 15.02.2018).

5. *Reestr rezidentov TOSER v monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniiakh, sozdannykh na territorii monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii* [The register of ASED residents in single-profile municipal entities established on the territory of single-profile municipalities]. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econreg/monitoringmonocity/2016160505 (accessed 15.02.2018).

6. *Ofitsial'nyi sait Nekommercheskoi organizatsii «Fond razvitiia monogorodov»* [The official site of the Non-Profit Organization «Fund for Development of Monotowns»]. Available at: http://www.frmrus.ru/ (accessed 15.02.2018).

7. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi nalogovoi sluzhby* [Official site of the Federal Tax Service]. Available at: https://www.nalog.ru (accessed 15.02.2018).

8. *Komissii po voprosam sozdaniia i funktsionirovaniia territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia na territoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [Commission on the matters of creation and functioning of territories of advancing social and economic development on the territories of mono-profile municipalities of the Russian Federation (monotowns)]. The order of the Ministry of economic development of the Russian Federation of 15.07.2015, No. 476.

9. *Perechen' Monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [The List of Monoprofile municipalities of the Russian Federation (monotowns)]. The order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014, No, 1398-p.

10. *O primenenii ponizhennykh tarifov strakhovykh vznosov rezidentami territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia* [About application of the lowered rates of insurance premiums by residents of the territory of advancing social and economic development]. The letter of the Ministry of labour and social protection of the Russian Federation of June 10, 2016, No. 17-3/V-244.

11. *Ofitsial'nyi sait AO «Korporatsiia razvitiia Dal'nego Vostoka* [The official website of JSC «Corporation of development of the Far East»]. Available at: http://erdc.ru/ (accessed 15.02.2018).

УДК 33:316.4

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАРАБАШ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

***Наталия Ф. Шнейдмиллер*[1, @1], *Галиб Р. Мамедов*[2, @2]**

[1] *Уральский государственный архитектурно-художественный университет, 620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23*
[2] *СОООФ «Центр качества строительства», 620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 68*
[@1] *shneidmiller80@mail.ru*
[@2] *mamedov_galib@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.01.2018. Принята к печати 17.04.2018.

Ключевые слова: Карабаш, экология, концепция, лесопарк, природный комплекс, экологическая безопасность, угнетенные территории.

Аннотация: Статья посвящена современным проблемам развития малых городов России с угнетенными территориями. В качестве примера рассматриваются территории зон экологического кризиса города Карабаш Челябинской области Российской Федерации. В настоящее время возникла потребность управления угнетенными территориями, подверженными воздействию негативных факторов. В современных условиях требуется изменить подход в проектировании таких территорий для выявления их привлекательности с градостроительной точки зрения. В статье раскрыты экологические, экономические, социальные проблемы малых городов, которые сегодня актуальны в современных условиях. На примере города Карабаш Челябинской области сделаны выводы по комплексной оценке территории с целью выделения угнетенных территорий, на основании которого было предложено решение. В статье рассмотрены современные тенденции и методы решения данного вопроса, предлагаемые другими авторами. На основании сделанного анализа и изучения предшествующего опыта в статье предложены методы решения проблем угнетенных территорий.

Для цитирования: Шнейдмиллер Н. Ф., Мамедов Г. Р. Особенности развития малых городов России в условиях экологического кризиса на примере города Карабаш Челябинской области// Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 183–190. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-183-190.

Вопросы развития малых городов России с угнетенными территориями приобретают первоочередную задачу. В современных экономических условиях большинство малых городов имеют основное градообразующее предприятие, чаще всего работающее в сфере промышленного производства и связанное с добычей и переработкой полезных ископаемых (автомеханические, строительные, нефтяные, нефтехимические, энергетические и предприятия по утилизации вредных отходов).

Город Карабаш Челябинской области не стал исключением, он расположен на северо-западе Челябинской области, в 140 км от областного центра на тупиковой железнодорожной магистрали Челябинск – Екатеринбург. Город Карабаш относится к группе малых городов Челябинской области, которые связаны с развитием горнодобывающей, металлургической и других видов промышленности.

Возникновение города Карабаш относится к началу 20 века, когда к 1910 г. был построен и пущен в эксплуатацию новый медеплавильный завод, оснащенный передовой по тому времени техникой и технологией, заложены шахты Центральная, Южная и Южный рудник. Численность населения Карабаша к началу 20 века составляла 0,4 тыс. человек.

К 1915 г. завод выплавил треть всей меди, производимой в России.

В годы гражданской войны завод был разрушен, шахты затоплены. С 1925 г. начинается восстановление завода и шахт.

В 1928 г. Карабаш оформился как единый населенный пункт путем объединения существующих рудничных поселков, поселка при медеплавильном заводе и приисковых поселков.

С 1933 г. Карабаш преобразован в город районного подчинения Кыштымского райсовета, а с 1940 г. преобразован в город областного подчинения. Численность населения города перед Великой Отечественной войной составляла около 50 тыс. человек.

В послевоенные годы с открытием новых месторождений меди – в Казахстане, Узбекистане, Норильске – ослабевает внимание к Карабашскому медеплавильному производству (как и к другим Уральским медеплавильным заводам). В городе Карабаш прекращается производство мышьяка, ликвидируются обедневшие рудники, начинается свертывание производства шахт и т. д. В связи с уменьшением рабочих мест идет отток населения.

В 70-х гг. 20 века население города сократилось до 20 тыс. человек. Вместе с тем в городе дальней-

шее развитие получает социальная и инженерная инфраструктуры: сооружаются Киалимское водохранилище и водовод, городские очистные сооружения, в/в ЛЭП-ПОкВ, магистральный газопровод, строится жилой микрорайон № 2 с объектами соцкультбытового назначения (здания Администрации города, узла связи, средней школы, детского сада и т. д.).

Численность населения города на 2016 г. составила 11,3 тыс. человек. В городе имеются 3,1 тыс. жилых зданий площадью 309,6 тыс. кв. м, развитая система инженерного обеспечения и социальной инфраструктуры, памятники истории и архитектуры в жилой застройке, памятники промышленной архитектуры (теплосиловой цех и здание управления ЗАО «Карабашмедь»).

С другой стороны, крайне обостряется экологическая обстановка в городе – огромные площади нарушенных земель, загрязнение почв, водных объектов, подземных вод, атмосферы токсичными веществами в масштабах, представляющих угрозу для проживающего здесь населения, гибель растительности – результат многолетней деятельности Карабашского медеплавильного комбината. Учитывая степень экологического неблагополучия, Решением Коллегии областного комитета по охране природы и приказом Министра металлургии СССР от 21.11.89 № 400 в конце 1989 г. старое металлургическое производство было остановлено.

Однако напряженное социальное, финансово-экономическое положение города, в значительной мере зависящее от деятельности медеплавильного комбината – основного градообразующего предприятия города, наложенное на негативные процессы, вызванные реформами последних лет, привело к отмене решения об остановке металлургического производства. В конце 1997 г. завод (ныне ЗАО «Карабашмедь») приступил к выпуску черновой меди.

Многолетние выбросы медеплавильного производства привели экологическую обстановку города к экологической катастрофе. Деградация среды вызвана эрозийными процессами, в результате которых почва вокруг города полностью уничтожена. Постоянное техногенное воздействие практически полностью приостановило естественное самовосстановление природной среды (рис. 1).

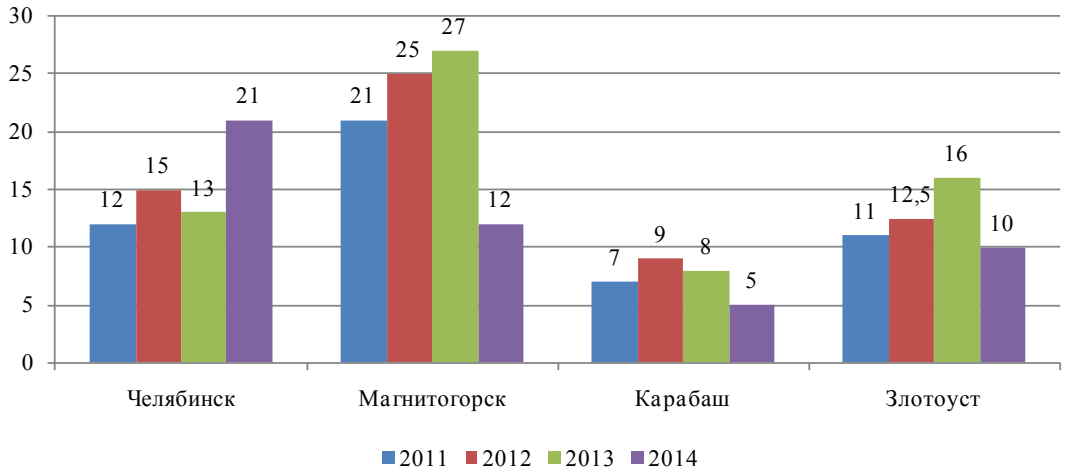

Рис. 1. Индекс загрязнения атмосферного воздуха в регионе
Fig. 1. Index of air pollution in the region

Основным источником загрязнения являются отходы медеплавильного производства:

– отходы обогащения медных и медно-цинковых руд;
– пиритные отложения в пойме реки Сак-Элга;
– гранулированный шлак;
– литой шлак;
– шламы гидроокислов металлов.

Деятельность комбината привела к загрязнению почв, водных объектов, донных отложений, атмосферы токсичными веществами, к исчезновению лесов в окрестностях города, деградации почвенного покрова. Экспертной комиссией Министерства природы Российской Федерации в 2008 г. была произведена оценка ситуации в городе Карабаш в соответствии с критериями оценки экологической обстановки территории для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации.

Наибольший уровень экологической деградации и глубоких необратимых изменений был выявлен на участке реки Сак-Элга после впадения Рыжего ручья до устья.

Накопление вредных микроэлементов в природных системах города Карабаш определяется доминирующим для всей территории городского округа фактором загрязнения – выбросами медеплавильного производства.

Введение новых технологий на комбинате ЗАО «Карабашмедь» позволило нарастить объёмы производства без увеличения количества выбросов, но основная масса бытовых и промышленных отходов до сих пор не подверглась какой-либо переработке и вторичному использованию.

Новые технологии позволили сократить выбросы загрязняющих веществ на одну тонну черновой меди,

произведенной на Карабашском медеплавильном комбинате, до 3,75 тонны. Ранее данный показатель составлял 7,4 тонны на одну тонну произведенной черновой меди.

Ввод в эксплуатацию объектов очистки отходящих газов позволил снизить выбросы загрязняющих веществ до 0,3 тонны на одну тонну черновой меди, в том числе пыли – до 1,6 кг на одну тонну черновой меди. Также на экологическую ситуацию оказывают влияния отходы, которые размещаются на полигонах хранения, свалках и территориях промышленных предприятий, их скопление усугубляет экологическую ситуацию в городе Карабаш каждый год.

В последние годы можно проследить определенную положительную тенденцию в плане общего улучшения качества атмосферного воздуха в городе Карабаш. Например, снизились среднегодовые концентрации диоксида серы. Тем не менее ситуация неоднозначна, поскольку уровень загрязнения воздуха наблюдается высокий. Поэтому необходимость мониторинга химического загрязнения данной среды в городе остается актуальной.

Сегодня территория города в пределах городской черты составляет 39,0 кв. км, в том числе: застроенная территория – 11,38 кв. км, из них селитебная – 8,26 кв. км, производственная – 3,12 кв. км, незастроенная территория занимает 27,62 кв. км, или 70,82 % территории города. Основываясь на данных показателях можно сделать вывод о достаточности территориальных ресурсов для дальнейшего эффективного развития города [1; 2].

Но анализ современного состояния территории города Карабаш выявил ряд проблем:

– наличие значительных территорий, природа которых нарушена в результате длительного воздействия на окружающую среду;

– размещение промышленных площадок в черте города с большими санитарно-защитными зонами, в которые попадают жилые территории.

Проведенный комплексный анализ выявил, что побочные продукты деятельности медеплавильного производства загрязняют окружающую среду (воду, воздух, почву). Это вызывает дестабилизацию природных систем, которая влечет за собой нарушение экосистемы, впоследствии чего создается угроза жизни и здоровью человека.

По экологическим наблюдениям город Карабаш входит в число пятнадцати городов России с устойчивым повышенным уровнем загрязнения атмосферы, водных бассейнов, почвы и грунтовых вод, потому для Карабаша экологическая проблема весьма актуальна (для примера можно обратиться к рисункам 2 и 3).

Интенсивное промышленное освоение района изначально не было ориентировано на сохранение и защиту окружающей среды и в конце XX столетия привело к экологической деградации природной среды и нанесению вреда здоровью населения, проживающего на территории города, городского округа и региона. В составе продуктов переработки руд, многочисленных отходов, атмосферных выбросов, водных выпусков

Рис. 2. Город Карабаш, Челябинская область, жилая застройка, попадающая в санитарно-защитную зону ЗАО «Карабашмедь»
Fig. 2. The town of Karabash (Chelyabinsk region): residential area within the sanitary protection zone of the copper plant Karabashmed CJSC

Рис. 3. Город Карабаш, Челябинская область, санитарно-защитная зона ЗАО «Карабашмедь»
Fig. 3. The town of Karabash (Chelyabinsk region), sanitary protection zone of Karabashmed CJSC

содержится большое количество вредных токсичных элементов, которые постоянно накапливались в почвах. В результате деятельности ведущего предприятия города «Карабашского медеплавильного комбината» и горнорудных предприятий накопился огромный объем различных химических элементов I–III класса опасности – меди, цинка, кадмия, хрома, железа, мышьяка, свинца и др., в концентрациях, превышающих в сотни раз установленные в Российской Федерации предельно допустимые санитарные нормы.

Вместе с поверхностными водами опасные микроэлементы попадают в реку Сак-Элга, а затем в Аргазинское водохранилище, которое является резервным источником водоснабжения крупного промышленного центра города Челябинск. Высокий уровень загрязнения поверхностных вод и почв города Карабаш создает реальную угрозу экологической безопасности всего региона.

С точки зрения экологии город является сложной системой, напрямую зависящей не только от градостроительных факторов, но и экономических, социальных, экологических и т. д. Это становится проблемой в развитии территории города [3; 4].

Для решения проблемы развития территории можно предложить два метода. Один метод заключается в создании и развитии производственной базы, связанной с появлением новых рабочих мест, которая повлечет за собой развитие сферы обслуживания населения, повышение требований к качеству жилья и создание удобных транспортных связей в пределах города, городского округа и региона. Одним словом, это создание благоприятного социального микроклимата в самом городе, решаемое через принципы «социальной ориентации пространства», «идентификации» и «экономической устойчивости». Принцип «социальной ориентации пространства» направлен на развитие социальной инфраструктуры и общественных пространств, повышение доступности к социально значимым объектам. Принцип «идентификации» решает вопросы существующих уникальных объектов на территории и вопросы о создании новых. Принцип «экономической устойчивости» ориентирован на организацию экономической деятельности территории с помощью систематизации производственной деятельности и выделения инвестиционных зон. Все вышеперечисленные мероприятия влекут за собой увеличение территории города и повышение негативного влияния на окружающую среду. Природные экосистемы теряют свою способность к самовосстановлению, что приводит их к разрушению и появлению угнетенных территорий.

Еще один путь, который может обеспечить устойчивое развитие городской территории через метод экологического равновесия – метод, базирующийся на принципах «территориальной целостности», «комплексности» и «экологизации». Эти принципы решают задачи по формированию градостроительных факторов при пространственном развитии систем, таких как планировочные, композиционные, экономические, социальные, экологические, природные и транспортно-инженерные. В целом метод экологического равновесия включает в себя:

– включение в планировочную структуру города природных ландшафтов – лесов, водоемов, лесопарков;

– установление баланса между урбанизированными и природными площадями территории города;

– увеличение площади зеленых насаждений общего пользования за счет городских лесов и лесопарков;

– формирование озелененных санитарно-защитных зон между жилыми районами и промышленными предприятиями с учетом данных о фактическом загрязнении окружающей среды;

– вынос из жилых районов предприятий с вредными и опасными производствами;

– строительство окружных автомобильных дорог, скоростных магистралей для уменьшения транспортных потоков в черте города;

– строительство набережных, организация рекреационных зон на берегах водоемов и водотоков;

– строительство природоохранных объектов;

– проведение экологического мониторинга окружающей природной среды, а также целого комплекса мероприятий природоохранного значения.

Благоприятные условия проживания населения обеспечиваются экологическим благополучием городской среды.

Для вывода территории города из экологического кризиса в рамках реализации проекта «Утилизация серы отходящих газов медеплавильного цеха», рассчитанного на три этапа, ЗАО «Карабашмедь» осуществило строительство кислородной станции (1-й этап) и ввод в действие комплекса мокрой очистки отходящих газов (2-й этап), ведется строительство установки для улавливания сернистого газа (3-й этап) и реконструкция производства. Реализация данных проектов продолжается в настоящее время.

С 2015 г. в городе Карабаш наблюдения за качеством атмосферного воздуха осуществлялись в рамках производственного контроля предприятия ЗАО «Карабашмедь». Замеры производятся ежедневно (ежечасно в периоды НМУ) по пыли и сернистому ангидриду и один раз в неделю по меди, цинку, свинцу, мышьяку, диоксиду азота, кадмию. Проведенные замеры за отчетный период не выявили превышение гигиенических нормативов.

Результатом улучшения экологического благополучия городской среды города в настоящее время стали проведенные мероприятия по модернизации производства на ЗАО «Карабашмедь». Это снизило экологическую нагрузку на городские территории, и с 2010 г. Карабаш исключен из десятки самых грязных городов России [5].

Природный комплекс города Карабаш переставляет собой леса, расположенные в северном, западном и южном секторе города. Леса представлены ведущей породой сосной и березой с примесью лиственницы, осины, липы и др. породы. Незастроенны территории долин рек Серебрянки и Сак-Элги, поймы Безымянных ручьев, а также территории общего пользования, занятые зеленными насаждениями (парки, скверы), и водные объекты: реки Серебрянка и Сак-Элга, озеро Серебры, Карабшаский и Богородский пруды.

Зеленые насаждения имеют многообразные значение в жизни города:

– санитарно-гигиеническое (влияют на чистоту, состав и ионизацию воздуха, способствуют оздоровлению городской среды, улучшают микроклимат города, являются эффективным средством борьбы с городским шумом, загрязнением территории выбросами автотранспорта и промышленными объектами);

– градостроительное (при формировании функционально-планировочной структуры города участвуют в создании ландшафтно-рекреационных объектов различного ранга) [6];

– эстетическое (влияют на композицию городского пространства, формирование архитектурных ансамблей).

В настоящее время в городе крайне мало зеленных насаждений общего пользования (парки, скверы, бульвары), санитарно-защитное озеленение практически отсутствует, и в первую очередь, это касается санитарно-защитной зоны ЗАО «Карабашмедь», что напрямую сказывается на экологической обстановке в городе.

В рамках разработанной концепции развития Карабашскогогородского округа на период 2016–2021 гг. (рис. 4) применительно к территории города Карабаш, автором которой является СОООООФ «Центр качества строительства», основной задачей становится сохранение и развитие природных территорий города, которые в первую очередь обеспечат:

– улучшение состояния окружающей среды;

– экологическую безопасность развития города;

– создание благоприятных условий для отдыха и оздоровления граждан;

– сохранение способности к самовоспроизводству природы.

С этой целью Концепция предусматривает:

– увеличение доли зеленных насаждений общего пользования за счет:

а) формирования новых объектов зеленого строительства (сад (парк) микрорайона «Золотая горка», детского парка, озеленение улиц, бульваров),

б) проведение ряда мероприятий по инженерной подготовке в целях строительства многофункциональной площади и детского парка, таких как понижение грунтовых вод, осушение заболоченных территорий (от ул. Шахтерская, Серебрянская до впадения реки Серебрянки),

в) благоустройство аллеи Ветеранов,

г) благоустройство большой спортивной арены,

– дальнейшее формирования системы зеленых насаждений ограниченного пользования:

д) строительство объектов жилого назначения,

е) строительство детского сада на 240 мест,

ж) физкультурно-оздоровительный комплекс,

– формирование системы зеленых насаждений специального назначения:

з) реабилитация территорий, нарушенных хозяйственной деятельностью ЗАО «Карабашмедь», входящих в санитарно-защитную зону,

к) благоустройство набережной городского пруда с целью использования в рекреационных целях.

В рамках изучения научных трудов можно выделить одним из важнейших методов решения проблемы экологической безопасности в городе Карабаш метод рекультивации и консервирование нарушенных территорий. Авторы статьи «Территории зон экологического бедствия: восстановление или консервация?» Л. Н. Першинова и Е. А. Воробьёва видят не только рекультивацию, но и консервацию нарушенных земель и территорий города [7, с. 3]. Предотвращение деградации, расчистка, выравнивание почв, восстановление плодородия действительно позволят реорганизовать городское пространство, которое можно использовать под застройку.

Л. Н. Першинова и Е. А. Воробьёва приводят в пример несколько успешных проектов рекультивации

Рис. 4. Концепция развития Карабашского городского округа
Fig. 4. The concept of development of the Karabash urban district

промышленных территорий: «Padre Renato Poblete River Park» – речной парк в Чили на месте бывшей свалки промышленных отходов, «Factora Joven Skate Park» – скейт-парк на территории металлургического завода Мерида в Испании, а также многоуровневый промышленный парк в Бангкоке [8, с. 3–4]. Эти примеры говорят о популярности и действенности методов рекультивации нарушенных земель во всём мире.

В статьях «Опыт лесной рекультивации в районе медеплавильного завода ЗАО «Карабашмедь» А. Н. Михеева и С. В. Залесова [9] и в автореферате «Лесная рекультивация нарушенных земель горных склонов в зоне влияния медеплавильного производства (на примере ЗАО «Карабашмедь»)» А. Н. Михеева [10] авторами признаётся возможной рекультивация нарушенных земель в Карабаше способом террасирования. Были применены методы восстановления растительности на нарушенных землях, на задействованных террасах был создан особый микроклимат, несмотря на влияние отходов завода. Авторы рекомендовали в основном применять на участках рекультивации террасирование с созданием лесных культур, способных произрастать в условиях загрязнения. Исследование показало, что террасирование является одним из наиболее эффективных способов рекультивации земель в районах хронического воздействия отходов медеплавильного производства. Нарушенные земли рекомендуется оставлять под естественное зарастание.

Примером реализации методов рекультивации нарушенных территорий можно привести проект рекультивации свалок твёрдых бытовых отходов общественной организацией «Эконадзор» города Сургут в 2012 г., который был разработан на примере свалки в городе Нефтеюганск. Технология рекультивации заключается в поэтапной организации искусственного плоского рельефа и восстановлении растительного покрова. Для отвода газов строятся пассивные газоотводящие скважины. Проводятся мероприятия по снижению объёма выбросов загрязняющих веществ. Согласно прогнозам экологов, ожидаемая эффективность данного мероприятия по опыту рекультивации техногенных объектов Урала составляет 70–75 %. Интересно отметить, что в настоящее время экспертами разрабатываются различные проекты рекультивации территории широко известной свалки твёрдых бытовых отходов в Балашихе, которая была закрыта в июне 2017 г. по прямому указанию Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Анализируя приведённые выше проблемы и учитывая особенности территории города Карабаш, можно заключить, что одним из вариантов решения проблемы может стать метод экологического равновесия, направленный на рекультивацию земель. В городе Карабаш важно сохранить территорию природного комплекса путём обустройства всех существующих рекреационных зон и озеленённых территорий, расчищать русла рек Серебрянки и Сак-Элги, реабилитировать водоёмы. Развитие территорий природного комплекса города и благоустройство береговой полосы водных объектов являются первостепенными задачами при восстановлении территорий Карабаша (рис. 5) [11].

В статье были приведены и проанализированы проблемы развития малых городов с угнетенными территориями на примере города Карабаш Челябинской области в рамках разработанной концепции Градостроительного развития Карабашского городского округа на период 2016–2021 гг., выполненной СООО-ОФ «Центр качества строительства».

В рамках данной концепции были даны предложения по улучшению экологической безопасности Карабашского городского округа:

− ликвидация несанкционированных свалок строительных и бытовых отходов на территории города площадью 10 га;

− восстановление растительного покрова на жилой территории;

− реабилитация рек Сак-Элга и Серебрянка;

− организация ливневых стоков со строительством ливневой канализации и очистных сооружений;

− понижение уровня грунтовых вод;

− обустройство оврагов.

Рассмотрены возможные способы решения этой проблемы с точки зрения градостроительства, градостроительной экологии и экономики. Экологам, градостроителям и властям города и Челябинской области Российской Федерации следует обратить внимание на поднятую проблему и немедленно принять все меры для вывода города Карабаш из экологического кризиса, решить проблему модернизации и экологии производства, а также разработать план по реконструкции и застройке нарушенных территорий в документах территориального планирования.

Рис. 5. Проекты восстановления природной среды города Карабаш (настоящее время – ожидаемый результат после рекультивации) [11]

Fig. 5. Restoration projects of for the natural environment of Karabash (current situation vs. expected result after reclamation) [11]

Литература

1. Интернет портал города Карабаш. Режим доступа: http://www.karabash74.ru (дата обращения: 10.01.2018).
2. Официальный сайт администрации Карабашского городского округа Челябинской области. Режим доступа: Http://Karabash.Eps74.Ru (дата обращения: 10.01.2018).
3. Новиков Ю. В. Экология, окружающая среда и человек: учеб. пособие для вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 320 с.
4. Маслов Н. В., Шумилов М. С. Экологические аспекты устойчивого развития городов // Коммунальное хозяйство городов. 2002. № 36. С. 163–167.
5. Об утверждении заключения экспертной комиссии по материалам оценки степени экологического неблагополучия окружающей среды и состояния здоровья населения и проекта Федеральной целевой программы первоочередных неотложных мер на 1996–2000 годы по выводу территории г.Карабаша из состояния экологического бедствия и оздоровлению населения. Приказ Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ от 25 июня 1996 г. № 299 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/9035640 (дата обращения: 10.01.2018).
6. Градостроительный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 30.12.2015) (с изм., вступ. в силу с 01.04.2015).
7. Дзугаев М. Д. Карабаш – город «экологического бедствия» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2003. Т. 9. № 2. С. 92–97.
8. Воробьёва Е. А., Першинова Л. Н. Территории зон экологического бедствия: восстановление или консервация? // Новшества в области гуманитарных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Тюмень, 25 декабря 2016 г. Нижний Новгород: Институт инновационных технологий, 2016. С. 5–9.
9. Михеев А. Н., Залесов С. В. Опыт лесной рекультивации в районе медеплавильного завода ЗАО «Карабашмедь» // Аграрный вестник Урала. 2013. № 4. С. 44–45.
10. Михеев А. Н. Лесная рекультивация нарушенных земель горных склонов в зоне влияния медеплавильного производства (на примере ЗАО «Карабашмедь»): автореф. дис. … канд. с.-х. наук; Уральский государственный лесотехнический университет. Екатеринбург, 2013. 20 с.
11. Надымов И. И. Анализ возможных способов рекультивации нарушенных территорий и экологически безопасного использования земельных ресурсов с точки зрения градостроительства и градостроительной реконструкции (на примере города Карабаш Челябинской области Российской Федерации) // Студенческий научный форум: международная студенческая научная конференция. 2018. Режим доступа: https://www.scienceforum.ru/2018/1/4445 (дата обращения: 10.01.2018).

DEVELOPMENT CHARACTERISTICS OF SMALL RUSSIAN TOWNS IN THE CONDITIONS OF ECOLOGICAL CRISIS: THE CASE OF KARABASH (CHELYABINSK REGION)

***Natalya F. Shneidmiller*[1, @1], *Galib R. Mamedov*[2, @2]**

[1] *Ural State University of Architecture and Arts, 23, Karl Liebknecht St., Ekaterinburg, Russia, 620075*
[2] *Sverdlovsk Regional Branch of the All-Russian Fund "Center for Building Quality", 68, Vostochnaya St., Ekaterinburg, Russia, 620075*
[@1] *shneidmiller80@mail.ru*
[@2] *mamedov_galib@mail.ru*

Received 29.01.2018. Accepted 17.04.2018.

Keyword: Karabash, Ecology, concept, forest park, natural complex, ecological safety, the oppressed territory.

Abstract: The research features the current development problems of small Russian towns with depressed territories as in the case of the town of Karabash (Chelyabinsk region). Management of such areas affected by negative factors poses a challenge for local authorities. It is necessary to change the approach in designing such territories and reveal their attractiveness in terms of urban planning. The article describes some urgent environmental, economic and social problems of small towns. The example of Karabash has allowed the authors to draw a number of conclusions on a complex assessment of the territory to identify depressed areas. The article structures the relevant modern trends and methods obtained from scientific literature. The authors offer possible solutions for the problems of depressed territories.

For citation: Shneidmiller N. F., Mamedov G. R. Osobennosti razvitiia malykh gorodov Rossii v usloviiakh ekologicheskogo krizisa na primere goroda Karabash Cheliabinskoi oblasti [Development Characteristics of Small Russian Towns in the Conditions of Ecological Crisis: the Case of Karabash (Chelyabinsk Region)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2018): 183–190. DOI:10.21603/2500-3372-2018-3-183-190.

References

1. *Internet portal goroda Karabash* [Internet portal of the city of Karabash]. Available at: http://www.karabash74.ru (accessed 10.01.2018).

2. *Ofitsial'nyi sait administratsii Karabashskogo gorodskogo okruga Cheliabinskoi oblasti* [The official site of the administration of the Karabash urban district of the Chelyabinsk region]. Available at: Http://Karabash.Eps74.Ru (accessed 10.01.2018).

3. Novikov Iu. V. *Ekologiia, okruzhaiushchaia sreda i chelovek* [Ecology, environment and people]. Moscow: Agentstvo «FAIR», 1998, 320.

4. Maslov N. V., Shumilov M. S. Ekologicheskie aspekty ustoichivogo razvitiia gorodov [Environmental aspects of sustainable urban development]. *Kommunal'noe khoziaistvo gorodov = Municipal economy of cities*, no. 36 (2002): 163–167.

5. *Ob utverzhdenii zakliucheniia ekspertnoi komissii po materialam otsenki stepeni ekologicheskogo neblagopoluchiia okruzhaiushchei sredy i sostoianiia zdorov'ia naseleniia i proekta Federal'noi tselevoi programmy pervoocherednykh neotlozhnykh mer na 1996–2000 gody po vyvodu territorii g.Karabasha iz sostoianiia ekologicheskogo bedstviia i ozdorovleniiu naseleniia* [On the approval of the expert commission conclusion on the assessment materials of the degree of environmental problems and the health status of the population and the draft Federal target program for urgent measures for 1996–2000 on the withdrawal of the Karabash territory from the status of ecological disaster zone and health improvement of the population]. Order of the Ministry of Environmental Protection and Natural Resources of the Russian Federation of June 25, 1996, No. 299. Available at: http://docs.cntd.ru/document/9035640 (accessed 10.01.2018).

6. *Gradostroitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Urban Development Code of the Russian Federation]. Federal Law No. 190-FZ of December 29, 2004 (as amended on December 30, 2015) (as amended, effective from 01.04.2015).

7. Dzugaev M. D. Karabash – gorod «ekologicheskogo bedstviia» [Karabash is a city of «ecological disaster»]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 9, no. 2 (2003): 92–97.

8. Vorob'eva E. A., Pershinova L. N. Territorii zon ekologicheskogo bedstviia: vosstanovlenie ili konservatsiia? [Territories of ecological disaster: restoration or conservation?]. *Novshestva v oblasti gumanitarnykh nauk: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tiumen', 25 dekabria 2016 g.* [Innovations in the Humanities: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. Tyumen, December 25, 2016]. Nizhnii Novgorod: Institut innovatsionnykh tekhnologii, 2016, 5–9.

9. Mikheev A. N., Zalesov C. B. Opyt lesnoi rekul'tivatsii v raione medeplavil'nogo zavoda ZAO «Karabashmed'» [Experience of forest reclamation in the area of copper smelter ZAO "Karabashmed"]. *Agrarnyi vestnik Urala = Agrarian herald of the Urals*, no. 4 (2013): 44–45.

10. Mikheev A. N. *Lesnaia rekul'tivatsiia narushennykh zemel' gornykh sklonov v zone vliianiia medeplavil'nogo proizvodstva (na primere ZAO «Karabashmed'»).* Avtoref. diss. kand. s.-kh. nauk [Forest reclamation of disturbed lands of mountain slopes in the zone of influence of copper smelting production (the case of ZAO Karabashmed). Cand. agricul. Sci. Diss. Abstr.]. Ural State Forestry University. Ekaterinburg, 2013, 20.

11. Nadymov I. I. Analiz vozmozhnykh sposobov rekul'tivatsii narushennykh territorii i ekologicheski bezopasnogo ispol'zovaniia zemel'nykh resursov s tochki zreniia gradostroitel'stva i gradostroitel'noi rekonstruktsii (na primere goroda Karabash Cheliabinskoi oblasti Rossiiskoi Federatsii) [Analysis of possible ways of reclamation of disturbed territories and ecologically safe use of land resources from the point of view of town-planning and town-planning reconstruction (the case of the town of Karabash in the Chelyabinsk region of the Russian Federation)]. *Studencheskii nauchnyi forum: mezhdunarodnaia studencheskaia nauchnaia konferentsiia* [Student Scientific Forum: Intern. Student Sc. Conf.]. 2018. Available at: https://www.scienceforum.ru/2018/1/4445 (accessed 10.01.2018).

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences.Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор;
Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor;
Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 18.04.2018. Формат А 4.
Дата выхода в свет 27.04.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 23,8. Уч.-изд. л. – 16.
Тираж 500 экз. Заказ № __
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Мичурина, 13А.